

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Том 10, № 4 (2023)

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2023

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала:

Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раз в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 22.12.2023.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.

E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:

355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

Volume 10, No. 4 (2023)

Published four times a year

Stavropol
2023

«Humanities and law research» journal

«Humanities and law research» journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of «Humanities and law research» journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of original articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal's activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

«Humanities and law research» journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal «Legal research» (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name «Humanities and law research».

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 12.22.2023.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol

355017. Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkina Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. – д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

- Каширина Т. В.** – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);
- Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Клычников Ю. Ю.** – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);
- Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Кузьминов П. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);
- Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);
- Мехди Хоссейни Тагиабад** – доцент факультета права и политических наук Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);
- Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);
- Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Позднышов А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);
- Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
- Радбиль Т. Б.** – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);
- Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);
- Савина В. С.** – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);
- Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Старилов Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);
- Цихорацкий П.** – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);
- Чаннов С. Е.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);
- Чичман Л.** – Университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия) (Будапешт, Венгрия);
- Шварц И.** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);
- Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);
- Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Ширяева Т. А.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH
Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaraş Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károly Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamenskii – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mehdi Hosseini – Associate Professor, Faculty of Law and Political Science, University of Tehran (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor István Széchenyi University (Győr, Hungary) (Budapest, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuхова – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the «North-Caucasus Federal University» Pyatigorsk, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Батмаев М.М. Хотоны Калмыцкого ханства XVIII в.	561
Белоусов С.С. Эвакуация населения в Астраханский округ Сталинградской области в 1941 – 1942 гг.	568
Дудайти А.К., Морshedлоо Д., Абдоллахи М. Россия и Иран на Южном Кавказе: проблемы и перспективы сотрудничества в сфере энергетической безопасности	575
Козлов С.С. Деятельность городского общественного управления Нахичевани-на-Дону по благоустройству города: больницы и санитарное состояние города во второй половине XIX в.	582
Колосовская Т.А., Жердев А.А. Этнография Кавказа в отражении коллекций Кавказского музея (вторая половина XIX – начало XX в.)	588
Кувшинов А.Н. Армия Российской империи как ретранслятор многовекторной мотивации в условиях Северного Кавказа первой половины XIX века	596
Матвеев О.В. Из историко-литературного наследия И.И. Дмитренко	601
Покотилова Т.Е. Благотворительная помощь пострадавшим в ходе Первой мировой войны: примеры общественно-государственного сотрудничества	614
Пономарева М.А., Руман А.С. Вопросы семьи и детства в 1940 – 1960-е гг., и их отражение на страницах периодической печати Ростовской области	621
Стулов А.Н. Торговая деятельность на Кубани в условиях свертывания НЭПа (1928 – 1929 гг.)	628
Танцевова А.В. «Открывая эпоху»: к 100-летию создания советского еженедельника «Огонек»	635
Тельменко Е.П. «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»: место и роль «детей» в духовно-нравственной реформе Савонаролы	644
Туфанов Е.В. Национальная политика советского партийного аппарата управления 1921 – 1950-е гг. (на материалах партийных съездов и конференций)	651
Чомаев З.А. Роль и место исторической науки в интеллектуальном наследии Арабского Востока VII – XII вв.	657
Шагиданова К.И. Армянский капитал в экономике Российской империи на рубеже XIX – XX вв.	664
Щербаков В.Ю. Женщины в праворадикальных партиях ФРГ в начале XXI века	669

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артамонова Е.А. Получение показаний посредством видео-конференц-связи от засекреченных лиц при производстве по уголовному делу	675
Зубков А. С. Меры административного принуждения, применяемые в области Строительства	682
Чудин С.В. Уголовная ответственность за создание террористической организации и участие в ней	689

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Грязнова В.М. Десемантизация как специфика обиходного общения	696
Гусаренко С.В., Гусаренко М.К. Метафора как речевое действие в фреймовой модели	705
Чушкаева З.И. Баоаньский язык: история изучения и место в классификации монгольских языков	711
Биньбинь Х. Лингвокультурный аспект китайских и английских терминов родства	720

РЕЦЕНЗИЯ

Еремин В.С. Многоликий доктор Джонсон (Рецензия на монографию Т.А. Косых «Сэмюэл Джонсон и его эпоха: Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 292 с.)	729
---	-----

ЮБИЛЕИ

Бабенко В.А., Колесникова М.Е. Археолог, педагог, наставник: к 80-летию Анатолия Васильевича Найденко	735
Мелконян А.А., Хачатрян К.Г. Институту истории Национальной академии наук Республики Армения 80 лет (1943–2023)	738

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Batmaev M.M. Khotons of the Kalmyk Khanate of the XVIII century	561
Belousov S.S. Evacuation of the population to the Astrakhan district of the Stalingrad region in 1941–1942	568
Dudayti A.K., Morshedloo J., Abdollahi M. Russia and Iran in the South Caucasus: problems and prospects for cooperation in the field of energy security	575
Kozlov S.S. Provision of urban amenities by the city public administration of Nakhichevan-on-Don: hospitals and the sanitary condition of the city in the second half of 19th century	582
Kolosovskaya T.A., Zherdev A.A. The Caucasus Ethnography in the Caucasus Museum Collections (second half of XIX – early XX cc.)	588
Kuvshinov A.N. The army of the Russian Empire as a provider of multi-vector motivation in the conditions of the North Caucasus in the first half of the 19th century	596
Matveyev O.V. On I. I. Dmitrenko's historical and literary heritage	601
Pokotilova T.E. Charitable assistance to those affected during the First World War: examples of public-state cooperation	614
Ponomareva M.A., Ruman A.S. Family and childhood issues in the 1940s and 1960s, and their reflection on the pages of the periodical press of the Rostov region	621
Stulov A.N. Trade in the Kuban in the conditions of the NEP curtailment (1928–1929)	628
Tantseva A.V. "Opening the era": to the 100th anniversary of establishing Soviet weekly magazine "Ogonyok"	635
Telmenko E.P. «Unless you are converted and become as little children, you will by no means enter the kingdom of heaven»: the place and role of "children" in the spiritual and moral reform of Savonarola	644
Tufanov E.V. National policy of the Soviet party administrative apparatus in 1921–1950s (based on materials from party congresses and conferences)	651
Chomaev Z.A. The role and place of historical science in the intellectual heritage of the Arab East in the 7th–12th centuries	657
Shagidanova K.I. Armenian capital in the economy of the Russian empire at the turn of the XIX–XX centuries	664
Shsherbakov V.Yu. Women in the right-wing radical parties of Germany at the beginning of the XXI century	669

LEGAL SCIENCES

Artamonova E.A. Obtaining testimony via video conference calls from classified persons during criminal proceedings	675
Zubkov A.S. Administrative coercive measures used in the field of construction	682
Chudin S.V. Criminal liability for the establishment of a terrorist organization and participation in it	689

PHILOLOGICAL SCIENCES

Gryaznova V.M. Desemantization as a specificity of everyday communication	696
Gusarenko S.V., Gusarenko M.K. Metaphor as a speech action in a frame model	705
Chushkaeva Z.I. The Baoan language: the history of study and the place in the classification of Mongolian languages	711
Bingbing H. Linguocultural Aspect of Chinese and English Kinship Terms	720

REVIEW

Eremin V.S. The Many Faces of Doctor Johnson (Review of the monograph by Samuel Johnson and his Era: Britain and the World through the eyes of an 18th-century English intellectual. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022. 292 p.)	729
---	-----

ANNIVERSARY

Babenko V.A., Kolesnikova M.E. Archaeologist, teacher, mentor: to the 80th anniversary of Anatoly Vasilievich Naidenko	735
Melkonyan A.A., Khachatryan K.G. To the 80th anniversary of the Institute of history of the National academy of sciences, Republic of Armenia (1943–2023)	738

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 94(47).06

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.1>

ХОТОНЫ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА XVIII В.

Максим Манчиевич Батмаев

Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста, 358000, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

nel_max73@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2233-0647>

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию малоизученной в историографии проблеме – хотонам (кочевым поселениям) Калмыцкого ханства XVIII в., которые одновременно являлись самыми мелкими административными единицами. **Материалы и методы.** Исследование основано на обширном комплексе архивных материалов, прежде всего, делопроизводственной переписке, в которой так или иначе отложились сведения о хотонах Калмыцкого ханства XVIII в., численности людей в них, степени родства и т.д. При анализе источникового и библиографического материала и при написании текста статьи применены историко-генетический, сравнительно-исторический, функциональный и описательный методы. **Анализ.** Анализ показал, что значительная часть хотонов состояла из 10–15 кибиток (семей), которые были связаны между собой родственными отношениями, в том числе находившихся на разных ступенях родственных отношений. Однако архивные документы показывают, что помимо обычных хотонов, состоявших из родственных семей, в XVIII в. в Калмыцком ханстве стали появляться кочевые поселения, состоящие из семей или отдельных людей, не связанных родственными узами и даже относящихся к разным субэтническим группам. Иногда в силу различных причин несколько хотонов могли объединяться и составлять отдельную группу из нескольких десятков кибиток, а в ряде случаев из-за чрезвычайных обстоятельств они могли составлять группы даже из нескольких сотен кибиток, правда, на короткое время. При этом

хотоны и другие кочевые группы хотонного типа кроме официальных властей имели и свое внутреннее общественное самоуправление, построенное на жизненном опыте и авторитете управленцев. **Результаты.** Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в социально-стратифицированном калмыцком обществе XVIII в. родоплеменные отношения начинают деформироваться под влиянием сложившихся обстоятельств.

Ключевые слова: социальная история, кочевое общество, монгольские народы, Калмыцкое ханство, кочевые группы, зайсанги, хотоны

Для цитирования: Батмаев М. М. Хотоны Калмыцкого ханства XVIII в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 561-567. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.1>

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания КалмНЦ РАН (проект № 122022700134-6 «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп»).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 19.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.09.2023.

Research article

KHOTONS OF THE KALMYK KHANATE OF THE XVIII CENTURY

Maksim M. Batmaev

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

nel_max73@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2233-0647>

Abstract. Introduction. The article analyzes a little-studied problem in historiography – khotons (nomadic settlements) the Kalmyk Khanate of the XVIII century, which at the same time were the smallest administrative units. **Materials and methods.** The study is based on an extensive set of archival materials, primarily clerical correspondence, which somehow deposited information about the khotons of the Kalmyk Khanate of the XVIII century, the number of people in them, the degree of kinship, etc. Historical-genetic, comparative-historical, functional and descriptive methods were used in the analysis of source and bibliographic material and in writing the text of the article. **Analysis.** The analysis showed that a significant part of khotons consisted of 10-15 kibits (families), which were connected with each other by kinship relations, including those who were at different levels of kinship relations. However, archival documents show that in the 18th century, in addition to ordinary khotons consisting of related families, nomadic settlements began to appear in the Kalmyk Khanate, consisting of families or individuals not related by kinship and even belonging to different sub-ethnic groups. Sometimes, for various reasons, several khotons could unite and form a separate group of several dozens of kibits, and

in some cases, due to extraordinary circumstances, they could form groups even of several hundred kibits, though for a short period. In addition to the official authorities, khotons and other nomadic groups of khoton type had their own internal public self-government built on the life experience and authority of their managers. **Results.** Thus, it can be concluded that in the socially stratified Kalmyk society of the XVIII century tribal relations began to deform under the influence of the prevailing circumstances.

Keywords: social history, nomadic society, Mongolian peoples, Kalmyk khanate, nomadic groups, zaisangs, khotons

For citation: Batmaev M. M. Khotons of the Kalmyk Khanate of the XVIII century. *Humanities and law research*. 2023;10(4): 561-567. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.1>

Acknowledgments: the reported study was prepared within the framework of the state assignment of the Kalmyk Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (project No. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups').

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.06.2023.

The article was approved after reviewing: 19.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.09.2023.

Введение. Научно-этнографические наблюдения, а затем и изучение жизни калмыков началось во второй половине XVIII в., хотя историей калмыцкой интересовался еще В. Н. Татищев, будучи астраханским губернатором в 1741–1745 гг. До этого он организовал в 1737 г. в Самаре татаро-калмыцкую школу [7], которая организовала ряд экспедиций для изучения окраинных территорий и их населения. Вторая экспедиция 1768–1774 гг. охватила районы Урала, Поволжья, Сибири, Персии и Китая. Руководил работой экспедиции П. С. Паллас (1741–1811), который вместе с учеными Иеригом, Георги, Лепехиным исследовал территорию и жителей Калмыкии. Двое последних и сам Паллас опубликовали результаты своих работ. Здесь же надо назвать работу В. М. Бакунина, которая хотя и была в основном закончена к 1761 г., но опубликована же в полном виде только в 1939 г. Наконец, полная версия труда В. М. Бакунина увидела свет сравнительно недавно, в 1995 г. [2]. Необходимо отметить, что в работах XVIII в. отсутствует теоретизирование: авторы просто описывали то, что видели.

В XIX в. количество опубликованных историко-этнографических работ о калмыках заметно увеличилось. Здесь в первую очередь надо отметить имена Н. Я. Бичурина (Иакинфа) [1], Ф. А. Бюлера [3], К. И. Костенкова [8], Н. А. Нефедьева [11], М. Г. Новолетова [12], А. М. Позднеева [14]. В отличие от работ XVIII в., авторы следующего столетия стремятся дать оценку действиям правящей верхушки калмыцкого народа, пытаются определить и выяснить причины развития событий. Вместе с тем, с методологической точки зрения они стояли на ошибочных позициях, а потому и не могли дать правильную оценку уровню общественно-политического развития калмыцкого народа. Так, например, П. Небольсин считал, что «калмыки принесли к нам из-за Алтая то же устройство, какое имели и все монголы. Устройство это было основано на началах патриархального родового их быта» [10, с. 7]. Такого мнения придерживались все дореволюционные калмыковеды.

В советское время стали безраздельно господствовать постулаты формационной теории, так называемого марксизма-ленинизма, критическое осмысление которой произошло на наших глазах. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в советское время развитие отечественной исторической науки продолжалось, в том числе, в частности, и монголоведения. Важной вехой на этом пути была посмертная публикация в 1934 году выдающегося труда Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», который вместе с другими его работами переиздан в 2002 году. Этот факт позволяет мне не останавливаться специально

на его теоретических взглядах; отмечу только, что он преувеличивал степень феодализации монгольского общества в рассматриваемое им время.

Изучение истории калмыцкого народа в 20-х – начале 30-х гг. XX в. связано с именем Н. Н. Пальмова. В 1922 г. вышел его первый обобщающий «Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России», а позже «Этюды по истории приволжских калмыков» в пяти частях, которые выходили в 1926 – 1932 гг. в г. Астрахани. Из работ, вышедших после восстановления калмыцкой автономии, где имеются точки соприкосновения с темой моей статьи, можно назвать работы У. Э. Эрдниева [15] и У. Душана [5].

Ныне все большее количество ученых-обществоведов становится приверженцами цивилизационной теории, которая в основу развития кочевых обществ ставит «цивилизационные факторы – этнокультурные связи и отношения, государственность, а не так называемые общие закономерности исторического процесса, рассматривают собственность на скот и землю в диалектическом единстве как основу стратификации, а не феодализации монгольского общества (куда относятся и калмыки – М.Б.), его исторической эволюции» [4, с. 6]. Я отношусь к сторонникам последних.

Материалы и методы. При анализе исторического и библиографического материала и при написании текста статьи применены историко-генетический, сравнительно-исторический, функциональный и описательный методы. Под историко-генетическим методом я подразумеваю объяснение содержания и сути того или иного состояния или явления, исходя из прошлых известных его состояний.

Сразу надо отметить, что упоминания о хотонах не так уж часты в просмотренных мною делах фонда 119 «Калмыцкие дела»; фонда И-1 «Главный пристав при калмыцком народе» Национального архива Республики Калмыкии (далее – НАРК); фонда И-35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии» НАРК; фонда И-36 «Состоящий при «Калмыцких делах» при астраханском губернаторе» НАРК. Тем не менее выявленные в архивах сведения позволили сделать некоторые обобщения и прийти к определенным выводам.

Анализ. Г. Е. Марков свидетельствует, что к эпохе Хубилая (1260–1294) «относится одно из первых упоминаний термина «хотон» как элемента общественной организации, получившего впоследствии широкое распространение». По его мнению, эти кочевые общины представляли собой «скорее всего самые мелкие племенные подразделения». Далее Г. Марков заявляет, что «племенная организация» продолжала суще-

ствовать у западных монголов, а значит и у калмыков, еще и в XIX в. «Представление о ней как о пережитке родового строя противоречит действительности, так как она является для кочевничества закономерным явлением» [9: 78–79]. В данном случае Г. Марков полемизирует с И. Я. Златкиным, который считал глубоко ошибочным «утверждение, что у монголов, и в частности у ойратов, сохранилась родоплеменная структура общества, что ойратские омоки дэрбэтов, хошоутов, торгоутов, чоросов, хойтов и др. представляли собой особые племенные общины» [6: 58].

П. Паллас сообщает, что хотоны (в его работе они называются хатунами) состояли из 10–12 кибиток, и к каждому из них «определены надзиратели, которые главному сайсангу их аймака, а сии своему нойону повиноваться должны» [13, с. 484–485]. Небольсин, не называя определенное число, писал: «Зародышем, основание рода был «хотон». Хотоном называется купа близких родственных семей, сообща, нераздельно живущих на данной местности» [10, с. 7]. В одном документе, где в примечании к калмыцкому письму упоминаются хотоны, пишется, что они состоят из десяти и менее кибиток [42, с. 245]. В советское время в целом также было принято считать, что хотоны насчитывали, самое большее, 10–15 кибиток и обитатели их были родственниками.

При работе с архивным материалом мною было замечено, что, действительно, если речь шла о хотонах, то количество кибиток в них было примерно равным принятому в исторической литературе. Однако в XVIII в. у калмыков были группы совместно кочующих кибиток, количество которых могло достигать до 70 и даже больше. Такие группы хотонами не назывались. Кем или чем они были?

Вот дает показания Габун Тодоев (из улуса хана Церен-Дондука) – сын зайсанга Тодоя. Летом 1731 г. Габун в трех кибитках «за скудостью своею» отошел от отца и жил на Татьянином острове. Перезимовав, он перешел на луговую сторону Волги и соединился со своим зятем Бахаем в улусе брата Дондук-Омбо Бокшурги. Однако осенью он расстался с зятем и пришел в Черный Яр, где и провел зиму 1732–1733 гг. Весной прикочевал к Черному Яру с улусом своим дербетский Лабан-Дондук, и Габун «пристал для кочевья с прочими калмыки разных улусов, которые кочевали при Черном же Яре, к тому улусу» [19, л. 148]. Габун был торгоутом и вряд ли в дербетах у него были родственники по крови.

23 июня 1747 г. дает показания Замба, Харцагаев сын, владения наместника Дондук-Даши, аймака зайсанга Собин Иши: кочевал он с калмыками разных зайсангов в десяти кибитках на луговой стороне Волги в урочище Сасыколи [23, л. 382]. Как видим, люди разных зайсангов, явно не родственники, а кочевали вместе.

11 января 1736 г. в Саратове у Калмыцких дел три крещеных калмыка объявили: нынешней зимой располагались они девятью кибитками с

другими крещеными на луговой стороне на реке Саратовке. В двух верстах от них сидели также крещеные в 19 кибитках, в том числе 2 кибитки некрещеных Галдан Данжинова владения. В любом случае не все они были родственниками [21, л. 4]. Габун Сюкеев долгое время «кочевал своею кибиткою по разным местам», а затем стал постоянно кочевать в урочище Алче в семи верстах от Красного Яра в числе четырех кибиток: тесть Галту, он и две семьи посторонних калмык [43, л. 43].

Для успешного кочевания хотоны на время могли объединяться. Один астраханский татарин шел по следам своих угнанных калмыками лошадей, и один след привел его к двум хотонам, расположенным друг против друга. Татарин просил старшин хотонов, знакомых ему, чтобы они ответили за след от своих хотонов, но они отказались [34, л. 431]. В другом случае совместно кочевали шесть хотонов [39, л. 263]. Нойон Бамбар писал руководителю Калмыцких дел И.А. Кишенскому, что казахи отогнали у кочующих на краю улусов трех хотонов 1000 лошадей [40, л. 67]. Иногда из-за чрезвычайных ситуаций в ограниченной местности могли на время скопиться сотни кибиток. Так, осенью 1761 г. поблизости верхнего Ахтубинского городка, правда на недолгое время, скопилось разных владений более пятисот кибиток [31, л. 118].

В одну темную ночь от Енотаевска был отогнан табун лошадей, за ними погнались драгуны и гнались до самых Мочагов, а это побережье Каспия. След привел преследователей в местность, где располагалось кочевье 60 кибиток, «а именно шабинерова улуса, а аймаку зайсанга Бордона, называемому Бунимергеню, да Зюнгорова улуса и Икицохурова улуса ж, в коем главным калмыченин Бунтур» [24, л. 157].

Кстати, здесь надо подробнее остановиться на том факте, что хотоны и другие кочевые группы хотонного типа, кроме официальных владений, имели и внутреннее общественное управление, построенное на жизненном опыте и авторитете. Например, подвластный нойона Яндыка Нима кочевал «кибиткою своею с прочими ... калмыками в тридцати кибитках, которые все находятся под смотрением дву человек рядовых калмык Доржи и Цаган Зана» [25, л. 233]. Дербетские Азов и Качали объявили А.П. Волынскому, что живут они «с товарищи сорок кибиток при Саратовке лет з дватцать», и что ныне желают креститься» [16, л. 155]. О том, что у них был зайсанг, ничего не говорится.

В приказе И.А. Кишенского казаку А. Болдыреву, посланному для привода людей, сказано: «...а чтоб они вам отданы были беспрепятственно и никто во оных не вступался, о том присем дается тебе от владельца Бамбара к улусным ево старикам за печатью письмо» [39, л. 205]. Некто Делек сказал в допросе, что живет... в числе четырех кибиток под присмотром

приставленного к ним... одного из старших калмык» [38, л. 356]. Пять дербетских старшин, которые самовольно перешли на нагорную сторону Волги, были арестованы и после допроса «наказаны плетью и отпущены» [40, л. 211]. При этом они не были зайсангами. Раз речь зашла о дербетах, надо отметить, что совместно могли кочевать представители разных этнополитических калмыцких объединений. Так, например, в 1741 г. дербетский нойон Лабан-Дондук оповещал П. Кольцова, что его люди, «Ханбулат с товарищи», кочевали в 43 кибитках при Малыковке, которых разграбили самарские казаки. Из тех кибиток 23 были Лабан-Дондука, «а прочие ханские» (то есть торгута Дондука-Омбо) [44: 844].

К сожалению, очень мало в источниках сведений о количестве и составе жителей хотонов. 1 апреля 1759 г. прикочевали к яицким форпостам из волжских калмыков «владения Эмчитова» зайсанга Лакбы Намсина 20 кибиток, в которых проживали 80 мужчин и 50 женщин [30, л. 175]. В другом случае говорится, что в 6 кибитках проживали 21 человек мужского и женского пола [28: 491]. Икицохуровский нойон Асархо подарил прапорщику С. Везелеву «в вечное владение» подвластного своего Болота с женой, двумя сыновьями и дочерью, в чем дал «калмыцкое за печатью письмо» [34, л. 305].

Состав жителей хотонов мог быть довольно пестрым. Например, вот состав хотона по данным допроса некоего 60-летнего Мухулая, Болотова сына, владения наместника ханства Убаши, зайсанга Тарбаи Баранга. Прикочевал он к Красному Яру в 25-летнем возрасте. Постепенно к нему подкочевали еще 6 кибиток Лозона Джамбы владения зайсанга Ачи Замьянга. Затем к ним присоединились вышедший из казахского плена Куска Гахаев со своими свойственниками: Бамбарова владения сват Гурте и Шеаренгова владения два зятя Тюмир и Манжи [43, л. 41].

Таким образом, можно сделать вывод, что, как показывают источники, даже не все хотоны строились на родственной основе. Появлялись хотоны, жители которых не все были родственниками, а что уж говорить о более крупных сообществах. Вместе с тем нужно отметить, что родственные отношения были еще сильны в калмыцком обществе XVIII в. Они охватывали большой круг людей, находившихся на различных ступенях родственной лестницы. Житель улуса Церен-Дондука «именем Дундук» приехал на один из форпостов «с женою, детьми и с родственниками, и со скотом своим в 26 кибитках и просил крещения» [20, л. 354].

Иногда родственные отношения подвластных регулировали даже нойоны. Так, дербетский нойон Галдан-Церен определил «называемого Габун Иши» начальником над родственниками, «и в том дал ему за печатью своею письмо». Такое же право в 1772 году было дано Тюдюну, младшему брату Габун Иши, уже нойоном Цибек-Убаши (сыном Галдан-Церена). «И при даче

вышеписанных от обоих владельцев писем свидетелями были судья Тогмид и зайсанг Орок, а ходатаем по сему делу был зайсанг Шунгурцук». Правомочность писем подтвердил и новый нойон Ценден-Дорджи, с тем условием, чтобы тот кроме детей своих с прочих родственников платил положенные подати [17, с. 176].

Босхомджи Кишиков, владения Дондук-Даши, Шабинерова улуса зайсанга Сойбин Иши, поехал по своему желанию в Черкасск к родственникам. Жил там два года, «кормился» у них и у знакомых. Из Черкасска, нанявшись вместо одного базового калмыка, поехал «в шведский поход» [25, л. 134]. Таких «волонтеров» было немало. Дербетский зайсанг Гуан Аю жаловался руководителю Калмыцких дел И.А. Кишенскому в октябре 1765 г., что аймачный его человек Зундуй Гецюль «по некоторым неосновательным проищам с родственниками своими в числе 35 кибиток от него отошел» [39, л. 341].

Иногда увольнительные письма давались человеку за довольно необычные дела. Калмык Иома получил такие письма от Церен-Дондука и от Дондук-Даши за то, что его старший брат Серке «в сожжении и собрании хана Аюки пепла оказал немалые труды, он, Иом, с родственниками в 21 кибитке, от податей и подвод уволен и велено ему в природных Баготовых улусах находится с покоем» [36, л. 29].

Вместе с тем нужно отметить, что во 2-й пол. XVIII в. появляются в архивных документах материалы, говорящие о появлении трещин в родственных отношениях калмыков. 25-летний Габун Чюрюмов в 1764 г. отъехал в Астрахань для найма в работу «у кого погодитца». Поработав с полмесяца, он заболел, взял расчет и до выздоровления жил за Волгой недалеко от Астрахани. Выздоровев, он решил креститься, так как его родной дядя, у которого он «для пропитания» взял две лошади, стал требовать 8 рублей долга за них. Так как у Габуна не было денег, то дядя вознамерился укрепить его «себе в холопство силою». Чтобы избежать этого, Габун решил за благо креститься [35, л. 78]. Абсолютно похожий случай произошел чуть ли не за 20 лет до этого. Барын Сюкеев ушел из улусов в Астрахань с родным дядей. В апреле 1774 г. дядя продал его на Цареве протоке туркмену за 13 рублей, а туркмен хотел продать его крымским татарам. Барын бежал от него и запросил крещения.

Отдельный человек действовал под влиянием и даже под давлением складывающихся обстоятельств и своего индивидуального выбора. Не всегда обстоятельства складывались благоприятно, не всегда выбор был удачным.

Начнем с некоего Амрака Шараева, который прожил до дня его допроса обычную для того времени и его социального положения жизнь. Отец его родился в улусе дербетского главного нойона Четера, откуда ушел в Черкасск, где и родился Амрак. Из Черкасска отец привез малолетнего Амрака в тот же Четерев

улус и, прожив там несколько лет, бежал в улус Дондука-Омбо. Эти метания родителя указывают на его беспокойный характер. Действительно, в скором времени родитель бежал в Саратов, бросив Амрака. На момент допроса отец был жив, был крещеным и продолжал жить со вторым крещеным сыном и с малолетним внуком Баяном, сыном Амрака в Саратове.

Амрак же после бегства отца продолжал жить в улусе Дондука-Омбо у зайсанга Чолона, который женил его на своей аймачной калмычке и причислил его к своим аймачным людям, и стал брать с него положенные подати [18: 440]. 16 мая 1729 г., будучи на калмыцком торгу против Саратова, Амрак встретил своего крещеного брата Хачали, у которого проживал их отец. Амрак пожаловался брату, «что владелец меня оставил и я ныне оскудал и желаю креститца» [18, л. 441].

Отыскали и допросили отца Амрака Шарая Цойхошева. По его показаниям, он родился в улусе Мунко-Темира, от роду ему было 80 лет. Еще при жизни его нойона, Шарай, будучи 17 лет от роду, бежал в Черкасск вместе с матерью, которую увез с собой брат ее, е его дядя, и жили они там 23 года. Женился 23 лет в Черкаске на купленной калмычке Замсе, которую купил там же у одного казаха, и потом вместе с ней крестился. 43 года назад жена умерла в Черкаске. Позже Шарай женился вторично 33 года назад. Из Черкасса обратно в улус он попал следующим образом: Черкес, брат Мунко-Темира, откочевал за Дон на реку Аксай, вместе с ним приковывал отец первой его жены, которому Шарай отдал на воспитание двухлетнего сына, а сам на время отъехал к заволжским калмыкам. Между тем Мунко-Темир «поимал» брата Черкеса, а улус его привел за Волгу, и таким образом Шарай и сын его Амрак в улусах и остались [18, л. 446 – 449].

Были люди, которым не повезло чуть ли не с младенчества. Например, один из таких бедолаг решил креститься и в допросе при выяснении сопутствующих обстоятельств показал, что ему 35 лет, а живет «с самого его малолетства при протчих калмыках близ моря, астраханского Спасова монастыря при учуге, имянуемом Чурке, по найму у астраханского купца Василья Варварова» [37, л. 44]. В 1762 г. пожелал креститься Кобенъ, Очилов сын, 47 лет, владения наместника Убаши, Керетева улуса, аймака зайсанга Шарапа Доржи. Из дальнейших его показаний выясняется, что родители его умерли, когда ему было 13 лет. Зайсанг продал его гелюгу Лузану, а тот женил его «на имеющейся у него в холопстве девке, с которой прижил детей; трех сыновей и трех дочерей» [32, л. 168]. Гелюнг начал продавать детей, и Кобен обратился к русским властям: были отправлены в Ставрополь на Волге [32, л. 169].

Крещенный Петр Иванов, задержанный на Дону, показал, что до крещения звался Бютюк

Самтанов, родом из Багацохуровского улуса. По смерти родителей остался малолетним и находился при дядьях, которые были котечинерами, то есть домовыми владельческими служителями. Когда багацохуровскую Церен-Балзуру, сестру Цебек-Доржи, отдавали за дербетского Гюнгю, то в приданое за неё отдали дядьев Петра. Когда после смерти Гюнгя, Церен-Балзуру вернули к родственникам, с нею ушли и дядья, а Петр по каким-то причинам остался в дербетах. После он попал в Ставрополь-на-Волге, где и был крещен [41, л. 760]. Жакба Абданов имел кочевье около Красного Яра в степи своею кибиткою и находился в пастьбе скотского стада у красноярского купца Я. Вакурова лет с тридцать без всякой платы [33, л. 46].

Некий Габун Назаров доносил В.Н. Татищеву, бывшему в первой половине 40-х годов XVIII в. астраханским губернатором, что купил у сына одного зайсанга трех лошадей за 13 рублей. Лошади оказались краденными. Во время продажи их Габуну в Астрахани, один татарин опознал лошадей и, поймав злополучного продавца, передал его даргам, которые следили за порядком на торгу. Габун Назаров объяснил им, что купил лошадей у Габуна Доржи, но тот стал отрицать указанный факт. Тогда, по обычаю, ему предложили подтвердить свидетельство через держание горячего топора рукой. Через положенные трое суток признаков виновности на руке не обнаружилось, и его отпустили. Габуна же Назарова связали арканом и на груди привязали седло и спрашивали, «с кем он тех лошадей крал и где жил после воровства». Наконец, его хотели везти к ханше Дарме-Бале на суд, «и убоясь, что ему по приводе не миновать тяжкого себе наказания, ночью бежал» [22, л. 140].

Недостаточность мер, предпринимаемых по законам уложения 1649 г., понимал и наместник Дондук-Даши. В декабре 1749 г. он писал губернатору И.А. Брылкину, имея в виду различного рода преступников: «Некоторых хотя и сыскиваем, но мы их штрафуем по древнему нашему обыкновению, отчего им подлинно уняться и в чюство притти неможно, чего для у великой государыни судного права я и прошу, о чем приложу старание чрез доношение таково судное право прошу исходатайствовать» [26, л. 529].

В этом же письме наместник отмечал, что их подвластные, не имеющие скота и живущие рыбной ловлей, живут далеко за Волгой и ведут себя как бы не имеющие над собой власти владельцев и зайсангов, а морс кую воду и камыши имеют себе за крепости, «к которым хотя и наши посланцы ездят, но они де не токмо что краденое, но и свой скот в такие места за воды и камыши упрятывают, что человеку того никак признать не можно, и живут так, якобы ничего у себя не имеют» [26, л. 528].

С самого начала XVIII в. интенсивно начал развиваться процесс отхода части калмыцкого

населения от классического кочевого скотоводства. По тем или иным обстоятельствам калмыки стали все больше заниматься отходничеством, рыболовством и земледелием. К середине века процесс этот зашел так далеко, что сам наместник писал астраханскому губернатору А.С. Жилину, что его подвластные делятся на две части: которые кочуют близ Астрахани (так сказать – речные) и степные [29, л. 212 – 213]. В связи с таким создавшимся положением наместник и губернатор пришли к соглашению, что долговые деньги с калмыков, кочующих близ Астрахани, будут собирать бодокчеи, а со степных – Н. Спицын и определенный от наместника поверенный [29, л. 213].

В связи с увеличением различных житейских контактов между калмыками и соседним российским населением, участились и случаи неприязней и недоразумений, которые по терминологии тогдашнего времени назывались в офи-

циальных документах «воровством и грабительством». Российское правительство и местная русская администрация при регулировании их больше уповали на силовые методы. Наместник в одном разговоре с Н. Спицыным успокаивающе заявил: «...ныне для того пресечения воровства и грабительства намерен при тех бедных калмыках определить при десяти кибитках десятника и поручить в смотрение их, чтоб они без ведома... своих десятников никуда не ездили» [27, л. 43].

Результаты. Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. В калмыцком обществе XVIII в. не было проявлений родоплеменных отношений. Оно было сословно-стратифицированным. Даже правила и обычаи, вытекающие из факта биологического родства, начали деформироваться под влиянием правил господства и подчинения, которые действовали в реальной калмыцкой повседневности.

Литература

- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. 1846. Т. 47–49. № 7–8, 10–11.
- Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. Вып. 1. С. 5–89.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 333 с.
- История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 435 с.
- Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: МГУ, 1976. 320 с.
- Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1839. VIII+290 с.
- Новолетов М. Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Изд. владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Тундудова, 1884. 79 с.
- Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. АН, 1773. 117 с.
- Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244. Март. Отд. 2. С. 140–171.
- Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): Историко-этнографические очерки. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. 312 с.
- Архив внешней политики Российской империи. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 6.
- Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. И-35. Оп. 1. Д. 94.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 50.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 68.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 220.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 221.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 230.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 236.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 242.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 253.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 275.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 337.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 339.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 357.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 361.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 363.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 373.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 374.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 407.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 409.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 430.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 437.

References

1. Bichurin N. Ya. (Iakinf). Historical review of the Oirats or Kalmyks from the XV century to the present. Elista: Kalmykia Book Publ.; 1991. 128 p. (In Russ.).
2. Bakunin V. M. Description of the Kalmyk peoples, and especially of them the Torgout and the deeds of their khans and owners: an essay of 1761. Elista: Kalmykia Book Publ.; 1995. 153 p. (In Russ.).
3. Byuler F. A. Nomadic and sedentary foreigners living in the Astrakhan province. *Otechestvennye zapiski*. 1846;(47-49):7-8, 10-11. (In Russ.).
4. Vladimircov B. Ya. Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples. Moscow: Oriental Literature; 2002. 557 p. (In Russ.).
5. Dushan U. Customs and rituals of pre-revolutionary Kalmykia. In Ethnographic collection. Part 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History; 1976. P. 5-89. (In Russ.).
6. Zlatkin I. Ya. History of the Dzungarian Khanate. 1635-1758. Moscow: Science; 1983. 333 p. (In Russ.).
7. The history of Russian Oriental studies until the middle of the XIX century. Moscow: Science; 1990. 435 p. (In Russ.).
8. Kostenkov K. I. Historical and statistical information about the Kalmyks nomadic in the Astrakhan province. St. Petersburg: Ministry of State Property; 1870. 171 p. (In Russ.).
9. Markov G. E. Nomads of Asia. Structure of the economy and public organization. Moscow: Moscow State University; 1976. 320 p. (In Russ.).
10. Nebol'sin P. I. Essays on the life of the Kalmyks of the Khosheutovsky ulus, compiled by Pavel Nebolsin. St. Petersburg: Printing house of K. Kraj; 1852. 192 p. (In Russ.).
11. Nefed'ev N. A. Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot by N. Nefediev. St. Petersburg: Printing house of K. Kraj; 1839. VIII. 290 p. (In Russ.).
12. Novoletov M. Kalmyks. Historical essay. St. Petersburg, Printing house of Tseren-David Tundutov; 1884. 79 p. (In Russ.).
13. Pallas P. S. Travel to different provinces of the Russian Empire. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1773. 117 p. (In Russ.).
14. Pozdneev A. M. Astrakhan Kalmyks and their attitude to Russia before the beginning of this century. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1886;244(2):140-171. (In Russ.).
15. Erdniev U. E. Kalmyks (late XIX – early XX centuries: Historical and ethnographic essays). Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History; 1970. 312 p. (In Russ.).
16. Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. F. 119. Inv. 1. 1723 g. D. 6. (In Russ.).
17. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). F. I-35. Inv. 1. D. 94. (In Russ.).
18. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 35. (In Russ.).
19. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 50. (In Russ.).
20. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 68. (In Russ.).
21. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 79. (In Russ.).
22. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 142. (In Russ.).
23. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 220. (In Russ.).
24. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 221. (In Russ.).
25. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 230. (In Russ.).
26. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 236. (In Russ.).
27. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 242. (In Russ.).
28. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 253. (In Russ.).
29. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 275. (In Russ.).
30. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 321. (In Russ.).
31. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 337. (In Russ.).
32. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 339. (In Russ.).
33. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 351. (In Russ.).
34. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 356. (In Russ.).
35. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 357. (In Russ.).
36. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 361. (In Russ.).
37. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 363. (In Russ.).
38. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 373. (In Russ.).
39. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 374. (In Russ.).
40. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 386. (In Russ.).
41. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 407. (In Russ.).
42. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 409. (In Russ.).
43. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 430. (In Russ.).
44. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 437. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (47) 084. 8

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.2>

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В АСТРАХАНСКИЙ ОКРУГ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1942 ГГ.

Сергей Степанович Белоусов

Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, Элиста, 358000, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

sbelousovelista@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7614-3516>

Аннотация. Введение. История эвакуации в СССР в годы Великой Отечественной малоисследована как в целом по стране, так и по её отдельным регионам. Между тем изучение опыта организованных государством переселений в годы войн и вооруженных конфликтов обогащает наши теоретические знания о политике властей в чрезвычайных обстоятельствах, и приобретает определенную практическую значимость в связи вынужденными массовыми перемещениями населения на территориях отдельных бывших советских республик, порожденных в большой степени вооруженными конфликтами. Хронологические рамки статьи охватывают период с 22 июня 1941 г. до конца 1942, когда началось наступление советских войск под Сталинградом, поэтому проблема эвакуации утратила свою актуальность. **Материалы и методы.** В основе материалов исследования лежат документы Государственного архива Астраханской области. Исследование проведено на основе сравнительно-исторического и генетического – исторического методов познания. **Анализ.** В ходе исследования выделены хронологические периоды эвакуации в Астраханском округе в годы Великой Отечественной войны, показаны структура управления эвакуационными процессами и политика властей, определены численность эвакуированного населения и места выхода, выявлены национальный состав вынужденных переселенцев и география расселения для прибывших. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что Астраханский округ являлся районом приёма эвакуированного

населения и одновременно выселения и транзита в другие регионы. Эвакуация носила организованный характер. В условиях массового наплыва эвакуированных Астраханский округ столкнулся с большими трудностями их приёма и отправки в другие места. Они были связаны с небольшими размерами территории округа, недостаточной развитостью социально-промышленной инфраструктуры и отсутствием достаточных финансовых средств. Поэтому не удалось избежать голода и даже смертей от него среди эвакуированных, эпидемиологических заболеваний, бытового неустройства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Астраханский округ, 1941–1942 годы, эвакуация населения

Для цитирования: Белоусов С. С. Эвакуация населения в Астраханский округ Сталинградской области в 1941–1942 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 568–574. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.2>

Благодарности: работа выполнена в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 23.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

Research article

EVACUATION OF THE POPULATION TO THE ASTRAKHAN DISTRICT OF THE STALINGRAD REGION IN 1941–1942

Sergey S. Belousov

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (8, I. K. Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

sbelousovelista@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7614-3516>

Abstract. Introduction. The history of evacuation to the USSR during the Great Patriotic War has been studied insufficiently both in the whole country and in its individual regions. Meanwhile, the study of the experience of state-organized resettlement during the years of wars and armed conflicts enriches theoretical knowledge about the policy of the authorities in emergency circumstances, and acquires a certain practical significance in connection with forced mass population movements in the territories of certain former Soviet republics, generated to a large extent by armed conflicts. The chronological framework of the article covers the period from June 22, 1941 to the end of 1942, when the offensive of Soviet troops near Stalingrad began, so the problem of evacuation has lost its relevance. **Materials and methods.** The research materials are based on the documents of the State Archive of the Astrakhan region. The study was conducted on the basis of comparative-historical and genetic-historical methods of cognition. **Analysis.** The study highlights the chronological periods of evacuation in the Astrakhan district during the Great Patriotic War, shows the management

structure of evacuation processes and the policy of the authorities, determines the number of evacuated population and exit points, identifies the national composition of internally displaced persons and the geography of settlement for arrivals. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that the Astrakhan district was the area of reception of the evacuated population and, at the same time, eviction and transit to other regions. The evacuation was carried out in an organized manner. In the conditions of a massive influx of evacuees, the Astrakhan district faced great difficulties in receiving them and sending them to other places. They were associated with the small size of the territory, lack of social and industrial infrastructure and lack of sufficient financial resources. Therefore, it was not possible to avoid starvation and lethal cases among the evacuated, epidemiological diseases and domestic disorder.

Keywords: the Great Patriotic War, Astrakhan district, 1941–1942, evacuation of the population

For citation: Belousov S. S. Evacuation of the population to the Astrakhan district of the Stalingrad region in 1941 – 1942.

Humanities and law research. 2023;10(4): P. 568-574. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.2>

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of a state subsidy – the project "The South-Eastern belt of Russia: a study of the political and cultural history of social communities and groups" (state registration number: 122022700134-6).

Введение. Изучение эвакуации населения представляет научный интерес для исследователей, занимающихся вопросами внутренней государственной политики, особенно в годы чрезвычайных обстоятельств, и обогащает конкретным материалом теории по истории политики государства. Опыт действий властей по эвакуации населения в годы войн, особенно в постсоветскую эпоху, может быть полезен с поправками на конкретную ситуацию для органов государственной власти.

В рамках истории Великой Отечественной войны эвакуационная проблематика для исследователей не являлась приоритетной, поэтому работ по данной теме было написано немного. Среди работ, посвященных эвакуации в целом и в отдельные регионы, необходимо отметить монографии «Эшелоны идут на восток» [25], М. И. Лихоманова [22], М. Н. Потемкиной [23], статьи по эвакуации населения Г. А. Куманева [21, с. 60–81], М. Н. Потемкиной [24, с. 219–226]. Публикации указанных авторов, однако, почти не содержат материала об эвакуации в Астраханский округ. Специальные же работы по эвакуации населения в Астраханский округ в годы войны отсутствуют, поэтому предлагаемая статья является в этом плане первой в историографии. Она посвящена периоду эвакуации населения в 1941 и 1942 гг., когда в Астраханский округ прибыло в массовом порядке большое количество населения.

Исследование призвано показать структуру управления эвакуационными процессами, осветить политику властей, раскрыть численность эвакуированного населения и определить места их выхода, национальный состав вынужденных переселенцев и географию расселения на новом месте.

Материалы и методы. По истории эвакуации в Астраханский округ в годы Великой Отечественной войны отсутствуют научные публикации, поэтому в процессе исследования пришлось в основном опираться на архивные.

В процессе подготовки статьи были в основном использованы материалы фондов Р-6 (Исполнительный комитет Астраханского городского Совета депутатов трудящихся), Р-1095 (Исполнительный комитет Астраханского Совета депутатов трудящихся), П-6 (Астраханский окружной комитет ВКП (б)) и П-10 (Астраханский городской комитет обороны), Государственного архива Астраханской области. Перечисленные фонды содержат делопроизводственные документы и письма эвакуированных.

Исследование проведено на основе сравнительно-исторического и генетически – исторического методов познания.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.05.2023.

The article was approved after reviewing: 23.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

Анализ. Великая Отечественная война повысила интенсивность миграционных процессов и активизировала переселенческую политику государства. Для эвакуации населения, промышленных предприятий и культурных ценностей 24 июня 1941 г. при Совете народных комиссаров СССР (СНК СССР) был учрежден Совет по эвакуации, в составе которого 26 сентября 1941 г. было образовано Управление по эвакуации населения – специальная структура, сосредоточившая свое внимание на вопросах организации эвакуации населения и его размещения в новых местах.

С началом войны в Астраханский округ начали прибывать тысячи эвакуированных людей из западных районов страны. Часть вынужденных переселенцев направляли в них на постоянное жительство, но многих перебрасывали в г. Гурьев, для последующего размещения на территории Казахстана.

С началом войны Астраханский округ был отнесен к категории принимающего эвакуированное население, поэтому перед местными властями встала сложная задача приёма, расселения, трудоустройства и обеспечения беженцев всем необходимым для жизни.

7 июля 1941 г. исполком Астраханского городского Совета трудящихся, в преддверии прибытия первых партий эвакуированных, выделил для них бывшие помещения учебного комбината и одноэтажное здание (300 кв. м. из 5 комнат), и поручил Астраханскому городскому совету социального обеспечения подготовить смету расходов на их содержание в размере 4–5 тыс. руб. ГАО. [6, л. 32]. 10 июля 1941 г. он же постановил за счет сокращения бюджета города предоставить ещё 20 тыс. руб. для устройства эвакуированного населения [7, л. 26]. Для размещения командно-политического состава и их семей до 18 июля должны были быть подобраны 500 квартир за счёт уплотнения частных квартир и выделения квартир домоуправления [8, л. 7].

Для приёма и оказания помощи беженцам исполком Сталинградского областного Совета трудящихся организовал на территории Астраханского округа, который в рассматриваемое время входил в состав Сталинградской области, два эвакуационных пункта (эвакопункта) – в с. Владимировке и в г. Астрахани. На содержание их штатов советское правительство ассигновало каждому из них на срок до трёх месяцев по 44 438 руб. Расходы на оборудование помещений для эвакопунктов, на медицинское обслуживание (медобслуживание), санитарную обработку (санобработку), приобретение медикамен-

тов, на транспорт были возложены на Астраханский окружной Совет трудящихся [12, л. 85].

В первые месяцы войны из-за продолжавшегося стремительного отступления Красной Армии поток эвакуированных в тыловые районы усилился, поэтому правительство СССР увеличило разнарядку по приёму вынужденных переселенцев на местах. В конце августа 1941 г. Сталинградская область дополнительно получила для расселения 75 000 чел.; из них 17 000 чел. было решено разместить в Камызякском, Икрянинском, Красноярском и Наримановском районах Астраханского округа. Районные исполкомы обязали обеспечить быструю разгрузку эшелонов прибывших, выделить транспорт, провести санобработку и привлечь эвакуированных к полевым и другим видам работ [13, л. 21].

Для оказания помощи прибывающему в Астраханский округ населению исполком Сталинградского областного Совета трудящихся 16 октября 1941 г. передал из средств общесоюзного бюджета 42 000 руб. и 5 000 руб. непосредственно городу Астрахани. Каждой семье установили сумму в размере, не превышающей 100 руб. и запретили властям расходовать полагающиеся эвакуированным деньги на иные цели, не допускать не освоения средств и ежедекадно отчитываться о них.

Очевидно, что многие выделенные деньги не дошли до цели, поскольку со стороны вынужденных переселенцев пришло много жалоб в органы власти о неполучении предназначенных им выплат [13, л. 256].

Важной задачей для окружных властей стало обеспечение эвакуированных жилыми помещениями для проживания, которых в условиях постоянного прибытия вынужденных переселенцев перестало хватать. Чтобы преодолеть острый дефицит жилья, исполком Астраханского городского Совета трудящихся 16 октября 1941 г. распорядился приступить к строительству полуземлянок в Микояновском районе г. Астрахани [9, л. 19].

Принятых мер, однако, оказалось недостаточно, и по мере прибытия новых партий эвакуированных, ситуация усугублялась ещё более. Накануне наступления холодов, к ноябрю 1941 г., в г. Астрахани скопилось большое количество прибывших на поселение в округ и следовавших транзитом в Казахстан переселенцев. Они заняли оставшиеся свободными жилые постройки, а 2500 чел. разместились прямо на вокзалах пристани № 17 и в помещениях летнего типа, непригодных для проживания в условиях зимнего времени.

Люди жили в большой скученности, не были обеспечены достаточным количеством кипячённой воды, не хватало уборных и воды для элементарного личного туалета. Среди них появились беспризорники, которые собирались в вокзалы на ночлежку. В числе эвакуированных имелись больные желудочно-кишечными и простудными забо-

леваниями, а также резко ослабленные, истощённые люди, которые лежали на полу без всякого самостоятельного движения, брошенные или оставленные родственниками. Некоторые из эвакуированных по 4–5 дней не получали хлеба и не имели никаких других продуктов питания.

Сред лиц, находящихся на пристани, была большая пораженность педикулёзом. Большая скученность и малая мощность, имеющегося на пристани дезинфекционного оборудования, не позволяли провести надлежащим образом санитарную дезинфекционную обработку (сандезобработку). Ею были охвачены лишь 5–7 % всего населения пристани, а т. к. после сандезобработки обработанные вынуждены были возвращаться опять на вокзалы и вновь вступали в неизбежные контакты с необработанными, то вполне понятно, эффективность данных санитарных мер была незначительной [3, л. 64].

Вследствие тяжёлых условий жизни среди эвакуированных наблюдалась повышенная смертность. Ежедневно на пристани умирали люди. Только в период с 11 по 26 ноября 1941 г. там было зарегистрировано 27 случаев, не считая умерших из числа госпитализированных в лечебные учреждения городского и водного здравоохранения.

Сложившаяся ситуация на 17-й пристани грозила вспышкой эпидемии сыпного и брюшного тифов, которая могла перебраться также на городское население [3, л. 64 об.].

Созданный 22 октября 1941 г. по решению Сталинградского обкома ВКП (б) в г. Астрахани Комитет обороны, который объединил гражданское и военное руководство округа, вынужден был обратиться на эту проблему серьёзно внимание. 3 ноября 1941 г. он дал указание руководителям соответствующих астраханских государственных структур в течение одних суток разгрузить территорию 17-й пристани и судов от людей, временно разместив эвакуированных в зданиях 17-й пристани, на городском стадионе, в лагере ОСОВИАХИМА, в здании бывшего Театра одного зрителя, в клубах «Красный Восток» и с. Бахтемир [2, л. 20], упорядочить дело контроля и учета выдачи талонов на обед и хлеб, провести санитарную дезинфекцию и улучшить медицинское обслуживание, организовать форсированными темпами отправку, и в первую очередь семей красноармейцев и начальствующего состава, женщин, детей и стариков, в города Гурьев и Красноводск [2, л. 20 об.].

Положение с отправкой транзитных эвакуированных обострилось, когда в первой половине ноября 1941 г. начался ледостав на Урало-Каспийском судоходном канале и стало невозможно по этой причине осуществлять перевозку эвакуированного населения из Каспийского моря в город Гурьев (ныне г. Атырау Казахстана). Упомянутый канал проходил по р. Урал на расстоянии 56 км. и связывал море с г. Гурьевым. Между тем

в г. Астрахани и на Гурьевском рейде в то время скопилось до 30 000 человек.

15 ноября 1941 г. Астраханский государственный комитет обороны (АГКО) принимает решение о быстрейшем выводе застрявшего во льдах флота с эвакуантскими пассажирами и переключает суда, которыми перевозилось эвакуированное население в город Гурьев, на перевозку в порт города Красноводск в Туркменской ССР.

В связи с замерзанием Гурьевского рейда и прекращением движения пароходов, АГКО попросил руководство Наркомата путей сообщения увеличить подачу эшелонов в город Астрахань для перевозки вынужденных переселенцев. Астраханскому исполнительному городскому комитету было предписано немедленно провести временное размещение эвакуированных в приспособленных для проживания людей помещениях, и не допускать в них антисанитарию, отсутствие кипяченой воды и т. д. А на торговые предприятия речного транспорта и города возложили задачу обеспечить не менее одного раза в сутки эвакуированное население, находящееся на 17-й пристани, горячей пищей и сухим пайком, а городским торговым было предписано организовать немедленно во всех общежитиях, занятых эвакуированными, торговлю хлебом, холодными закусками, чаем и т. д. [2, л. 34 об.].

Но этих мер тоже оказалось недостаточно и к тому же они запоздали. Сезонная навигация водного транспорта закрылась, а железнодорожное ведомство не смогло предоставить необходимое количество поездов для отправки, эвакуированных в Среднюю Азию. В этих условиях Астраханскому окружному Совету депутатов, трудящихся пришлось принимать срочные меры по размещению не вывезенного населения на территории округа. 27 ноября 1941 г. он постановил в течение 5-ти дней расселить эвакуированных, находящихся на 17-й пристани и в общежитиях города Астрахани, в Трусовском, Сталинском, Микояновском и Кировском районах города (3000 чел.) и в сельских Наримановском, Харабалинском, Камызякском, Икрянинском и Красновском районах (6200 чел.) [15, л. 348]. Председателям исполкомов вновь поручили уплотнить дома эвакуированными в частном секторе и предоставить коммунальные квартиры. Одновременно предписывалось провести санобработку эвакуированных [15, л. 348], устроить больных в городские больницы, а инфицированных разместить в школе № 88, где организовать стационар на 100 коек. Сирот до 14 лет должны были разместить по детским домам, а всех трудоспособных обеспечить работой [15, л. 349]. На следующий день, 28 ноября 1941 г., Совет по эвакуации прислал распоряжение, обязавшее астраханские власти принять на поселение на левом берегу Волги в пределах Астраханского округа 18 000 чел., и обеспечить их вещами, питанием и работой [13, л. 356].

Успехи, достигнутые Красной Армией в битве с немецкими войсками под Москвой, их переход 5 декабря 1941 г. в контрнаступление

остановили продолжавшиеся с 22 июня 1941 г. наступление гитлеровцев и захват новых территорий. Это привело к резкому сокращению потока эвакуированного населения и выдвинуло на первый план задачу его хозяйственного обустройства. 25 декабря 1941 г. Государственный комитет обороны СССР расформировал Совет по эвакуации СССР, а 31 января 1942 г. упразднил Управление по эвакуации населения. Вместо последнего 20 февраля 1942 г. при СНК РСФСР был учрежден Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения. На местах в качестве управленческих структур в составе исполкомов Советов депутатов трудящихся были созданы Отделы по хозяйственному устройству эвакуированного населения.

10 марта 1942 г. в Сталинградской области был ликвидирован аппарат уполномоченного Управления по эвакуации населения по Сталинградской области и на его основе создан отдел по хозяйственному устройству при Сталинградском облисполкоме. В новую структуру вошло большинство сотрудников бывшего органа, но их содержание перевели на местный бюджет [10, л. 25]. Исполком Сталинградского областного совета трудящихся с 1 апреля 1942 г. сократил количество эвакуопунктов в области. Их закрыли в городах Калаче, Камышине Сталинградской области и в селе Владимировке Астраханского округа. В новой структуре должности были сохранены для 25 сотрудников в г. Сталинграде и 18 – в г. Астрахани [14, л. 140]. В Астраханском округе эвакуопункт, таким образом, остался только в г. Астрахани, 9 января 1942 г. его перевели в ведение Астраханского исполнительного комитета депутатов трудящихся [11, л. 5].

Одним из первых мероприятий нового органа управления в Астраханском округе стало установление достоверной численности эвакуированного населения, поэтому был проведен его переучет. Согласно его материалам по состоянию на 20 января 1942 г. в Астраханском округе числилось 41 402 чел. эвакуированных, но эти данные оказались неточными. Полученные материалы резко отличались между собой и не только не давали полного представления об эвакуации населения, но и вносили путаницу [20, л. 7].

В ходе переучёта вскрылись факты бездушного отношения местных властей к нуждам эвакуированных, ущемления в обеспечении продовольствием, невыдачи положенных денежных пособий и неоказания материальной помощи. Так в с. Началове из числа прибывших на поселение в его четыре крупных колхоза устроены были только 131 чел. Сельсовет не организовал продовольственное снабжение эвакуированных, не выдал ни одного денежного пособия. На рыбоперерабатывающем заводе им. Самойловой Володарского района все размещенные при нём 100 чел. вынужденных переселенцев вынуждены были питаться только хлебом, так как в сто-

ловой их не кормили, а рыбохозяйственный кооператив не снабжал их товарами. Такое же положение сложилось на Оранжевом комбинате Икрянинского района.

Местные власти Астраханского округа в целом не оказывали необходимой помощи эвакуированным. Последняя фактически свелась в выдаче им пособий на сумму 110 000 руб. Отсутствовала денежная и материальная помощь вещами, поэтому эвакуированные голодали и не имели никакого имущества, кроме носильных вещей [20, л. 10]. Власти не знали точное количество прибывших, о местах их следования и профессиональной подготовке, не проявляли активности в трудоустройстве. Обычно власти предоставляли эвакуированным жильё и более ими не интересовались [19, л. 68]. В марте 1942 г. эвакуированные в с. Началово А. Н. Кругляков и Фатхулин жаловались: «смотрят на нас, как на надоедливых мух и часто отмахиваются от нас...» [18, л. 29 об].

Жалобы вынужденных переселенцев на невнимание к ним со стороны властей, безусловно, были справедливыми, но необходимо отметить, что власти в условиях военного времени просто были не в состоянии оказать им действенную помощь. С началом войны на их плечи навалилось огромное количество проблем, которые им при скудости отведенных государством ресурсов приходилось решать. Вопрос об устройстве вынужденных переселенцев был не главным в их деятельности.

Особую категорию составляли воспитанники эвакуированных детских домов. По состоянию на 1 января 1942 г. в Астраханский округ насчитывалось 10 детских домов, включающих 1305 детей [16, л. 1 об]. Большинство из них переехали из Левобережной Украины и Ростовской области. Эвакуированным воспитанникам детских домов также пришлось пережить много трудностей. В первые месяцы 1942 г. для детей самым трудным было пережить холод. Проверка положения воспитанников детского дома № 16 из Николаевской области (86 детей), размещённого в г. Астрахани в здании бывшей летней дачи Промышленной кассы, показала, что питание в нём соответствовало норме, внешний вид детей и комнат был опрятным, регулярно происходили учебные занятия. Главной проблемой был холод. Он был «жутким», стены помещения промерзли, дети находились в спальнях, постоянно в теплой одежде, уроки учили на кроватях. Подобное сложилось и Красноярском детском доме [17, л. 55].

В с. Могой Володаровского района, где в трех зданиях разместили 405 воспитанников детского дома из Украины, ситуация была хуже. По размерам они не подходили к проживанию такого количества людей, поэтому дети спали по двое на одной кровати. Хотя питание и оснащение их одеждой и бельём находились на удовлетворительном уровне, почти все дети были больными. Они имели обморожение, или были заражены чесоткой и вшами.

По мнению прокурора Астраханского округа Селезнёва, дети оказались в таком тяжёлом положении потому, что ряд должностных лиц работников детдома, районного и окружного отделов народного образования преступно отнеслись к своим служебным обязанностям. Они не подготовили детский дом к холодам. Топливо не было заготовлено в достаточном количестве, поэтому дети, будучи в общежитии, в столовой и школе, постоянно находились в холоде, температура в этих помещениях в период холодов стояла ниже нуля. Двери помещений были неисправны, не закрывались, окна не остеклены, разбитые стекла не заменены, при этом на складе детдома хранились 5 ящиков оконного стекла. Помимо этого, школа располагалась на расстоянии 400–500 метров от общежития, поэтому многие дети получили обморожения конечностей ног.

В помещениях царил «исключительная антисанитария», вода находилась на улице, Дети не соблюдали элементарных правил гигиены (стрижку ногтей, чистку зубов и т.д.), а воспитатели не только не приучали детей к соблюдению правил гигиены, но некоторые сами из них не умывались [1, л. 105]. Из-за перенаселённости уборной и загрязнённости территории вокруг неё, дети не могли к ней подойти и вынуждены были испражняться в ночное время в комнатах на полу, в коридорах и на лестницах. При наличии в детдоме достаточного количества белья, мыла, наличия бани и прачечной дети имели вшивость только лишь потому, что белье не стиралось и как следует не кипятилось.

Проверяющие обнаружили много документов, свидетельствовавших о массовом расхищении работниками детдома и окружного отдела народного образования продуктов питания и товаров, предназначенных для детей детдома. За эти противоправные нарушения их привлекли к уголовной ответственности [1, л. 105 об.].

4 апреля 1942 г. заведующий Астраханским окружным отделом хозяйственного устройства эвакуированного населения А. Н. Шаверский подготовил «Сводную ведомость по учёту эвакуированного населения, размещённому в Астраханском округе по данным переписи во II-м – III-м месяцах 1942 г. Она даёт представление о географии выхода эвакуированных, половозрастном и национальном составе, трудоустройстве и размещении вынужденных переселенцев по г. Астрахани и районам. Согласно упомянутому документу, в округе на начало апреля насчитывалось 13873 семьи и 35182 душ эвакуированных. В числе последних было 8382 муж., 16226 женщин и 10574 ребёнка в возрасте до 16 лет. Женщины, таким образом, преобладали в переселенческом потоке (46,1 %), затем шли дети (30 %) и мужчины (23,9 %). Таковое половозрастное распределение не вызывает удивления, поскольку многие мужчины в то время находились на фронте.

Устроены на работу были 9165 чел., что составляло 37,2 % от общего числа эвакуированных в возрасте старше 16 лет.

Большинство вынужденных переселенцев прибыли с территории Украины, а в национальном отношении преобладали евреи, русские и украинцы, составлявшие 96,1 % от общей численности эвакуированных. Самой многочисленной этнической группой являлись евреи, которых было 17375 чел., после них следовали русские – 9899 чел. и украинцы – 6555 чел. [20, л. 19]. Преобладание еврейского населения в миграционном потоке (49,3 % от числа всех эвакуированных) вполне объяснимо. Власти были осведомлены о политике уничтожения евреев гитлеровцами, поэтому стремились вывезти из прифронтовой полосы данную этническую группу в первую очередь.

Как и в Первую мировую и в Гражданскую войны, основным местом приёма вынужденных переселенцев в годы Великой Отечественной войны стал г. Астрахань, где разместили 5942 семьи (42,8 %), 7931 семью расселили в сельских районах Астраханского округа [20, л. 19].

Приближение фронта к границам Астраханского округа, и усилившаяся опасность массовых бомбежек со стороны противника заставили поторопиться с эвакуацией. 25 августа 1942 г. Астраханский государственный комитет обороны дал распоряжение ускорить переброску оборудования организаций, рыбной продукции в г. Астрахани, а также различных ценностей и документов, не связанных с нуждами фронта в глубокий тыл. Госпитали решено было эвакуировать в Казахстан, а часть детских домов, находившихся на правом берегу р. Волги и г. Астрахани – на левый берег р. Волги и в намеченные пункты Молотовской области. Женщинам с детьми и инвалидам разрешили переправиться из прифронтовой зоны на правобережье Волги на левый берег [4, л. 22].

Видимо, чтобы не вызвать панику среди населения и обеспечить бесперебойное функционирование социально-экономической инфраструктуры, АГКО просил Совет по эвакуации разрешить произвести только частичную эвакуацию населения г. Астрахани. В первую очередь ей подлежали категории населения, не связанные с нуждами фронта – женщины с детьми, воспитанники и персонал детских учреждений, учащиеся ремесленных училищ и учебных заведений [4, л. 23].

11 сентября 1942 г. АГКО определил конкретные цифры и категории населения, подлежащих частичной эвакуации. Из г. Астрахани в декадный срок должны были быть вывезены 4000 чел. тяжелораненых госпиталей, 4000 воспитанников детских домов, 4000 учеников и работников фабрично-заводских школ (ФЗУ) и ремесленных училищ (РУ), 1000 чел. студентов и профессорско-преподавательского состава медицинского, педагогического институтов и сельскохозяйственного техникума [5, л. 3 об.].

В конце лета 1942 г., когда на территориях, прилегающих к Астраханскому округу Калмыцкой АССР и Сталинградской области, развернулись ожесточенные бои, приток эвакуированных в округ почти прекратился. В конце ноября 1942 г. началось наступление Красной Армии на астраханском направлении и вскоре последовал разгром немецкой армии под Сталинградом. Эти события закрыли вопрос о необходимости эвакуации населения из Астраханского округа.

Результаты. В годы Великой Отечественной войны правительство включило Астраханский округ в число районов, принимающих вынужденных переселенцев. Первая волна эвакуированных пришлось на конец июня – ноябрь 1941 г., вторая на июль – август 1942 г. Обе волны были связаны с поражениями Красной Армии и захватом немецкими войсками больших территорий на Украине, Белоруссии, в западных и в юго-восточных районах России. В 1941 г. в округ прибывали в основном эвакуированные из дальних западных районов страны, а Астраханский округ являлся тыловой территорией. Летом 1942 г. фронт приблизился вплотную и основную массу переселенцев теперь составляли эвакуированные с территорий близлежащих Ростовской, Сталинградской областей, Калмыцкой АССР и Орджоникидзевского края (Ставропольский), властям пришлось объявить частичную эвакуацию местного населения в левобережные районы округа и за его пределы. Помимо приёма и расселения эвакуированных, через Астраханский округ в Среднюю Азию и далее следовали транзитом большие партии населения из прифронтовой зоны.

Эвакуация носила организованный характер. Округ получил разнарядку на численность принимаемого населения, при этом уже в первые месяцы войны она была увеличена, были определены маршруты и время следования, виды транспорта, население в округе расселялось в заранее указанные места, были определены ответственные и структуры отвечавшие за процесс эвакуации.

Тяжелая обстановка отступления, особенно летом 1942 г., оказала влияние на процесс эвакуации и заставила власти скорректировать свою политику.

В условиях массового наплыва эвакуированных Астраханский округ столкнулся с большими трудностями их приёма и отправки в другие места. Они были связаны с небольшими размерами территории округа, недостаточной развитостью социально-промышленной инфраструктуры и отсутствием достаточных финансовых средств. Поэтому не удалось избежать голода и даже смертей от него среди эвакуированных, эпидемиологических заболеваний, бытового неустройства для прибывших. Вопросы с вынужденными переселенцами решались, как и везде в стране, путём ужесточения дисциплины среди сотрудников государственных органов управления и мобилизации сил местного населения.

Литература

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГА АО). Ф. П-6. Оп. 1. Д. 717.
2. ГА АО. П-10. Оп. 1. Д. 1.
3. ГА АО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 4.
4. ГА АО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 8.
5. ГА АО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 9.
6. ГА РО. Ф Р-6. Оп. 7. Д. 487.
7. ГА АО. Ф Р-6. Оп. 7. Д. 488.
8. ГА АО. Ф Р-6. Оп. 7. Д. 490.
9. ГА АО. Р-6. Оп. 7. Д. 503.
10. ГА АО. Ф. Р-6 Оп. 7. Д. 513.
11. ГА АО. Ф. Р-6. Оп. 7. Д. 514.
12. ГА АО. Ф. Р-1095. Оп. 1 а. Д. 22.
13. ГА АО. Ф Р-1095. Оп. 1 а. Д. 27.
14. ГА АО. Р-1095 Оп. 1 а. Д. 37.
15. ГА АО. Р-1095. Оп. 1 а. Д. 273.
16. ГА АО. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 570.
17. ГА АО. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 571.
18. ГА АО. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 572.
19. ГА АО. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 727.
20. ГА АО. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 738.
21. Куманев Г.А. Эвакуация населения из угрожаемых районов в СССР в 1941–1942 гг. // Население России в XX веке: В 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. С. 60–81.
22. Лихоманов М.И. Партийное руководство эвакуацией в период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 169 с.
23. Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного университета, 2002. 264 с.
24. Потемкина М.Н. Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941–1945 гг.) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2016. Вып. 3 (53). С. 219–226.
25. Эшелоны идут на восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР 1941–1942 гг.: Сборник статей и воспоминаний / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1966. 263 с.

References

1. The State Archive of the Astrakhan region (GA AO). F. P-6. Inv. 1. D. 717. (In Russ.).
2. GA AO. F. P-10. Inv. 1. D. 1. (In Russ.).
3. GA AO. F. P-10. Inv. 1. D. 4. (In Russ.).
4. GA AO. F. P-10. Inv. 1. D. 8. (In Russ.).
5. GA AO. F. P-10. Inv. 1. D. 9. (In Russ.).
6. GA AO. F. R-6. Inv. 7. D. 487. (In Russ.).
7. GA AO. F. R-6. Inv. 7. D. 488. (In Russ.).
8. GA AO. F. R-6. Inv. 7. D. 49. (In Russ.).
9. GA AO. F. R-6. Inv. 7. D. 503. (In Russ.).
10. GA AO. F. R-6. Inv. 7. D. 513. (In Russ.).
11. GA AO. F. R-6. Inv. 7. D. 514. (In Russ.).
12. GA AO. F. R-1095. Inv. 1 a. D. 22. (In Russ.).
13. GA AO. F. R-1095. Inv. 1 a. D. 27. (In Russ.).
14. GA AO. F. R-1095. Inv. 1 a. D. 37. (In Russ.).
15. GA AO. F. R-1095. Inv. 1 a. D. 273. (In Russ.).
16. GA AO. F. R-1095. Inv. 1. D. 570. (In Russ.).
17. GA AO. F. R-1095. Inv. 1. D. 571. (In Russ.).
18. GA AO. F. R-1095. Inv. 1. D. 572. (In Russ.).
19. GA AO. F. R-1095. Inv. 1. D. 727. (In Russ.).
20. GA AO. F. R-1095. Inv. 1. D. 738. (In Russ.).
21. Kumanev G.A. Evacuation of the population from threatened areas in the USSR in 1941-1942 in The population of Russia in the XX century: In 3 volumes. Moscow: ROSSPEN; 2000. Vol. 2. P. 60-81. (In Russ.).
22. Likhomanov M.I. Party leadership of evacuation during the Great Patriotic War of 1941-1942. Leningrad: Publishing house of LSU; 1985. 169 p. (In Russ.).
23. Potemkina M.N. Evacuation during the Great Patriotic War in the Urals: people and destinies. Magnitogorsk: Publishing House of Magnitogorsk State University; 2002. 264 p. (In Russ.).
24. Potemkina M.N. Conflict zones of evacuation in the USSR and ways to overcome them (1941-1945). *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. 2016;3(53):219-226. (In Russ.).
25. Echelons go to the east: From the history of the relocation of the productive forces of the USSR 1941-1942: Collection of articles and memoirs. Ed. Yu. A. Polyakov. Moscow: Nauka; 1966. 263 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 327 (470)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.3>

РОССИЯ И ИРАН НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Альберт Константинович Дудайти^{1*}, Джавад Моршедлоо², Муса Абдоллахи³

¹ Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова (44-46, ул. Ватутина, Владикавказ, РСО-Алания, 362000, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент
adudaiti@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7103-959X>

² Университет Тарбият Модарес (14115-111, ул. Джалал АлеАхмад Наср, Тегеран, Исламская Республика Иран)

Кандидат исторических наук, доцент
j.morshedloo@modares.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-7616-295X>

³ Университет имени Алламе Табатабаи (ш. Западный Хеммат, Тегеран, 14896-84511, Исламская Республика Иран)

Кандидат исторических наук, доцент
mabdollahi82@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0003-0345-5732>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В условиях сложной геополитической ситуации, сложившейся на Южном Кавказе в постсоветский период, значительно осложнились проблемы, связанные с безопасностью региона. Среди них важное место заняли вопросы энергетической безопасности, решение которых все больше зависело от политических явлений и процессов, происходящих на Южном Кавказе. Повысилось значение изучения данной сферы региональных отношений, оказавшейся в фокусе исследовательского внимания. Особый интерес вызывает изучение роли и места России и Ирана в отношениях на Южном Кавказе, их участие в решении энергетических проблем, оказавшихся в числе актуальных приоритетов их региональной политики. **Материалы и методы.** В работе были проанализированы публикации отечественных и зарубежных исследователей, посвященные проблемам региональной безопасности на Южном Кавказе. Были привлечены документальные материалы, отражающие соперничество ведущих западных стран с Россией и Ираном за экономические позиции в регионе, в частности, освоение углеводородных ресурсов Каспийского моря и маршруты их доставки в Европу. В работе применялись проблемно-хронологический, сравнительный и системный методы, позволяющие выявить степень изученности вопросов, связанных с энергетической безопасностью на Южном Кавказе. **Анализ.** В статье раскрыты факторы, влияющие на энергетическую политику России и Ирана на Южном Кавказе, раскрыт их подход к решению сложных вопросов, накопившихся в сфере

энергетики. Доказано, что в ходе конструктивного диалога двух стран были созданы благоприятные условия для развития стратегического партнерства на Южном Кавказе. **Результаты.** В работе сделан вывод, что сопротивление США и их западных союзников интересам России и Ирана на Южном Кавказе обусловило их стремление к укреплению партнерских связей, усилению совместной борьбы против западного влияния в регионе и созданию условий для его мирного, безопасного и стабильного развития.

Ключевые слова: Россия, Иран, Южный Кавказ, партнерские связи, энергетическая политика, Каспийский бассейн, углеводородные ресурсы, маршруты трубопроводов

Для цитирования: Дудайти А. К., Моршедлоо Д., Абдоллахи М. Россия и Иран на Южном Кавказе: проблемы и перспективы сотрудничества в сфере энергетической безопасности // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 575-581. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.3>

Благодарности: работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-59-56010.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

Research article

RUSSIA AND IRAN IN THE SOUTH CAUCASUS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR COOPERATION IN THE FIELD OF ENERGY SECURITY

Albert K. Dudayti^{1*}, Javad Morshedloo², Mousa Abdollahi³

¹ North Ossetian State University (44-46 Vatulina St., Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, 362000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor

adudaiti@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7103-959X>

² Tarbiat Modares University (Jalal AleAhmad Nasr St., Tehran, 14115-111, Islamic Republic of Iran)

Cand. Sc. (History), Associate Professor
j.morshedloo@modares.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-7616-295X>

³ Allameh Tabataba'i University (West Hemmat Highway, Tehran, 14896-84511, Islamic Republic of Iran)

Cand. Sc. (History), Associate Professor
mabdollahi82@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0003-0345-5732>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. In the context of the complex geopolitical situation that has developed in the South Caucasus in the post-Soviet period, the problems associated with the security of

this region have become much more complicated. Among them, an important place was occupied by issues of energy security, the solution of which increasingly depended on the political phenom-

ena and processes taking place in the South Caucasus. The importance of studying this sphere of regional relations, which has become the focus of research attention, has increased. Of particular interest is the study of the role and place of Russia and Iran in regional relations in the South Caucasus, their participation in solving energy problems, which turned out to be among the current priorities of their policy in the South Caucasus direction. **Materials and methods.** The paper analyzed the publications of domestic and foreign researchers devoted to the problems of regional security in the South Caucasus. Documentary materials were involved, reflecting the rivalry of the leading Western countries with Russia and Iran for economic positions in the region, in particular, the development of hydrocarbon resources of the Caspian Sea and routes for their delivery to Europe. The work used problem-chronological, comparative and systemic methods to identify the degree of study of issues related to energy security in the South Caucasus. **Analysis.** The article specifies the factors influencing the energy policy of Russia and Iran in the South Caucasus, reveals their approach to solving complex issues that have accumulated in the energy sector. It is proved that in the course of a constructive dialogue between the two countries, favorable conditions were created for the development of strategic partnership in the South Caucasus. **Results.** The paper concludes that the resistance of the

United States and its Western allies to the interests of Russia and Iran in the South Caucasus resulted in their wish to strengthen partnerships, strengthen the joint struggle against Western influence in the region and create conditions for its peaceful, safe and stable development.

Keywords: Russia, Iran, South Caucasus, partnerships, energy policy, Caspian basin, hydrocarbon resources, pipeline routes

For citation: Dudayti A. K., Morshedloo J., Abdollahi M. Russia and Iran in the South Caucasus: problems and prospects for cooperation in the field of energy security. *Humanities and law research*. 2023;10(4):575-581. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.3>

Acknowledgments: the work was supported by the RFBR in the framework of the scientific project No. 20-59-56010.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.05.2023.

The article was approved after reviewing: 16.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

Введение. После распада СССР и появления на Южном Кавказе новых независимых государств этому региону стало уделяться повышенное внимание во внешнеполитической стратегии Российской Федерации, что являлось своего рода продолжением традиций, сложившихся еще в имперскую эпоху и закрепившихся в советский период. В рамках внешней политики России важное значение придавалось налаживанию взаимовыгодных связей с Ираном – региональной державой, играющей важную роль в международных отношениях на Южном Кавказе. Заинтересованность России в этих связях возрастала по мере того, как южнокавказские государства добивались успехов в развитии с Ираном двусторонних отношений, особенно в торгово-экономической сфере [22, р. 662]. Другим важным фактором, вызывающим необходимость придания динамики российско-иранским отношениям в политической, экономической, военной и др. сферах было усиление западного влияния на Южном Кавказе, угрожающего национальным интересам России и Ирана.

В настоящей статье ставится цель, рассмотреть актуальные проблемы энергетической политики России и Ирана на Южном Кавказе в постсоветский период. Для ее достижения в работе решаются следующие основные задачи: выявить факторы, воздействующие на энергетическую безопасность на Южном Кавказе; изучить энергетической политики России и Ирана, раскрыть проблемы в их взаимодействии в данной области; исследовать конкурентную борьбу Ирана и России с западными странами за влияние и позиции на Южном Кавказе, включая энергетическую (нефтегазовую) сферу.

Материалы и методы. В ходе рассмотренных проблем экономической энергетической политики России и Ирана на Южном Кавказе в постсоветский период авторы строго придерживались принципа объективности. Региональные

события рассматривались в проблемно-хронологическом порядке, при этом были использованы историко-сравнительный и историко-системный методы исследования, позволяющие раскрыть региональную конкурентную борьбу России и Ирана с западными странами в энергетической сфере. В работе были использованы эмпирические материалы с данными об основных направлениях регионального сотрудничества России и Ирана, сложных взаимоотношениях с прибрежными государствами, касающихся таких вопросов, как разграничение зон влияния в Каспийском море, освоения каспийских углеводородных ресурсов и маршрутов их доставки на мировой энергетический рынок.

Анализ. В начале 1990-х гг. в рамках двусторонних отношений России и Ирана успешно развивались связи в сфере торговли вооружениями и военной техникой: так, российские военные поставки иранской армии в среднем оценивались в 500 млн долл. в год [1; 5]. Хотя на Западе противодействовали развитию партнерских связей двух стран в военно-технической сфере, они были своеобразной демонстрацией готовности Москвы проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Заинтересованность России и Ирана в военно-техническом сотрудничестве была обусловлена также стремлением успешно противостоять Турции и пантюркизму на постсоветском пространстве, включая Южный Кавказ. Кроме того, эта заинтересованность подогревалась сложными взаимоотношениями двух стран с Азербайджаном. Они отчетливо проявились в 1994 г., когда в Баку был дан старт реализации «Контракта века» с ведущими западными компаниями по освоению углеводородных ресурсов Каспийского шельфа, и при этом были проигнорированы энергетические интересы России и Ирана [8].

Между тем, с середины 1990-х гг., Россия под давлением США вынуждена была пойти на постепенное сворачивание военно-технических

связей с Ираном. Сначала было аннулировано соглашение о поставках в эту страну центрифуг для обогащения урана, а затем в соответствии с «Меморандумом Гор-Черномырдин» от 30 июня 1995 г. Москва приняла на себя обязательство, не заключать с Ираном новых контрактов на поставки вооружений, а выполнение заключенных ранее контрактов завершить до конца 1999 г. [4; 11]. Впрочем, две страны продолжали сотрудничество по развитию торговли «продукцией гражданского назначения» и, кроме того, прилагали усилия для расширения двустороннего взаимодействия в целях поддержания мира, стабильности и безопасности на Южном Кавказе.

В рамках регионального взаимодействия России с Ираном важно место уделялось сотрудничеству в сфере энергетики. Оно оказывало высокое влияние на отношения двух стран с южнокавказскими государствами, особенно с учетом богатых углеводородных ресурсов Каспия, оказавшихся ставкой в «большой энергетической игре» региональных властных элит с западными странами. В ней стремились принять участие также Россия и Иран, активно заинтересованные в расширении границ своего влияния в Каспийском регионе, что приводило к столкновению с интересами США и их западных союзников [19, p. 177–178].

В условиях ослабления мощи России после распада СССР не было ясности в том, кому предстоит заполнить геополитический вакуум, образовавшийся на Южном Кавказе – Турции, Ирану или ведущим западным странам. Несмотря на крупные финансовые выгоды от богатых углеводородных ресурсов Каспийского моря, проблема добычи и экспорта нефтегазового сырья становилась значимым политическим фактором в регионе. Со своей стороны США противодействовали желанию Ирана войти в число главных участников мирового энергетического рынка из-за его ядерной программы и конфликтных отношений с Западом. Тем не менее Иран развивал экономические связи с южнокавказскими государствами и рассматривал межгосударственные отношения с ними как важный инструмент для расширения своего политико-экономического присутствия в регионе Южного Кавказа. Примером успешной региональной стратегии Ирана следовало считать развитие стратегически важных партнерских связей с Арменией при поддержке России. Эти связи имели важное значение в контексте безопасности на Южном Кавказе и являлись эффективным средством формирования турецко-азербайджанского союза и растущей политико-экономической и военной мощи Азербайджана. Кроме того, Иран стремился сдерживать Турцию, как активного члена НАТО и близкого союзника США в районе Большого Ближнего Востока (ББВ), в отношении которого у Тегерана имелись свои стратегические интересы. Хотя Иран имел богатое историческое наследие на Южном Кавказе, он был не столь

привлекателен для Грузии и Азербайджана, как Турция, из-за поддержки Тегераном сложных отношений с Западом. Кроме того, исламский характер режима Ирана существенно ограничивал его политическое сотрудничество с южнокавказскими государствами.

Конфронтационная политика в отношении США и их западных союзников лежала в основе внешнеполитической стратегии Ирана, она влияла на поведение Тегерана на глобальном и региональном уровне, включая Южный Кавказ. В соответствии со стратегией сдерживания и минимизирования влияние Запада на Южном Кавказе Иран проявлял растущий интерес к сотрудничеству с Россией, главным конкурентом США в регионе. Иранская сторона считала необходимым поддерживать тесные связи с Россией в политической, экономической, военной и др. сферах. С учетом всех этих обстоятельств на Западе считали невозможным сотрудничать с Россией в региональной энергетической системе на Южном Кавказе. Там считалось недопустимым предоставление ей монопольных прав на перекачку нефти и природного газа в Европу, учитывая недавнее советское прошлое, также высокую заинтересованность Москвы к сближению с Ираном. В результате западными странами была поддержана программа реализации проекта трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), как наиболее выгодного маршрута экспорта нефти на мировой рынок [12, p. 83–84].

Таким образом, наряду с разработкой углеводородных ресурсов Каспия решались проблемы, связанные с их экспортом на мировой рынок по территории Южного Кавказа. Эти проблемы осложнились из-за включения западных стран в борьбу региональных властных элит за добычу углеводородов и маршруты их экспорта. За них соревновались также Россия и Иран, рассчитывающие получить высокие финансовые доходы от своего выгодного логистического положения. В середине 1990-х гг. в Москве стали проявлять интерес к идее Ирана о создании т.н. «газового ОПЕК» которая объединила бы всех производителей природного газа. Многие сочли эту идею интересной, в то время как в Евросоюзе, напротив, высказали обеспокоенность, что появление газового картеля приведет к росту цен на один из самых популярных видов энергетического сырья [13, p. 21–22].

В апреле 2007 г. на Форуме стран-экспортеров нефти (ФСЭГ) в столице Катара Дохе вновь поднимался вопрос о создании газового картеля, однако для его положительного решения необходимо было преодолеть много препятствий, прежде всего связанных со слабой позицией стран-производителей газа и их зависимостью от маршрутов газовых трубопроводов. Кроме того, в ходе встречи выявились сложности во взаимодействии России с Ираном. В частности, из-за отрицательной реакции со стороны ведущих стран-членов ЕС Россия вынуждена была уязвы-

вать вопрос о сотрудничестве с Ираном в энергетической сфере с решением проблемы его ядерной программы. В свою очередь, вызывало сомнение, что в случае успешной реализации в Европе природного газа из Ирана в Тегеране захотят договариваться с Москвой о долях на рынке газа стран-членов ЕС [9].

Тем не менее российская сторона выражала заинтересованность в развитии партнерских связей с Ираном в региональной энергетической сфере, особенно в вопросах, касающихся привлечения иранских газотранспортных мощностей для экспорта газа в Европу. Дело в том, что Казахстан, Туркменистан и Азербайджан после обретения независимости изъявили желание самостоятельно выстраивать отношения с другими странами и не выражали готовности, принимать участие в российских инициативах. Другими словами, Россия фактически теряла доступ к портам прибрежных государств. В этих условиях использование морских портов Ирана в рамках двустороннего сотрудничества становилось для России крайне актуальным. Кроме того, Россия и Иран не выражали заинтересованности в усилении позиций Азербайджана в Каспийском регионе, поскольку маршруты доставки нефти и природного газа из Каспийского шельфа прокладывались в других направлениях, а именно – по территории Грузии и Турции. Поэтому в Москве и Тегеране выступали противниками реализации проекта нефтепровода БТД, игнорирующего их национальные интересы [21, р. 99–100].

В то же время, серьезным барьером на пути развития партнерских связей России с Ираном, равно как и другими прибрежными государствами, являлось различие позиций сторон о статусе Каспийского моря, разграничению дна водоема, а также споры о территориальной принадлежности крупных углеводородных месторождений на морском дне. Россия была заинтересована в укреплении своих позиций на Каспии и в том, чтобы не допустить доминирования в этом регионе третьих сил. Она выступала за разграничение недр и шельфа Каспийского моря, но была противником раздела его акватории, поскольку это требовало основательного пересмотра режима хозяйственного использования водоема, сложившегося еще с советских времен. В свою очередь, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан считали справедливым разграничение Каспия по срединной линии. Что же касается позиции Ирана, она заключалась в том, чтобы разделить Каспийское море на пять равных секторов (по 20%); кроме того, Тегеран выступал за урегулирование разногласий между прикаспийскими государствами в формате «пятерки» и не признавал договоренностей в двух- и трехсторонних форматах [20].

Между прикаспийскими государствами была достигнута договоренность о необходимости подготовки и принятия конвенции о правовом

статусе Каспия, была создана рабочая группа в связи с подписанием такого соглашения, но дальше слов дело не шло. В результате правовой статус Каспийского моря стал ключевой темой на саммитах «пятерки». Со своей стороны Иран предлагал создать международную организацию с участием прибрежных государств для совместного освоения каспийских углеводородных ресурсов. Такое соглашение было выгодно иранской стороне, поскольку наиболее крупные нефтегазовые месторождения были расположены за пределами ее зоны влияния на Каспийском море. Азербайджан, располагавший большими запасами углеводородов, отверг данное предложение и как следствие, после заключения «Контракта века» заметно усилилось противостояние между Тегераном и Баку. «Контракт века» открыл двери для крупномасштабного западного проникновения в нефтегазовый сектор Азербайджана и в целом, региональную энергетику Южного Кавказа. Западные финансовые инвестиции способствовали активному вовлечению США и Евросоюза в южнокавказские дела. Постепенно западные страны укрепляли свои политико-экономические позиции в регионе и реализовывали здесь свои стратегические программы. Они были ориентированы на установление прозападных механизмов безопасности и полное обеспечение интересов США и их союзников, установление эффективного контроля над богатыми углеводородными ресурсами Каспия и маршрутами их доставки на мировой энергетический рынок.

Одновременно с Ираном в «Контракте века» не была представлена Россия: на начальной стадии крупнейшая российская компания – Лукойл инвестировала в туда свои средства, но затем японская компания Itochu Oil выкупила её долю в контракте. Понятно, что «Контракт века» ущемлял интересы России, но в целом он не создавал российским компаниям столько проблем, сколько иранским. В этих условиях в Москве заняли сдержанную позицию в противостоянии Ирана с Азербайджаном, хотя были вынуждены выслушивать в свой адрес упреки, якобы Россия непоследовательна в вопросах, касающихся стратегического партнерства с Ираном, и часто преследует свои корыстные интересы на Каспии и [15].

Подходы двух стран к решению проблем добычи и экспорта каспийских углеводородов, несмотря на некоторую схожесть, имели под собой разные основания. В частности, Иран не скрывал недовольства тем, что с российской стороны не было четко выраженной отрицательной реакции на реализацию проекта БТД. Между тем, в Москве исходили из того, что несмотря на потери российских компаний из-за неучастия в этом проекте, имелись хорошие возможности для их привлечения в освоении перспективного энергетического рынка Турции. Эти надежды укрепились после ввода в строй трубопровода «Голубой поток», по-

строенного в рамках российско-турецкого соглашения 1997 г. [10; 7, с. 24–25]. В этих условиях казалось маловероятным, что Иран сможет в одиночку противостоять проектам транспортировки нефти и природного газа из Каспия, разрушающим его надежды стать евразийским центром торговли углеводородами. Поскольку западные страны отказывались от использования маршрутов по территории Ирана, сдержанная позиция России в этом вопросе, а также стремление достичь выгод путем заключения энергетических соглашений с Турцией усложняли ситуацию.

Для западных стран Турция являлась самым надежным маршрутом для поставок углеводородов в Европу. Со своей стороны они активно противились привлечению России и Ирана к реализации проекта строительства трубопровода по дну Каспия для прокачки природного газа в Турцию. В результате на саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. руководители Турции, Грузии, Азербайджана, Казахстана и Туркменистана при посредничестве США заключили соглашение о реализации двух важных проектов: нефтепровода БТД и транскаспийского газопровода [17; 6, с. 5]. Эти проекты служили интересам США и их западных союзников двумя способами: во-первых, сокращалось влияние России на республики Центральной Азии и Южного Кавказа, во-вторых, в этих регионах усиливалась экономическая изоляция Ирана. Таким образом, в вопросе формирования маршрутов экспорта углеводородов в Европу прежде всего учитывались политические факторы и только потом – экономические. Западные страны избегали вовлечения России в проекты маршрутов экспорта углеводородов из Каспия, опасаясь ее монополии в энергетической сфере: к тому времени Россия уже контролировала значительную долю экспорта нефти и природного газа в Европу. С другой стороны, из энергетических проектов Каспийского бассейна исключался Иран, находящийся под западными санкциями [23].

В этих условиях возросла потребность в объединении усилий России и Ирана для защиты их национально-государственных интересов, но в процессе налаживания между двумя странами партнерских связей возникали определенные проблемы. В частности, Россия была настроена на участие в переговорном процессе по энергетическим проектам, рассчитывая сохранить свое влияние на Южном Кавказе [2, с. 20]. Что же касается Ирана, его позиция в этих проектах формировалась в основном вокруг экономических выгод. Надеясь на участие в освоении углеводородных ресурсов Каспия, Иран рассчитывал успешно противостоять режиму западных санкций и развивать национальную экономику [3, с. 138]. Одновременно в рамках соперничества с ближайшими соседями – Турцией и Саудовской Аравией, Иран стремился усилить свое влияние на Ближнем Востоке и Южном Кавказе и занять достойное место среди участников

энергетической политики на международной арене [18].

Таким образом, Россия и Иран выступали как соперниками, так и партнерами в энергетической политике на Южном Кавказе. Участие США, Китая, ведущих стран-членов ЕС, Турции в борьбе за прокладывание маршрутов трубопроводов из Каспия объективно ставило Россию и Иран в условия соперничества. При этом немаловажную роль в региональном соперничестве играл турецкий фактор, а именно, сотрудничество Турции с Ираном в энергетической сфере, осуществляемое вопреки давлению на Анкару со стороны США [16, р. 5–6]. Между тем, с экономической точки зрения маршрут транспортировки углеводородов по территории Ирана был более выгодным, чем энергетический коридор Восток-Запад: страна располагала налаженной системой трубопроводов с выходом в Персидский залив, что уменьшало затраты на доставку каспийских углеводородов в Европу. Россия также могла воспользоваться иранскими трубопроводами для экспорта углеводородов. Но этим планам не суждено было сбыться, поскольку энергетические связи на Южном Кавказе приобретали политизированный характер, способствуя формированию в регионе сложной международной среды, с которой приходилось считаться всем участникам деловых связей в сфере энергетики [14, р. 174–175].

Результаты. Таким образом, в результате активной поддержки западными странами выгодных им маршрутов трубопроводов баланс сил, интересов и политических отношений на Южном Кавказе подвергался сильным колебаниям. В противостоянии с ведущими западными странами Россия старалась сохранить свое влияние и позиции на Южном Кавказе. В свою очередь, Иран стремился к участию в региональных энергетических проектах, рассчитывая на поддержку России. Две страны были заинтересованы в стратегическом партнерстве, чтобы вести борьбу с западным влиянием на Южном Кавказе, противостоять США и Евросоюзу, продвигающих стратегические программы «Стратегия Шелкового пути», «Партнерство ради мира» и «Восточное партнерство», ориентированные на усиление западного влияния на Южном Кавказе и Центральной Азии. Эти программы были жизненно необходимы для увеличения присутствия Запада и сведения к минимуму российского влияния и контроля в этих регионах. Поэтому России необходимо было незамедлительно реагировать на поступающие вызовы и угрозы, способные ослабить ее влияние на постсоветском пространстве. В этом отношении важную роль играло стратегическое партнерство с Ираном, достигшим заметных успехов в развитии своей национальной экономики и располагавшим немалым потенциалом для оказания посреднических услуг в мирном урегулировании этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, включая Южный Кавказе. Последнее

обстоятельство особенно учитывалось в Москве в ходе расширения и укрепления партнерских связей с Ираном на двусторонней и многосторонней основе.

В свою очередь, стратегическое партнерство с Россией давало Ирану шанс успешно противостоять западным санкциям. Страна была полна решимости развивать взаимовыгодные связи с Россией на длительный период, с расчетом достичь значительной военной мощи и завладеть прочными политическими и экономическими позициями. Учитывая, что расширение

иранского присутствия на Южном Кавказе будет наталкиваться на активное сопротивление США и их западных союзников, Исламской республике необходимо было продвигаться в южнокавказском направлении постепенно, пользуясь российской поддержкой. Несмотря на то, что Россия и Иран имели проблемный опыт взаимодействия в историческом прошлом, в постсоветский период сложились благоприятные условия для совместной борьбы с западным влиянием на Южном Кавказе и содействие его мирному, стабильному и безопасному развитию.

Литература

1. Военно-техническое сотрудничество Ирана и России // Российское государственное федеральное информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/1707163> (дата обращения: 27.07.2023).
2. Дудайти А. К. Энергетическая геополитика и формирование новой среды безопасности на Южном Кавказе // Южный Кавказ: актуальные проблемы региональной безопасности: сб. науч. тр. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2022. С. 15–27.
3. Дудайти А. К. Энергетические проблемы в контексте безопасности на Южном Кавказе в постсоветский период // Битва за Кавказ: сб. науч. тр. Международной научно-практической конференции / под ред. А.У. Огоева. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2022. С. 134–142.
4. Комиссия Гор – Черномырдин // Коммерсантъ. 1995. 30 июня.
5. Савицкий В. Военно-техническое сотрудничество России и Ирана в 1990–2015 гг. // Российское государственное федеральное информационное агентство «Новости». URL: <https://ria.ru/20160216/1375382674.html> (дата обращения: 27.07.2023).
6. Сапожников П. Среднюю Азию отключат от «трубы» // Коммерсантъ. 1999. 20 ноября.
7. Ульянов Н. Ю. Проект «Голубой поток» в системе российско-турецких отношений: ожидания и реальность // Турция в новых геополитических условиях. М.: ИИИиБВ, 2004. С. 22–31.
8. Azerbaijan Oil Contracts // Azerbaijan International. URL: <https://www.azer.com/> (accessed: 27.07.2023).
9. Bilgin M. Geopolitics of European natural gas demand: Supplies from Russia, Caspian and the Middle East // Energy Policy. 2009. Vol. 37(11). P. 4482–4492.
10. Blue Stream // Internet Archive. Wayback Machine home page. 2014. 30 October. URL: <https://web.archive.org/> (accessed: 27.07.2023);
11. Bose V. Russia withdraws from the 1995 agreement to ban arms trade with Iran // Arms Control Association URL: <https://www.armscontrol.org/act/2000-12/iran-nuclear-briefs/russia-bow-out-1995-deal-banning-arms-trade-iran> (accessed: 27.07.2023).
12. Cornell S. E., Ismailzade F. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Azerbaijan in The Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline: Oil window to the west. Uppsala: The Central Asia-Caucasus Institute, 2005. P. 61–84.
13. Finon D. Russia and the «Gas-OPEC». Real or Perceived Threat? // Russie. Nei. Visions. 2007. Vol. 24. P. 1–23.
14. Flanagan S. J. The Turkey–Russia–Iran Nexus: Eurasian Power Dynamics // The Washington Quarterly. 2013. Vol. 36 (1). P. 163–178.
15. Gresh G. Coddling the Caucasus: Iran's strategic relationship with Azerbaijan and Armenia // Caucasian Review of International Affairs. 2006. Vol. 1(1). P. 1–13. <https://www.researchgate.net/publication/26608773> (accessed: 27.07.2023).
16. Gresh G. Coddling the Caucasus: Iran's strategic relationship with Azerbaijan and Armenia // Caucasian Review of International Affairs. 2006. Vol. 1 (1). P. 1–13. URL: <https://www.researchgate.net/publication/26608773> (accessed: 27.07.2023).
17. Habibi N. Turkey and Iran: Growing economic relations despite western sanctions // Middle East Brief. 2012. Vol. 62 (5). P. 1–8. URL: <https://ria.ru/20160216/1375382674.html> (accessed: 27.07.2023).
18. Istanbul Summit, 18 November 1999 // Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE). URL: <https://www.osce.org/event/summit1999> (accessed: 27.07.2023).
19. Koolae E., Hafezian M. H. The Islamic Republic of Iran and the South Caucasus Republics // Iranian Studies. 2010. Vol. 43 (3). P. 391–409. URL: <https://www.researchgate.net/publication/238396748> (accessed: 27.07.2023).
20. Kubicek P. Energy politics and geopolitical competition in the Caspian Basin // Journal of Eurasian studies. 2013. Vol. 4 (2). P. 171–180.
21. Mojtabeh-Zadeh P., Hafeznia M. Perspectives on the Caspian Sea Dilemma: An Iranian Construct // Eurasian Geography and Economics. 2003. Vol. 44 (8). P. 607–616. URL: <https://app.dimensions.ai/details/publication/pub.1039410414> (accessed: 27.07.2023).
22. Papava V. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Georgia // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. 2005. P. 85–102.
23. Pomfret R. The Economic Cooperation Organization: Current status and future prospects // Europe-Asia Studies. 1997. Vol. 49(4). P. 657–667.
24. Tsereteli M. The Southern Energy Corridor: A Strategic Priority for the US? // The Central Asia-Caucasus Analyst. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13218> (дата обращения: 27.07.2023).

References

1. Military-technical cooperation between Iran and Russia. Dossier. Russian State Federal Information Agency TASS. URL: <https://tass.ru/info/1707163> (accessed: 27.07.2023). (In Russ.).
2. Dudayti A. K. Energy Geopolitics and the Formation of a New Security Environment in the South Caucasus in South Caucasus: Actual Problems of Regional Security. Vladikavkaz: NOSU publ.; 2022. P. 15–27. (In Russ.).
3. Dudayti A. K. Energy problems in the context of security in the South Caucasus in the post-Soviet period in Battle for the Caucasus: coll. scientific tr. International Scientific and Practical Conference. Ed. A.U. Ogoev. Vladikavkaz: NOSU publ.; 2022. P. 134–142. (In Russ.).
4. Commission Gore – Chernomyrdin. *Kommersant*. 1995. June 30. (In Russ.).
5. Savitsky V. Military-technical cooperation between Russia and Iran in 1990–2015. Russian State Federal Information Agency. URL: <https://ria.ru/20160216/1375382674.html> (accessed: 27.07.2023). (In Russ.).
6. Sapozhnikov P. Central Asia will be disconnected from the “pipe”. *Kommersant*. 1999. November 20. (In Russ.).
7. Ulchenko N. Y. The Blue Stream project in the system of Russian-Turkish relations: expectations and reality in Turkey in new geopolitical conditions. Moscow: Institute for Israel and Middle East Studies publ.; 2004. P. 22–31. (In Russ.).
8. Azerbaijan Oil Contracts in Azerbaijan International. URL: <https://www.azer.com/> (accessed: 27.07.2023).
9. Bilgin M. Geopolitics of European natural gas demand: Supplies from Russia, Caspian and the Middle East. URL: <https://www.researchgate.net/publication/223471259> (accessed: 27.07.2023).
10. Blue Stream. Internet Archive. Wayback Machine home page. 30 October 2014. URL: <https://web.archive.org/> (accessed: 27.07.2023).

11. Bose V. Russia withdraws from the 1995 agreement to ban arms trade with Iran. Arms Control Association. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2000-12/> (accessed: 27.07.2023).
12. Cornell S. E., Ismailzade F. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Azerbaijan in The Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline: Oil window to the west. Uppsala: The Central Asia-Caucasus Institute; 2005. P. 61-84.
13. Finon D. Russia and the «Gas-OPEC». Real or Perceived Threat? *Russia. Nei. Visions*. 2007;24:1-23.
14. Flanagan S. J. The Turkey-Russia-Iran Nexus: Eurasian Power Dynamics. *The Washington Quarterly*. 2013;36 (1):163-178.
15. Gresh G. Coddling the Caucasus: Iran's strategic relationship with Azerbaijan and Armenia. *Caucasian Review of International Affairs*. 2006;1(1):1-13. URL: <https://www.researchgate.net/publication/26608773> (accessed: 27.07.2023).
16. Habibi N. Turkey and Iran: Growing economic relations despite western sanctions. *Middle East Brief*. 2012;62(5):1-8. URL: <https://ria.ru/20160216/1375382674.html> (accessed: 27.07.2023).
17. Istanbul Summit, 18 November 1999 in Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). URL: https://www.osce.org/event/summit_1999 (accessed: 27.07.2023).
18. Koolae E., Hafezian M. H. The Islamic Republic of Iran and the South Caucasus Republics URL: <https://www.researchgate.net/publication/238396748> (accessed: 27.07.2023).
19. Kubicek P. Energy politics and geopolitical competition in the Caspian Basin. *Journal of Eurasian studies*. 2013;4(2):171-180.
20. Mojtahed-Zadeh P., Hafeznia M. Perspectives on the Caspian Sea Dilemma: An Iranian Construct. *Eurasian Geography and Economics*. 2003;44(8):607-616. URL: <https://app.dimensions.ai/details/publication/pub.1039410414> (accessed: 27.07.2023).
21. Papava V. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Georgia in The Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline: Oil window to the west. Uppsala: The Central Asia-Caucasus Institute; 2005. P. 85-102.
22. Pomfret R. The Economic Cooperation Organization: Current status and future prospects. *Europe-Asia Studies*. 1997;49(4):657-667.
23. Tsereteli M. The Southern Energy Corridor: A Strategic Priority for the US? *The Central Asia-Caucasus Analyst*. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13218> (accessed: 27.07.2023).

Научная статья

УДК 94(470+57) «17/1917»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.4>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ ГОРОДА: БОЛЬНИЦЫ И САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Сергей Сергеевич Козлов

Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России (29. пер. Нахичеванский, Ростов-на-Дону, 244022, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, ассистент

sid.220788@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

Аннотация. Введение. История города Нахичевани-на-Дону, является малоисследованной темой, активное изучение которой в большей части началось только в конце XX – начале XXI в. Специальных же исследований по истории медицины в Нахичевани, практически нет. **Материалы и методы.** Весь существующий комплекс научных исследований каждого периода, можно подразделить на две большие группы: первая представлена общими работами по истории армян Нижнего Дона, в которых так или иначе затрагиваются вопросы расселения; вторая группа включает работы, посвященные истории и культуры донских армян. Имеющиеся по исследуемой проблеме источники можно разделить на следующие группы: делопроизводственные документы; нормативные документы; статистические источники; источники личного происхождения; материалы периодической печати. **Анализ.** Работа посвящена изучению деятельности Нахичеванского-на-Дону городского общественного управления направленной на благоустройство, важнейших аспектов которого являются здравоохранение и санитарное состояние города. В городе отсутствовала профессиональная медицинская помощь. Екатеринбургский губернатор обращается к нахичеванскому городскому голове с требованием открыть больницу в Нахичевани-на-Дону. Здание для больницы пожертвовал купец И. М. Попов. Позже благодаря городскому голове М. И. Балабанову были построены специальные корпуса для Мариинской городской больницы. Частью деятельности городского

общественного управления о здоровье жителей Нахичевани являлось санитарное состояние города. Так предполагалась очистка, дезинфекция и уничтожение отходов на фабриках, заводах, различных заведениях, частных дворах и домах, базарах. Предполагалась так же очистка берегов реки Дон и создание службы санитарных комиссаров для соблюдения чистоты и санитарных норм. **Результаты.** По итогам исследования можно сделать вывод, что забота городских властей о здоровье горожан и санитарном состоянии города, стало возможным только после принятия городского положения 1870 г., согласно которому это входило в прямые обязанности городского общественного управления.

Ключевые слова: Городская дума, благоустройство, больницы, санитарное состояние города, борьба с эпидемиями

Для цитирования: Козлов С. С. Деятельность городского общественного управления Нахичевани-на-Дону по благоустройству города: больницы и санитарное состояние города во второй половине XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 582-587. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

Research article

PROVISION OF URBAN AMENITIES BY THE CITY PUBLIC ADMINISTRATION OF NAKHICHEVAN-ON-DON: HOSPITALS AND THE SANITARY CONDITION OF THE CITY IN THE SECOND HALF OF 19TH CENTURY

Sergei S. Kozlov

Rostov State Medical University of the Ministry of Health of Russia (29, Nakhichevansky lane, Rostov-on-Don, 244022, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Assistant

sid.220788@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

Annotation. Introduction. The history of the city of Nakhichevan-on-Don is insufficiently studied. Active research of this topic began only at the end of the 20th-beginning of the 21st centuries. There are practically no special studies on the history of medicine in Nakhichevan. **Materials and methods.** The entire existing complex of scientific research of each period can be divided into two big groups. The first one is represented by general works on the history of the Armenians of the Lower Don, which in one way or another touch upon the issues of settlement; the second group includes works devoted to the history and culture of the Don Armenians. The sources available on the problem under study can be divided into the following groups: office documents, regulatory documents, statistical sources, sources of personal origin, and materials of periodicals. **Analysis.** The work is devoted to the study of the activities of the Nakhichevan-on-Don city public administration aimed at improvement, the most important aspects of which were public health and the sanitary condition of the city.

There was no professional medical care in the city. Yekaterinoslav governor appeals to the Nakhichevan mayor with a demand to open a hospital in Nakhichevan-on-Don. The building for the hospital was donated by the merchant I.M. Popov. Later, thanks to the mayor M.I. Balabanov, special buildings were built for the Mariinsky City Hospital. Part of the activity of the city public administration on the health of the inhabitants of Nakhichevan was the sanitary condition of the city. It included cleaning, disinfecting and disposal of waste in factories, institutions, private courtyards, houses, and bazaars. It was also planned to clean up the banks of the Don River, establish a service of sanitary commissars to maintain cleanliness and sanitary standards. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that taking care of the health of citizens and the sanitary condition of the city became possible only after the adoption of the city regulation in 1870, according to which it was the direct responsibility of the city public administration.

Keywords: City Duma, provision of urban amenities, hospital, sanitary condition of the city, fight against epidemics, greening of the city

For citation: Kozlov S. S. Provision of urban amenities by the city public administration of Nakhichevan-on-Don: hospitals and the sanitary condition of the city in the second half of 19th

century. *Humanities and law research*. 2023;10(4): P. 582-587. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.4>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interest.

The article was submitted: 14.05.2023.

The article was approved after reviewing: 16.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

Введение. История благоустройства и здравоохранения г. Нахичевани довольно слабо освещена в научной литературе. Весь существующий комплекс научных исследований каждого периода, в свою очередь, можно подразделить на две большие группы: первая представлена общими работами по истории армян Нижнего Дона, в которых так или иначе затрагиваются вопросы расселения; вторая группа включает работы, непосредственно посвященные истории и культуры донских армян.

Среди дореволюционных работ стоит выделить группу общих работ по истории Нахичевани-на-Дону, как например труд первого историка Нахичевани Габриела Патканяна. Его «История города Нахичевана» была издана в трех томах в 1879 г. к столетию Нахичевани-на-Дону на грабаре (церковный армянский язык), хранится в Ереване, в институте древних рукописей Матенадаран. Этот обширный труд был написан на диалекте, понятном лишь для узких специалистов и стал раритетом. Экземпляр, изданный в 1917 году малым тиражом, хранится в фондах Ростовского областного музея краеведения. Часть перевода работы Г. Патканяна есть в книге воспоминаний нахичеванского купца И. Келле-Шагинова «Моя единственная жизнь; Дневники и воспоминания» [11].

В советский период внимание исследователей привлекала история архитектуры. Наибольший вклад в изучение истории градостроительства и архитектуры армян Нижнего Дона внес академик О. Х. Халпахчян. Автором, в своем значимом труде об архитектуре Нахичевани, в котором кратко характеризуются политико-экономические условия возникновения города, освещаются планировка, застройка и благоустройство Нахичевани и ее селений, архитектурно-художественные особенности жилых, культурных, общественных и коммунально-бытовых сооружений. В основу работы легли систематические поиски в библиотеках и архивах. Несмотря на узкую тему исследования, работа выполнена на широком архивном материале и содержит ценнейшие исторические сведения об истории армян на Дону [14].

В постсоветской историографии среди общих работ по истории города Нахичевани-на-Дону наибольшее значение имеет вышедшее на русском языке монография В.Б. Бархударяна «История армянской колонии Новая Нахичевань (1779 – 1917)» [1]. Работа является его докторской диссертацией, защищенная в Ереване, со временем дополненной и расширенной. Перевод на русский язык и издание работы В. Б. Бархударяна имели огромное значение для донского армяноведения. В монографии подробно изложена

история города Нахичевани-на-Дону со времени переселения армян из Крыма на Дон, хозяйственная деятельность, административное управление колонии в городе и селах, социально-экономическое развитие колонии, участие жителей в революционных движениях России, в том числе и революции 1917 г. На наш взгляд, в монографии довольно слабо, либо вообще не освещена культура города и деятельность различных конфессий. Работа, основанная на широком архивном материале, особенно на вывезенных в Ереван в 1921 г., и труднодоступных для донских краеведов, документах Ново-Нахичеванского магистрата, является и по сей день лучшим исследованием по данной тематике.

Материалы и методы. Исследование основано на принципе междисциплинарности. Исследование проводилось в рамках « исторической урбанистики», нового раздела исторической науки направленного на изучение повседневной, социокультурной, религиозной, экономической жизни городских сообществ. Историзм как основополагающий принцип любого научного исследования в области истории показывает причинно-следственные связи и социальный контекст всех общественных процессов. Понимание взаимозависимости общества и государства, дает комплексную картину исторического прошлого. При анализе архивных материалов, опубликованных документов и научной литературы применялись такие научные методы исторического исследования, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и структурно-функциональный

Имеющиеся по исследуемой проблеме источники можно разделить на следующие группы: 1) делопроизводственные документы; 2) нормативные документы; 3) источники личного происхождения; 4) материалы периодической печати. К документам делопроизводства можно отнести архивные свидетельства, уже опубликованные сборники документов, сборники законодательных актов, статистические сведения, воспоминания современников. При проведении исследования, привлекались материалы как региональных, так и центральных архивов.

Государственный архив Ростовской области вызывает большой интерес богатейшими материалами по истории г. Нахичевани-на-Дону со второй половины XIX до начала XX веков. Большей частью автором использовался фонд 91. Фонд Нахичеванской городской Управы МВД Екатеринославской губернии, а также архив Нахичеванской городской Управы отдела Канцелярии Атамана Войска Донского дает большое количество

материала по вопросам благоустройства и здравоохранения.

Нормативные документы в исследовании представлены законодательными актами. Законодательная основа указов, касающихся крымских, а затем и донских армян г. Нахичевани-на-Дону, нашла отражение в «Полном собрании законов Российской империи» [13].

Источники личного происхождения дают важный материал для изучения города Нахичевани-на-Дону. Важным источником личного происхождения являются воспоминания жителей Нахичевани-на-Дону, известных уроженцев, общественных деятелей, опубликованные в виде мемуаров, в различных изданиях. Так большой интерес вызывает автобиография всемирно известного художника Мартироса Сергеевича Сарьяна «Из моей жизни» [12].

В ходе работы над диссертацией использовалась и периодическая печать. Особенно хочется выделить газету «Ведомости Нахичеванской городской думы» [2; 3; 4; 5], освещавшие деятельность городского общественного управления Нахичевани-на-Дону.

Анализ. Городская инфраструктура и ее развитие определяли уровень благоустройства и санитарного состояния города, важнейших элементов его общественной культуры. Внешний облик города, ухоженность домов, строительство новых жилых и общественных зданий, благоустроенные мостовые, тротуары, парки и бульвары, больницы являются неотъемлемой частью культурно-исторического облика города.

Благоустройство города и создание комфортных условий жизни для его жителей, конечно, напрямую зависит от работы органов городского управления. Одной из важнейших задач деятельности по благоустройству общественного управления городов нового типа на юге России было здравоохранение и санитарное состояние города. От этих сфер зависело здоровье население, росла опасность распространения различных эпидемиологических заболеваний.

Город Нор-Нахичеван (с 1838 г. Нахичеван-на-Дону), основанный армянскими переселенцами в 1779 г. по указу императрицы Екатерины II, застраивался и благоустраивался быстро и согласно с духом времени. В вопросах же санитарии, город, как и вся страна, находился в довольно плачевном состоянии.

Первые 60 лет существования города Нахичевани, прошли без докторов, аптек и больниц. Как писал Г. С. Патканян: «Народ не знал утонченности современной жизни, возможно, не знал многих болезней, возникающих на нервной почве, и других спутников цивилизации» [11, с.312]. Пока европейская цивилизация была им чужда, нахичеванцы обходились без медицины, домашними средствами. Болезни имели немного названий: головная боль, лихорадка, горячка, общий недуг, грыжа, вывихи, травматические случаи. Народ-

ные костоправы справлялись. Опухоли, язвы лечивались тоже народными средствами. Вместо аптек существовал целый ряд маленьких лавок, так называемых «аттарноц», владельцы которых назывались «аттар». Они нередко побеждали болезни, давая пациентам различные растирания, мази, порошки, настойки трав, капли [11, с.312].

Во второй половине XIX в ситуация стала кардинально меняться. Так, например, екатеринославский губернатор согласно городскому положению 1870 г. [13, с. 823 – 824], одним из пунктов в котором, названо забота о здоровье населения и устройства больниц, обращается к нахичеванскому городскому голове И. М. Аладжалову в декабре 1876 г. с предложением открыть в городе больницу, так как в городе, не смотря на то что все средства к этому имеются больница так и не открыта. Поэтому губернатор и обращается с просьбой, обратить внимание нахичеванской городской думы на «необходимость устройства в г. Нахичевани лечебного заведения, как существенную необходимость благоустроенного города» [6, л.1].

Спустя два месяца в феврале 1877 года гласный Нахичеванской городской думы Иван Маркович Попов подает заявление в нахичеванскую городскую думу о том, что устройство и заведение больницы как существенной потребности, составляет одну из главных задач городского управления [6, л.2]. В городе, существовавшем сто лет, не имеется больницы, что весьма чувствительно для его населения. В связи с таким положением дел, И. М. Попов, первым в городе Нахичевани, предлагает поскорее устроить в городе больницу [6, л.2]. И. М. Попов, предлагает пожертвовать принадлежавший ему дом с двором напротив Успенской церкви, для размещения в нем городской больницы [6, л.2]. Так же Попов обязался на свои собственные средства содержать две кровати в больнице [6, л.2].

На заседании Нахичеванской городской думы состоявшимся 24 февраля 1877 г., по поводу обустройства в городе больницы был заслушан доклад городского головы И. М. Аладжалова. В докладе городской голова, признав правоту Екатеринославского губернатора, принимает его предложение и соглашается озаботиться об осуществлении этой идеи [6, л.5]. Городской голова так же принимает предложение Попова И.М., по передаче своего дома в дар городу, для размещения в нем больницы [6, л.5].

Положительное решение городского общественного управления было получено и 19 июня 1877 г. И. М. Попов представил в Управу утвержденный старшим нотариусом Таганрогского окружного суда дарственную запись на пожертвование им в пользу города недвижимое имение, для открытия в нем городской больницы [6, л.17]. В виду этого городская управа 20-го того же июня поручает принять по описи от Попова имение в распоряжение городской Управы, что и было исполнено в точности [6, л.17]. Первый Нахичеван-

ский историк Г. Патканян в своем труде же утверждал, что И. М. Поповым возле Успенской церкви была основана не городская больница, а богадельня для престарелых бедных больных [11, с.313].

Уже 18 февраля 1879 года по личному распоряжению городского головы Исаака Мануиловича Аладжалова и в его присутствии, по совершению молебна и освящения здания, была открыта городская больница. Прием больных начал производиться с 19 февраля [6, л.21]. В 1895 году по инициативе городского головы М. И. Балабанова была построена городская Мариинская больница с амбулаторией. Палаты имелись хирургические, терапевтические, кожные, женские и т.д. позже Кириллом Михайловичем Поповым был выстроен особый детский павильон [11, с. 313].

Больница, приходящаяся на 25 тыс. жителей Нахичевани и прилегающих сел располагала 50 койками. Конечно же, в данных условиях большая часть населения оказывалась без медицинской помощи. Построить новую больницу городская Дума не могла, поэтому просила у высших инстанций разрешение создать средства взиманием больничного налога с приезжего населения. С каждого гражданина, полагалось, прибывшего на лечение в больницу, взимать 1 рубль, а с несовершеннолетних и женщин не взимать, а также проживающих меньше месяца в городе налог не взимать. Государственный совет дал на это согласие [1, с.89]. Благодаря этому спустя время, удается улучшить больничные условия.

Историк архитектуры О. П. Халпахчян утверждал, что больница открыта в 1876 г. [14, с.125]. Больница занимала квартал от 1-й Степной (ныне ул. Ченцова) и 14-й линии. Помимо хирургического и терапевтического отделения, находящихся в одном здании, были сооружены новые корпуса: в 1889 г. кухня с хранилищем продуктов, морг с паталогическими кабинетами, домик обслуживания персонала [9, л.1], в 1893 г. – барак для заразных больных, в 1904 г. – родильный приют [10, л.1]. Медицинский персонал первых годов XX в. был небольшим, всего восемь работников [14, с.125]. В начале XX столетия больница состояла из десяти, в основном прямоугольных, строений, свободно расположенных в глубине территории, выстроенных в господствующих на юге России архитектурных формах [14, с.125].

В качестве мер по наблюдению смертельных случаев от эпидемиологических болезней Екатеринославский губернатор предложил нахичеванскому городскому голове учредить регистрацию смертности в городе. Городским общественным управлением введены следующие предписания. Духовенству не хоронить покойников без полицейского разрешительного билета. Частным лицам (родственником покойника) предоставляется извещение о смерти в пределах города Нахичевани с предоставлением свидетельств об осмотре покойника врачом, о причинах

смерти. В случае обнаружения путем освидетельствования у покойника признаков заразной болезни необходимо немедленно сообщить городской управе о принятии надлежащих мер против распространения заразы [8, л.1].

Помимо здравоохранения городское общественное управление активно следила и за санитарным состоянием города, которое находилось в очень плачевном состоянии. Вот что известный советский художник, Мартирос Сергеевич Сарьян, проведя годы в Нахичевани, вспоминал о благоустроенности города: «Улица немощёная, и поэтому весной после таяния снега и летом после дождей превращалась в непроходимое болото, в котором вязли даже экипажи вместе с лошадьми. Проходящие под забором люди теряли калоши. Жители, борясь с грязью, сооружали вдоль улиц дощатые мостки» [12, с.34]. Подобное состояние города, создавало благоприятные условия для распространения различных эпидемиологических болезней. В связи с этим проводятся ряд профилактических мер для борьбы с эпидемиологическими болезнями.

Так например, 28 января 1879 г., на заседании Нахичеванской городской думы было проведено совещания, по случаю эпидемии чумы в Енаatieвском уезде Астраханской губернии на котором нахичеванским городским головой И. М. Аладжаловым было акцентировано внимание на плохих санитарных условиях города, таких как скученность населения, теснота и грязь в помещениях, нечистота и гниющие органические вещества во дворах, на площадях, улицах и всякого рода торговых и промышленных заведениях, заражающих воздух и способствующие появлению и распространению инфекционных болезней [7, с.2].

Городским головой были предложены меры по профилактике чумы и других болезней. Так, владельцы салотопенных, струнных и клееварных заводов обязаны немедленно очистить и дезинфицировать свои заведения. Так как самым мощным и радикальным дезинфицирующим средством является огонь, то для уничтожения всех органических остатков как внутри заводов, так и близ них, должно быть употреблено это средство. В случаях невозможности использования огня и даже постройки специальных печей для сжигания нечистот, следует, все нечистоты и отбросы зарывать в ямы и обсыпав, и облив дезинфицирующими средствами, засыпать свежей землей. По указанию городского врача: поднять полы в заводах и как землю под полами, так и сами полы и стены завода дезинфицировать. Следовало тщательно очищать базарные площади, вывозить нечистоты за город и сжигать их, а сами площади дезинфицировать, также не допускать выбрасывание навоза и других нечистот на улицы. Домовладельцы обязывались соблюдать чистоту во дворах и очищать ретирадные места, выгребные и помойные ямы, проводить тщательную дезинфекцию. Производить тщательный осмотр торговых и промышленных заве-

дений, обязать владельцев их соблюдать в них чистоту, очищать балки по реке Дон и дезинфицировать их. Дома, где помещались рабочие артели, должны были содержаться в чистоте. Необходимо постоянное их проветривание и дезинфекция с помощью терпентина. Количество живущих в доме рабочих должно соответствовать размерам помещения. Чрезмерная скученность не допускалась. В случае несвоевременной очистки дворов, она должна производиться на средства городского управления за счет виновных. Очистка же у бедного населения должна производиться за счет города. Для удобства населения строится склад дезинфекционных средств при Управе или при одной из городских аптек. Для наблюдения за точностью исполнения жителями санитарных правил иметь 4-х санитарных комиссаров, по одному на каждый участок города, с двумя, при каждом из них санитарном смотрителе [7, л.2-4].

При нарушении санитарных правил, комиссар был обязан составлять акт совместно с участковым полицейским надзирателем, который предоставляется в Управу или полицейскую часть. Также комиссары обязывались ежедневно сообщать городской Управе о состоянии своего участка. Особенное внимание комиссаров обращалось на бедные слои населения, состояние их жилищ, они осведомляли о нуждающихся, дабы городское управление могло прийти на помощь им через попечительство о бедных [7, л.2-4].

Помимо вышеперечисленного городское общественное управление заботилось о чистоте частных дворов и помещений различных заведений. Так, в 1892 г. городской думой, жителям Нахичевани, было разослано 266 предупредительных повесток, не исполнивших требования, привлекали к ответственности. Было составлено 650 протоколов. Сумма штрафов за неисполнение санитарных требований составила 485 р. [2, с.3].

Особенно строго санитарный надзор велся на Нахичеванском рынке. Так в 1892 г. в мясных лавках было уничтожено до 10 пудов испорченного мяса и до 50 печени, составлено 6 протоколов, мировым судьей штрафов наложено 130 р. [2, с.3]. В рыбных лавках уничтожено 15 пудов испорченной рыбы. Обнаружен один случай нарушения правил. Хозяин был оштрафован на 50 руб. [2, с.3]. Во фруктовых лавках уничтожено до 10 пудов гнилых и испорченных фруктов. По 4 протоколам взыскан штраф 35 руб. [2, с.3]. В бакалейных лавках уничтожены испортившиеся колбасы, сыр. Составлен 1 протокол, наложен штраф 10 р. [2, с.3]. Содержатели 3-х трактиров и дворов в Нахичевани привлечены к ответственности и оштрафованы за неопрятное содержание их заведений на 40 р. Во всех пекарнях города введены рукомойники, для ночлега рабочих отданы особые помещения. Два содержателя пекарни за нарушение санитарных постановлений привлечены к ответственности и оштрафованы мировым судьей на 100 р. [2, с.3].

В парикмахерских так же были установлены рукомойники [2, с.3]. На салганах где забивался

мелкий рогатый скот принимаются всевозможные меры для предотвращения распространения запахов. За несоблюдением требований один из владельцев оштрафован на 25 р. [2, с.3]. На многих фабриках найдены некоторые упущения. Таким образом, составлено 89 протоколов, сумма штрафов достигла 1025 р.

В промышленных и других заведениях (цирюльни, пекарни) производился медицинский осмотр служащих, и если встречался заразный больной, то он отправлялся на лечение в больницу. Дезинфекция помещений производилась везде, где только появлялась болезнь. Было очищено 50 таких домов. В разных частях города было устроено до 100 помойных ям и 67 ретиральных мест [2, с.3].

Городское общественное управление следило и за чистотой города. Нахичеванской городской Управой были отведены места для свалок грязи, земли, мусора и навоза позади Александровского сада, на 15 линии около сада Гайрабетовых, на 35 линии возле сада Штримера. За соблюдение порядка Управа вела строгое наблюдение [3, с.4]. Были составлены особые правила по содержанию города в чистоте. Так жители города обязаны содержать в исправности и чистоте улицы, площади, мостовые, тротуары, канавы и т.п. Воспрещается сор и другие нечистоты выливать на улицу. Владельцы домов по мощенным улицам, площадям и линиям обязаны счищать грязь с мостовой, и собрав в кучу, тотчас же свозить в балку по 1-й Георгиевской улице напротив Александровского сада и по 7-й линии города. В эти же балки свозить и мусор, добываемые из построек [3, с.4].

Для вывоза нечистот из ретиральных мест и помойных ям, мусора и навоза городской Управой выделено особое на выгоне, на северо-восточной стороне города [3, с.4]. Желаящие воспользоваться городским ассенизаторским обозом должны были обращаться с письменным заявлением в городскую Управу, точно указав в нем адреса места (улица, № дома), подлежащие очистке. Плата за каждую вывезенную бочку нечистот – до 10 бочек по 75 копеек, свыше 10 – по 60 копеек. Плата за пользование обозом производилась в Управе [5, с.4].

Результаты. В итоге исследования можно сделать вывод, что после принятия нового городского положения 1870 г., городское общественное управление г. Нахичевани-на-Дону приступило к кардинальному решению вопроса здравоохранения. Так в г. Нахичевани-на-Дону была открыта первая больница, в бывшем особняке купца И. М. Попова, содержащейся на его средства. Спустя несколько лет, строятся специализированные большие корпуса на 50 коек для городской больницы, получившей название Мариинской, в честь императрицы Марии Федоровны.

В качестве меры по борьбе с инфекционными болезнями екатеринославским губернатором предлагается регистрировать мертвых и про-

водить медицинское освидетельствование покойного с выдачей документа о причинах смерти. При обнаружении опасного заболевания, срочно предпринимались меры по ликвидации очага заражения. Городское общественное управление контролировало санитарное состояние города, принимало меры против распространения различных заболеваний. Заводам предписывалось производить уборку в помещениях и дезинфицировать их, ликвидировать свои отходы, на базах необходимо убирать отходы и дезинфицировать площади, владельцы домов так же обязыва-

лись чистить свои дворы, помойные и ретиральные ямы, у бедного населения чистка проводилась за счет управы, необходимо также было чистить берега реки Дон, в домах где жили рабочие артели запрещалось допускать скученность населения. Для поддержания санитарного порядка назначаются 4 санитарных комиссара, которые обязаны были наблюдать за соблюдением санитарных правил. Таким образом, в г. Нахичевани, с основанием городской больницы, появляется возможность получать квалифицированную медицинскую помощь, а с основанием органов санитарного надзора санитарное состояние города.

Литература

1. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / В.Б. Бархударян; под ред. С. Дароян, В. Хачатурян; Пер. с арм. Григорова. Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
2. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы. 1892. № 5.
3. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы. 1892. № 17.
4. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы. 1895. № 1.
5. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы. 1895. № 2.
6. Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф.91. Оп.1. Д.156.
7. ГАРО. Ф.91. Оп.1. Д.209.
8. ГАРО. Ф.91. Оп.1. Д.210.
9. ГАРО. Ф.91. Оп.1. Д.684.
10. ГАРО. Ф.91. Оп.1. Д.1223.
11. Келле-Шагинов, И. Моя единственная жизнь; Дневники и воспоминания. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. 320 с.
12. Сарьян С. Из моей жизни / Под ред. Ш. Г. Хачатряна. М.: Изобраз. искусство, 1990. 241 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. - СПб.: Тип. 2-го Отделения СЕИВК, 1830–1885.
14. Халпахчян, О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван: Айастан, 1988. 168 с.

References

1. Barkhudaryan, V. B. History of the Armenian colony New Nakhichevan (1779-1917). V.B. Barkhudaryan; edited by S. Daroyan, V. Khachaturyan; Per. with AVR. Grigorova. Yerevan: Hayastan; 1996. 528 p. (In Russ.).
2. *Vedomosti Nakhichevanskoy-na-Donu gorodskoy Dumy*. 1892. No. 5. (In Russ.).
3. *Vedomosti Nakhichevanskoy-na-Donu gorodskoy Dumy*. 1892. No. 17. (In Russ.).
4. *Vedomosti Nakhichevanskoy-na-Donu gorodskoy Dumy*. 1895. No. 1. (In Russ.).
5. *Vedomosti Nakhichevanskoy-na-Donu gorodskoy Dumy*. 1895. No. 2. (In Russ.).
6. State Archive of the Rostov Region (GARO). F.91. Inv.1. D.156. (In Russ.).
7. GARO. F.91. Inv.1. D.209. (In Russ.).
8. GARO. F.91. Inv.1. D.210. (In Russ.).
9. GARO. F.91. Inv.1. D.684. (In Russ.).
10. GARO. F.91. Inv.1. D.1223. (In Russ.).
11. Kelle-Shaginov, I. My only life; Diaries and memories. Rostov-on-Don: Old Russians; 2015. 320 p. (In Russ.).
12. Saryan, S. From my life. Ed. by Sh. G. Khachatryan. M.: Image. Art; 1990. 241 p. (In Russ.).
13. Complete collection of laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Printing house of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Office; 1830-1885. (In Russ.).
14. Khalpakhchyan O.Kh. Architecture of Nakhichevan-on-Don. Yerevan: Hayastan; 1988. 168 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (470.6)"18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.5>

ЭТНОГРАФИЯ КAVKAZA В ОТРАЖЕНИИ КОЛЛЕКЦИЙ КАВКАЗСКОГО МУЗЕЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Татьяна Александровна Колосовская^{1*}, Александр Андреевич Жердев²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

tkolosovskaia@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

² Ставропольская краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова (14, ул. Маршала Жукова, Ставрополь, 355035, Российская Федерация)

mr.zherdev@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0438-9006>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена научной проблеме конструирования этнографического знания о Кавказе в позднем имперском периоде. Вопросы сбора, систематизации и популяризации сведений о традиционной культуре местных народов рассматриваются в институциональном аспекте на материалах Кавказского музея. **Материалы и методы.** На основе широкого круга источников авторы характеризуют роль музея в формировании представлений о местной этнографии. Анализ содержания этнографических коллекций и их экспозиционного оформления в контексте взаимодействия власти, науки и общества, позволил показать какими средствами и в каком духе проходила эта работа. **Анализ.** В фокусе рассмотрения оказались исследовательские практики директора музея Г. И. Радде и его современников по созданию и развитию Этнографического отдела музея. Среди дарителей экспонатов было не мало известных государственных деятелей. Однако главным источником пополнения музейных фондов были предметы материальной и духовной культуры, приобретаемые Радде во время его путешествий по Кавказу или в результате взаимодействия с другими учреждениями и учеными. Особое внимание в статье уделяется выработке оригинального подхода к экспозиции этнографических предметов. Авторы приводят различные точки зрения современников по данному вопросу. **Результаты.** Делается вывод о том, что при поддержке местной администрации, а также благодаря энергии и трудолюбию Г. И. Радде, Кавказский музей превратился в ведущий научно-просветительский центр местной этнографии. В условиях, когда научное знание о народах региона

только формировалось, он представлял собирательный образ традиционной культуры Востока, сформировавшийся в массовом сознании современников. Его этнографические коллекции демонстрировали многообразие местных народов, недавно ставших российскими подданными и тем самым подчеркивали мощь и величие империи в целом. Обосновывается также научное значение музея, объективно способствующего приращению этнографического знания о регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, этнографическое кавказоведение, Кавказский музей, этнографическая коллекция, Г.И. Радде

Для цитирования: Колосовская Т. А., Жердев А. А. Этнография Кавказа в отражении коллекций Кавказского музея (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 588-595. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.5>

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 20.08.2023.

Статья принята к публикации: 26.09.2023.

Research article

THE CAUCASUS ETHNOGRAPHY IN THE CAUCASUS MUSEUM COLLECTIONS (SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CC.)

Tatiana A. Kolosovskaya^{1*}, Alexandr A. Zherdev²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Doctor. Sc. (History), Associate Professor

tkolosovskaia@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

² Stavropol Regional Universal Scientific Library named after M.Yu. Lermontov (14, Marshala Zhukov St., Stavropol, 355035, Russian Federation)

mr.zherdev@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0438-9006>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The paper focuses on the issue of constructing ethnographic knowledge about the Caucasus in the late imperial period. All issues of collecting, systematizing and popularizing information about the traditional cultures of local peoples are considered from an institutional aspect using materials from the Caucasus Museum. **Materials and Methods.** The authors characterize the role of the museum in shaping ideas about local ethnography based on a wide range of sources. The analysis of the content of ethnographic collections and their exhibition design

in the context of interaction between government, science and society was carried out. It showed by what means and in what spirit this work took place. **Analysis.** The paper focuses on the research practices of museum director G. I. Radde and his contemporaries in creation and development of the Ethnographic Department of the museum. The author shows that quite a few famous statesmen acted as contributors of the exhibits. The main source of replenishment of the museum collections were objects of material and spiritual culture acquired by Radde during his travels in the Cau-

casus or as a result of interaction with other institutions and scientists. Particular attention is paid to the development of an original approach to the exhibition of ethnographic objects. The author gives various points of view of contemporaries on this issue. **Results.** The authors conclude that with the support of the local administration, together with G. I. Radde's energy and hard work, the Caucasus Museum turned into a leading scientific and educational center of local ethnography. In conditions when scientific knowledge about the peoples of the region was just elaborating, he represented a collective image of the traditional culture of the East, formed in the mass consciousness of his contemporaries. His ethnographic collections showed the diversity of local peoples who had recently become Russian subjects and thereby emphasized the power and greatness of the entire Empire. The scientific significance of the Caucasus Museum, which contributes to the rise of ethnographic knowledge about the region, is also substantiated.

Введение. Становление российского кавказоведения входит в число активно разрабатываемых тем в современной исторической науке. История производства этнографического знания о Кавказе в условиях Российской империи является важной ее составляющей. Накопление сведений о кавказских народах в это время приобретает институциональное оформление и находит отражение в деятельности различных учреждений. Свое место среди них занимал Кавказский музей, функционировавший в г. Тифлисе во второй половине XIX – начале XX в.

Вопросы институционализации российского кавказоведения в позднеимперский период рассматриваются современными исследователями как в контексте российской политики в регионе [25], так и в ракурсе оформления местной историографической традиции [8]. Отдельным направлением данной проблематики является история развития музейного дела в регионе. Несмотря на наличие отдельных трудов, в том числе посвященных музеям этнографической направленности [2; 3; 10], разработка темы еще далека от завершения и заслуживает продолжения изучения.

Материалы и методы. В рамках настоящей статьи обратимся к истории функционирования Кавказского музея и проанализируем его вклад в формирование знаний и представлений о местной этнографии в позднеимперский период. В фокусе рассмотрения окажутся исследовательские практики директора музея Г. И. Радде и его современников, направленные на собирание, систематизацию и экспозицию предметов этнографического отдела музея. Анализ содержания этнографических коллекций и их экспозиционного оформления в контексте взаимодействия власти, науки и общества, позволит показать какими средствами и в каком духе проходила эта работа.

Материалами для настоящей статьи выступили отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) и частично опубликованные годовые отчеты о деятельности музея, путеводители по музею различных лет издания, а также нарративы директора музея Г.И. Радде и его коллег. В их числе следует выделить подготовленную К. Ф. Ганом биографию Радде. Написанная на основе имеющихся в

Keywords: Russian Empire, Caucasus, the Ethnographical Caucasus studies, the Caucasus Museum, Collections on Ethnography, G. I. Radde

For citation: Kolosovskaya T. A., Zherdev A. A. The Caucasus Ethnography in the Caucasus Museum Collections (second half of XIX – early XX cc.). *Humanities and law research*. 2023;10(4):588-595. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.5>

Acknowledgments: the study has been funded by the Russian Science Foundation, No 23-28-00302, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00302/>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 15.07.2023.

The article was approved after reviewing: 20.08.2023.

The article was accepted for publication: 26.09.2023.

распоряжении автора документальных материалов (музейных отчетов, служебной корреспонденции, личных наблюдений) она является весьма подробным и репрезентативным источником сведений по обозначенной проблеме.

Особое внимание было уделено отложившимся в РГИА делопроизводственным материалам Департамента народного просвещения (Ф. 733), в ведение которого находился Кавказский музей с 1883 г. Речь идет об официальной переписке, проектах положений и справках, включающих информацию о деятельности музея и пополнении фондов вплоть до его закрытия в 1913 г., в связи с постройкой нового здания. О том впечатлении, которое этнографические коллекции музея производили на современников, а также об их оценках представителями научного сообщества, узнаем по заметкам, опубликованным на страницах газеты «Кавказ».

Анализ. Императорская Россия не могла похвастаться большим количеством местных музеев. Попытки их устройства были предприняты в Астрахани, Кишиневе, Сибири (в Барнауле, Иркутске, Тобольске, Енисейске и Минусинске). Но, по оценке современников, чаще всего такие учреждения представляли собой «хранилища довольно жалких коллекций, собранных случайно, без плана и системы – так, что из них нельзя вывести заключения о природе и жителях данной местности» [7, с. 4].

Исключением в этом отношении был Кавказский музей, существенно выделявшийся в ряду других учреждений подобного рода. Идея о его открытии возникла в середине XIX в. при кавказском наместнике М. С. Воронцове. Ее реализация связана с деятельностью Кавказского отдела Русского географического общества (далее – РГО), постановлением которого, 10 мая 1852 г., было решено учредить музей. Задачами последнего являлись сбор и сохранение всего, что касалось этнографии, истории и естествознания края [21, л. 1]. Тогда же в г. Тифлисе было подыскано помещение, куда и стали поступать отдельные предметы, а также небольшие естественно-исторические и археологические коллекции. Однако, тогда музей не получил

должного развития и уже через 10 лет дирекция музея была упразднена, а музейные коллекции оставлены на произвол судьбы.

Благоприятные условия для развития музейного дела в регионе сформировались к середине 1860-х гг. После завершения Кавказской войны усилия правительства были сконцентрированы уже в другом направлении и на повестку дня вышла проблема введения «европейского устройства там, где царил прежде варварство» [14, с. 190]. Большая роль в этом деле отводилась науке и ученым, активно прибывающим в регион. Одним из таких специалистов был Густав Иванович Радде (1831–1903) – естествоиспытатель и путешественник немецкого происхождения. В 1852 г. он переехал в Россию из Данцига, до 1855 г. жил в Крыму, в 1855–1860 гг. участвовал в Восточно-Сибирской экспедиции РГО, затем работал в Петербурге в Зоологическом музее Академии наук. В 1863 г. Радде прибыл на Кавказ, изучению ботаники, зоологии и этнографии которого посвятил всю свою оставшуюся жизнь [11, с. 252].

Уже по окончании первого путешествия Радде по Кавказу следовало решить судьбу собранных им коллекций, которые представляли интерес как для специалистов, так и для обывателей. Тогда вновь вспомнили о находившемся в забвении музее Кавказского отдела РГО. При помощи А. П. Берже и при поддержке со стороны начальника Главного управления кавказского наместника А. П. Николаи, 2 июня 1865 г. наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич утвердил проект создания на его основе Кавказского музея [1, с. 77]. Получив новый штат этот музей окончательно отделялся от Кавказского отдела РГО. Назначенный директором Радде, в ноябре того же года принял от отдела остаток коллекций, принадлежащих первоначальному музею. Их разобрали и привели в порядок, а 2 января 1867 г., в присутствии кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, состоялось торжественное открытие нового музея.

С самого начала Радде предлагал передать в Кавказский музей все мало-мальски интересные коллекции из других местных учреждений и частных рук и тем самым превратить его в центр, «к которому направится все, имеющее научное достоинство для познания «земли и людей» [15, с. 199]. Согласно разработанной им концепции предлагалось образовать пять музейных отделов, один из которых был посвящен местной этнографии.

Большое внимание этнографическим материалам отводилось еще в музее Кавказского отдела РГО. Их пополнение во многом было связано с энергичной деятельностью А. П. Берже. После реорганизации 1865 г. накопление этнографического материала продолжилось. Уже в первый год управления музеем Радде приступили к изготовлению цельных фигур, представлявших типы жителей Кавказа. В итоге были подготовлены фигуры абхазца, ахалцихского армянина и армянки, а также тушинки. В дальнейшем Радде

планировал увеличить количество фигур до 150 и расположить их по национальным группам, в которых представить мужчину, женщину и ребенка [15, с. 200].

Одновременно в музее были представлены манекены, демонстрирующие типы населения Дальнего Востока и Аляски, что позволяло посетителям познакомиться с народами, представляющими другие окраины Российской империи [15, с. 200].

Сначала для музея был снят частный дом на окраине города, в котором все этнографические предметы сосредоточились в одной из трех зал. Из-за недостатка места, должной научной классификации по значению и времени в их размещении не соблюдалось [14, с. 191]. В этнографическом отделе было немало археологических предметов эпохи камня, бронзы и раннего железного века. Это были обнаруженные в разных частях Кавказа орудия труда древнейшего человека, оружие, украшения, фигурки культового характера и др.

Современная этнография была представлена экспонатами горцев, проживавших ближе к Большому Кавказскому хребту. Их материалам Радде уделил особое внимание, как народам, избежавшим сильного внешнего влияния со стороны Турции, Персии, Грузии и Армении, и сохранившим оригинальность в быту, в нравах и обычаях. Несмотря на крайнюю бедность, они привлекали внимание путешественников, в том числе их домашняя утварь, музыкальные инструменты, оружие. При этом кочевые тюркоязычные народы были представлены в музее преимущественно предметами украшения [15, с. 199].

Собрание оружия включало дорогие персидские клинки и значительное количество древних лат и шлемов с различными надписями. Часть их была передана в музей из Тифлиссского арсенала по распоряжению главнокомандующего великого князя Михаила Николаевича. Украшением отдела стали подаренные музеем генерал-лейтенантом И. А. Бартоломеем доспехи и оружие князя Ивана Мухранского, министра двора царя Ираклия II. Радде планировал поместить их на специально изготовленную для этого случая в натуральную величину модель и тем самым наглядно продемонстрировать полный комплект военного снаряжения в вооружения грузинского воина последней четверти XVIII в. [16, с. 203].

На специальных деревянных подставках разместили фотографии местности, отражающие разнообразие кавказского ландшафта. Они были подготовлены военными топографами и переданы в музей из штаба Кавказского военного округа. В дальнейшем Радде планировал разместить фотографии в строгой последовательности по округам и областям так, что «посетителю Кавказского музея с помощью ландкарты возможно будет достаточно ознакомиться с «землей и людьми» [16, с. 203].

Поскольку коллекции музея стремительно увеличивались, то в 1868 г., в центре г. Тифлиса,

напротив дворца кавказского наместника, приступили к постройке для него особого здания [1, с. 81]. Строительные работы велись быстро и уже в сентябре 1869 г. занялись установкой предметов в новых залах. В этом же году в ведение директора музея была передана Тифлисская публичная библиотека. Новое расположение музея, а также более просторные помещения открывали благоприятные перспективы для дальнейшего его развития и превращения в научный и культурный центр региона.

1 сентября 1870 г. музей открыли для публики. Самое благоприятное впечатление на посетителей оказал зоологический зал. В его устройстве чувствовалась рука специалиста. Гораздо осторожнее, и даже с известной долей критики, отнеслись современники к представлению в музее предметов кавказской этнографии. На переднем плане гости видели две большие фигуры: ахалцхской армянки и тушинки. По стенам и в шкафах – одежду, головные покрывала и обувь, оружие, кавказские музыкальные инструменты, предметы роскоши, металлические вещи для домашнего употребления, седла, уздечки и др. подобные принадлежности для лошадей, верблюдов и быков, деревянную домашнюю утварь, модели земледельческих и промышленных орудий, мебель, глиняные и каменные сосуды [13, с. 2].

Посетители терялись в массе разрозненных этнографических предметов. Побывавший в музее, в 1871 г., преподаватель русского языка и словесности Тифлисской гимназии П. П. Надеждин считал, что гораздо полезнее было бы систематизировать материал по этническим группам, проживающим в различных частях Кавказа: на Северном Кавказе – славяне, черкесы, осетины, чеченцы, тюркоязычные кочевники и калмыки; на Западном Кавказе – абхазцы; на Восточном – лезгины; в Закавказском крае – картвелы, гайканы, татары, персы, курды, евреи, греки, немцы-колонисты и др. В такие группы было бы желательно включить и сословных представителей [13, с. 2].

За образец он предлагал взять представление народностей Российской империи на Московской этнографической выставке в 1867 г. Тогда основная масса экспонатов была объединена в группы, где манекены, одетые в национальные костюмы, располагались вблизи построек, среди предметов утвари и хозяйства [24, с. 401]. По мнению Надеждина музей существенно выиграл бы, если установить «группами маски народных кавказских типов со всеми возможными атрибутами, т.е. с платьями, надетыми на чучела мужчин и женщин, с мебелью, моделями домов, храмов (кумирни, мечети), экипажей, судов, бывших в употреблении в частной жизни, с реестрами кушаний и напитков, развешанных около столов на стенах, с почтенными орудиями благороднейшей деятельности человека – труда: орудиями охоты, рыбной ловли, земледелия и ремесел и пр., с орудиями истребления – вооружением, моделями укрепленных мест, осадных машин и пр.» [13, с. 2].

В условиях, когда Кавказ начинал жить общей жизнью с Россией, характерные черты его бытовой жизни с каждым годом стирались. Предложенный подход к устройству экспозиции должен был превратить музей в научно-просветительский центр по сохранению для потомков представлений об оригинальности отдельных этнических групп региона.

Проблема систематизации этнографических предметов осложнялась тем, что с каждым годом их количество стремительно увеличивалось. Среди дарителей экспонатов для этнографического отдела было не мало известных государственных деятелей. Так, кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич преподнес музею крест с золотой цепью и драгоценными камнями, портрет Тамерлана персидской работы и фотографию присяги Шамиля в Калуге. Главнокомандующий на Кавказе А. М. Дондуков-Корсаков подарил музею фотографии, снятые во время его путешествия в Закаспийском крае. Персидский генеральный консул Мирза Риза-Хан передал музею чапрак (нарядное покрывало, надеваемое на лошадь под седло) и образцы персидского письма [17, с. 17].

Свой вклад в пополнение этнографической коллекции внесли местные учреждения и их руководители. 36 фотографий подарил музею Кавказский статистический комитет. Секретарь Ставропольского губернского статистического комитета И. В. Бентковский передал несколько этнографических предметов калмыков. Председатель Кавказской археографической комиссии А. П. Берже – модель церкви Св. Рипсимии, а также портреты всех выдающихся на Кавказе государственных мужей и женщин с 1801 г. [17, с. 17].

Ряд гражданских и военных чиновников тоже внесли свой вклад в пополнение музейных фондов. Тифлисский архитектор А. Ф. Зальцман подарил 107 гипсовых слепков старых и новых орнаментов; генерал-лейтенант Кауфман – 85 фотографий народностей Средней Азии, а также образцы туранской майолики; тайный советник Н. И. Прибыль – этнографическую карту Кавказа Н. К. Зейдлица [17, с. 17].

Систематическое пополнение и обновление коллекций привело к необходимости расширения помещений музея и надстройки над его зданием еще одного этажа [21, л. 2]. В 1879 г. отдел этнографии переехал на верхний этаж, где разместился в двух просторных залах, что открывало больше возможностей для реализации Радде его творческих идей по организации экспозиции обширного этнографического материала.

После перестройки музея особое внимание было уделено его интерьеру. «Для обыкновенного посетителя внешняя обстановка музея играет не последнюю роль, – подчеркивалось в заметке газеты Кавказ за 1881 г., – ...для обыкновенной публики оно безусловно необходимо, привлекая собой лишних посетителей, оно способ-

ствует распространению сведений о Кавказе, знакомству с его богатствами, а следовательно, и его развитию» [6, с. 2]. Радде понимал, что богатство научного содержания будет интересовать лишь узкую часть общества, в лице представителей ученого мира. При этом он был убежден, что его музей предназначен не только для специалистов, но и для обывателей, поэтому своим убранством и предметами он должен был пробуждать интерес в публике. И чем более это удавалось, тем более музей, по отношению к публике, выполнял свое назначение [7, с. 7].

Посетителей музея поражало изящество музейных интерьеров. Сразу после входа гости попадали в богато украшенные в персидском стиле восьмиугольные сени, с орнаментом белого цвета на голубом фоне. Особая атмосфера была создана и в залах этнографического отделения. Из отчета музея за 1884 г. мы узнаем, что для этой цели была применена так называемая «ковровая живопись»: этнические узоры, изображаемые на коврах, были нанесены на прочные бумажные материи, которыми закрыли порталы, карнизы и потолки. Так, один из залов был декорирован азербайджанскими и кубинскими узорами, другой – туркменскими [22, л. 2 об. – 3].

В 1880 г. Радде вновь вернулся к идее изготовления фигур кавказских народностей и обратился с ходатайством о выделении средств для ее реализации [17, с. 31]. Выполненные местным художником Ф. И. Ходоровичем в естественную величину и облаченные в национальные костюмы, они стали главным, что привлекало к себе внимание посетителя залов этнографического отдела. 50 фигур были систематизированы в группы, которые представляли 1) картвельские народы (грузин, мингрельцев, имеретин, гурийцев, сванов, хевсуров) и осетин; 2) абдзехов и кбардинцев; 3) лезгин, кумыков, чеченцев; 4) абхазцев; 5) персов и закавказских татар; 6) кавказских евреев и армян; 7) туркмен [1, с. 115].

В шкафах были расставлены весьма разнообразные этнографические предметы Кавказа. В их числе разного рода оружие (кинжалы, сабли, шлемы, щиты, кольчуги), седла, музыкальные инструменты, различные сосуды для хранения жидкости, трубки, шляпы и шапки, обувь, женские украшения, домашняя утварь и ткани ручного производства. Некоторые предметы, хранившиеся ранее в шкафах, были установлены рядом с фигурами [19, с. 40–53].

Стены были увешаны местными шелковыми и шерстяными тканями, на полах – местные ковры и войлоки, которые вместе с тканями образовывали богатый материал для изучения промышленности Кавказа [19, с. 54].

Значительная часть представленных в музее этнографических предметов была весьма распространена на Кавказе и приобретена за деньги у местного населения. Но, были в музее и уникальные вещи, которые удалось получить Радде в ходе его частых путешествий по региону.

Это оригинальные местные ткани, шерстяная обувь и принадлежности женских нарядов, которые постепенно вытеснялись предметами европейского фабричного производства даже в отдаленных уголках Кавказских гор [18, с. 38]. Современники понимали, что с каждым годом, все более и более исчезала оригинальная местная этнография и заслуга Радде состояла в том, что своими трудами он помогал спасти «туземные» предметы – эти любопытные остатки местной культуры и сохранить их в Кавказском музее [7, с. 9].

Сам Радде, характеризуя устройство этнографического отдела, подчеркивал, что при его формировании он, по возможности, избегал все чужестранное, не имеющее прямого отношения к Кавказу, в особенности все европейское. «Представить собственную страну и лежащие к востоку соседние земли, – говорил директор музея, – и применить для этого их-же произведения, напр., ткани, украшения и орнаменты, было задачей, которая преследовалась при этом главным образом» [17, с. 16].

Представители академического сообщества упрекали Радде в том, что в музее акцент делается на показных коллекциях, которым отведено больше места, чем коллекциям систематическим. На это Радде отвечал вопросом: «Что лучше по отношению к массе посетителей: представить ли им пустые голые стены и деревянные подставки с животными, или же полные жизни группы животных, размещенных на искусственно изготовленной почве перед верными природе живописными видами на стенах, чтобы этим последним средством привлекать общее внимание, воздействовать на воображение и возбудить интерес к природе и естествознанию?» [17, с. 52]. Так, вместо скучного расположения макетов животных по размеру в шеренгу, на деревянных подставках, Радде создавал живописные композиции, привлекающие к себе внимание и позволяющие почувствовать местную атмосферу.

Этим же принципом Радде руководствовался и при устройстве этнографического отделения, при расположении типов многочисленных кавказских народов. «Позади группы картлийских племен мы усматриваем колхидский ландшафт, – пишет современник. – Там, где поставлены хевсуры, тушинцы, осетины и сванеты, ландшафт представляет характер верхнего древесного предела, по соседству которого живут эти племена: мы видим здесь альпийские луга, а позади снежные горы. В главной зале этого отделения, потолок которой покрыт узорами гладких кубинских тканей, постановлены группы армян, евреев, молукан, духоборцев, курдов, татар, персиян, абхазов, и большая группа дагестанских племен, из которых два авара моделированы самим Радде» [7, с. 8].

В феврале 1888 г. Радде сделал займ на приобретение предметов для пополнения этнографического отдела и придания ему законченного вида. Им были приобретены образцы все-

возможных восточных тканей, которыми был покрыт пол в отделении. По ним можно было легко изучить варианты ткацкого производства и различные сорта войлоков, изготовленных на Кавказе, в Закаспийском крае и в Персии [23, л. 4].

Существенное пополнение этнографической коллекции произошло благодаря приобретению предметов проходившей в г. Тифлисе, в 1889 г., крупной сельскохозяйственной и промышленной выставке. Особый интерес для музея представлял богато обставленный отдел кустарной промышленности на Кавказе. Курировавший этот отдел Е. Г. Вейденбаум охотно согласился по завершению выставки продать или даже подарить музею все модели промышленности и предметы мелкого ручного производства. Пополнение музейной коллекции было столь значительным, что из-за недостатка места в шкафах, Радде пришлось отказаться от принятой систематизации и разместить вновь приобретенные предметы на отдельных столах, в виде этажерок, с общей надписью: «В память Тифлисской выставки предметов сельского хозяйства и промышленности 1889 года» [18, с. 52].

Приобретение экспонатов Тифлисской выставки стало самым существенным и последним пополнением этнографического отдела музея в период его управления Г. И. Радде. Для дальнейшего расширения не хватало ни места, ни средств.

Мнение современников о том, насколько удачно собранные и представленные в Кавказском музее предметы отражали этническое многообразие Кавказа разделилось. Одни считали, что этнографические коллекции, выставленные в двух залах музея, отличались «такой полнотой, что без преувеличения можно сказать, что в них едва ли отсутствует сколько-нибудь выдающийся предмет новейшей этнографии Кавказа, начиная от обыкновеннейших базарных предметов, через всю область кустарной промышленности, до предметов роскоши» [7, с. 13–14].

Другие, за излишнюю увлеченность Радде производимым эффектом в ущерб научности, обрушились на него с жесткой критикой. «В бытность нашу в Тифлисе летом 1891 г. нас поразила внешность музея, – писал профессор М. А. Мензбир, – где все, начиная со стен и кончая коллекциями, рассчитано на то, чтобы бросалось в глаза посетителям» [12, с. 166]. При этом систематизация материала и его научное описание отодвигалась на второй план. Такая критическая позиция основывалась на утвердившемся к тому времени понимании, что для развития этнографии как науки недостаточно еще того, чтобы был этнографический материал. Необходимо чтобы сам сбор этого материала производился не случайно и урывками, а систематически, в порядке, взаимосвязи и полное [24, с. 379].

В роли научного оппонента Радде выступил также известный кавказский статистик и переводчик многочисленных немецких трудов о Кавказе

на русский язык Н. К. Зейдлиц. Свои претензии он изложил в ряде заметок на страницах газеты «Кавказ». Наряду с весьма скептическими оценками достижений Радде в области ботаники и зоологии, он поставил под сомнение его компетентность в вопросах этнографии Кавказа и указывал на фактические ошибки в трудах. Прочитанные Радде, в 1873 г., в Германии четыре лекции о Кавказе он называл не иначе как сказками [4, с. 2]. В доказательство тому Зейдлиц ссылаясь на то, что распорядительный комитет Кавказского отдела РГО не поддержал идею опубликовать их на русском языке, поскольку «чтения г. Радде не находятся на уровне наших сведений о Кавказе и что, в случае издания их на русском языке, пришлось бы их в одних местах пополнить, а в других переделать» [4, с. 2].

Но самым большим нападкам подверглась музейная деятельность Радде. «При устройстве музея главное внимание обращено не столько на удовлетворение научным требованиям, – отмечал Зейдлиц, – сколько на эффект, на часть декоративную...» [5, с. 2]. Этнографические группы, фрески на стенах – все это, выглядело очень эффектно, но, пишет Зейдлиц, «присмотритесь поближе – и вы вынесете удручающее впечатление: в музее навалены разнообразные предметы, без всякой системы: с птицами уложен павший верблюд, с допотопными животными покоятся антропологические коллекции, возле таблицы, представляющей костяной остов лошади, помещены большие изображения человеческих рас. Хаос особенно царствует в этнографических коллекциях: рядом с музыкальными инструментами лежат трубки и сосуды для питья; между предметами украшения женщин лежат: серебряный образ св. Георгия, Коран, написанный мелким шрифтом, армянская печать; рядом с «фальшивыми» косами женщин находится священное хевсурское знамя – дроша, за которым народ следовал, когда его подымал хевисбери. Трудно себе представить больший хаос» [5, с. 3].

Зейдлиц утверждал, что за свой 25-летний период существования музей не оправдал возлагаемых на него надежд. Он настаивал на другой постановке дела и на создании при музее совета специалистов, «которые заботились бы о том, чтобы он принял более научный характер» [5, с. 3].

Несмотря на критику со стороны отдельных представителей научного сообщества музей уверенно обретал статус ведущего научного центра по изучению и сохранению памяти о традиционной культуре народов Кавказа. Этому способствовала его поддержка со стороны местной администрации. На его развитие систематически выделялись средства и, по словам самого Радде, он всегда пользовался «благоволением высшего начальства» [17, с. 29]. Позитивную роль играло также сотрудничество директора музея с признанными кавказоведами. Помощь в устройстве этнографического отдела оказали Е. Г. Вейденбаум, А. П. Берже и А. В. Комаров [17, с. 16].

Для посетителей музей был открыт три раза в неделю: по вторникам, пятницам и воскресеньям с 10 утра до 3 часов дня. Поскольку многие экспонаты были выставлены открыто, вне витрин, то для обеспечения их сохранности музейщики шли на уловку: гостей предупреждали, что все предметы пропитаны ядом и дотрагиваться до них не рекомендуется [18, с. 36].

Посетителями музея были как жители Тифлиса, так и его гости. Не случайно во всех путеводителях по Кавказу, вышедших из печати в конце XIX – начале XX в., музей уверенно входил в число городских достопримечательностей, заслуживающих особого внимания. Дети до 7 лет не допускались. Плата за вход составляла 20 коп. Воспитанники учебных заведений в сопровождении своих наставников, а также нижние чины в сопровождении офицеров посещали музей бесплатно. Впрочем, бесплатно мог войти любой, кто об этом попросит. Общее число посетителей к 1892 г., т.е. за 25 лет его полноценного функционирования, составило более 100 тыс. человек [17, с. 61–64].

В 1899 г. Г. И. Радде приступил к описанию коллекций Кавказского музея. Результаты этого обширного и сложного труда предполагалось представить в шести томах. Четвертый том посвящался этнографии. До своей смерти в 1903 г. Радде успел опубликовать несколько томов, но описать этнографические коллекции музея так и не смог. В бумагах покойного не оказалось никаких материалов для четвертого тома. Видимо, вникнув в состав этнографических коллекций музея, Радде признал их недостаточно полными для систематического изображения материальной культуры народов Кавказа. Кроме того, он понимал, что справиться с подобной задачей одному, без содействия специалистов, ему не удастся [9, с. 1].

Пополнение этнографических коллекций было продолжено и после смерти Радде в 1903 г. За период с 1904 по 1908 гг. количество предметов только отдела этнографии увеличилось на 1400 единиц [20, л. 23]. Рост числа экспонатов вновь актуализировал вопрос о расширении помещений музея. В 1907 г. кавказский наместник граф И.И. Воронцов-Дашков выступил с идеей постройки для музея нового здания [20, л. 2]. Предложение после длительных согласований было

поддержано, в связи чем в 1913 г. экспонаты музея были сложены в ящики для переезда в новое помещение, а сам музей был закрыт для посетителей.

Результаты. Несомненным достоинством созданного Г. И. Радде музея, было то, что он целиком был посвящен Кавказу. Даже внешняя отделка комнат в восточном стиле отражала колорит региона. Обитая материями местного производства мебель музея, ковры, фрески на стенах, с сюжетами из кавказского эпоса, карнизы, оконные украшения, занавеси – все представляло то или другое местное произведение, тот или другой тип местного вкуса, создававшегося под влиянием восточных народов и постепенно утрачивающийся под влиянием российской модернизации и продолжающихся интеграционных процессов. Таким образом, музей стал важным региональным центром сохранения для потомков сведений о традиционной культуре местного населения.

С другой стороны, в условиях, когда научное знание о народах региона только формировалось, Радде не мог претендовать на представление в музее четко систематизированной этнической картины. Музей отражал не столько научные знания по этнографии Кавказа, сколько его образ, сформировавшийся в массовом сознании современников. Отсюда упор на эффект, вместо научности.

Следует признать, что важной целью создания и функционирования музея была политическая. Его этнографические коллекции демонстрировали многообразие местных народов, недавно ставших подданными российского императора и тем самым подчеркивали мощь и величие империи в целом. Неслучайно власть поддерживала Радде во всех его начинаниях, а само здание музея было построено в центре г. Тифлиса, напротив дворца кавказского наместника. При этом не следует умалять научно-просветительского значения Кавказского музея, объективно способствующего приращению знания о регионе. Экспозиции этнографического отдела, а также публикуемые Радде путеводители, способствовали широкой популяризации сведений о традиционной культуре и быте народов Кавказа среди российской общественности.

Литература

1. Ган К. Ф. Биография Г. И. Радде // Коллекции Кавказского музея. Т. VI. Тифлис: Типография канцелярии кавказского наместника, 1912. С. 65–172.
2. Дугинев С. М. Десять лет истории Северо-Кавказского краевого музея горских народов им. Большевика Муссы Кундухова (1926 – 1936 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 23. № 1. С. 35–41.
3. Жордания Г. Г. История возникновения Кавказского музея. К истории изучения Государственного музея Грузии. Тбилиси: Издательство АН ГССР, 1951. 199 с.
4. Зейдлиц Н. К. В ответ на заметку г. Радде // Кавказ. 1889. № 56. С. 2.
5. Зейдлиц Н. К. В ответ на заметку г. Радде // Кавказ. 1889. № 91. С. 2–3.
6. Кавказский музей. Местные известия // Кавказ. 1881. № 115. С. 2.
7. Кеппен Ф. П. Несколько слов о Кавказском музее. Санкт-Петербург, Типография В.С. Балашева и К, 1896. 16 с.
8. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.
9. Коллекции Кавказского музея. Т. VI. Тифлис: Типография канцелярии кавказского наместника, 1912. 366 с.
10. Комарова Н. Г. Создатель Кавказского музея – Г.И. Радде // Жизнь Земли. 1980. Т. 15. С. 193–196.
11. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. // Кавказский этнографический сборник. Москва: Наука, 1958. Вып. 2. С. 139–274.

12. Мензбир М. А. Русские естественно-исторические общества и университеты // Русская мысль. 1892. № 8. С. 155–181.
13. Надеждин П. П. Несколько слов о Тифлисском музее и Тифлисской публичной библиотеке // Кавказ. 1871. № 8. С. 2.
14. Отчет о Кавказском музее в день его официального открытия (2 января 1867 г.), представленный директором музея // Кавказ. 1867. № 33. С. 189–191.
15. Отчет о Кавказском музее в день его официального открытия (2 января 1867 г.), представленный директором музея // Кавказ. 1867. № 35. С. 199–200.
16. Отчет о Кавказском музее в день его официального открытия (2 января 1867 г.), представленный директором музея // Кавказ. 1867. № 36. С. 203–204.
17. Радде Г. И. Краткий очерк истории развития Кавказского музея в первые 25 лет существования с 1 января 1867 г. по 1 января 1892 г. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1891. 68 с.
18. Радде Г. И. Краткий путеводитель Кавказского музеума. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1870. 42 с.
19. Радде Г. И. Краткий путеводитель по Кавказскому музею. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1891. 88 с.
20. Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф. 733. Оп. 145. Д. 171.
21. РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Д. 480.
22. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 69.
23. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 73.
24. Токарев С. А. История русской этнографии. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 656 с.
25. Jersild Au. Orientalism and empire: North Caucasus Mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. 253 p.

References

1. Gan K. F. Biography of G.I. Radde in Collections of the Caucasus Museum. Vol.VI. Tiflis: The office of the Caucasus Viceroy print; 1912. P. 65-172. (In Russ.)
2. Duginets S. M. Ten Years of History of the North Caucasus Regional Museum of Mountain Peoples Named After the Bolshevik Mussa Kundukhov (1926–1936). *Gumanitarny'e i yuridicheskie issledovaniya*. 2023;1:35-41. (In Russ.)
3. Zhordania G. G. The history of the emergence of the Caucasus Museum. On the history of the State Museum of Georgia studying. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the GSSR; 1951. 199 p. (In Russ.)
4. Seydlitz N. K. In response to Mr. Radde's note. *Kavkaz*. 1889;56:2. (In Russ.)
5. Seydlitz N. K. In response to Mr. Radde's note. *Kavkaz*. 1889;91:2-3. (In Russ.)
6. Caucasus Museum. Local news. *Kavkaz*. 1881;115:2. (In Russ.)
7. Keppen F. P. Some words on the issues of the Caucasus Museum. St. Petersburg, Printing house V.S. Balasheva and K; 1896. 16 p. (In Russ.)
8. Kolesnikova M. E. North Caucasian historiographic tradition: second half of the XVIII-th - early XX-th cc. 2nd ed., add. Stavropol: SSU Publishing House; 2011. 496 p. (In Russ.)
9. Collections of the Caucasus Museum. Vol.VI. Tiflis: Printing office of the Caucasus viceroy; 1912. 366 p. (In Russ.)
10. Komarova N. G. G.I. Radde - the creator of the Caucasus Museum. *Zhizn' Zemli*. 1980;15:193-196. (In Russ.)
11. Kosven M. O. Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science in Caucasian ethnographic collection. Moscow: Nauka; 1958. Vol. 2. P. 139–274. (In Russ.)
12. Menzbir M. A. Russian natural history societies and universities. *Russkaya my'sl*. 1892;8:155-181. (In Russ.)
13. Nadezhdin P. P. Some words on the Tiflis Museum and the Tiflis Public Library. *Kavkaz*. 1871;8:2. (In Russ.)
14. Report on the Caucasus Museum on the day of its official installation (January 2, 1867), presented by the director of the museum. *Kavkaz*. 1867;33:189-191. (In Russ.)
15. Report on the Caucasus Museum on the day of its official installation (January 2, 1867), presented by the director of the museum. *Kavkaz*. 1867;35:199-200. (In Russ.)
16. Report on the Caucasus Museum on the day of its official installation (January 2, 1867), presented by the director of the museum. *Kavkaz*. 1867;36:203-204. (In Russ.)
17. Radde G. I. A brief outline of the history of the development of the Caucasus Museum in the first 25 years of its existence from January, 1, 1867 to January, 1, 1892. Tiflis: Printing house of A.A. Mikhelson; 1891. 68 p. (In Russ.)
18. Radde G. I. A short guide to the Caucasus Museum. Tiflis: Printing house of the Main Directorate of the Caucasus Viceroy; 1870. 42 p. (In Russ.)
19. Radde G. I. A short guide to the Caucasus Museum. Tiflis: Printing house A.A. Mikhelson; 1891. 88 p. (In Russ.)
20. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 733. Inv. 145. D. 171. (In Russ.)
21. RGIA. F. 733. Inv. 145. D. 480. (In Russ.)
22. RGIA. F. 733. Inv. 203. D. 69. (In Russ.)
23. RGIA. F. 733. Inv. 203. D. 73. (In Russ.)
24. Tokarev S. A. History of Russian ethnography. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2015. 656 p. (In Russ.)
25. Jersild Au. Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press; 2002. 253 p.

Научная статья

УДК 94 (470.6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.6>

АРМИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК РЕТРАНСЛЯТОР МНГОВЕКТОРНОЙ МОТИВАЦИИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Алексей Николаевич Кувшинов

Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

Аспирант

ud@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0000-6182-5645>

Аннотация. Введение. Статья посвящена особенностям протекания Кавказской войны на начальном её этапе развития и ролям российской императорской армии, которые приходилось исполнять военным в условиях реалий Северного Кавказа первой половины XIX в. **Материалы и методы.** Используя опубликованные источники, автор для достижения поставленной цели исследования обратился к методу исторической реконструкции. **Анализ.** Автор статьи обращает внимание на то, что не только российская сторона активно влияла на складывавшуюся ситуацию в регионе, но оказавшись в климатогеографических и ландшафтных условиях, выходящих за рамки её прежнего опыта, и встретившись с народами, повседневный образ жизни которых слишком отличался от привычных для российских обыкновений, армия сама вынуждена была адаптироваться к новым вызовам. Уполномоченные военные начальники кардинально переменяли стратегические подходы и тактические приемы ведения боевых действий в горнолесной местности. Изменились экипировка, вооружение и нравственно-психологическая подготовка войск, участвовавших в экспедициях против горцев. В то же время имперские власти, при наличии у них в тот период возможностей и средствах, видели в кавказских войсках не только таран, способный и предназначенный для сокрушения местных кавказских твердынь, но наделили армию своеобразной миссией быть коммуникатором нововведений, привносимых Россией в Кавказский край. В этой связи армии поручалось быть также проводником разного рода мотиваций, охватывавших социально-культурные и хозяйственные сферы жизнедеятельности покоряемого края, стремиться всячески вовлекать в них местное население. Представителей горских народов привлекали к строительству дорог,

возведению крепостей и мостов, участию в торгово-обменных операциях, имевших цели преодоления недоверия и враждебности, а также упрочения связей в повседневной жизнедеятельности. Часто центрами ретрансляции привносимых русскими нововведений становились штаб-квартиры армейских полков. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что российская императорская армия выступала авангардом русского мира, с которым она знакомила кавказские народы. Через посредство военных Петербург надеялся установить с местным населением (на первое время хотя бы частью его) такой тип коммуникации, который позволил бы в будущем добиться сносного взаимопонимания, чтобы заложить фундамент не только для мирного сосуществования, но и транслирования на Кавказ имперских государственно-политических устоев.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, горцы, задачи армии, коммуникационное своеобразие, специфика края

Для цитирования: Кувшинов А. Н. Армия Российской империи как ретранслятор многовекторной мотивации в условиях Северного Кавказа первой половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 596-600. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 24.08.2023.

Статья принята к публикации: 26.09.2023.

Research article

THE ARMY OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A PROVIDER OF MULTI-VECTOR MOTIVATION IN THE CONDITIONS OF THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Alexey N. Kuvshinov

Pyatigorsk State University (9, Kalinin av., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

Postgraduate student

ud@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0000-6182-5645>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the peculiarities of the course of the Caucasian War at its initial stage of development and the roles of the Russian imperial army, which the military had to perform in the conditions of the realities of the North Caucasus in the first half of the 19th century. **Materials and methods.** Using published sources, the author turned to the method of historical reconstruction to achieve the research goal. **Analysis.** The author of the article draws attention to the fact that the Russian side actively influenced the developing situation in the region. Finding itself in climatic and geographical conditions that went beyond its previous experience, and meeting with peoples whose daily lifestyle was too different from those familiar to Russian habits, the army itself was forced to adapt to new challenges. Authorized military commanders have radically changed the strategic approaches and tactics of conducting combat operations in mountainous forest areas. The equipment, weapons and moral and psychological training of the troops participating in the expeditions against the highlanders have changed. At the same time,

the imperial authorities, given the opportunities and means they had at that time, saw in the Caucasian troops not only a force capable and intended for crushing local Caucasian strongholds, but endowed the army with a peculiar mission to be a communicator of innovations brought by Russia to the Caucasus region. In this regard, the army was also instructed to be a conductor of various kinds of motivations, covering the socio-cultural and economic spheres of life of the conquered region, to strive in every possible way to involve the local population in them. Representatives of the mountain peoples were involved in the construction of roads, fortresses and bridges, participation in trade and exchange operations, which had the goal of overcoming distrust and hostility, as well as strengthening ties in everyday life. Often the headquarters of the army regiments became the centers providing innovations introduced by the Russians. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that the Russian imperial army acted as the vanguard of the Russian world, with which it introduced the Caucasian peoples. Through the military St. Petersburg hoped to

establish the type of communication with the local population (at first, at least part of it) that would allow achieving a tolerable mutual understanding in order to lay the foundation not only for peaceful coexistence but also for the transmission of imperial state-political messages to the Caucasus foundations.

Keywords: North Caucasus, Russia, highlanders, tasks of the army, communication originality, specificity of the region

For citation: Kuvshinov A. N. The army of the Russian Empire as a provider of multi-vector motivation in the conditions of the

North Caucasus in the first half of the 19th century. *Humanities and law research*. 2023;10(4): P. 596-600. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.6>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interest.

The article was submitted: 15.07.2023.

The article was approved after reviewing: 24.08.2023.

The article was accepted for publication: 26.09.2023.

Введение. Особенности и обстоятельства протекания Кавказской войны в первой половине XIX в. вынуждали действующую армию прибегать к нетрадиционным для неё обязанностям и поприщам. В условиях северокавказского пограничья российской армии, помимо привычных обязанностей, по поле высших имперских властей приходилось не только убеждать «непокорные племена» в превосходстве русского оружия, но и решать задачи мирного и созидательного свойства. Армия сделалась одним из инструментов политики распространения способов и правил имперского образа жизни среди местных народов. Наряду с исполнением военно-силовых функций, военные занимались хозяйственными работами, основывали полковые школы, обустроивали быт и внедряли в крае социокультурные ценности, которые в перспективе должны были сблизить и примирить северокавказские общества с непривычными для них социополитическими новациями. Можно сказать, что армии поручалась роль своеобразного коммуникатора, который доносил многообразную информацию до контрагентов империи, причём делалось это не только в рамках милитарных усилий, что для военных вполне естественно, но также в сфере мирных способов сближения, выходивших за пределы привычных воинских обыкновений.

На Кавказ Россию привело геополитическое соперничество с османами и стремление укрепить свои южные рубежи, что предопределяло на первых порах доминирование военно-силовых средств в решении возникавших при этом проблем. Стратегической доминантой было обеспечение спокойствия государственных границ и расширения пространства политического влияния. За достижением поставленных целей скрывался титанический труд нижних чинов, офицеров и генералов, вынужденных исполнять свой долг и присягу в непростом и главное – долгое время непривычном для них регионе.

На Кавказе противником выступали не только люди, но и ландшафтно-климатическая специфика края, заставлявшая менять устоявшиеся военные традиции, тактику боя, амуницию и т.п. За опыт приходилось платить жизнью и здоровьем многих тысяч людей, суровыми учителями которых также были сами горцы, не прощавшие расслабленности или разгильдяйства. Обстоятельства вынуждали российских военных перенимать и адаптировать местные воинские навыки, вместе с которыми поневоле приходи-

лось усваивать и те морально-этические ценности, культивировавшиеся в традиционной горской среде. Однако, впитывая эту часть кавказской культуры, имперская армия одновременно оказывала воздействие на своих оппонентов. Процесс был обоюдный, и чем лучше русские понимали горцев, тем сильнее они могли оказывать влияние твердые жизненные устои горских жителей.

Материалы и методы. Исследование представленной точки зрения на обстоятельства реализации задач и целей, которые возлагались Петербургом на кавказский контингент имперской армии, автором проводилось с учетом исторического контекста и метода исторической реконструкции. При помощи метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, объединяя многообразие в единство, достигались новые знания.

Анализ. В силу своеобразия обстоятельств, при которых протекали межкультурные взаимодействия, возникали ситуации, которые людям, далёким от Кавказа, казались парадоксальными и даже анекдотическими, но для знавших местные реалии – они были вполне обыденными. По наблюдению графа К. А. Бенкендорфа, в одном из горных селений, в базарный день, возникла ссора между чеченцами и солдатами Апшеронского полка, переросшая в драку. Невольными свидетелями этой ссоры стали солдаты Куринского полка и не преминули принять в ней серьёзное участие. Однако пришли они на помощь не апшеронцам, что было естественно и логично, а стали драться на стороне чеченцев. Они мотивировали свой поступок тем, что так, как уже два десятилетия воюют с чеченцами, значит сделались за это время с ними почти братьями [3, с. 284].

Размещённые на Северном Кавказе части должны были выполнять присущую любой армии работу, связанную с охраной и обороной рубежей государства. Прежде всего, следовало обустроить череду приграничных крепостей, ставших опорным каркасом российского военного присутствия в этих местах. Традиция возведения приграничных линий уходит своими корнями в глубокую древность. Достаточно вспомнить, что таким образом Московское царство защищало рубежи от набегов кочевников. Такая стратегия доказала свою эффективность, а потому автор считает ошибочным вывод В. В. Лапина, который в своём основательном и аргументированном труде о российской армии на Кавказе утверждает, что данная практика не была эффективной, не при-

несла ожидавшихся плодов и была в корне порочной, т.к. «уже в XVIII в. военные теоретики и практики признали кордонные системы порочными в своей основе, из-за невозможности своевременной концентрации войск, способных оказать сопротивление неприятелю» [8, с.192].

Выводы неназванных В. В. Лапиным теоретиков были бы уместны, если речь шла о действиях регулярных армий, но в условиях партизанской войны, присущей кавказскому фронтиру, для отражения небольших отрядов неприятеля, а, то и отчаянных одиночек, такие приёмы оставались вполне актуальными. Да и найти альтернативу кордонной практике в сложившихся обстоятельствах вряд ли бы удалось. Отсюда и активное участие регулярных войск в обустройстве границы, в чём ей помогали иррегулярные формирования, причём не только казаки, но и милицейские отряды из числа «мирных» горцев. Автор считает оценку роли кордонной практики в кавказских условиях, представленную вышеназванным специалистом, ошибочной из-за того, что тот противопоставляет оборонительные и наступательные действия друг другу, тогда как на самом деле они дополняли друг друга в ходе развернувшегося противоборства в крае [8, с.193].

Используя крепости как свои штаб-квартиры или опорные пункты, полки Отдельного Грузинского (с 1820 г. Кавказского) корпуса могли наносить удары по неприятелю, участвуя в т.н. «репрессалиях». О тех трудностях, с которыми солдаты и офицеры при этом сталкивались, достаточно наглядно показывает личный опыт одного из «знаковых» участников войны на Кавказе – Н. И. Евдокимова, в тот период полковника. Будучи командиром Дагестанского пехотного полка, он вынужден был хлопотать об организации санитарного обеспечения своей части и о вооружении личного состава, обучать новобранцев, строить жильё, обзаводиться гужевым транспортом и т.п. При этом часть батальонов участвовала в боевых действиях против горцев, противостоя их ополчениям в полевых сражениях и организуя осады «немирных» аулов [6, с. 62 – 71].

На завершающем этапе вооруженного противоборства с горцами, когда боевые действия велись безостановочно, эта практика подверглась коррективе: «Вместо городов, воздвигаемых в каждой новой штаб-квартире, устройство которых надолго поглощало всю деятельность выдвинутых войск, по плану князя Барятинского было положено на вновь занимаемых пунктах устраивать только вал, располагая войска в бараках и кибитках; сохранив таким образом силы войск для войны, бросать пункт, исполнивший своё временное назначение...» [11, с.72].

До того, как сторонникам мюридизма удалось объединить вокруг своего учения значительные силы горцев и использовать их для массированных нападений на русские гарнизоны, сам факт присутствия царской армии в конкретной местности мог сыграть стабилизирующую роль и

обеспечить спокойствие близлежащих поселений. В дальнейшем такие возможности были утрачены, а гарнизоны небольших крепостей рисковали быть истребленными неприятелем. Приходилось покидать труднодоступные районы, которые переходили под контроль сторонников имамата.

Но даже тогда полностью от практики возведения крепостей не отказались. Они лишь увеличивались в размерах, а их гарнизоны численно возрастали. Задачи при этом не менялись. Крепости давали возможность обеспечить всем необходимым отряды, которые участвовали в наступательных операциях, воплощая в жизнь стратегию «удушения», обеспечившую в итоге победу над соперником.

Именно надёжный тыл и фактор постоянного присутствия позволял исправить недостатки в проведении военных экспедиций, регулярно предпринимаемых российским командованием. Нередко случались критические голоса в оценке их эффективности. Действительно, горцы обычно успевали скрыться в труднодоступной местности при приближении таких отрядов. Они состояли из пехоты, артиллерии, обоза, что делало их медлительными и уязвимыми. Но меньшие и более мобильные силы рисковали сами сделаться жертвой неприятеля.

Горцы, особенно если речь шла о Чечне и Черкесии, действительно предпочитали при угрозе со стороны войск оставлять свои жилища, которые потом легко восстанавливались. Но разорение их полей и садов, уничтожение запасов продовольствия и фуража становились серьёзным ударом по благополучию местных жителей, которые оказывались на грани выживания. Это заставляло, пусть и не всегда, проявлять сдержанность в антироссийских акциях, ограничивать набеговую активность. В этом отношении устраиваемые царским командованием экспедиции играли важную роль в развернувшемся противостоянии.

Тем, кто стремился к мирному существованию, присутствие армии в горах внушало спокойствие и надежду на защиту от действий непримиримых к русским соплеменников. Далеко не все горцы желали продолжения кровопролития. Чем богаче было селение, тем менее охотно его жители шли за мюридами, и поэтому, соответственно, они могли сделаться жертвой их мести. Таким образом, одной из приоритетных военно-политических задач была защита лояльных горских обществ, причём среди них вполне могли оказаться и вчерашние «непримиримые» противники.

В качестве иллюстрации этого сюжета можно привести слова жителей селения Леваша, с которыми они обратились к первому имаму Гази-Мухаммеду (Кази-Мулле) в ответ на его требования выступить против русских: «Мы дали клятву никогда не нападать на русских и не входить в сношения с их врагами, а русские тоже *обещали нас защищать* (Выделено нами. – А.К.).

До сих пор они держат своё слово: зачем же нам нарушать свою клятву?» [7, с. 24].

Следует напомнить, что армия не просто решала вмененные ей военные задачи. Она добивалась воплощения в жизнь политических замыслов имперского правительства. Отсюда необходимость добиваться лояльности местных жителей к империи, и первым шагом в данном направлении, как минимум, были гарантии их безопасности. Можно критиковать практику «размазывания» сил по огромной территории, что в результате привело к истреблению части изолированных друг от друга гарнизонов. Но справедливости ради надо отметить, что случилось это не сразу. Первое время относительно небольшие отряды царских войск довольно успешно выполняли свое предназначение в местных условиях. Вывод А. А. Вельяминова о том, что А. П. Ермолов «и с малыми силами грозно держал... русское имя в горах» [9, с.6], не был голословным и подтверждался фактами. Но по мере трансформации горского сопротивления, окончательно завершившейся в 30-х гг. XIX в., эта практика утратила свою эффективность и была подвергнута серьёзной ревизии.

Далеко не случайно в итоге была выбрана стратегия изнурения, очень сильно напоминающая горский способ ведения войны. Автор считает возможным взглянуть на неё как на своеобразный способ и результат межкультурной коммуникации, позволивший донести до противника своё восприятие сложившейся ситуации. Россия отчасти приняла местные правила взаимоотношений и с их помощью заставила «непокорные» общества смириться с новыми реалиями совместного сосуществования. В противном случае «запрещение желать частные экспедиции в жилища горцев, отняв у них страх наказания, делает их весьма предприимчивыми в набегах, и тогда едва ли кто-нибудь может ручаться за спокойствие кавказской линии» [9, с.6]. Увидев в военной практике царской армии «собственные» черты, горцы в итоге покорились и прекратили сопротивление.

Примечательно, что даже регулярные подразделения занимались войной как частью сезонной работы. В этой связи большую наглядность приобретают наблюдения, сделанные Н. А. Волконским: «...год начался – и война началась по заведенному порядку... Проснулись с наступлением нового года, встали с постели – и отправились в путь, поближе от дома, готовые вернуться туда при первой надобности, далекие от всякого отягощения себя лишними запасами» [2, с.4].

Такого рода явления позволили В. В. Лапину сделать вывод о наступившей «варваризации войск» [8, с.200]. Но, в данном случае, речь скорее должна идти о выработавшейся модели противостояния, наиболее соответствующей специфике войны в горных районах Кавказа. Она стала вестись на истощение противостоящей сто-

роны, а в этом случае системность и упомянутая сезонность пришлись как нельзя кстати.

Пока взаимопонимания не было достигнуто, любые шаги, направленные на примирение, воспринимались горцами как слабость и становились поводом к новой агрессии. Причём недопонимание демонстрировали обе стороны конфликта [8, с.236 – 237]. Показательно, что именно в армейской среде раньше всего поняли особенность культурного архетипа местных народов, что дало шанс и надежду преодолеть преграды отчуждения.

Горцы первое время не могли привыкнуть к тому, что их действия вызывают столь несоразмерную реакцию, не характерную для местных воинских традиций. По их мнению, отряд удалцов, захвативших трофеи, мог чувствовать себя в безопасности, укрывшись на своих землях. Так далеко его обычно не преследовали, предпочитая в ответ совершить нападение и компенсировать утрату за счёт баранты. Шаги русских, которые карали целые селения, воспринимались не соответствующими понесённым ими издержкам. Если раньше война была частью образа жизни, то теперь она становилась угрозой самосохранения народа. Постепенное осознание этого вызвало «травматическую эпидемию», преодолеть последствия которой оказалось непросто. Далеко не все горские общества смирились с этим и в итоге предпочли покинуть Кавказ.

Можно согласиться с выводом о том, что «принятие новых правил войны вступало в жёсткие противоречия с другими сторонами национальной культуры, ценность которых оказалась большей, чем принятие власти России и ограничение в некоторых областях – отказ от набегов и т.д. Таким образом, трансформация армии оказалась весьма важной составляющей присоединения (умиротворения) Северного Кавказа» [8, с. 279].

Помимо описанных выше военных усилий возлагаемые на армию обязанности тем не исчерпывались. Круг её задач был гораздо шире. Он охватывал, среди прочего, и многочисленные хозяйственные виды деятельности, причём они касались не только способов самообеспечения, но и были связаны с экономическим освоением региона, где располагались части Отдельного Кавказского корпуса. Уже упоминались действия личного состава по обустройству крепостей в крае, которые зачастую становились торгово-ремесленными центрами притяжения для горских народов. Гарнизон обеспечивал безопасность, а жители воспринимали крепость как некое нейтральное место для встреч, которое притягивало к себе всех тех, кто желал продать плоды своей деятельности и приобрести некие товары или услуги, в которых нуждался. Неслучайно горцы участвовали в возведении укреплений, впрочем, не всегда добровольно [1, 563].

Нередко эти обязанности рассматривались как повинность или даже наказание за антиправительственные выступления. Достаточно часто

насильственные способы привлечения жителей к возведению крепостей практиковал генерал А. П. Ермолов. Мера эта с его стороны была вынужденной, т.к. «проконсул Кавказа» был ограничен в людях и материальных средствах, потому практиковал привлечение местных ресурсов (строительного материала, транспорта и рабочих рук) [10, с.32 – 33].

Первое время горцы настороженно следили за действиями царских войск, но постепенно предубеждения исчезали, тем более что на строительстве можно было заработать неплохие по местным меркам деньги. Один из местных жителей, который участвовал в возведении Аранинской крепости в Дагестане, вспоминал, что в конце дня ему давали 70 копеек, и это «было существенной помощью в ту пору» [4, с.139].

Любопытно, что желающие заработать на стройке подвергали свою жизнь не меньшей опасности, чем солдаты и офицеры, поскольку могли

стать жертвой «немирных» соплеменников, и потому власти требовали, чтобы они приходили на работы «на всякий случай» с оружием [5, л.29].

Результаты. Военная нестабильность, существовавшая на Северном Кавказе, заставляла Российскую империю активно привлекать возможности армии для установления своих порядков в регионе. Чтобы решить поставленные перед ней задачи, командованию и личному составу действовавших на южном пограничье полков пришлось активно адаптироваться к местным условиям. Непривычное ландшафтно-климатическое своеобразие края диктовало и новые способы ведения войны. Вместе с тем только этим задачи армии не ограничивались. Она сыграла важную роль в экономическом освоении Кавказа, стала проводником социокультурного влияния государства на местные народы. Для многих горцев именно армия долгое время олицетворяла тот порядок, который принесла на их землю Россия.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берге. Тифлис, 1875. Ч.2. Т.6. 950 с.
2. Волконский Н. А. Погром Чечни в 1852 г. // Кавказский сборник. 1880. Т.5. С.4. С.1–154.
3. Воспоминания графа Константина Александровича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // «Даргинская трагедия. 1845 год» / Сост. текстов Г. Г. Лисицыной. Комментарий, указат. Б.П. Миловидова. Санкт-Петербург: Звезда, 2001. С. 220–324.
4. Гаджиев Б. И. Царские и шамилевские крепости в Дагестане: монография. Махачкала: Эпоха, 2006. 256 с.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 643.
6. Клычников Ю. Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов: монография. Пятигорск: ПГУ, 2019. 277 с.
7. Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г.: монография. Санкт-Петербург, 1851. 122 с.
8. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв.: монография. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. 400 с.
9. Н. Ш. Генерал Вельяминов и его значение для Кавказской войны // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т.VII. 647 с.
10. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.): монография. Армавир: Шурыгин В.Е., 2011. 248 с.
11. Фадеев Р. А. Кавказская война: монография. Москва: Эксмо, 2003. 640 с.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Ed. A.P. Berger. Tiflis; 1875. Part 2. Vol. 6. 950 p. (In Russ).
2. Volkonsky N. A. Riot in Chechnya in 1852. *Kavkazskij sbornik*. 1880;5:1-154. (In Russ).
3. Memoirs of Count Konstantin Aleksandrovich Benkendorf about the Caucasian summer expedition of 1845 in Dargin tragedy. 1845. Comp. texts by G. G. Lisitsyna. Comments, pointers B.P. Milovidov. Saint Petersburg: Zvezda; 2001. P. 220-324. (In Russ).
4. Gadzhiev B. I. Royal and Shamilevsky fortresses in Dagestan. Mahachkala: Epoha; 2006. 256 p. (In Russ).
5. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 261. Inv. 1. P. 643. (In Russ).
6. Klychnikov Yu. Yu. Empire soldier Nikolai Ivanovich Evdokimov. Pyatigorsk: PSU publ.; 2019. 277 p. (In Russ).
7. Kostenetsky Ya. Notes on the Avar expedition in the Caucasus in 1837. Saint Petersburg; 1851. 122 p. (In Russ).
8. Lapin V. V. The Russian Army in the Caucasian War of the 18th – 19th Centuries. Saint Petersburg: European house; 2008. 400 p. (In Russ).
9. N.Sh. General Velyaminov and his importance for the Caucasian War. *Kavkazskij sbornik*. Tiflis; 1883;7;647. (In Russ).
10. Pylkov O. S. The Russian army in the transformation processes in the North Caucasus (late 18th - first half of the 19th centuries). Armavir: Shurygin V.E. publ.; 2011. 248 p. (In Russ).
11. Fadeev R. A. Caucasian war. Moscow: Eksmo; 2003. 640 p. (In Russ).

Научная статья

УДК 908/929

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.7>

ИЗ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И. И. ДМИТРЕНКО

Олег Владимирович Матвеев

Кубанский Государственный университет (д. 149, ул. Ставропольская, Краснодар, 350049, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

vim12@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Аннотация. Введение. Автор рассматривает историко-литературное наследие И. И. Дмитренко как целостное явление, считает, что оно составляло важное место в развитии провинциальной историографии дореволюционной России. **Материалы и методы.** В работе задействован историко-системный метод, позволивший рассматривать жизненный путь и историческое наследие И. И. Дмитренко как целостную систему, в которой все блоки и элементы (история кубанского казачества, провинциальная историография, служба казачьего офицера, литературная и общественная деятельность, персоналия и др.) взаимосвязаны и обусловлены. Источниковую базу составили архивные фонды федерального и регионального значения, а также исторические и литературные произведения И. И. Дмитренко, выявленные в столичных и областных материалах периодической печати, сборники исторических документов, составленных историком и др. **Анализ.** Автор уточняет ряд данных о жизни и наследии И. И. Дмитренко. Исследование публикаций И. И. Дмитренко в «Кубанских областных ведомостях» показало, что его статьи и заметки являются содержательным источником по персональной истории Войска, дают биографические сведения, краткие характеристики кубанских генералов и офицеров. Одним из главных направлений историко-литературного творчества И. И. Дмитренко становится сохранение исторической памяти кубанского казачества. Он обращался к этому в своей публицистике, исторических статьях, в архивных разысканиях, результатом которых стали фундаментальные сборники документов. Фундаменталь-

ный сборник документов, созданный И. И. Дмитренко, не был по достоинству оценен современниками. Дополнительного изучения требуют периоды жизни и творчества И. И. Дмитренко в 1903–1917 и 1920–1936 гг. **Результаты.** Главной заслугой историка была большая археографическая работа, введение в научный оборот большого количества редких документов, позволивших представить раннюю историю казачеств Кубани и Терека. Историческое наследие казачьего офицера напоминало о славных страницах героического прошлого, критически осмысливало роль государства и чиновников в жизни казачества. Драматическая судьба историка как в зеркале отразила в себе противоречивую эпоху в жизни страны, которой он беззаветно служил.

Ключевые слова: провинциальная историография, история кубанского казачества, И. И. Дмитренко, историко-литературное наследие, археографическая деятельность

Для цитирования: Матвеев О. В. Из историко-литературного наследия И. И. Дмитренко // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 601-613. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.7>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 17.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

Research article

ON I. I. DMITRENKO'S HISTORICAL AND LITERARY HERITAGE

Oleg V. Matveyev

Kuban State University (149, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350049, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

vim12@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Abstract. Introduction. The author considers the historical and literary heritage of I. I. Dmitrenko as an integral phenomenon, claiming that it was an important place in the development of provincial historiography of pre-revolutionary Russia. **Materials and methods.** The work uses the historical-systemic method, which made it possible to consider the life path and historical heritage of I. I. Dmitrenko as an integral system in which all blocks and elements (the history of the Kuban Cossacks, provincial historiography, the service of a Cossack officer, literary and social activities, personalities, etc.) are interconnected and conditioned. The source base comprises archival funds of federal and regional significance, as well as historical and literary works by I. I. Dmitrenko, identified in the capital and regional materials of the periodical press, collections of historical documents compiled by a historian, etc. **Analysis.** The author specifies a number of data about the life and legacy of I. I. Dmitrenko. A study of I. I. Dmitrenko's publications in Kubanskies Oblastnye Vedomosti showed that his articles and notes are a meaningful source on the personal history of the Troops, provide biographical information, and brief descriptions of Kuban generals and officers. One of the main directions of historical and literary creativity of I. I. Dmitrenko is the preservation of the historical memory of the Kuban Cossacks. He addressed this in his journalism, historical articles, ar-

chival searches, which resulted in fundamental collections of documents. The fundamental collection of documents compiled by I. I. Dmitrenko was not appreciated by his contemporaries. The periods of life and work of I. I. Dmitrenko in 1903–1917 and 1920–1936 require additional study. **Results.** The main merit of the historian was a great archaeographic work, the introduction into scientific circulation of a large number of rare documents that made it possible to present the early history of the Cossacks of the Kuban and the Terek. The historical heritage of the Cossack officer reminded of the glorious pages of the heroic past, critically comprehended the role of the state and officials in the life of the Cossacks. The dramatic fate of the historian, as in a mirror, reflected the contradictory era in the life of the country, which he selflessly served.

Keywords: provincial historiography, history of the Kuban Cossacks, I. I. Dmitrenko, historical and literary heritage, archaeographic activity

For citation: Matveyev O. V. On I. I. Dmitrenko's historical and literary heritage. *Humanities and law research*. 2023;10(4): P. 601-613. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.7>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.06.2023.

The article was approved after reviewing: 17.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

Введение. Вторая половина XIX – начало XX в. явились важнейшим периодом российской провинциальной историографии, которая как особое направление исторической мысли России долго игнорировалась [4, с. 283]. Основной фигурой в провинциальном историописании стал не историк-профессионал, а любитель, представитель местной интеллигенции. Однако это не снижает достоинства работ местных историков по археологии, этнографии, истории, культуре областей, которые отличает горячая увлеченность родной стариной, трудолюбие, бескорыстие. Их сочинениям уже были присущи теоретическое осмысление, наличие определенной авторской позиции, системный поиск архивных материалов и многообразие источниковой базы, использование и оценка современной авторам научной исторической литературы [4, с. 284].

В развитии российской провинциальной историографии этого времени были активно задействованы кубанцы. Несмотря на наличие ряда работ по истории кубанского краеведения, отдельным персоналиям [5, 41 и др.] о наследии многих местных дореволюционных историков имеются лишь самые общие сведения.

К когорте основательно подзабытых досоветских исследователей истории Кубани и кубанского казачества, безусловно, относится имя археографа, историка, журналиста Ивана Ивановича Дмитренко (1860 – не ранее 1936 г.). Автор статьи не раз сталкивался с ситуацией, когда даже в научных диссертациях наследие этого авторитетного историка игнорировалось, а фамилия искажалась. Сегодня об И. И. Дмитренко имеются лишь небольшие очерки справочного характера кубанского краеведа В. П. Бардадыма [3] и историка терского казачества Э. В. Бурды [7], содержащие ряд неточностей. Весомый вклад И. И. Дмитренко в изучение ранней истории хопёрцев отметил обстоятельный и глубокий исследователь линейного казачества Кубани В. А. Колесников [34, с. 43], однако целостное обращение к жизненному пути, историческому и литературному наследию И. И. Дмитренко до сих пор не имело места. Данная статья призвана в чем-то восполнить этот пробел.

Материалы и методы. Исследование основано на принципе историзма, предполагающего анализ исторической персоналии и его наследия в соответствии в контексте исторической эпохи, во взаимосвязи, взаимообусловленности и развитии. В работе задействован историко-системный метод, позволивший рассматривать жизненный путь и историческое наследие И. И. Дмитренко как целостную систему, в которой все блоки и элементы (история кубанского казачества, провинциальная историография, служба казачьего офицера, литературная и общественная деятельность, персоналия и др.) взаимосвязаны и обусловлены. Применяется историко-сравнительный метод, позволяющий оценить

вклад историка в кубанское краеведение и русскую провинциальную историографию в сравнении с другими представителями этой среды, а также историко-биографический метод, направленный на изучение определенных жизненных ситуаций и отношения к ним посредством изучения личных документов и сочинений историка.

Источниковую базу составили архивные фонды федерального и регионального значения: Российский государственный военно-исторический архив, фонд 412 – Сведения о русских войсках, их управлении и занятиях в мирное время (коллекция); Государственный архив Российской Федерации, фонд «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным»; Государственный архив Краснодарского края, фонд 396 – Войсковой штаб Кубанского казачьего войска, а также исторические и литературные произведения И. И. Дмитренко, выявленные в столичных и областных материалах периодической печати, сборники исторических документов, составленных историком и др.

Анализ. В. П. Бардадым считал, что И. И. Дмитренко родился «в семье казака» [3, с. 158]; Э. В. Бурда также сообщал о рождении историка «в семье потомственного кубанского казака» [7]. Но в послужном списке отца Дмитренко, Ивана Антоновича, четко записано: «Из дворян Черноморского казачьего войска» [10, л. 247]. Правда, в опубликованном перечне дворян, внесенных в дворянские родословные списки Кубанской области с 1795 по 1912 гг., род Дмитренко не присутствует. По-видимому, И. А. Дмитренко, отец историка, не успел оформить соответствующие документы для Ставропольского Дворянского собрания. Этим очевидно и объясняется запись в послужном списке Ивана Ивановича: «Сын войскового старшины Кубанского казачьего войска» [42, л. 8]. Однако в принадлежности казачьего историка к среде войсковой элиты сомневаться не приходится, тем более что сам он дослужился до чина полковника, введившего обладателя последнего в число потомственных дворян.

В изученных послужных списках И. И. Дмитренко и его отца, И. А. Дмитренко, к сожалению, не отразилась информация, из какой станицы происходил Иван Иванович; фамилия Дмитренко на Кубани – достаточно распространенная. В письме украинскому историку А. М. Лазаревскому И. И. Дмитренко говорил о себе: «запорожец, кубанец, истый казак, собиратель всего, что касается дорогого Запорожья» [44]. Гордость за принадлежность к славному роду проявлялась не только на уровне семейной памяти, но и в тематике работ казачьего офицера, в которых много внимания уделено героическим страницам черноморского казачества. По-видимому, детские годы И. И. Дмитренко были связаны с Таманью, где есаул Иван Антонович Дмитренко с 1863 г. служил заседателем Таманского окружного сыскного начальства [10, л. 247 об.]. Об этом косвенно свидетельствует и запись в графе послужного списка об учебе в Керченской

Александровской гимназии [42, л. 8]. Керчь располагалась напротив Тамани, достаточно было только пересечь пролив.

Судя по переписи Черноморского войска 1794 г., семья прадеда историка, казака Незамаевского куреня Тимофея Дмитренко обосновалась «в городе Тамане» в числе первых переселенцев [39, с. 171]. Среди детей Тимофея в переписи указан годовалый Антон. По-видимому, Антон Тимофеевич Дмитренко уже принадлежал к числу старшин Черноморского войска, сумел выправить дворянское звание. Об этом свидетельствует упомянутая выше строка из формулярного списка И. А. Дмитренко о происхождении из дворян Черноморского казачьего войска [10, л. 247]. Иван Антонович Дмитренко родился 18 апреля 1823 г., в службу вступил казаком в 7-й пеший полк в 1838 г., спустя год стал урядником, «за отличие против горцев» был награжден знаком отличия военного ордена Св. Георгия, в 1844 г. произведен в хорунжие, в 1847 г. – в сотники, участвовал в различных боях и походах в Закубанье, служил в Абинском укреплении, воинским начальником Темрюкской станицы; в 1853 г. произведен в есаулы, помимо Георгиевской награды был удостоен ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и бронзовой медали «В память войны 1853–1856» [10, л. 247–250 об.], дослужился до чина войскового старшины. Из этого же документа узнаем имя, отчество и девичью фамилию супруги офицера. Женой Ивана Антоновича и матерью Ивана Ивановича Дмитренко стала дочь есаула Коржевского Мария Романовна [10, л. 250 об.]. Известно, что семья Коржевских пользовалась большим авторитетом в г. Темрюке, а войсковой старшина Роман Романович Коржевский в 1875 г. сдавал свой земельный участок в ст. Курчанской в аренду.

И. И. Дмитренко появился на свет 7 января 1860 г. Родители сумели дать будущему историку хорошее образование, поскольку он поступил в Керченскую Александровскую гимназию. Однако по какой-то причине юноша эту гимназию не окончил: в списке выпускников учебного заведения в 1870–1880 гг. фамилия И. И. Дмитренко отсутствует. В. П. Бардадым писал, что И. И. Дмитренко «с отличием окончил полный курс 2-й Санкт-Петербургской гимназии» [3, с. 158]. Необходимо уточнить, что при этой гимназии Дмитренко лишь выдержал экзамен за гимназический курс для поступления во 2-е военное Константиновское училище в 1881 г.

29 августа 1882 г. юнкер Дмитренко был произведен в унтер-офицерское звание. За 2 года пребывания в стенах училища И. И. Дмитренко получил системное образование, сформировался физически и духовно. Не раз потом он с теплотой вспоминал константиновское братство, суровую школу возмужания [26].

12 августа 1883 г. он был произведен в старшие хорунжие и направлен на службу в 1-й Екатериновский конный полк Кубанского казачь-

его войска. Екатериновский полк постоянно дислоцировался в Кубанской области, и, в отличие от других кубанских полков, служба его носила преимущественно комендантский, охранный, военно-полицейский характер. В мае-июне 1883 г. состоялось перемещение сотен полка из Майкопа в Екатериновдар, поэтому молодому офицеру предстояло служить в войсковой столице. 16 мая 1884 г. он был назначен делопроизводителем полкового суда. Кроме того, начальству было удобно посылать его в командировки, не отрывая от службы командиров сотен и взводов. Так, в июне-сентябре 1884 г. И. И. Дмитренко командирован во Владикавказ «для обучения обращения с летучим телеграфным аппаратом полковника Гершельмана» [42, л. 9], в августе-сентябре 1885 г. – «в лагерь под город Ставрополь для участия в полевых поездках офицеров». 25 сентября 1885 г. И. И. Дмитренко был назначен исполняющим дела полкового адъютанта, 31 декабря того же года произведен в сотники [42, л. 9]. Его аккуратность и тщательность в оформлении отчетов, докладов, справок, завидное трудолюбие обратили на него внимание командования [3, с. 158]. Все чаще сотнику Дмитренко стали поручать ответственные задания, требовавшие обращения в войсковой архив.

Сам офицер в часы досуга стал пробовать себя на литературной ниве. По-видимому, одними из первых его сочинений стали репортажи о пребывании в Екатериновдаре 21–23 сентября 1888 г. императора Александра III с семьей, которые были напечатаны в № 41, 44–46 «Кубанских областных ведомостей». Спустя 10 лет дополненное описание И. И. Дмитренко визита царской семьи на Кавказ было напечатано отдельной брошюрой в Санкт-Петербурге. Несмотря на официально-пафосный характер этого сочинения, автор сумел передать искренность чувств стариков, офицеров, нижних чинов, школьников, видевших своего императора, зафиксировал подробности встречи. Ценным для станичных краеведов является приложение к этой работе, где помещен список стариков, участвовавших в почетном карауле 21 сентября 1888 с указанием станиц, откуда они прибыли, и их наград [40, с. 83–94].

Описание важного для Кубанской области визита полковым адъютантом 1-го Екатериновдарского полка было отмечено. 14 ноября 1888 г. И. И. Дмитренко был «Всемилоостивейше награжден золотыми запонками с бриллиантами» [42, л. 9 об.]. 14 октября 1890 г. он был произведен в подьесаулы, 27 октября того же года назначен «журналистом Войскового Штаба», 2 декабря «зачислен по Кубанскому казачьему войску», 21 января 1891 г. «не вступая в должность журналиста, приказом по Кубанскому казачьему войску назначен помощником Начальника Войсковой Мастерской». 6 мая 1891 г. «за отличие по службе» И. И. Дмитренко был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. [42, л. 9 об.] Помимо

своей службы в войсковой мастерской Иван Иванович успевал преподавать в Екатеринодарской военно-фельдшерской школе [35, с. 30].

Он продолжает печататься в «Кубанских областных ведомостях», и, судя по заявлению редакции в ноябре 1894 г. [33], вскоре вошел в число штатных сотрудников этого издания. Ему поручались репортажи о работе Екатеринодарской городской думы, очерки о культурных событиях в войсковой столице, некрологи на скончавшихся генералов Кубанского казачьего войска. Осознавая свою просветительскую миссию, любознательный офицер нередко посещал публичные лекции известных российских ученых и доступным языком пересказывал их кубанским читателям. Так, в марте 1891 г. он, побывав на лекции известного российского физиолога, профессора А. Я. Данилевского в Харьковском Императорском университете, довел до кубанцев основные положения исследований ученого о пище и её влиянии «на физиологию и духовную жизнь существ» [15].

В. П. Бардадым назвал публикацию казачьего офицера, посвященную писанкам – пасхальным яйцам с нанесенным орнаментом – «этнографическим очерком» И. И. Дмитренко [3, с. 159]. В действительности – это пересказ публичной лекции известного украинского этнографа, профессора Харьковского Императорского университета Н. Ф. Сумцова, на которой И. И. Дмитренко побывал 14 апреля 1891 г. Коллекции таких писанок Н. Ф. Сумцов с помощью многочисленных помощников (учителей, священников, крестьян и др.) собирал на Юге России, в том числе, в Темрюкском отделе Кубанской области. Поэтому И. И. Дмитренко счел возможным пересказать содержание лекции, акцентировав внимание на материалах, собранных на Кубани [27].

И. И. Дмитренко в своих статьях и заметках откликается на яркие события в жизни Кубанского казачьего войска. Так, в августе 1891 г. он напечатал корреспонденцию о том, как кубанцы встречали в Екатеринодаре сына Наместника Кавказского Великого Князя Александра Михайловича. В сентябре 1893 г. И. И. Дмитренко с воодушевлением рассказал о том, как в лагерях под Екатеринодаром кубанцы отметили войсковой праздник.

Публикации И. И. Дмитренко в «Кубанских областных ведомостях» являются содержательным источником по персональной истории Войска, дают биографические сведения, краткие характеристики кубанских генералов и офицеров. Так, рассказывая о проходах генерал-майора Г. Г. Рубашевского, отъезжавшего к месту новой службы в Закавказье, Иван Иванович отмечал: «Сам казак, Григорий Григорьевич и во всю свою сорокапятилетнюю службу был неустанным работником на пользу и процветание родного ему Кубанского казачества. Кто так знал и знает службу и быт казака, как Григорий Григорьевич? Ни одна комиссия из учреждаемых в Екатеринодаре по разным во-

просам казачества не проходила без его участия и руководства его Высокого Превосходительства, и всегда мнение его было действительно правильным, потому что вытекало из его опытной службы и знания казака» [30].

В некрологе, посвященном генерал-майору Ивану Абрамовичу Корсуну, Дмитренко писал: «Немного уже осталось старых казаков, так хорошо знающих строй казачьей жизни, участвовавших делом и словом в нескольких преобразованиях как в административном, так и в военном отношениях по управлению Кубанской области и Кубанским казачьи войском. <...> Долго будет жить память об И. А. Корсуне как о честном труженике, замечательном семьянине и добром справедливом начальнике» [14].

Личным отношением наполнен некролог, посвященный генерал-майору Василию Степановичу Варенику. Это был не только военный, но и одаренный общественный деятель, мастер произнесения речей по значимым поводам в жизни кубанцев, которого называли «кубанским Цицероном». «Вспомнились мне слова Василия Степановича на прощальном обеде Наказному Атаману генерал-адъютанту С. А. Шереметеву, – писал И. И. Дмитренко, – когда Василий Степанович начал свое слово так: "Двенадцатого атамана провожаю" и т.д. Да, долго жил Василий Степанович, но и память о нем будет жить вечно в среде черноморцев-кубанцев» [17].

На заседаниях Войскового Собрания казачьи офицеры не раз выступали с докладами о боевой истории казачества, новинках в области военного дела. И. И. Дмитренко старался передать содержание этих докладов в своих заметках в «Кубанских областных ведомостях», сопровождая их комментариями и рассуждениями о необходимости сохранения исторической памяти и опыта предшествующих поколений. Рассказав в апреле 1893 г. о лекции сотника Филимонова, И. И. Дмитренко вдохновенно писал: «В короткий срок времени в Войсковом Собрании товарищи воссоздали в нашей памяти деяния пластунов в Севастопольскую кампанию и казаков в Отечественную войну. Нужно надеяться, что и последняя кампания 1877 – 1878 гг. не будет забыта. Много славных подвигов оказали Кубанцы на обоих театрах войны, но уж слишком они молчаливы; зато очень ценимы будут труды тех, кто поведаст нам о героических подвигах их. Полковник Колюбакин, описывая Эриванский отряд (Военный сборник 1884 г., с № 4) очень подробно останавливается на действиях всех родов оружия в выдающихся сражениях, но относительно участников этих сражений, Уманского и 2-го Донского конных полков, делает оговорки, что сведений о них не имеется» [22]. Чтобы иметь такие сведения, И. И. Дмитренко призывал создавать источники, записывать воспоминания ветеранов: «Много участников еще здравствуют, много у них еще воспоминаний о славных делах; часто они вспоминают о них в кругу товарищей, но все оста-

ется только достоянием немногих счастливых. Чтобы записать их, поведать всем! Мало одних военных журналов строевых частей, они зачастую слишком сухи, в них нет души участника. Воспоминание одного вызывает воспоминание другого, а все в сумме окажет великую пользу для составителей истории наших Кубанских частей. Ведь подвиг одного есть слава части, слава всего войска» [22].

Осветив для читателей «Кубанских областных ведомостей» содержание лекции сотника Рыбаковского, И. И. Дмитренко акцентировал внимание на роль казаков в ведении разведки [21].

Пересказав сообщение сотника Подгоричани-Петровича о пластунах, Иван Иванович обратил внимание на изменение содержания их боевых качеств в современных условиях. Если в годы Кавказской войны это были элитные команды стрелков и разведчиков, то пластунские батальоны конца XIX в. утратили школу противостояния в плавнях [20].

Любознательный автор корреспонденций не только рассказывал об интересных сообщениях в Войсковом Собрании, но и давал рекомендации для расширения кругозора кубанских офицеров [18].

О системности и широте подходов И. И. Дмитренко к информационному пространству говорит тот факт, что он не только публиковался в «Кубанских областных ведомостях», но и предпринял попытку создания библиографии материалов этой газеты за все время издания. Редакция газеты сообщала в ноябре 1894 г., что «г. Дмитренко составлен и будет издан перечень всех статей, печатавшихся в "Куб-х обл. Вед.", в неофициальной части. Весьма желательно поскорее видеть напечатанной эту работу» [33]. Однако лишь спустя 5 лет часть этой работы была напечатана в «Известиях ОЛИКО» [24].

Постепенно одним из главных направлений историко-литературного творчества И. И. Дмитренко становится сохранение исторической памяти кубанского казачества. Он обращался к этому в своей публицистике, исторических статьях, в архивных разысканиях, результатом которых стали фундаментальные сборники документов.

В конце июля – начале августа 1893 г. в двух номерах столичного еженедельного военного журнала «Разведчик» была напечатана статья И. И. Дмитренко «Подвиг полковника Черноморского войска Тиховского». Лев Лукьянович Тиховский командовал 4-м конным полком, штаб-квартира которого располагалась на Ольгинском кордоне. И. И. Дмитренко представил обстоятельную характеристику особенностей несения казаками пограничной службы [28, с. 614].

Переправлявшихся по льду через Кубань 18 января 1810 г. в 7 верстах от Ольгинского кордона черкесов обнаружил, по словам И. И. Дмитренко, утренний разъезд под командой заурядхорунжего Жирового. Документы говорят, что в описание Дмитренко вкралась неточность: разъ-

ездом из 15 казаков, который обнаружил переправлявшихся черкесов, командовал сотенный есаул Плохой [36, с. 239]. Преувеличена казачьим историком и численность переправившихся черкесов. Их отряд, по словам И. И. Дмитренко, «был составлен из пеших и конных частей при четырех значках. Первых было, по показаниям черкес и оставшихся в живых казаков, до 3000, а вторых до 4000 чел.» [28, с. 615]. По подсчетам глубокого знатока военной истории черноморского казачества Б. Е. Фролова на российскую сторону перешло по льду до 4000 конных и пеших черкесских воинов с двумя красными и двумя белыми знаменами [36, с. 239]. Часть из них устремились к Нижне-Стеблиевскому и Ивановскому селениям, один отряд блокировал дорогу к Славянскому кордону, а в районе переправы осталось до 2000 пеших горцев.

Имея возможность отсидеться в укреплении перед превосходящими в 20 раз силами неприятеля, Л. Л. Тиховский, отправив сообщения о прорыве на соседние кордоны и войсковому атаману, «с отрядом около 200 человек бросается к месту переправы, чтобы попытаться исполнить то, что сам считал невозможным, но что исполнить долг службы повелевал» [28, с. 615]. Завязалось главное сражение, в котором казакам помогала выстоять в течение трех часов трехфунтовое оружие.

Спустя это время на помощь пешим горцам пришла вернувшаяся черкесская конница. По мнению И. И. Дмитренко конные черкесы отступили от куренных селений, узнав, «что пешие задержаны у переправы и выдерживают жестокий бой» [29, с. 631]. Анализ архивных документов показывает, что горцы вернулись к переправе, будучи отбиты от Ивановского селения егерями под командой майора Бахманова. Имея под своей командой всего 3 офицеров и 80 нижних чинов, Бахманов «успел употребить все меры на защищение обывателей, приказал во все стороны произвести пальбу и наконец ударил в штыки и храбростью прогнаты были из середины селения с немалым уроном» [36, с. 240].

Именно эта отбита от селений черкесская конница, обрушившаяся на тиховцев, решила исход трехчасового сражения. Истратив все боеприпасы, казаки не смогли устоять в рукопашном бою. «Тиховский был изрублен буквально весь и с трудом тело его было отыскано и то благодаря именному кольцу, – писал Иван Иванович. – Так славно и геройски пал отряд храбрецов, не задумавший лечь костью, лишь бы спасти тех, кто оставался беззащитными в домах своих» [29, с. 632]. По данным И. И. Дмитренко погибли 140 тиховцев, 44 пропали без вести, «спаслись сильно израненные полковой есаул Гаджанов, один сотенный есаул и шестнадцать казаков» [29, с. 632]. Современный анализ документов позволил дать близкие к данным И. И. Дмитренко, но более точные цифры: 147 погибших, 22 раненых и 40 пропавших без вести [36, с. 240]. Есаул П. И. Гаджа-

нов вскоре умер от ран, его имя было указано в числе погибших на медной табличке каменного креста, установленного в 1869 г. на братской могиле казаков. И. И. Дмитренко указывал, что открытие памятника тиховцам произошло 23 мая 1864 г., опираясь, по-видимому, на ошибочные данные.

Несмотря на отдельные неточности, статья о подвиге казаков-пограничников учила мужеству, способствовала военно-патриотическому воспитанию казачества, передавала традиционные ценности защитников родной земли. В своей работе И. И. Дмитренко поместил карту, которая позволяет наглядно представить пространство происходивших драматических событий.

В начале ноября 1896 г. к столетию смерти императрицы Екатерины II И. И. Дмитренко напечатал в «Кубанских областных ведомостях» статью, посвященную памяти этой самодержицы. Дав краткий обзор её царствования, историк отметил: «Мы, сыны Кубани, в этот печальный день нашей невыразимой скорби должны вспомнить и помолиться о душе венценосной матери нашей, самодержавному слову которой мы обязаны благосостоянием, призвавшей предков наших к новой жизни, так как память о величии царицы светла и ярка в душе каждого кубанца, которые ещё при жизни Монархини "давно перестали журиться, дякували в то время царицу и молились за неё Богу, что указала на Кубань дорогу"» [19].

Историк отметил роль императрицы и в судьбе хоперских казаков: «Хоперский полк обязан своим существованием и развитием всецело Монархине, которая по ходатайству князя Потемкина, из небольшой команды при Новохоперской крепости хоперских казаков разрешила сформировать Хоперский казачий полк в 1773 году, добавив до недостающих 500 казаков ближайших родственников хоперских казаков, живших в окружных селениях. Хоперские казаки, оставшиеся в центральной полосе России, несшие и обреченные нести одну лишь внутреннюю службу, по заступничеству князя Потемкина были переселены Екатериной II на Моздокскую землю, на Кавказ» [19].

Однако в историческом наследии И. И. Дмитренко звучали не только верноподданнические ноты. Работая с архивными документами, он критически переосмысливал страницы истории казачества, осуждал бюрократизм, головотяпство и другие пороки чиновничества. В конце 1896 г. И. И. Дмитренко написал статью «К истории Хоперских казаков. Десятилетняя волокита», которая была опубликована спустя три года в 5 томе «Кубанского сборника» [23]. В. П. Бардадым, комментируя эту статью, почему-то называл 10-летней волокитой работу самого офицера: «Много сил потребовалось от Дмитренко, покамест он вел 10-летнюю волокиту, занимаясь и выясняя в архивах подробности по истории Хоперского полка, который влился в состав Ку-

банского казачьего войска, чтобы по дате основания этого полка вести отсчет существования родного войска. О своих многолетних поисках он поведал в "Кубанском сборнике" (т. V. Екатеринодар, 1899. – С. 1–11)» [3, с. 161]. Очевидно, что В. П. Бардадым просто не читал этой статьи, поскольку в ней говорилось о другом – об изломанной судьбе начальника казачьей команды ротмистра Григория Неклюдова, попавшего под безжалостную бюрократическую машину царских чиновников. Команда в 40 хоперских казаков под начальством Неклюдова должна была выступить против татар на Кубань в конце 1736 г., нагнав ранее отправившиеся в поход части донских и хоперских казаков. Но команда задержалась, испытывая недостатки в снабжении. Заблудившись в кубанской степи, «ротмистр Неклюдов с горстью казаков и не решился в зимнее время, на измученных лошадях двинуться по голым степям неприятельской страны» [23, с. 11]. В итоге последовало грозное указание императрицы Анны Иоанновны наказать вернувшихся казаков, а Неклюдова разжаловать в рядовые. Местное начальство не провело никакого расследования и поспешило исполнить указ. В течении почти десяти лет Г. И. Неклюдов пытался доказать свою невиновность и стремление уберечь людей от напрасной гибели, слал рапорты на имя воронежского губернатора, но в итоге был заключен в острог, где отсидел три года. Чиновники, озлобленные упорством бывшего ротмистра, всюду чинили ему препятствия. Неклюдов же требовал хотя бы вызвать в военную коллегию своих непосредственных начальников выяснить, «что казаки наши наказаны без допросу напрасно, безвинно, в том их вины никакой не имеется» [23, с. 7]. Однако Воронежская губернская канцелярия игнорировала все предписания Военной коллегии разобрать дело Неклюдова, и несчастный старик скончался, не добившись справедливости. Обратившись к биографии Г. И. Неклюдова, который был ранен в ногу турками, И. И. Дмитренко подтвердил факт участия казачьей команды Новохоперской крепости в Азовском походе 1696 г.

Определенный вклад внес И. И. Дмитренко в изучение истории казаков-некрасовцев. В первом выпуске ОЛИКО был опубликован его доклад, прочитанный на первом торжественном собрании Общества 1 февраля 1898 г. «Основанием доклада, – говорилось в тексте, – послужило отысканное мною судное дело в Моск. отд. архива Главн. штаба, 1720–1722 гг.» [16, с. 65]. И. И. Дмитренко рассказал о деятельности агентов казаков-некрасовцев, которые «всегда были многочисленны и действовали весьма энергично» на территориях Воронежской губернии и Области Войска Донского.

Ивана Ивановича увлекла археографическая работа, связанная с изданием архивных источников. На страницах «Кубанских областных

ведомостей» он рассказывал о документах, выявленных им в войсковом архиве, публиковал эти материалы. Так, в начале марта 1893 г. в областной газете появилась его заметка «Ездили когда-либо черноморцы на кобылах?». Историк поместил здесь рапорт полкового есаула Ивана Богуна от 2 июля 1795 г., где говорилось о том, что горцы «отбили у казака Екаатеринодарского куреня Василия Шило одну кобылу масти белой, с седлом, стойною цены тридцати рублей и ратище одного рубля».

Именно И. И. Дмитренко положил начало дискуссии о точке отсчета истории г. Екатеринодара, опубликовав в «Кубанских областных ведомостях» рапорт кошевого атамана З. А. Чепеги Таврическому губернатору С. С. Жегулину от 9 июня 1793 г. и свои комментарии к нему. «Я нахожу, – писал далее И. И. Дмитренко, – что тот момент, когда черноморцы остановились в Карасунском куте, облюбовав это место и построив здесь город, на что, конечно, не могло быть препятствий, т.е. 9 июня 1793 г. и надо считать днем основания г. Екатеринодара. Ведь 9 июня было здесь расположено, хотя и лагерем, но войсковое правительство, которое с того времени и до настоящей минуты. не имело другой резиденции кроме Екатеринодара. В вышеупомянутом рапорте войсковое правительство категорически указало на необходимость войскового града, и немедленно черноморцы стали здесь селиться. Если мы обратимся к старшинству многих городов России, её монастырей, то встретимся с тем постоянным фактом, что первое место занятия местности и считается старшинством устроенного города. Так делали повольники, ушкуйники, казаки; так сделали и черноморцы, придя на Кубань. Строящийся город стал быстро расти, и 19-го ноября того же года черноморцы выбрали себе городничего, а войсковое правительство дало ему необходимую инструкцию» [31].

Здесь же И. И. Дмитренко впервые опубликовал скопированный им в войсковом архиве ордер полковому старшине поручику Волкорезу от 19 ноября 1793 г., представлявший изложение обязанностей городничего.

Спустя 2 месяца из Тифлиса на публикацию И.И. Дмитренко откликнулся видный научный и общественный деятель Е. Д. Фелицын, который в это время исполнял должность председателя Кавказской археографической комиссии. Последний соотносил основание города с началом его официального межевания по утвержденному Таврическим губернатором плану 18 сентября 1794 г. Е. Д. Фелицын указал на свою работу «Документальные сведения об основании гор. Екатеринодара», опубликованную еще в 1887 г., повторил аргументы о том, что «день 18 сентября 1794 г. безошибочно можно принять началом юридического и фактического существования Екатеринодара, как города» [45].

С тех пор кубанские и украинские исследователи более ста лет спорят о том, какую дату

взять за точку отсчета истории города. В этой продолжающейся дискуссии хотелось бы обратить внимание на позицию наиболее авторитетного историка в этой области В. В. Бондаря, который в своей книге по истории Екатеринодара связывает возникновение города с рапортом Черноморского Войскового правительства Таврическому губернатору от 9 июня 1793 г. Этот документ, по мнению историка, свидетельствует «о появлении тогда в урочище Карасунский кут поселения, непрерывно существующего до настоящего времени с постоянным контингентом населения» [6, с. 35]. «С первого же дня существования поселения, отмечает В. В. Бондарь, – основатели именовали его "городом" или "градом", и с первого же дня он выполнял административную функцию, присущую почти исключительно городским поселениям, являясь местом пребывания Войскового правительства и кошевого атамана. Именно отсюда, начиная с 9 июня 1793 г., исходили рапорты и письма вышестоящему начальству, и ордера должностным лицам Черноморского войска, находящимся как на войсковой земле, так и вне ее, и именно сюда стекалась ответная корреспонденция» [6, с. 35–36].

К сожалению, В. В. Бондарь не указал, что пионером этой точки зрения был И. И. Дмитренко, хотя и использовал опубликованные кубанским офицером документы. Осуществляя многочисленные выписки из дел войскового архива, И. И. Дмитренко опубликовал в нескольких номерах «Кубанских областных ведомостей» поучительные материалы о борьбе с чумой в Черноморском казачьем войске в 1796 г. [25].

Главным итогом археографической деятельности И. И. Дмитренко стали подготовка и издание крупных сборников документов по истории казачества и путеводителей к архивным столичным материалам, малодоступным для провинциальных историков. Близился юбилей Кубанского казачьего войска, старшинство которого Высочайшим повелением 28 марта 1870 г. было установлено по Хоперскому полку с 1696 г. Однако старшинство необходимо было подтвердить документально, в войсковом архиве таких данных не имелось.

8 января 1894 г. подъесаул Дмитренко был, «согласно ходатайства Начальника Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, прикомандирован к мясной комиссии по покупке скота, для войск Петербургского гарнизона» [42, л. 10]. Из этой командировки офицер вернулся только 11 декабря. Рискнем предположить, что командировка была инициирована самим И. И. Дмитренко для сбора документов по истории войска в столичных архивах. Во-первых, вряд ли для покупки скота для войск петербургского гарнизона была необходимость задействовать провинциального казачьего офицера, в столице хватало своих снабженцев. Во-вторых, на это косвенно указывает сообщение редакции «Кубанских областных ведомостей» в ноябре 1894 г. «Нашему

сотруднику, подъесаулу И. И. Дмитренко, – сообщила редакция, – начальством Главного Штаба разрешено заниматься в архивах: в военно-учебном Главного Штаба и в Московском отделении общего архива Главного Штаба для собирания материалов по истории Кубанского казачьего войска. Главная цель занятий г. Дмитренко – выяснить доподлинно происхождение Хопёрского войска и старшинство Кубанского казачьего войска» [33].

Год пребывания в обеих столицах позволил Ивану Ивановичу скопировать сотни ценных материалов делопроизводства, связанных с некразовскими, черноморскими и хоперскими казаками, Кавказской линией. Собрать эти документы он мог только в феврале-ноябре 1894 г. (необходимо еще учитывать дорогу из Екатеринодара в Петербург и обратно), поскольку, согласно послужному списку, уже 11 декабря 1894 г. приступил к исполнению своих обязанностей помощника начальника войсковой мастерской, 17 февраля 1895 г. стал исполняющим обязанности начальника мастерской, 1 марта принял мастерскую «на законных основаниях» [42, л. 10].

6 мая 1895 г. И. И. Дмитренко был произведен в есаулы, что, по-видимому, было признанием его заслуг в деле подготовки сборника документов, который Иван Иванович весь 1895 г. готовил к печати. 8 октября 1895 г. есаула И. И. Дмитренко включили в состав комиссии по выработке программы празднования 200-летнего юбилея Кубанского казачьего войска [8, л. 53]. 17 марта 1896 г. И. И. Дмитренко был «Всемиловитейше награжден серебряной медалью в память царствования императора Александра III» [42, л. 10].

В июле 1896 г. три тома «Сборника материалов по истории Кубанского казачьего войска» вышли в свет. «Занятия по истории бывшего Черноморского казачьего войска, прямого и непосредственного наследника столь славного и знаменитого Запорожского войска, – писал в предисловии И. И. Дмитренко, – дали мне возможность собрать в архивах Петербурга, Москвы и Екатеринодара довольно большое количество интересных документов. Пример издания Военно-Ученым Комитетом сборников одних лишь военно-исторических документов, их действительная необходимость и ценность по истории русской армии, побудили и меня к изданию возможно большего числа собранных мною документов, как пособия вообще к истории казачества, так и в частности истории Кубанского казачьего войска. Осуществить это мне представилось возможным лишь благодаря просвещенному содействию Его Превосходительства Наказного Атамана Кубанского казачьего войска Якова Дмитриевича Малама с материальной помощью большого любителя и глубокого знатока казачьей старины Павла Павловича Бурсака» [43, с. III].

Первый том состоял из почти 900 страниц и содержал ценные именные списки жителей хопёрских слобод Алфёровки, Градской, Красной

и Пыховки на 1771 г., которые свидетельствовали о происхождении значительной части хопёрцев от Острогожского слободского полка, казаки которого стали заселять малороссийские слободы Прихоперья с 20-х гг. XVIII в.

22 октября 1896 г. временно исполняющий дела начальника Кубанской области издал циркуляр, в котором говорилось: «Все изданные есаулом Дмитренко материалы крайне важны по истории Кубанского казачьего войска, а потому я нахожу возможным рекомендовать их для приобретения в полковые, батальонные, батарейные библиотеки, также во все войсковые административные учреждения (Куб. обл. правл., войск. штаб, Упр. отд. и т.п.). Материалы изданы в ограниченном количестве экземпляров и в виду дороговизны вероятно не повторятся изданием, что в будущем сделает уже невозможным приобретение этих сборников. С требованиями обращаться исключительно к есаулу Ивану Ивановичу Дмитренко в городе Екатеринодаре. Цена всех трех сборников 7 рублей. По желанию выписывающих может быть наложенный платеж» [9, л. 48–48 об.].

5 декабря 1896 г. в дополнение циркуляра от 22 октября власти сочли «возможным рекомендовать изданный есаулом И. И. Дмитренко сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска также для приобретения и в станичные правления» [9, л. 154]. Войско было заинтересовано, чтобы казаки знали свою историю, сохраняли историческую память.

Рецензией на сборник документов откликнулся крупный ученый, историк украинского казачества Александр Матвеевич Лазаревский (1834–1902). Рецензент отметил, что «изданные г. Дмитренко материалы представляют собой новые подробности для истории черноморских казаков. <...> Несомненно, что труд г. Дмитренко по собранию и изданию столь значительного по количеству исторического материала для "Черномории" заслуживает большой благодарности всех интересующихся судьбами Днепровского казачества» [1, с. 15]. А. М. Лазаревский обратил внимание и на недостатки издания: «редактор расположил документы, помещенные во втором томе, не в хронологическом порядке, а по группам лиц, от которых исходили те или другие официальные бумаги»; «в третьем томе замечается существенный недостаток в том, что редактор почему-то нашел нужным опустить не только надписи и подписи в бумагах, но и обозначение мест, откуда бумага писалась» [1, с. 16].

В 1898 г. И. И. Дмитренко выпустил в свет 4 том «Сборника материалов по истории Кубанского казачьего войска», насчитывавший около 500 страниц, где были опубликованы документы за 1795 – 1799 гг., выявленные в войсковом архиве. Вновь откликнувшись рецензией на это издание, А. М. Лазаревский отметил, что составитель «заслуживает полной благодарности за обнародование таких важных материалов; но вместе с тем нельзя не пожалеть, что г. Дмитренко и

в теперь изданном томе, как и в первых трех, опускает надписи и подписи в напечатанных бумагах. Эти опущения затемняют значение некоторых бумаг и являются причиной недоразумений, какое встречаем, напр., в письме Чепеги (№125) которое, по-видимому, писано было вовсе не к Петру Михайловичу N.N., как значится в книге» [2, с. 119].

Однако в целом, как нам представляется, фундаментальный сборник документов, созданный И. И. Дмитренко, не был по достоинству оценен современниками. Однако Иван Иванович бескорыстно и щедро делился своими находками, желая сделать доступными документы для широкой публики или дать ориентиры для дальнейших поисков. В 1899 г. он публикует почти 600-страничную «Опись казачьих дел Московского отделения Общего Архива Главного штаба», где представил номера и описи дел о казачьих войсках с краткими аннотациями их содержания. «В настоящее время, писал И. И. Дмитренко в предисловии к этой книге, — многие войсковые части, в том числе и казачьи, приступили к составлению истории своего существования. Занимаясь исследованиями по истории Кубанского казачьего войска, я получил возможность познакомиться с обширным и ценным материалом, хранящемся в Московском Отделении Общего Архива Главного Штаба. Нет сомнения, что материалы эти послужат одними из исходных для составителей историй казачьих полков и вообще для всех, занимающихся исследованиями по истории казачества» [38, с. 3]. Составитель указателя поместил в приложении алфавит имен, встречающихся в делах, что значительно облегчало работу исследователей-казачеведов. Помимо сведений о материалах по Черноморскому войску в книге приведено содержание дел по Донскому, Яицкому (Уральскому), Запорожскому, Оренбургскому, Терскому казачьим войскам, слободским, Чугуевским, Дубовскому и Хоперскому полкам, об Армянском и Грузинском эскадронах.

Еще в марте 1896 г. И. И. Дмитренко бескорыстно отправил в Терское казачье войско выявленные и скопированные им в архиве Главного Штаба документы по истории терских, гребенских и волжских казаков XVIII в. Спустя год эти документы были напечатаны на 70 страницах 4-го выпуска «Терского сборника». В предисловии к этой публикации, написанном 25 марта 1896 г., И. И. Дмитренко отмечал: «Насколько мне известно, до сих пор еще не издано ни одной более менее подробной истории какого-нибудь из полков Кавказских казачьих войск, да нет и истории Кубанского, ни Терского войска в полном значении этого слова, истории, написанной на основании документов, имеющих в архивах. Мне представилась возможность заниматься в архиве главного штаба по отысканию документов по истории Кубанского казачьего войска. Пользуясь случаем, я, между прочим, списал и нижепо-

мещаемые документы по истории Терского казачьего войска» [37, с. 55].

Рисунок 1. Войсковой старшина
И. И. Дмитренко. 1903 г.

Авторитет Ивана Ивановича в научной и общественной жизни Кубанской области значительно вырос. С 1897 г. есаул И. И. Дмитренко он становится действительным членом Кубанского статистического комитета [41, с. 203], выступил одним из организаторов Общества любителей изучения Кубанской области. С 19 марта 1898 г. по 28 января 1900 г. И. И. Дмитренко выполнял обязанности товарища (заместителя) секретаря ОЛИКО [41, с. 222]. Кроме того, по данным В. П. Бардадыма, историк стал действительным членом Императорского Одесского Общества истории и древностей и Таврической ученой архивной комиссии [3, с. 160]. По-видимому, в этот период происходят изменения и в личной жизни офицера: он вступил в брак с дочерью надворного советника Морозова Еленой Григорьевной [42, л. 13 об.].

В 1897 – 1898 гг. ряд губерний Российской империи вследствие засухи и неурожая были охвачены голодом. Помощь пострадавшему населению 18 губерний сосредоточилась в основном в руках Российского Общества Красного Креста, которое участвовало в организации продовольственного и семенного обеспечения, медико-санитарной и трудовой помощи пострадавшим. 25 апреля 1898 г. по распоряжению Наказного атамана Кавказских казачьих войск И. И. Дмитренко был «командирован в распоряжение Главного Управления Красного креста для выяснения невзгод населения в некоторых пострадавших от неурожая губерний» [42, л. 10 об.]. В голодающие губернии были направлены уполномоченные Общества Красного Креста с помощниками «для ускорения организации благо-

творительной деятельности». Одним из помощников уполномоченного по Уфимской и Самарской губерниям штабс-ротмистра Александровского стал в ноябре 1898 г. есаул Дмитренко, который был направлен в Уфимскую губернию. Организовав общественную столовую в одном из крестьянских поселений, Дмитренко обратился к своим землякам, чтобы обеспечить её содержание [32].

26 октября 1899 г. И. И. Дмитренко был откомандирован в распоряжение Министерства финансов «для борьбы с чумой в районе Китайской Восточной железной дороги, сроком на один год, с предоставлением ему всех преимуществ, коими пользуются офицеры и классные чины всех ведомств, состоящие на службе в Квантунской области» [42, л. 10 об. – 11]. Здесь он не менее успешно противостоял опасной болезни, не случайно 9 апреля 1900 г. последовала очередная награда – орден Св. Станислава 2-й ст. Здесь Ивана Ивановича застала Китайская война. Приведем выдержку из послужного списка: «Находился в походах и делах против китайцев, состоя членом Порт-Артурской эвакуационной комиссии для организации правильной эвакуации больных и раненых с Печилийского и Южно-Маньчжурского театров в Порт-Артур и далее во Владивосток; представителем Общества Красного Креста в эвакуационной комиссии при полевом штабе, принимая участие в оказании помощи раненым и больным при взятии городов: Сенючина (Сеньюченя. – О. М.), Кайджио (Кайчжоу. – О. М.) и Хайчена и в организации санитарных поездов в тылу отряда генерала Суботича с 29 сентября 1900 по 4 июня 1901 г.» [42, л. 13 об. – 14]. «За отличие в делах против китайцев» И. И. Дмитренко 27 января 1903 г. был произведен в чин войскового старшины, а 14 июля 1903 г. «Всемилоостивейше пожалован орденом Св. Равноапостольного Князя Владимира 4-й ст. с мечами и бантом» [42, л. 14].

18 августа 1903 г. И. И. Дмитренко был «причислен к Главному управлению Государственного коннозаводства с переименованием в подполковники и с зачислением по армейской кавалерии» [42, л. 12 об.]. С 6 марта 1904 г. он состоял штаб-офицером для поручений VI класса при Главном управлении коннозаводства, заведовал типографией, а в 1911–1917 гг. редактировал «Журнал коннозаводства». Этот период жизни и творчества И. И. Дмитренко требует дополнительного изучения. Известно только, что 13 апреля 1908 г. он был произведен в чин полковника, а в 1911 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й ст.

Революция и начавшаяся в России Гражданская война вынудили Ивана Ивановича перебраться на Кубань. Историк терского казачества Э. В. Бурда называет И. И. Дмитренко «активным участником Белого движения на Юге России» [7], однако нам такие данные не встречались. В фундаментальном мартирологе офицеров армейской кавалерии, активно участвовавших в белом

движении, который составил авторитетный историк русского офицерского корпуса С.В. Волков, имя И. И. Дмитренко отсутствует. Нет его и в мартирологе белогвардейских офицеров казачьих войск, составленном тем же автором. Документы показывают, что летом 1919 г. И. И. Дмитренко возглавлял военно-историческое отделение при штабе Кубанского войска. В Государственном архиве Краснодарского края сохранилось удостоверение, датированное 3 июля 1919 г., в котором говорится: «На предъявителя сего и. д. Начальника Военно-исторического отделения Управления Генерал-Квартирмейстера Войскового штаба Кубанского казачьего войска И. И. Дмитренко возложена обязанность по собиранию разного рода изданий, газет, журналов, фотографий, афиш и других предметов, непосредственно относящихся к событиям последних лет на Кубани, начиная с 1914 года и по настоящий день, для отбирания всего этого на сохранение в открытом уже Военно-историческом музее Кубанского казачьего войска (угол Красной и Крепостной улиц, дом Акулова), почему все учреждения и лица убедительнейше приглашаются оказывать полк. Дмитренко всякое возможное содействие при исполнении возлагаемых на него обязанностей» [11, л. 1–1 об.]. Таким образом, привычным оружием Ивана Ивановича оставались не шашка и револьвер, а перо, чернильница и исторические источники. Интересно, что в перечень «желательных для музея предметов» Дмитренко, как объективный историк, включил не только атрибуты белого движения, но «портреты, не исключая и большевистских деятелей» [12, л. 10].

Последний документ в Государственном архиве Краснодарского края, где упоминается И. И. Дмитренко датирован 8 февраля (по старому стилю) 1920 г. В нем говорится о выделении упаковочного материала для эвакуации документов военно-исторического отделения Войскового штаба [12, л. 8]. Но уже 17 марта (4 по старому стилю) 1920 г. части Красной Армии ворвались в Екатеринодар. В суматохе повального бегства белых частей, Иван Иванович, которому исполнилось уже 60 лет, не смог, по-видимому, эвакуироваться. Как офицер штаба Кубанского казачьего войска, советским судом он был осужден на длительный срок заключения в лагере. Среди бумаг супруги М. Горького Екатерины Павловны Пешковой, которая с 1922 г. возглавляла единственную в СССР правозащитную организацию «Помощь политическим заключенным» (ПОМПОЛИТ), в Государственном архиве Российской Федерации сохранились краткие сведения об Иване Ивановиче. В перечне лиц, о судьбе которых запрашивала Е. П. Пешкова, под пунктом 22 значится И. И. Дмитренко и отмечается: «До декабря 36 г. был в Дальлаге, должен был быть уже освобожден за окончанием срока, с тех пор нет никаких известий» [13, л. 96 об.]. На вопрос «Жив ли, где находится, когда кончает срок» слева чей-то рукой карандашом написано: «Нет» [13, л. 96 об.].

В другом месте этого дела среди списка лиц, «от которых в течении нескольких месяцев родные не имеют известий» (по-видимому, о судьбе мужа пыталась узнать Елена Романовна), местом заключения И. И. Дмитренко назван БАМлаг НКВД [13, л. 102].

Результаты. Иван Иванович Дмитренко относился к числу кубанских интеллектуалов, которые составляли гордость российской провинциальной историографии. Его подвижническая деятельность была прежде всего направлена на сохранение исторической памяти кубанского казачества. Главной заслугой историка была большая археографическая работа, введение в науч-

ный оборот большого количества редких документов, позволявших представить раннюю историю казачеств Кубани и Терека. Историческое наследие казачьего офицера напоминало о славных страницах героического прошлого, критически осмысливало роль государства и чиновников в жизни казачества. Важным источником по истории и культуре края, данных о памятных событиях и замечательных людях, с которыми встречался историк, стали его содержательные корреспонденции. Драматическая судьба историка как в зеркале отразила в себе противоречивую эпоху в жизни страны, которой он беззаветно служил.

Литература

1. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. 3 тома. Собраны и изданы И. И. Дмитренко // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Киев, 1898. Т. LX. Январь. С. 13–22.
2. Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. IV. 1795–1799. Собраны и изданы И. И. Дмитренко // Киевская старина. 1899. Т. LXIV. Февраль. С. 109–119.
3. Бардадым В. П. Радетели Земли Кубанской: (о выдающихся людях Кубани). 2-е изд., доп. Краснодар: Сов. Кубань, 1998. 272 с.
4. Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. Москва: Новое литературное обозрение, 2003. 522 с.
5. Бойчук С. Г. Евгений Дмитриевич Фелицын: общественно-просветительская и научная деятельность Е.Д. Фелицына (1848–1903). Краснодар: Традиция, 2010. 174 с.
6. Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Институт Наследия, 2023. 202 с.
7. Бурда Э. Дмитренко Иван Иванович. URL: http://kazachestvokavkaza.com/publ/dmitrenko_ivan_ivanovich/1-1-0-25 (дата обращения 12.03.2022).
8. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 6701. Т. 1.
9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6953.
10. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 216.
11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 582.
12. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 583.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1631.
14. Дм-ко Ив. Иван Абрамович Корсун (Некролог) // Кубанские областные ведомости (далее – КОВ). 1891. № 39. 28 сентября.
15. Дмитренко Ив. Из Харькова (Корреспонд. Куб. обл. вед.) // Кубанские областные ведомости. 1891. № 13. 30 марта.
16. Дмитренко И. К истории некрасовцев на Кубани (прочитано на первом торжественном заседании 1 февраля 1898 г.) // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар: Тип. Куб. Обл. правл., 1899. Вып. 1 / Под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. С. 65–68.
17. Дмитренко И. Некролог (генерал-майор Василий Степанович Вареник) // КОВ. 1893. № 20. 13 марта.
18. Дмитренко И. О сообщении в Войсковом Собрании // КОВ. 1893. № 18. 6 марта.
19. Дмитренко И. Памяти Императрицы Екатерины II // КОВ. 1896. № 235. 6 ноября.
20. Дмитренко И. Сообщение сотника графа Подгоричани-Петровича о пластунах // КОВ. 1893. № 19. 10 марта.
21. Дмитренко И. Сообщение сотника Рыбаковского (17 апреля в помещении Войскового собрания) // КОВ. 1893. № 28. 21 апреля.
22. Дмитренко И. Сообщение сотника Филимонова о казаках в Отечественную войну 12 года // КОВ. 1893. № 25. 10 апреля.
23. Дмитренко И. И. К истории Хоперских казаков. Десятилетняя волокита // Кубанский сборник. Т. 5 / под ред. А.С. Собириевского. Екатеринодар: Тип. Э. Х. Килиуса, А. П. Сташевского, И. Ф. Бойки и А. Тили, 1899. С. 1–11.
24. Дмитренко И. И. Хронологический указатель «Кубанских Областных ведомостей» за 35 лет их издания (1863–1898 гг.) // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар: Тип. Куб. Обл. правл., 1899. Вып. 2 / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. С. 235–249.
25. Дмитренко И. И. Чума в Черномории в 1796 году (Из дел Кубанского войскового архива) // КОВ. 1897. № 26, 28, 35, 40.
26. Дмитренко Иван. Обед «дворян» и константиновцев 14 марта // КОВ. 1893. № 22. 20 марта.
27. Дмитренко Ив. О писанках // КОВ. 1891. № 17. 27 апреля.
28. Дмитренко Ив. Подвиг полковника Черноморского войска Тиховского // Разведчик. Журнал военный и литературный. СПб., 1893. № 146. 27 июля. С. 614–615.
29. Дмитренко Ив. Подвиг полковника Черноморского войска Тиховского (окончание) // Разведчик. 1893. № 147. 3 августа. С. 631–632.
30. Дмитренко Ив. Проводы генерал-майора Григория Григорьевича Рубашевского // КОВ. 1893. № 17. 3 марта.
31. Дмитренко Ив. Столетие со дня основания города Екатеринодара // КОВ. 1893. № 60. 11 августа.
32. Есаул Дмитренко. Столовая имени Екатеринодарцев в Уфимской губ. (Письмо в редакцию) // КОВ. 1899. № 179. 24 августа.
33. КОВ. 1894. № 91. 26 ноября.
34. Колесников В. А. Былое Невинного Мыса. К 185-летию переселения Хопёрского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской. Ставрополь: ООО «Юрлит», 2011. 673 с.
35. Кубанская справочная книжка 1894 года / сост. В. А. Щербина. Екатеринодар: Тип. Куб. обл. правл., 1894. 651 с.
36. Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Боевая слава кубанского казачества: от Березани до Сарыкамыш: вопросы военной истории казачества Кубани конца XVIII – начала XX столетия. Краснодар: Традиция, 2012. 452 с.
37. Материалы по истории Терского казачьего войска / Сост. И. И. Дмитренко // Терский сборник. Издание Терского статистического комитета / под ред. Г. А. Вертепова. Владикавказ: Тип. Обл. правл. Тер. области, 1897. С. 53–126.
38. Опись казачьих дел Московского Отделения Общего Архива Главного Штаба / Сост. есаул И. И. Дмитренко. Санкт-Петербург: Тип. Штаба Отд. корп. жандармов, 1899. 538 с.
39. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в.: исторические документы. Краснодар: Диапазон-В, 2006. 520 с.

40. Пребывание Их Императорских Величеств Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы с Августейшими детьми Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем и Великим Князем Георгием Александровичем в Кубанском казачьем войске в сентябре месяце 1888 года / Составил И. Дмитренко. СПб.: Тип. Шт. Отд. корп. жанд., 1898. 94 с.
41. Ратушняк Т. В. Развитие краеведения на Кубани (конец XVIII – первая треть XX в.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2013. 270 с.
42. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 412. Оп. 7. Д. 97.
43. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. I. 1737–1801 гг. / Собраны и изданы И. И. Дмитренко. Санкт-Петербург.: Тип. Отд. корп. жанд., 1896. 897 с.
44. Слуцкий А. И. Кубанская тема в украинской периодике: библиографический аспект. URL: <https://mognovse.ru/ujn-istoriya-t-12-bbk-91-9-63-3-4-ukr--4.html> (дата обращения 20.03.2023).
45. Фелицын Е. По поводу столетия со дня основания гор. Екатеринодара // КОВ. 1893. № 79. 16 октября.

References

1. Collection of historical materials on the history of the Kuban Cossack army. 3 volumes. Collected and published by I. I. Dmitrenko in Kievan antiquity. Monthly historical magazine. Kyiv; 1898. Vol. LX. January. P. 13-22. (In Russ.).
2. Collection of materials on the history of the Kuban Cossack army. Vol. IV. 1795-1799. Collected and published by I. I. Dmitrenko in Kievan antiquity. 1899. Vol. LXIV. February. P. 109-119. (In Russ.).
3. Bardadym V. P. Guardians of the Kuban Land: (on the outstanding people of the Kuban). 2nd ed., additional. Krasnodar: Sov. Kuban; 1998. 272 p. (In Russ.).
4. Berdinsky V. A. District historians: Russian provincial historiography. Moscow: New Literary Review; 2003. 522 p. (In Russ.).
5. Boichuk S. G. Evgeny Dmitrievich Felitsyn: public education and scientific activity of E. D. Felitsyn (1848-1903). Krasnodar: Tradition; 2010. 174 p. (In Russ.).
6. Bondar V. V. Military city of Yekaterinodar. 1793-1867: Historical and cultural specificity and functional role in the system of urban settlements of the Russian Empire. Ed. 2nd, rev. and additional. Moscow: Heritage Institute; 2023. 202 p. (In Russ.).
7. Burda E. Dmitrenko Ivan Ivanovich. URL: http://kazachestvokavkaza.com/publ/dmitrenko_ivan_ivanovich/1-1-0-25 (accessed 12.03.2022). (In Russ.).
8. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 396. Inv. 1. D. 6701. Vol.1. (In Russ.).
9. GAKK. 396. Inv. 1. D. 6953. (In Russ.).
10. GAKK. F. 396. Inv. 2. D. 216. (In Russ.).
11. GAKK. F. 396. Inv. 5. D. 582. (In Russ.).
12. GAKK. F. 396. Inv. 5. D. 583. (In Russ.).
13. State Archive of the Russian Federation. F. R-8409. Inv. 1. D. 1631. (In Russ.).
14. Dm-ko Iv. Ivan Abramovich Korsun (obituary). *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1891. No. 39. September 28. (In Russ.).
15. Dmitrenko Iv. From Kharkov (Corresponding to the Cuban region of the Ved.) *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1891. No. 13. March 30. (In Russ.).
16. Dmitrenko I. On the history of the Nekrasovites in the Kuban (read at the first ceremonial meeting on February 1, 1898) in *Izvestia of the Society of Lovers of the Study of the Kuban Region*. Ekaterinodar: Type cube. Region rule; 1899. Issue. 1. Ed. V. Sysoev and A. Dyachkov-Tarasov. P. 65-68. (In Russ.).
17. Dmitrenko I. Obituary (Major General Vasily Stepanovich Varenik). *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1893. No. 20. March 13. (In Russ.).
18. Dmitrenko I. About the message in the Military Assembly. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1893. No. 18. March 6. (In Russ.).
19. Dmitrenko I. In memory of Empress Catherine II. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1896. No. 235. November 6. (In Russ.).
20. Dmitrenko I. Message of the centurion Count Podgorichani-Petrovich about scouts. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1893. No. 19. March 10. (In Russ.).
21. Dmitrenko I. Message of the centurion Rybakovsky (April 17 in the premises of the Military Assembly). *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1893. No. 28. April 21. (In Russ.).
22. Dmitrenko I. Message of the centurion Filimonov about the Cossacks in the Patriotic War of 12. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1893. No. 25. April 10. (In Russ.).
23. Dmitrenko I. I. On the history of the Koper Cossacks. Ten-year red tape. Kuban collection. Vol. 5. Ed. A.S. Sobrievsky. Ekaterinodar: Type. E. Kh. Kiliusa, A. P. Stashevsky, I. F. Boiki and A. Til, 1899. P. 1-11. (In Russ.).
24. Dmitrenko I. I. Chronological index of the *Kubanskije oblastnye vedomosti* for 35 years of their publication (1863-1898) in *Izvestia of the Society of Lovers of the Study of the Kuban Region*. Ekaterinodar: Type. cube. Region rule; 1899. Issue. 2. Ed. V. Sysoev and A. Dyachkov-Tarasov. P. 235-249. (In Russ.).
25. Dmitrenko I. I. From the files of the Kuban military archive *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1897. No. 26, 28, 35, 40. (In Russ.).
26. Dmitrenko Ivan. Dinner of «nobles» and Konstantinovites on March 14. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1893. No. 22. March 20. (In Russ.).
27. Dmitrenko Iv. On painted Easter eggs. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1891. No. 17. April 27. (In Russ.).
28. Dmitrenko Iv. The feat of the colonel of the Black Sea troops Tikhovsky in Intelligence officer Military and literary magazine 1893. No. 146. July 27. P. 614-615. (In Russ.).
29. Dmitrenko Iv. The feat of the colonel of the Black Sea troops Tikhovsky (end) in Intelligence officer Military and literary magazine. 1893. No. 147. August 3. Pp. 631-632. (In Russ.).
30. Dmitrenko Iv. Seeing Major General Grigoryevich Rubashevsky. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1893. No. 17. March 3. (In Russ.).
31. Dmitrenko Iv. Centenary of the founding of the city of Ekaterinodar. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1893. No. 60. August 11. (In Russ.).
32. Esaul Dmitrenko. Dining room named after Yekaterinodartsev in the Ufa province. (Letter to the editor). *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1899. No. 179. August 24. (In Russ.).
33. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1894. No. 91. November 26. (In Russ.).
34. Kolesnikov V. A. Former Innocent Cape. To the 185th anniversary of the resettlement of the Khopersky Cossack regiment to the Kuban and Kuma and the founding of the village of Nevinomysskaya. Stavropol: Yurkit LLC; 2011. 673 p. (In Russ.).
35. Kuban reference book of 1894 / Comp. V. A. Shcherbina. Ekaterinodar: Type. cube. region rule; 1894. 651 p. (In Russ.).
36. Matveyev O. V., Frolov B. E. Military glory of the Kuban Cossacks: from Berezan to Sarykamys: questions of the military history of the Kuban Cossacks of the late 18th – early 20th centuries. Krasnodar: Tradition; 2012. 452 p. (In Russ.).
37. Materials on the history of the Terek Cossack army. Comp. I. I. Dmitrenko in Tersky collection. Edition of the Terek Statistical Committee. Ed. G. A. Vertepov. Vladikavkaz: Type. Region rule Ter. Regions; 1897. P. 53-126. (In Russ.).
38. Inventory of the Cossack affairs of the Moscow Branch of the General Archive of the General Staff. Comp. Yesaul I. I. Dmitrenko). Sankt-Peterburg.: Type. Headquarters bldg. gendarmes; 1899. 538 p. (In Russ.).

39. The first census of Cossack settlers in the Kuban at the end of the 18th century: historical documents. Krasnodar: Range-V; 2006. 520 p. (In Rus.).
40. Stay of Their Imperial Majesties the Sovereign Emperor Alexander Alexandrovich and the Empress Empress with the most august children Heir Tsesarevich Nikolai Alexandrovich and Grand Duke Georgy Alexandrovich in the Kuban Cossack Host in September 1888. Compiled by I. Dmitrenko. SPb.: Typ. Separate corps of gendarmes; 1898. 94 p. (In Rus.).
41. Ratushnyak T. V. The development of local history in the Kuban (the end of the 18th – the first third of the 20th century. Krasnodar: Kuban. state un-t; 2013. 270 p. (In Rus.).
42. Russian State Military Historical Archive. F. 412. Inv. 7. D. 97. (In Rus.).
43. Collection of historical materials on the history of the Kuban Cossack army. Vol. I. 1737–1801. Collected and published by I. I. Dmitrenko. Sankt-Peterburg.: Type. Separate corps of gendarmes; 1896. 897 p. (In Rus.).
44. Slutsky A. I. Kuban theme in Ukrainian periodicals: bibliographic aspect. URL: <https://mognovse.ru/ujn-istoriya-t-12-bbk-91-9-63-3-4-ukr--4.html> (accessed 20.03.2023). (In Rus.).
45. Felitsyn E. About the centenary of the founding of the Ekaterinodar. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1893. No. 79. October 16. (In Rus.).

Научная статья

УДК 94(47).084.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.8>

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМ В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРИМЕРЫ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Татьяна Евгеньевна Покотилова

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1884-2313>

Аннотация. Введение. В условиях частой вовлеченности России в военные конфликты власть закономерно нуждалась в любой помощи, как в рамках ведущихся боевых действий, так и по преодолению их последствий, и поэтому не только не отказывалась от общественной благотворительной помощи в данной сфере, но и всячески ее поощряла и софинансировала. **Материалы и методы.** Избранный в данной работе подход ориентирован на предложенный известным исследователем истории отечественной благотворительности Г. Н. Ульяновой методологический тезис о необходимости считать термин «благотворительность» достаточно условным применительно к деятельности общественных организаций в период Первой мировой войны из-за наблюдавшегося симбиоза «власти и общества в сфере оказания помощи». Что заставило уделить особое внимание структурно-функциональному методу исследования в следовании принципам историзма, социального подхода к изучению истории, объективности и всестороннего изучения проблемы. Источниками, привлеченными к анализу, стали документы архивных фондов и неизученные ранее нормативные и информационно-статистические материалы по проблемам и истории деятельности государства и общества в сфере организации и осуществления помощи пострадавшим от войны. **Анализ.** В статье исследованы действия власти, которая дополняла свои усилия в помощи пострадавшим от войны привлечением частной помощи. С началом войны члены императорской фамилии выступили инициаторами и приняли участие в работе полугосударственных и полублаготворительных организаций. Государственный вклад определялся финансированием, а общественный – добровольным участием частных

лиц. Координирующим органом выступил Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, который возглавила императрица Александра Федоровна. На региональном уровне создавались Комитеты по оказанию помощи воинам, пострадавшим от войны. **Результаты.** В исследовании сделан вывод о том, что создание специализировавшихся на благотворительной помощи обществ «частно-правового» характера стало наиболее распространенным в изучаемый период видом практиковавшихся действий в сфере общественной благотворительной инициативы. Организация реабилитации раненых воинов в специальных приютах и возвращение их к труду через обучение и приобщение их к адекватным их возможностям профессиям, как и организация их трудоустройства, составляли весомый сегмент общественной благотворительной помощи пострадавшим от войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, пострадавшие, благотворительная помощь, императорский дом, общественные благотворительные организации

Для цитирования: Покотилова Т. Е. Благотворительная помощь пострадавшим в ходе Первой мировой войны: примеры общественно-государственного сотрудничества // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 614-620. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 19.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

Research article

CHARITABLE ASSISTANCE TO THOSE AFFECTED DURING THE FIRST WORLD WAR: EXAMPLES OF PUBLIC-STATE COOPERATION

Tatyana E. Pokotilova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1884-2313>

Abstract. Introduction. In the context of Russia's frequent involvement in military conflicts, the authorities naturally needed any help, both within the ongoing hostilities and in overcoming their consequences, and therefore not only did not refuse public charitable assistance in this area, but also encouraged and co-financed it in every possible way. **Materials and methods.** The approach chosen in this work is focused on the methodological thesis proposed by the famous researcher of the history of domestic charity G. N. Ulyanova about the need to consider the term "charity" rather conditional in relation to the activities of public organizations during the First World War due to the observed symbiosis of "authority and society in the sphere of providing assistance." Which forced us to pay special attention to the structural-functional method of research in following the principles of historicism, a social approach to the study of history, objectivity and a comprehensive study of the problem. The sources involved in the

analysis were documents from archival funds and previously unstudied regulatory and information-statistical materials on the problems and history of the activities of the state and society in the field of organizing and providing assistance to war victims. **Analysis.** The article examines the actions of the authorities, which complemented their efforts to help those affected by the war by attracting private assistance. With the outbreak of the war, members of the imperial family initiated and took part in the work of semi-state and semi-public charitable organizations. The state contribution was determined by financing, while the public contribution – by the voluntary participation of private individuals. The coordinating body was the Supreme Council for Charity of the Families of Wounded and Fallen Soldiers, headed by Empress Alexandra Feodorovna. At the regional level, Committees were established to assist soldiers affected by the war. **Results.** The study con-

cluded that the establishment of “private law” societies specializing in charitable assistance became the most common type of practice in the field of public charitable initiatives during the period under study. Organizing the rehabilitation of wounded soldiers in special shelters and returning them to work through training and introducing them to professions adequate to their capabilities, as well as organizing their employment, constituted a significant segment of public charitable assistance to war victims.

Keywords: World War I, victims, charitable assistance, imperial house, public charity organizations

Введение. В истории российской благотворительности попечение о пострадавших в ходе и по следам военных действий составляет отдельный, наполненный повседневной масштабной и кропотливой благотворительной практикой и многочисленными акциями исторический сегмент. Главная причина этому – частая вовлеченность России в военные конфликты, в числе которых – много длительных по времени и масштабных. При этом власть, закономерно в этих условиях нуждавшаяся в любой помощи, как в рамках ведущихся боевых действий, так и по преодолению их последствий, не только не отказывалась от общественной благотворительной помощи в данной сфере, но и всячески ее поощряла и софинансировала.

Материалы и методы. Как правомерно настаивает известный исследователь истории отечественной благотворительности Г. Н. Ульянова, «...в отношении деятельности многочисленных общественных организаций в период Первой мировой войны термин «благотворительность» несколько условен. Чистой благотворительностью является лишь деятельность, целиком осуществляемая на пожертвования и силами добровольцев, а в годы войны наблюдался симбиоз власти и общества в сфере оказания помощи: частные пожертвования поступали в филантропические ведомства, имевшие также государственные дотации, и, наоборот, субсидии из казны переходили к местному самоуправлению, частным филантропическим обществам» [20; с. 230]. Придерживаясь близкой точки зрения, мы вынуждены были провести собственный источниковый и историографический поиск, предваряющий оформление научного взгляда на обозначенную проблему, максимально широко. Кроме уже упоминавшихся ранее в авторской работе «Российская филантропия и первая мировая война (на материалах Терской области)» [11; с.86–93] общих и специальных работ, в той или иной мере анализирующих отечественную благотворительность в 1914–1918 гг., предметом детального научного интереса стала, прежде всего, теоретико-методологическая, на наш взгляд, работа Г. Н. Ульяновой «Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг.: дискуссионные вопросы и содержание проблемы» [20]. Благодаря информации проблемно-ориентированного библиографического указателя, изданного Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына [9], появилась

For citation: Pokotilova T. E. Charitable assistance to those affected during the First World War: examples of public-state cooperation. *Humanities and law research*. 2023;10(4): P. 614-620. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.06.2023.

The article was approved after reviewing: 19.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

возможность знакомства с уникальным сборником архивных документов и воспоминаний о деятельности женщин дома Романовых по организации на свои средства лазаретов, санитарных поездов, складов белья и медикаментов, питательных пунктов для беженцев, работе ряда из них не только сестрами милосердия, но и руководителями благотворительных комитетов по организации помощи пострадавшим от войны [1]. Как и с воспоминаниями современников о работе в лазарете императрицы, о благотворительной, в том числе, организаторской, деятельности царской семьи в годы Первой мировой войны [15]. Среди впервые изученных нами при подготовке данной статьи – работы, освещающие благотворительную практику в годы Первой мировой войны в стране и ее отдельных регионах [2; 3; 5; 6; 14; 22 и др.], вклад отдельных личностей и благотворительных обществ и ведомств в дело помощи пострадавшим от войны [16; 19; 23; 24 и др.]. Среди не привлекавшихся ранее к анализу – архивные документы, нормативные и информационно-статистические источники и ряд региональных проблемно-ориентированных научных работ [4; 8; 17; 18 и др.].

Анализ. Поощряя общественные благотворительные устремления в изучаемой нами сфере, императорский дом подавал здесь пример. С началом активных боевых действий ряд членов императорской фамилии инициирует создание и принимает активное участие в работе созданных и уже существовавших российских благотворительных организаций полугосударственного, полуобщественного характера. Государственный аспект в их деятельности был обусловлен, прежде всего, привлечением в дело попечения значительных средств из казны и возможностью создания целых канцелярий для координации работы в подобных благотворительных организациях. Общественный характер таких благотворительных общероссийских ведомств определялся членством и работой в них граждан на добровольной основе, как и в благотворительных обществах частноправового характера.

Для координации действий всех заинтересованных участников в такой сфере попечения, как забота о семьях призванных на войну, раненых и погибших воинов, специальным указом императора в начале войны даже создается, в качестве центрального органа, Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а

также семей раненых и павших воинов [12; с. 2239]. Возглавила Совет императрица Александра Федоровна, в его состав вошли руководители Госсовета и Думы, ряд министров, руководители Красного Креста и ряда тех самых российских благотворительных ведомств полугосударственного, полублагодетельного характера, а также представители Всероссийских Городского и Земского союзов. Первое, чем озаботились члены Совета, - организация работы по сбору средств на пособия на основании четко очерченного механизма определения категорий получателей и размеров пособий. Ранее проведенное автором исследование [11; с. 87] позволяет утверждать, что в данном процессе были задействованы территориальные органы власти, органы местного самоуправления, благотворительные организации и отдельные инициативные граждане.

Очень показательна в этом смысле выдержка из письма Владикавказского городского головы Г. В. Баева председателнице Кавказского Комитета помощи пострадавшим от войны, статс-даме, графине Е. А. Воронцовой – Дашковой «о заботе Городского Управления о сиротах и бедных детях запасных и о деятельности Владикавказского Комитета Красного Креста», созданного не позднее 1 октября 1914 г. Баев докладывает: «Городское Управление обратило исключительное внимание с первых же дней мобилизации на организацию приютов для сирот запасных и для бедных детей. Городская Дума постановила войти в соглашение в Владикавказским обществом попечения о сиротах и бедных детях г. Владикавказа... Сиротский дом Владикавказского общества существует уже около 25 лет, главным образом на средства Городского Управления и своего основателя барона Владимира Рудольфовича Штейнгеля, жертвующего на его содержание около трех тысяч рублей. Дума постановила под покровительством этого Общества вблизи его собственного сиротского дома нанять помещение для сирот запасных, а в некоторых частях города устроить и дневные убежища с принятием расхода на наем квартир и содержание главной части на средства города. Владикавказское общество попечения о сиротах города пошло всемерно навстречу этому предложению». Содержался в письме и отчет о первых действиях в изучаемом направлении Владикавказского Комитета Красного Креста: «Комитет этот, кроме оказания помощи семьям запасных, уведомил Городскую Управу, что им изготовлено и пожертвовано в пользу раненых и больных воинов, на 500 лиц белье, кроме того в приемном помещении на вокзале, где будут распределяться по городу раненые, Комитет постановил организовать питательный пункт». Комитет Красного Креста открыл во Владикавказе и «хирургическую больницу» в помещении, предоставленном Свято-Троицким братством; занялся обеспечением запасных топливом; организовал бюро

по трудоустройству членов семей воинов, пострадавших в военных действиях, и др. [26; л. 125–128].

Одной из главных категорий населения, помощь которой находилась в приоритете у отечественных благотворителей в рассматриваемый период, – воины, получившие увечья в ходе военных действий. «Ослепшие, с оторванными руками и ногами, глухонемые и прорешетенные разрывными пулями, отравленные газами и обожженные...», – так описывал их Председатель Комитета Донского Общества Кооперативов по оказанию помощи увечным воинам и их детям А. Д. Ковердынский [10, с. 2]. Нуждавшиеся в длительной реабилитации, материальном обеспечении, получении навыков новой профессии с учетом их ограниченных возможностей и, многие из них, – в признании, они стали важным объектом заботы и власти, и многочисленных участников благотворительной практики в воюющей России.

В регионах создавались Комитеты по оказанию помощи воинам, пострадавшим от войны. А в процессы, связанные с обеспечением эффективной деятельности всех структур и лиц, стремящихся помочь пострадавшим от войны, включались различные органы власти и самоуправления. К примеру, именно из рутинной переписки канцелярии Владикавказского полицмейстера с управляющим делами Терского областного комитета по оказанию благотворительной помощи пострадавшим от войны [25; л. 83-83 об.], мы узнаем, что на 1 декабря 1916 г. во Владикавказе для «увечных» воинов работала мастерская имени ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны, содержащаяся на средства Комитета ее же имени. Председателем мастерской был войсковой старшина Рогожин, казначеем – жена полковника Ольга Ивановна Фричинская, а «заведующим по наблюдению за мастерскими» - владикавказский мещанин Николай Павлович Севостьянов. Мастерская была рассчитана на 25 человек, к 1 декабря 1916 г. их насчитывалось 15, обучавшихся навыкам портняжного и сапожного мастерства. Также из переписки, но уже председателя Кубанского областного комитета по оказанию помощи воинам, пострадавшим от войны, с Начальником Терской области и Наказным атаманом Терского казачьего войска от 17 февраля 2017 г. [25; л. 183] мы узнаем о том, что комитетом помощи пострадавшим от войны имени ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны « в целях широкого освещения перед населением тех мероприятий, какие приняты Правительством в заботах об увечных воинах для возрождения их к трудовой жизни» подготовлен специальный фильм.

Деятельность многочисленных общественных благотворительных организаций «частно-правового характера», обращенная к помощи пострадавшим в войне, также достаточно широко

представлена в документах, тем более обязательность наличия последних определялась введенными 4 марта 1906 г. именным высочайшим указом Временными правилами об обществах и союзах [12]. Так, например, Общество Трудового убежища для увечных воинов Московского уезда, начало свою работу с регистрации в заданном порядке губернским по делам об обществах присутствием 24 июня 1916 г. Устава Общества [21]. Согласно нему, Общество было создано с целью: «а) предоставить возможность увечным воинам, утратившим способность заниматься своим привычным трудом, но не лишившимся всецело способности к труду, бесплатно научиться доступному им ремеслу и продолжать заниматься таковым, оставаясь в убежище или вне его; б) устраивать дома призрения для бесплатного помещения в них воинов, совершенно лишившихся способности к труду; в) содействовать возникновению местных патронажей для увечных воинов; г) оказывать увечным воинам бесплатно юридическую и иную необходимую помощь, и д) оказывать возможную поддержку семьям увечных воинов» [21, с. 2]. Достижение названной цели Обществом обеспечивалось за счет реализации права «а) открывать, не преследуя цели получения прибыли, трудовые дома, мастерские, дома призрения, патронажи и другие учреждения, способствующие улучшению материальных и духовных условий жизни призреваемых; б) собирать подробные сведения обо всех увечных воинах, как призванных на войну из Московского уезда, так и принадлежащих к коренному населению Московского уезда, вести им учет и, в случае нужды, ходатайствовать перед кем следует об улучшении их положения; в) устраивать, с соблюдением всех существующих на сей предмет узаконений и с надлежащего разрешения, школы, библиотеки, читальни, курсы и всякие иные научно-просветительные и учебно-вспомогательные учреждения, спектакли, концерты, вечера, лекции, рефераты и выставки...» [21, с. 2–3]. Избрав достаточно широкий круг планируемых действий, Общество Трудового убежища для увечных воинов Московского уезда пригласило к участию в них на правах его членов не только частных лиц, а, прежде всего, волостные и сельские общества, кооперативные товарищества, артели, земские и другие учреждения, особенно, попечительства. Это, с одной стороны, ускоряло и упрощало работу по определению круга потенциальных опекаемых лиц, с другой – позволяло обратиться к уже апробированным ранее и доказавшим свою эффективность формам работы с инвалидами. А решение считать членами Общества и тех, кто вносил вклад в его деятельность не ежегодными взносами, а собственным трудом в качестве членов-сотрудников Общества, позволяло придать работе благотворительной организации ритмичность и результативность. Поскольку Общество

это работало как благотворительная организация «частно-правового характера», статьи ее доходов складывались из членских взносов; возможных пособий от правительственных, земских и общественных учреждений; доходов от состоящих при трудовых домах Общества мастерских (за вычетом заработка работающих в них инвалидов); доходов от принадлежавшего Обществу имущества; «предпринимаемых ним изданий и устраиваемых ним или другими учреждениями и лицами в его пользу, с соблюдением существующих узаконений, чтений, спектаклей, концертов, вечеров, сборов, выставок и проч.; пожертвований...» [21, с. 7].

Общественные благотворительные организации, ставившие своей основной целью оказание помощи воинам-инвалидам и даже членам их семей, возникают по всей стране. «Создалось стихийное движение общественной самодеятельности помощи раненым и оно в своем стремительном потоке захватило все слои населения без различия национальностей, классов и положений...» [10, с. 2], – так описывает данную ситуацию председатель комитета Донского общества кооперативов по оказанию помощи увечным воинам и их детям А. Д. Ковердынский. Эта организация возникла в марте 1915 г. в результате объединения усилий 83 товариществ Донской области. При этом еще до создания объединенной благотворительной организации у учредителей был опыт отчисления из своих прибылей, совместно с Императорскими сельскохозяйственным и потребительским обществами, 16 077 руб. на организацию помощи увечным воинам.

Главной своей задачей Общество избрало открытие приюта «для увечных воинов с мастерскими для них». Приют задумывался как абсолютно новое явление в призрении: «Общество хотело, чтобы увечный воин в приюте получил бы обратно потерянную на войне трудоспособность и выпущен был бы из приюта домой уже способным и готовым к заработку и жизни на свои средства» [10, с. 3]. В условиях военного времени в ситуации с необходимостью решения большого количества самых разнообразных задач по созданию и организации деятельности приюта с ожидаемым эффектом, только на поиски подходящего помещения, его ремонт и оборудование ушло около четырех месяцев. Приют принял первых призреваемых 1 августа 1915 г. Огромная потребность в скорейшем запуске приюта для инвалидов и стремление членов Общества удовлетворить запросы страждущих в рамках приюта на 50 мест заставили Комитет Общества озадачиться созданием при заведении в первую очередь ортопедической мастерской под руководством специалиста-ортопеда. Пока в мастерской изготавливались требуемые для опекаемых, принадлежавших, в подавляющем большинстве, к крестьянскому сословию, искусственные конечности-протезы, началось обучение их

различным профессиям – «сапожному мастерству – 14 человек, шапочному – 6 человек, столлярному – 11 человек, шорному по ортопедической части – 4 человека, слесарному и кузнечному по ортопедической части – 3 человека» [10, с. 3]. Более того, - если опекаемый проявлял интерес к иным профессиям и ремеслам, члены Общества старались этот интерес по возможности удовлетворить. Так, согласно данным записки руководителя Общества А.Д. Ковердынского о деятельности Общества с 1 августа по 1 декабря 1915 г., «...один, обнаруживший особенную способность к рисованию, помещен для обучения в частную художественную школу и проявил уже успехи, один, изъявивший желание изучить торгово-хлебное дело, поступил приказчиком в хлебное отделение потребительской лавки в Нахичевани. Один научился на печатной машинке, четыре, как хорошо грамотные, готовятся к посещению счетоводных курсов, предположенных к открытию в приюте с 1 февраля...» [10, с. 3]. При этом те из опекаемых в приюте, кто был неграмотен, а их было подавляющее большинство, получили возможность ежедневно в течение двух часов проходить обучение под руководством шести учителей-добровольцев. Грамотные же имели доступ к выписываемым приютом газетам и книгам. С самого начала работы призреваемым силами двух врачей и трех массажисток, также из добровольцев, оказывалась постоянная медицинская помощь.

К 1 декабря 1915 г. приюту удалось «поставить безногих на искусственные ноги - 16 человек получили протезы, из них: 14 упрощенного типа выше и ниже колен и 2 человека технически усовершенствованные искусственные ноги...; затем приют, помимо предоставления своим питомцам удобной, сытой и чистой жизни в нем, обучил 37 бывших землепашцев ремеслам, которые дадут им возможность самостоятельного существования, наконец обучил грамоте и арифметике до 40 человек, бывших почти неграмотными» [10, с. 6]. С 1 января 1916 г. работавшие в мастерских приюта воины-инвалиды стали получать заработную плату.

Очевидно, что вышедшие из приюта получили возможность вести полноценную жизнь, не став в тягость своим семьям и обществу, и, приобретая новые знания и профессиональные навыки, могли их использовать в организации своей дальнейшей мирной жизни, в т. числе могли стать «насадителями-инструкторами ремесленных знаний и организаторами мастерских в местах, где нет ремесленных училищ» [10, с. 7].

Власть, осознавая важность подобных инициатив по общественному участию в реабилитации и дальнейшей социализации участников боевых действий, ставших инвалидами, оказывала поддержку и в разработке методических матери-

алов по организации ремесленного и профессионального обучения увечных воинов [7].

Результаты. Итак, в силу частого участия России в военных конфликтах благотворительная помощь в решении множества возникавших в этой связи масштабных проблем была не только жизненно необходима, но и достигала значимых размеров и широко диапазона реализуемых форм. Власть, традиционно нуждавшаяся в дополнении ее усилий в организации и реализации системы мер по предоставлению востребованных видов помощи пострадавшим от войны, зачастую инициировала и стимулировала благотворительное участие общества, его наиболее неравнодушных граждан, в сфере оказания требуемой помощи. Поэтому с самого начала военных действий в рамках Первой мировой войны ряд членов императорской фамилии инициирует создание и принимает активное участие в работе созданных и уже существовавших российских благотворительных организаций полугосударственного, полуобщественного характера, ориентированных на попечение о воинах и членах их семей, о беженцах. Для координации действий всех заинтересованных участников в такой сфере попечения, как забота о семьях, призванных на войну, раненых и погибших воинов, специальным указом императора в начале войны создается, в качестве центрального органа, Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Благодаря активным координирующим действиям данного и ряда подобных ему органов в процесс вовлекаются как территориальные органы власти, органы местного самоуправления, так и благотворительные организации и отдельные неравнодушные граждане. Деятельность заинтересованной общественности по участию в минимизации последствий военных действий для различных категорий и групп пострадавших с самого начала войны отличалась достаточно быстрым реагированием и обращением к наиболее востребованным формам помощи. Создание специализировавшихся на востребованных отдельных видах благотворительной помощи и отдельных категориях опекаемых обществ «частно-правового» характера, расширение направлений деятельности в работе существовавших благотворительных обществ – наиболее распространенные в изучаемый период виды практиковавшихся действий в сфере общественной благотворительной инициативы. При этом организация реабилитации раненых воинов в специальных приютах и возвращение их к труду через обучение и приобщение их к адекватным их возможностям профессиям, как и организация их трудоустройства, составляли весомый сегмент общественной благотворительной помощи пострадавшим от войны.

Литература

1. Августейшие сестры милосердия / сост. Н.К. Зверева. М.: Вече, 2006. 461 с.
2. Грицаева А. Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. 289 с.
3. Иванова Н. М. Милосердие и благотворительность в годы первой мировой войны 1914-1918 гг.: На материалах Петрограда: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 243 с.
4. Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность // Сборник статей. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 188–202.
5. Казаковцев С. В. Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 136–142.
6. Кайдышева Н. Н. Благотворительная деятельность в Пермской губернии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2016. 324 с.
7. Материалы по организации ремесленного и профессионального обучения увечных воинов. Выпуск 1 / М. Н. П. Отдел промышленных училищ. Петроград: Садовая Типо-Литография Н.Г. Мазур, 1916. 134 с.
8. Окопная О. П. Благотворительная деятельность предпринимателей Парамоновых на Дону. 1914–1915 гг. // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 138–141.
9. Первая мировая война: библиографический указатель / сост. Е. А. Волкова; ред. Н. А. Егорова, А. Д. Зорина, Т. П. Митрофанова. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. 258 с.
10. Первый приют с мастерскими для увечных воинов, устроенный Донскими кооперативами в г. Нахичевани н-Д, 19 д., № 11. Ростов-на-Дону: Типография А. И. Тер-Абрамиан, 1916. 31 с.
11. Покотилова Т. Е. Российская филантропия и первая мировая война (на материалах Терской области) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 86–93.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. 1909. Т. 26. № 27479.
13. Полное собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 224. Ст. 2239.
14. Севостьянова Е. В. Благотворительность и призрение в городах Забайкальской области в период Первой мировой войны: взаимодействие власти и общества // Политика и общество. 2020. № 3. С. 24–35.
15. Скорбный ангел: Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях / сост. С. В. Фомин. СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2005. 893 с.
16. Соколовская О. В. Благотворительная деятельность греческой королевы Ольги в России в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 223–233.
17. Степанов К. А. Деятельность Дамского комитета Ростовского уезда. 1914-1918 гг. // Вопросы истории. 2012. № 1. С. 90–101.
18. Степанов К. А. Ростовская уездная комиссия Елизаветинского комитета в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 144–153.
19. Тимофеев Ю. И. Федор Шаляпин: дело о благотворительности // Русский мир.ru. 2009. № 2. С. 32–37.
20. Ульянова Г. Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914-1918 гг.: дискуссионные вопросы и содержание проблемы // Россия в годы Первой мировой войны. Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 ноября 2014 г.). М.: ИРИ РАН, 2014. С. 230–237.
21. Устав Общества Трудового убежища для увечных воинов Московского уезда. М.: Тип. «Ломоносов», 1916. 15 с.
22. Федирко О. В. Благотворительность на Амуре в годы Первой мировой войны // Клио. 2015. № 2. С. 127–130.
23. Чистяков О. В. Российское общество Красного Креста во время Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 12. С. 67–69.
24. Шрамкова О. В. Национальные благотворительные организации Саратова как один из центров помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Клио. 2015. № 5. С. 80–87.
25. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-Алания). Ф. 193. Оп. 1. Д. 7.
26. ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 131.

References

1. August Sisters of Mercy / compiled by. N.K. Zvereva. Moscow: Veche; 2006. 461 p. (In Russ.).
2. Gritsaeva A. N. Charity in Russia during the First World War (1914 – February 1917): experience of helping victims of military actions: thesis. Moscow, 2008. 289 p. (In Russ.).
3. Ivanova N. M. Mercy and charity during the First World War 1914-1918: Based on materials from Petrograd: thesis. St. Petersburg; 2002. 243 p. (In Russ.).
4. The Caucasus during the First World War: heroics and everyday life in Collection of articles. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V. Abaev; 2014. P. 188 – 202. (In Russ.).
5. Kazakovtsev S. V. Charity in the Vyatka province during the First World War. *Voprosy istorii*. 2008;7:136-142. (In Russ.).
6. Kaidysheva N. N. Charitable activities in the Perm province during the First World War (1914 – February 1917): thesis. Ekaterinburg; 2016. 324 p. (In Russ.).
7. Materials on the organization of craft and vocational training for crippled soldiers. Issue 1. MNP. Department of Industrial Schools. Petrograd: N.G. Mazur publ.; 1916. 134 p. (In Russ.).
8. Okopnaya O. P. Charitable activities of the Paramonov entrepreneurs on the Don. 1914-1915. *Voprosy istorii*. 2010;2:138-141. (In Russ.).
9. The First World War: bibliographic index. Comp. E.A. Volkova; ed. ON THE. Egorova, A.D. Zorina, T.P. Mitrofanova. Moscow: House of Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn; 2016. 258 p. (In Russ.).
10. The first shelter with workshops for crippled soldiers, set up by the Don cooperatives in Nakhichevan n-D, 19 d., No. 11. Rostov-on-Don: Printing house A. I. Ter-Abramian; 1916. 31 p. (In Russ.).
11. Pokotilova T. E. Russian philanthropy and the First World War (based on materials from the Terek region). *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2018;4:86-93. (In Russ.).
12. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3rd. 1909. Vol. 26. No. 27479. (In Russ.).
13. Complete collection of laws and orders of the Government, published under the Government Senate. 1914. No. 224. (In Russ.).
14. Sevostyanova E. V. Charity and charity in the cities of the Trans-Baikal region during the First World War: interaction between government and society. *Politika i obshchestvo*. 2020;3:24-35. (In Russ.).
15. Sorrowful Angel: Queen-Martyr Alexandra Novaya in letters, diaries and memoirs. Compiled by S.V. Fomin. St. Petersburg: Society of St. Basil the Great; 2005. 893 p. (In Russ.).
16. Sokolovskaya O. V. Charitable activities of the Greek Queen Olga in Russia during the First World War. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2004;5:223-233. (In Russ.).
17. Stepanov K. A. Activities of the Ladies' Committee of the Rostov district. 1914-1918. *Voprosy istorii*. 2012;1:90-101. (In Russ.).

18. Stepanov K. A. Rostov district commission of the Elizabethan Committee during the First World War. *Voprosy istorii*. 2013;5:144-153. (In Russ.).
19. Timofeev Yu. I. Fyodor Chaliapin: the case of charity. *Russkiy mir.ru*. 2009;2:32-37. (In Russ.).
20. Ulyanova G. N. Charitable assistance from society to war victims in 1914-1918: controversial issues and content of the problem in Russia during the First World War. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, September 30 – November 3, 2014). Moscow: IRH of RAS; 2014. p. 230-237. (In Russ.).
21. Charter of the Society of Labor Shelter for Crippled Soldiers of the Moscow District. Moscow: Lomonosov; 1916. 15 p. (In Russ.).
22. Fedirko O. V. Charity on the Amur during the First World War. *Clio*. 2015;2:127-130. (In Russ.).
23. Chistyakov O. V. Russian Red Cross Society during the First World War. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 2009;12:67-69. (In Russ.).
24. Shramkova O. V. National charitable organizations of Saratov as one of the centers for helping refugees during the First World War. *Clio*. 2015;5:80-87. (In Russ.).
25. Central State Archive of the Republic of North Ossetia - Alania (TsGA RSO-Alania). F. 193. Inv. 1. D. 7. (In Russ.).
26. TsGA RSO-Alania. F. 224. Inv. 1. D. 131. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.9>

ВОПРОСЫ СЕМЬИ И ДЕТСТВА В 1940-1960-Е ГГ. И ИХ ОТРАЖЕНИЕ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мария Александровна Пономарева^{1*}, Анна Сергеевна Руман²

¹ Южный федеральный университет (ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент, директор Института истории и международных отношений
ponomariya@sfedu.ru; orcid.org/0000-0001-8135-3067

² Южный федеральный университет (ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)
Ассистент
ruman@sfedu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2106-5372>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена изучению отдельных мероприятий советского правительства в рамках социальной политики СССР, направленной на улучшение бытовых условий семей, их материального благосостояния и на увеличение рождаемости населения в Ростовской области. **Материалы и методы.** Особое внимание в работе уделено материалам периодической печати Ростовской области 1940 – 1970 гг., на страницах которой получили отражение проблемы воспитания детей и молодежи, поднимались темы морали, подвергались критике негативные образы безответственных родителей. Именно региональные газеты позволили провести сравнительно-исторический анализ тенденций и противоречий между проводимой «сверху» политикой КПСС и правительства, и ее восприятием в обществе, в особенности, среди женщин. **Анализ.** В статье подчеркивается важность публикаций в газетах и журналах, посвященных теме «одиноким матерей» и их детей, имеющих прочерк в графе «отец» в метрическом свидетельстве. Отмечается, что, несмотря на заявленную обществом серьезность проблемы, требующей решения, она осталась без внимания со стороны властей. **Результаты.** Сделан вывод о том, что пе-

Research article

риодическая печать была нацелена на широкие слои населения и пропагандировала семейные ценности, формировала образ идеальной советской семьи. Кроме того, подчеркивается, что тональность и вектор публикаций задавали направленность к устойчивому формированию у читателя положительного образа советской женщины, матери, труженицы.

Ключевые слова: советская социальная политика, история материнства и детства, гендерная история, история детства, СССР, власть и общество, история Ростовской области

Для цитирования: Пономарева М. А., Руман А. С. Вопросы семьи и детства в 1940–1960-е гг., и их отражение на страницах периодической печати Ростовской области // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 621-627. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.9>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 25.07.2023.

Статья принята к публикации: 24.08.2023.

FAMILY AND CHILDHOOD ISSUES IN THE 1940S AND 1960S, AND THEIR REFLECTION ON THE PAGES OF THE PERIODICAL PRESS OF THE ROSTOV REGION

Maria A. Ponomareva^{1*}, Anna S. Ruman²

¹ Southern Federal University (105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor, Director of the Institute of History and International Relations
ponomariya@sfedu.ru; orcid.org/0000-0001-8135-3067

² Southern Federal University (105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)
Assistant
ruman@sfedu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2106-5372>

* The author responsible for the correspondence

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of individual measures of the Soviet government within the framework of the social policy of the USSR aimed at improving the living conditions of families, their material well-being and increasing the birth rate of the population in the Rostov region. **Materials and methods.** Special attention is paid to the materials of the periodical press of the Rostov region of 1940-1970, on the pages of which the problems of raising children and youth were reflected, moral themes were highlighted, negative images of irresponsible parents were criticized. The regional newspapers made it possible to conduct a comparative historical analysis of trends and contradictions between the policy of the CPSU and the government carried out "from above" and its perception in society, especially among women. **Analysis.** The article emphasizes the importance of publications in newspapers and magazines devoted to the topic of "single mothers" and their children who have a dash in the column "father" in the metric certificate. It is noted that, despite the seriousness of the problem that needs to be solved, declared by the society, it remained without attention from the authorities. **Results.** It is concluded that the periodical press was aimed at the broad strata of the population and promoted

family values, formed the image of the ideal Soviet family. In addition, it is emphasized that the tone and vector of publications set the direction for the steady formation of a positive image of a Soviet woman, mother, worker in the reader.

Keywords: Soviet social policy, history of motherhood and childhood, gender history, history of childhood, USSR, government and society, history of the Rostov region

For citation: Ponomareva M. A., Ruman A. S. Family and childhood issues in the 1940s and 1960s, and their reflection on the pages of the periodical press of the Rostov region. *Humanities and law research*. 2023;10(4): P. 621-627. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.9>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.06.2023.

The article was approved after reviewing: 25.07.2023.

The article was accepted for publication: 24.08.2023.

Введение. Отношение советского правительства и партийного коммунистического руководства к женщинам и детям, определялось пониманием, что последние являются важнейшей составляющей советского общества, гарантией будущего его расцвета. Основные направления социальной политики в области семьи и детства, развивающиеся на современном этапе, были заложены в 1950-х гг. и далее претерпевали изменения в зависимости от развития социально-экономических, политических и иных условий развития страны. В этот период органы государственной власти и КПСС в значительно большей степени уделяли внимание проблемам, связанным с улучшением бытовых условий семей, их проживанием и материальным благосостоянием, ставили вопросы по сокращению динамики бракоразводных процессов и увеличению рождаемости населения.

Актуальность исследования основана на отсутствии в российском сегменте работ, дающих комплексное представление об отражении политики в области семьи и детства в регионах в позднесоветский период. Однако есть исследования, которые в той или иной степени касаются изучаемой темы. Например, исследование положения роли женщины в семье находит свое отражение в ряде работ междисциплинарного характера Л. И. Вавулинской [4], И. В. Богдашиной [2], Я. А. Шаповаловой [34], Д. В. Захарова [12] - в которых ставится вопрос о реализации семейной политики, раскрываются образы советской женщины. В частности, привлечение эго-документов и сведений радиопередач позволили И. В. Богдашиной сравнить идеализированный и реальный образы советской женщины. В данных работах затронуты вопросы о страхах женщины быть осужденными за несоответствие советскому идеалу.

Материалы и методы. Исследование построено на принципах междисциплинарности. Историко-сравнительный метод исследования позволяет в динамике изучить совокупность мероприятий, направленных на улучшение социального положения женщины и ребенка в Ростовской области. На основе контент-анализа периодической печати сделаны вывод о постепенном формировании идеального образа советской женщины, как труженицы и матери одновременно.

Исследование построено преимущественно на изучении периодической печати Ростовской области (публикациях в газетах «Вечерний Ростов», «Ростсельмашевец», «За коммунистическое воспитание»). Частично были изучены такие общесоюзные издания как: журнал «Работница», «Литературная газета». Помимо этого, выводы и обобщения базируются на архивных материалах Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Стоит отметить, что характерной чертой периодики второй половины 1950 – 1960 гг. является то, что она проходила цензурирование со стороны партийных органов,

а также являлась своего рода рычагом давления на своих читателей и общественность. Газеты информировали о различных городских событиях, как в культурной, так и в общественной жизни. Проанализировав большинство выпусков изданий, можно сделать вывод, о том, что на общем фоне, приоритет в освещаемых темах был отдан политическим вопросам в газете «Вечерний Ростов» и вопросам выполнения планов в газете «Ростсельмашевец», и только малая часть рубрик посвящалась теме социальной политики в области семейных отношений, социальному обеспечению детей [36; 11]. Стоит отметить, что в газетах встречаются полярные тематики, с одной стороны демонстрирующие события только с положительной стороны [24; 37; 7], с другой напротив, обличающие негативные явления. Так, можно встретить рубрики, посвященные воспитанию трудных подростков, ошибкам, которые допускали взрослые в воспитании детей [19; 18], о неблагонадежных родителях, уклоняющихся от своих обязательств [8]. На страницах журнала «Работница» обсуждались и поднимались вопросы, касавшиеся тем по воспитанию детей, особо уделялось внимание внешнему облику советской женщины – данная информация сопровождалась фотографиями, зарисовками, которые транслировали и пропагандировали у читателей нравственный облик молодой советской женщины, нацеливая общественность на подражание и стремление к «идеалу».

Периодическая печать как источник представляет значительный интерес для исследователя: «...печать хранит в себе яркий образ реально происходивших событий, а точнее совокупность образов реальности, отобразившихся в сознании их современников» [1, с. 100]. Откликаясь на злобу дня, оценивая содержание и смысл событий, пресса, с одной стороны, является зеркалом современности, отражением различных тенденций и взглядов эпохи, и в то же время сама формирует взгляды. Активная преобразующая деятельность периодической печати многообразна: она «формирует общие взгляды, оценки, позиции, психологическую атмосферу в обществе, содействует идейно-политическому и трудовому сплочению людей». Именно в этот промежуток времени закрепляется современное видение семьи, роль отца и матери в воспитании детей.

Анализ. В рассматриваемый период охрана материнства и детства становится одним из важнейших направлений деятельности социальной партийной политики, Совета Министров СССР и союзных республик. В обществе начинается пропагандироваться роль женщины, как продолжательницы рода, ее влияние на формирование советской личности.

В первую очередь, в различных пропагандистских материалах повышается внимание к ее роли в семье и на производстве. Так, в средствах периодической печати начинают транслироваться образы женщины – матери и женщины-работницы,

все это сопровождалось многочисленными наглядными фотографиями и изображениями.

Тем не менее, в письмах женщин в газеты неоднократно звучало мнение, что подобного рода совмещение ролей было довольно сложно и изматывающе для женщины, особенно, если забота и воспитание ребенка легли в полной мере только на нее. Данная точка зрения получила отражение в официальных решениях партии и правительства, так на съездах КПСС начинают говорить о том, что «женщинам должны предоставляться относительно более легкие, и в тоже время достаточно оплачиваемые работы... увеличивается продолжительность отпусков по беременности» [25, с. 393]. Правительством актуализируются вопросы, связанные с положением детей в обществе: условиях их проживания, обеспечение необходимым для достойного взросления как советского человека. На многочисленных партийных съездах и конференциях поднимаются вопросы по расширению строительства дошкольных учреждений, улучшению мер оздоровительного характера, медицинского обслуживания, строительства больниц и других объектов культурно-бытового назначения для детей, как на общесоюзном уровне, так и местном, региональном. Характерным примером являются заседания XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездов КПСС, пленумов ЦК КПСС, партийных съездов - бюро Ростовского обкома ВЛКСМ, КПСС, решения которых были оформлены постановлениями. Так уже на XXII съезде, состоявшемся в октябре 1961 г., партия поставила задачу по обеспечению «счастливого детства каждого ребенка» [25, с. 394].

Что касается парторганизаций на местах, то их деятельность прослеживается по материалам протоколов заседаний бюро Ростовского обкома. В данных протоколах получили отражение вопросы по улучшению досуга подрастающего поколения, наибольший интерес представляют такие документы, как: «План работы Ростовской областной детской экскурсионно-туристической станции на 1953 – 1954 учебный год» [31, л. 41 – 42], «Методическая работа и подготовка кадров руководителей походов и экскурсий» [31, л. 43] – 1953 – 54 гг. Актуальными были вопросы и по здравоохранению, например, «О состоянии и мерах улучшения здравоохранения в Ростовской области», социальному развитию [32, л. 20].

К концу 1950-х – 1960-х гг. повзросло поколение, которое родилось в годы Великой Отечественной войны, не имевшее с первых дней жизни должного ухода. Несмотря на то, что к началу 1960-х гг. количество койко-мест в больницах области превышало довоенное в два раза, все еще была необходима модернизация советского здравоохранения.

Именно в рассматриваемый период в общественном сознании формируется тот образ, который сформируется в коллективной исторической памяти в виде представления об идеальной со-

ветской семье. Данный образ оказывает влияние на современном этапе как на представления общества о советском прошлом и российском настоящем [9], так и на государственные решения при составлении различных концепций развития социального государства [27].

Огромные людские потери Советского Союза во время Великой Отечественной войны значительно ухудшили демографическую ситуацию в стране, поэтому государство в период 1945 – 1960-х гг. поставило задачу повышения и поощрения рождаемости, улучшения материального благосостояния, активно применялись меры «моральной» поддержки [29, с. 41].

Важным шагом в этом направлении стало издание Указа Президиума Верховного Совета СССР об учреждении почетного звания «Матери-героиня», опубликованном в газете «Ведомости Верховного совета СССР» [15, с. 1]. Женщинам, родившим и воспитавшим десятерых и более детей, удостоившимся этого звания, вручался орденом. Также были учреждены орден «Материнская слава» и медаль «Медаль материнства». Первое вручение награды «Мать-героиня» прошло в Кремле уже в ноябре 1944 г. В числе первых, награжденных было четырнадцать женщин [22]. Это событие подчеркивало важность и значимость мероприятий, проводимых советским государством. Региональная периодическая печать не могла не отразить данные события на своих страницах. В газете «Вечерний Ростов» от 5 июля за 1961 год опубликована заметка, в которой были перечислены фамилии награжденных женщин города Ростова-на-Дону и области почетным орденом «Мать-героиня» и грамотой Президиума Верховного Совета СССР. Так, наградами были отмечены Казаченко Прасковья Васильевна – домашняя хозяйка села Дубовское и Чеботарева Мария Петровна – домашняя хозяйка города Ростов-на-Дону [28, с. 2].

В одном из номеров той же газеты была опубликована статья «Счастье матери», в которой раскрывался сюжет о семье Чеботаревой М.П., ее муже, детях. В этой статье женщина с благодарностью отзывалась о помощи, оказанной ей и ее семье. Она рассказывала: «...государство помогло нам построить дом, предоставило ссуду. А на бумажной фабрике, где работает муж, очень заботились о том, чтобы без задержки, в первую очередь привезли нам ... строительные материалы» [16, с. 1]. Статья по той же тематике была опубликована и в «Волгодонской правде». [3, с. 2]. Таким образом, мы видим, что государство пропагандировало заботу о многодетных семьях, тем самым формируя положительный образ матери-героини. К началу 1960-х гг. подобного рода забота превращается в официальный код-правило взаимоотношений людей внутри советского общества [20, с. 81].

Во второй половине 1950 – 1960 гг. в периодической печати были опубликованы письма читательниц, в которых поднималась проблема

«детей-безотцовщины» и общественного порицания женщин, воспитывающих детей самостоятельно. Указом от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания мать-героиня и учреждении ордена материнская слава и медали материнства» вводится и закрепляется понятие «одинокая мать», также предусматривающем возможность постановки «прочерка» в свидетельстве о рождении в графе «отец». В советской периодической печати эта тема неоднократно поднималась в письмах читателей. Корреспонденты отмечали, что данный документ позволил освободить отцов от материальной и моральной ответственности «отменить существующее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребёнка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке» [15]. Так, в журнале «Работница» от 1 января 1957 года в рубрике «Обзор писем читателей» выходит статья под громким названием «Они не одиночки!». В письме рассказывается о переживаниях матерей и детей, вызванных прочерком в метрических свидетельствах. Женщина посредством печати обращается к Верховному Совету СССР с просьбой об изменении закона и ходатайствует о том, чтобы у её дочери и у многих других детей в свидетельстве о рождении вместо символа «Z» была вписана фамилия настоящего отца: «Я с ужасом жду той минуты, (пишет она), когда моей дочке впервые придется столкнуться с прочеркнутым метрическим свидетельством. Для ребенка больно знать, что его бросил отец» [21, с. 15]. Схожая тематика статей встречается и в «Литературной газете»: «но разве не ясно, что дети не должны расплачиваться за легкомыслие родителей» [13, с. 2]. К детской «безотцовщине», ставшей результатом гибели мужчин-отцов во время войны, не вернувшихся с полей сражений и женщинам, возложившим на свои плечи воспитание детей без мужа, добавилась «безотцовщина» по документу о рождении. Для женщин термин «одинокая мать» стал унижительным, ущемлял права женщин, и в тот период времени это был моральный «надлом» над личностью ребенка.

Просьба пересмотреть на законодательном уровне некоторые положения вышеобозначенного Указа Президиума Совета СССР от 8 июля 1944 г. носила в рассматриваемый период массовый характер, что также получило отражение в региональной периодической печати. В «Литературной газете» от 3 января 1963 г. вышла статья под названием «И молчание – не золото, отписка – не серебро...». Её автор обратил внимание на тот факт, что за период 1954–1963 гг. публиковалось множество статей, в которых поднималась тема отмены отдельных положений Указа от 8 июля 1944 г. Автор сделал акцент на том, что

«почти уже 9 (девять!) лет назад писательница Е. Серебровская написала статью о «прочерках в метриках», о несовместимости понятия «незаконнорожденный» с нашей совестью, с нашей моралью». Резонансным откликом на эту статью стали тысячи писем, которые получила редакция, но которые остались лежать «в столе» редакции. В данных письмах содержатся мысли о том, что за послевоенные годы в стране «спустили на воду» первый атомный ледокол «Ленин», запустили искусственные спутники Земли, появились снимки обратной стороны Луны, в космосе побывали первые космонавты, а «договориться, что прочерки в метриках не нужны, как-то не сумели» [17, с. 2].

В периодической печати тех лет нашли отражение и вопросы, связанные с ситуациями, когда отцы не занимались воспитанием своих детей, плохо относились к супругам. Государство формировало негативный образ подобного рода отцов и супругов, их поведение в семье должно было вызывать однозначное порицание со стороны советской общественности.

В газетах и журналах поднимаются вопросы воспитания подрастающего поколения и ключевой роли матери и отца. Так в газете «Вечерний Ростов» был размещен рассказ под названием «Обида» об отце, который не только не занимался воспитанием дочери, но и не работал, не приносил деньги в семью, вел разгульный образ жизни. В опубликованном тексте дочь недоумевает, «... почему мать все прощает отцу, почему ни разу не возмутилась? Мать отвечает дочери: - А если он уйдет от нас? Какой ни есть, все-таки твой отец, а мне муж. Нужно терпеть». В этом прослеживалась проблема боязни общественного осуждения, страх «вынести сор из избы». Автор статьи В. Мурина задается вопросом «нужно ли терпеть человека, который несет в семью не радость, а горе?» [23, с. 3].

В публикации «Разве это глава семье?» - осуждалось поведение И. П. Сиденко - отца, который «пропивает деньги, бьет жену, выгоняет ее из дому, сквернословит. Все эти «подвиги» происходят на глазах у перепуганных детей...». Автор статьи – председатель совета общественности Дворца культуры призывает общественные организации завода, в котором работает Сиденко, повлиять и «потребовать от него стать настоящим отцом своих детей» [10, с. 2].

«Вечерний Ростов» в статье «Две матери» поднимает тему морали безответственной матери. Женщина оставила своего ребенка своей родственнице со словами «пусть поживет годик, а потом я его заберу... мне надо устраивать свою жизнь, а он связывает руки» [26, с. 3]. И лишь спустя пятнадцать лет «мать одумалась». В этом опубликованном материале явно прослеживается идея осуждения безответственных матерей и восхищения подвигом женщины, которая вырастила и воспитала приёмного сына и стала для него настоящей матерью. Огласка существую-

щих проблем должна была способствовать формированию у читателей образа девиантного поведения отцов и матерей и приводить к осуждению и недопущению подобного рода отклонений.

В газетах довольно часто встречаются рубрики, посвященные женщине - матери, семейным проблемам. Так, например, в газетах «Вечерний Ростов», «Ростсельмашевец» публиковались колонки с тематиками, в которых читатели писали о своих семьях, преодолении семейных трудностей, бытовых неурядиц. В первую очередь, данные публикации были направлены на помощь советским семьям в преодолении подобного рода проблем, «исправиться», стать другими, такими как «большинство». С другой стороны, данные статьи носили некую предупреждающую функцию: чтобы вполне благополучные семьи не пошли по «неправильному пути», не стали «объектом» пристального внимания соседей, сотрудников по работе, товарищеских судов и различных надзорных инстанций.

После XXI съезда КПСС начался процесс передачи решений в различных вопросах семейной жизни от милиции в руки советской общественности. С момента утверждения Указом Президиума ВС РСФСР от 3 июля 1961 г. нового Положения о товарищеских судах, открылась следующая страница в истории этих организаций. Товарищеские суды общественности занимались разбором проступков и поведения отдельных граждан в обществе и семье. Главная задача, которая стояла перед ними – это профилактическая работа [5, с. 278].

Что касается товарищеских судов домоуправлений, им предстояло разбирать вопросы, связанные с несоблюдением обязанностей по воспитанию детей. Примером такого «надзора» служит статья «В защиту маленькой Лены», так мы узнаем о равнодушных соседях, которых волновала судьба ребенка, ставшего свидетелем семейных скандалов. Жильцы дома просили обратить внимание на «безответственное отношение» Б. Г. Бондарева и его матери «к жене и невестке – с маленьким ребенком на руках». Из обращения мы узнаем, что муж применял грубую силу к жене на глазах у ребенка, являлся домой в стадии сильного алкогольного опьянения, «устраивал дебоши, пугая спящего ребенка. Уговоры не помогали». Свекровь всячески была настроена против невестки: «Я создам тебе такие условия, что сама уйдешь» - говорила она. Автор статьи приходит к выводу, что семье Бондаревых должна помочь общественность. Информацию передали на рассмотрение товарищеского суда аптеки, где работала и состояла на партийном учете свекровь. Суд постановил «...разобраться и помочь сохранить семью», а если не удастся, то вызволить ребенка и мать из ужасной жизненной ситуации [33, с. 3].

Проанализировав архивные материалы о деятельности товарищеских судов, автор статьи «Практики разрешения семейных конфликтов:

обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки» приходит к выводу, что те решения, которые принимались партийными и государственными органами в СССР, не всегда соответствовали правовым нормам. Члены товарищеских судов и «широкие массы» не всегда разбирались в законах, суды зачастую проходили «по справедливости» [5, с. 278]. Меры воздействия, которыми они обладали, умещались в лозунге «товарищеские суды призваны не карать, а воспитывать» [5, с. 279] – это уговаривания, товарищеское порицание с предупреждением. Конечно, такие суды могли добиться увольнения с работы и лишения родительских прав, но общепринятой практикой в большинстве случаев были ходатайства коллективов о том, чтобы взять «оступившегося» на поруки.

В архивных документах содержатся свидетельства того, что в 1960-е гг. проводились меры по улучшению медицинского обслуживания и охране здоровья детского и женского населения в Ростовской области. Из совместного постановления бюро Ростовского обкома КПСС и Ростоблисполкома мы узнаем о том, что по сведениям от 8 августа 1960 г. по области увеличилось число санаториев, домов отдыха: «имеется 327 больниц на 21060 коек, 322 детских яслей на 13480 мест, 14 санаториев на 1630 мест, 525 здравпунктов... широко развернулось строительство лечебно-профилактических и детских учреждений на селе». Также делается акцент на том, что «медицинское обслуживание все еще не удовлетворяет возросших потребностей населения области... Значительная часть сельских лечебно-профилактических и детских учреждений размещена в приспособленных тесных помещениях, не удовлетворяющих санитарно-техническим требованиям. Строительство ведется медленными темпами, и план ежегодно не выполняется» [35, л. 39-45].

В газете «Вечерний Ростов» за 8 июля 1961 года была опубликована статья, посвященная теме отсутствия мест отдыха для проведения досуга. Жители Северного поселка, Нового города и Каменки узнали о том, что по Ростовскому санаторию №1 «вход в парк санатория запрещен» и просят редакцию газеты решить их проблему. Ответ от инженера горисполкома А. Г. Касюкова подтверждал возмущение граждан: «где можно культурно отдыхать? Прежде всего в хорошем парке, который располагает библиотекой, кафе, аттракционами... Ничего этого пока нет... а каково на этот счет мнение исполкома Октябрьского райсовета?» [33, с. 3]. В 1956 г. был составлен проект по реконструкции парка, спустя два года дендрологический план, но все осталось лишь на бумаге.

Аналогичные негативные отзывы содержали статья о реорганизации работы школы в связи с переходом на восьмилетнее образование: «Школа на новом пути» [14, с. 3], публикации на страницах газеты «Вечерний Ростов» о недостатке детских летних лагерей [6; 31].

На XXII съезде КПСС было выбрано направление по улучшению социальной политики в условиях быта семей, расширения мер социальной поддержки, направленной на оздоровление детей дошкольного возраста, провозглашались принципы бесплатного образования и здравоохранения, была поставлена задача партии по обеспечению населения в городах и селах детскими садами, школами продленного дня, в которых после основных уроков с детьми продолжали заниматься учителя [4].

Последующие партийные съезды и пленумы ЦК КПСС придерживались взятого курса на создание улучшенных условий для воспитания подрастающего поколения. В частности, на XXIII съезде партии КПСС было уделено внимание расширению сети женских и детских лечебно-профилактических учреждений. В 1968 г. было издано постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране», в котором отмечалась необходимость «предоставлять женщинам, имеющим грудных детей, по их просьбе, кроме отпуска по беременности и ро-

дам, дополнительный отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребенком возраста 1 года» [30]. Важной составляющей в развитии семейно-брачных отношений стало принятие в 1968 г. «Основ законодательства СССР о браке и семье», а в 1969 году – «Кодекса о браке и семье РСФСР».

Результаты. В заключении хотелось бы отметить, что периодическая печать выступала своего рода транслятором социальной политики государства, пропагандировала и формировала идеальные советские ценности и модель семьи, освещала проблемы детства, воспитания. Каждая публикация проходила этап обязательной цензуры, что способствовало созданию идеального образа советской семьи. Однако изучение газет Ростовской области и частично общероссийской печати позволило выявить нерешенность и замалчивание некоторых проблем, существовавших в обществе, среди которых, в частности, положение матери-одиночки, незащищенность женщины и ребенка в неблагополучных семьях, восприятие обществом детей в неполных семьях.

Литература

- Бердова О. В. Образ повседневности в зеркале дореволюционной газеты (на примере Костромской области) // *Повседневность российской провинции*. Казань: Новое Знание, 2002. С. 100–110.
- Богданина И. В. Образ советской женщины в материалах прессы 1950–1960-х годов и в женской социальной памяти (региональный аспект) // *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2021. № 3 (72). С. 59–68. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.72.3.005>
- Богданова Е. А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-opyt-regulirovaniya-pravovykh-otnosheniy-ili-v-ozhidanii-zaboty> (дата обращения: 02.04.2023).
- Вавулинская Л. И. Современная историческая литература о проблемах семьи и материнства в послевоенные десятилетия (1945–1965 гг.) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. Т. 25. № 3. С. 45–55. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.4>
- В защиту маленькой Лены; где же нам отдыхать? // *Вечерний Ростов*. 1961. № 160 (921). 8 июля. С. 3.
- В лагере «Дружба» // *Вечерний Ростов*. 1961. № 177 (938). 22 июля. С. 4.
- Воспитывать плохо не имеем право // *За коммунистическое воспитание*. 1963. № 36. 27 ноября. С. 1.
- В роли кукушки // *Вечерний Ростов*. 1961. № 64 (825). 14 марта. С. 3.
- Государственная семейная политика в Российской Федерации. Сборник материалов. М.: Издание Государственной Думы, 2014. 432 с.
- Две матери // *Вечерний Ростов*. 1968. № 89 (3005). 15 апреля 1968. С. 3.
- Для школы – интерната // *Вечерний Ростов*. 1961. № 208 (969). 2 сентября. С. 4.
- Захаров Д. В. Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 70–90 гг. XX века на примерах журналов: «Работница», «Крестьянка», «Космополитен»: автореф. дис. ... канд. ист. М., 2004. 28 с.
- Зверев И. И. И молчание – не золото, отписка – не серебро // *Литературная газета*. 1963. № 2 (4589). 3 января. С. 2.
- Лагерь у моря // *Вечерний Ростов*. 1961. № 167 (928). 12 июля. С. 3.
- Малинкин А. Культ героического в наградах СССР // *Отечественные записки*. 2002. № 8. С. 334–352.
- Мать-героиня // *Волгодонская правда*. 1962. № 1 (3249). 1 января. С. 2.
- Мурина В. Обида // *Вечерний Ростов*. 1968. №240 (3151). 12 октября 1968. С. 3.
- Наш родительский комитет // *Вечерний Ростов*. 1961. № 65 (826). 15 марта. С. 3.
- Обвиняет мать // *Вечерний Ростов*. 1961. № 82 (843). 1 апреля. С. 3.
- Они не одиночки // *Работница*. 1957. № 1. 1 января. С. 15.
- От имени сына // *Литературная газета*. 1954. № 103 (3287). 28 августа. С. 2.
- Присвоение многодетным матерям почетного звания «Мать-героиня» // *Вечерний Ростов*. 1961. № 157 (918). 5 июля. С. 2.
- Разве это глава семье? // *Ростсельмашевец*. 1960. № 34 (1908). 19 марта. С. 2.
- Расскажите о нашей маме // *Вечерний Ростов*. 1961. № 214 (975). 9 сентября. С. 3.
- Резолюция XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза по Отчету Центрального Комитета КПСС/ Материалы XXII съезда КПСС. Москва. Политиздат. 1962. 464 с.
- Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940 – 1985 / под редакцией Елены Ярославской-Смирновой и Павла Романова (Из библиотеки Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. 376 с.
- Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/2158/> (дата обращения: 20.04.2023).
- Счастье матери // *Вечерний Ростов*. 1961. № 158 (919). 6 июля. С. 1.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // *Ведомости Верховного совета СССР*. 1944. № 37. 16 июля. С. 1.
- Центральный комитет КПСС совет министров СССР постановление от 5 июля 1968 г. N 517 о мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://e-ecolog.ru/docs/HSIG-U3jsq6_nkD4tWc93 (дата обращения: 03.04.2023).

31. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее - ЦДНИРО) ЦДНИРО. Ф. Р-173. Оп. 14. Д. 213.
32. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 1121.
33. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 2599.
34. Шаповалова Я.А. Государственная политика в области семейно-брачных отношений в 1945–1991 гг. (на материалах Краснодарского края): дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. 187 с.
35. Школа на новом пути // Вечерний Ростов. 1961. № 163 (924). 8 июля. С. 3.
36. Школу – на уровень великих задач // Вечерний Ростов. 1961. № 199 (960). 23 августа. С. 1.
37. Это и есть воспитание // Вечерний Ростов. 1961. № 53 (814). 3 марта. С. 3.

References

1. Berdova O. V. The image of everyday life in the mirror of a pre-revolutionary newspaper (on the example of the Kostroma region) in Everyday life of the Russian province. Kazan: Novoe znanie, 2002. P. 100-110. (In Russ.)
2. Bogdashina I. V. The image of the Soviet woman in the press materials of the 1950s-1960s and in women's social memory (regional aspect). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*. 2021; 3(72):59-68. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.72.3.005> (In Russ.)
3. Bogdanova E. A. The Soviet experience of regulating legal relations, or "waiting for care". *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2006;(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskij-opyt-regulirovaniya-pravovyh-otnosheniy-ili-v-ozhidanii-zaboty> (accessed: 02.04.2023).
4. Vavulinskaya L. I. Modern historical literature on the problems of family and motherhood in the post-war decades (1945-1965). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2020;(25-3):45-55. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.4> (In Russ.)
5. In defense of little Lena; Where should we rest? *Vechernij Rostov*. 1961; 160(921):3. (In Russ.)
6. In the camp "Friendship". *Vechernij Rostov*. 1961; 177(938):4. (In Russ.)
7. We have no right to educate badly. *Za kommunisticheskoe vospitanie*. 1963;(36):1. (In Russ.)
8. In the role of the cuckoo. *Vechernij Rostov*. 1961; 64(825):3. (In Russ.)
9. State family policy in the Russian Federation. Collection of materials. Moscow: Edition of the State Duma; 2014. 432 p. (In Russ.)
10. Two mothers. *Vechernij Rostov*. 1968;89(3005):3 (In Russ.)
11. For boarding school. *Vechernij Rostov*. 1961;208(969):4
12. Zakharov D. V. Transformation of the image of a woman in the mass media of Russia in 70-90. XX century on the examples of magazines: "Worker", "Peasant", "Cosmopolitan": abstract of thesis. Moscow, 2004. 28 p. (In Russ.)
13. Zverev I. I. And silence is not gold, unsubscribing is not silver. *Literaturnaya gazeta*. 1963; 2(4589):2. (In Russ.)
14. Camp by the sea. *Vechernij Rostov*. 1961; 167(928):3. (In Russ.)
15. Malinkin A. The cult of the heroic in the awards of the USSR. *Domestic notes*. 2002;(8):334-352. (In Russ.)
16. Mother-heroine. *Volgodonskaya Pravda*. 1962; 1(3249):2. (In Russ.)
17. Murina V. Offense. *Vechernij Rostov*. 1968; 240(3151):3. (In Russ.)
18. Our Parent Committee. *Vechernij Rostov*. 1961; 65(826):3. (In Russ.)
19. Accuses the mother. *Vechernij Rostov*. 1961; 82(843):3. (In Russ.)
20. They are not alone. *Worker*. 1957;(1):15. (In Russ.)
21. On behalf of the son. *Literaturnaya gazeta*. 1954; 103(3287):2. (In Russ.)
22. Conferring the honorary title "Mother Heroine" to mothers with many children. *Vechernij Rostov*. 1961;(157-918):2. (In Russ.)
23. Is this the head of the family? *Rostselmashevets*. 1960; 34(1908):2 (In Russ.)
24. Tell us about our mother. *Vechernij Rostov*. 1961; 214(975):3. (In Russ.)
25. Resolution of the XXV Congress of the Communist Party of the Soviet Union on the Report of the Central Committee of the CPSU in Materials of the XXII Congress of the CPSU. Moscow: Politizdat; 1962. 464 p. (In Russ.)
26. Soviet Social Policy: Scenes and actors, 1940 – 1985 / Edited by Elena Yarskaya-Smirnova and Pavel Romanov (From the library of the Journal of Social Policy Research). Moscow: OOO "Variant", 2008. 376 p. (In Russ.)
27. Strategy of socio-economic development of the Rostov region for the period up to 2030 in Official portal of the Government of the Rostov region. URL: <https://www.donland.ru/activity/2158> (accessed 20.04.2023)
28. Mother's happiness. *Vechernij Rostov*. 1961;158(919):1. (In Russ.)
29. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR On increasing state assistance to pregnant women, large and single mothers, strengthening the protection of motherhood and childhood, on establishing the honorary title "Mother Heroine" and the establishment of the Order of Maternal Glory and the medal "Medal of Motherhood" in Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1944. No. 37. 16 July. p. 1. (In Russ.)
30. Center for documentation of the modern history of the Rostov region (hereinafter - CDNIRO) CDNIRO. F.R-173. Inv.14. D.213. (In Russ.)
31. The Central Committee of the CPSU Council of Ministers of the USSR Resolution No. 517 of July 5, 1968 on measures to further improve healthcare and the development of medical science in the country in Library of Normative legal Acts of the USSR. URL: https://e-ecolog.ru/docs/HSIG-U3jsq6_nkD4tWc93 (accessed 03.04.2023).
32. TSDNIRO. F.R-9. Inv.1. D.1121. (In Russ.)
33. TSDNIRO. F.R-9. Inv.1. D.2599. (In Russ.)
34. Shapovalova Ya. A. State policy in the field of family and marriage relations in 1945–1991. (based on the materials of the Krasnodar Territory): thesis. Krasnodar, 2014. 187 p. (In Russ.)
35. School on a new path. *Vechernij Rostov*. 1961; 163(924):3. (In Russ.)
36. School – to the level of great tasks. *Vechernij Rostov*. 1961; 199(960):1 (In Russ.)
37. This is education. *Vechernij Rostov*. 1961; 53(814):3. (In Russ.)

Научная статья

УДК 9 (С16)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.10>

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА КУБАНИ В УСЛОВИЯХ СВЕРТЫВАНИЯ НЭПА (1928–1929 гг.)

Алексей Николаевич Стулов

Армавирский государственный педагогический университет (д. 159, ул. Розы Люксембург, Армавир, 352901, Российская Федерация)
Аспирант
alextrip@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9555-8713>

Аннотация. Введение. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы связана с заметной ролью торговли в современной российской экономике. Изучение исторического опыта обусловлено потребностями современного российского общества и государства в совершенствовании экономической политики. Новизна исследования связана со слабой изученностью темы в современной историографии. Целью исследования является анализ торговой деятельности на Кубани в конце 1920-х гг. в условиях свертывания НЭПа и усиления административно-командной системы. **Материалы и методы.** Исследование проводилось на основе принципов объективности, историзма и системного подхода. Были использованы такие специально-исторические методы, как историко-генетический, историко-сравнительный и статистический. **Анализ.** Январь 1928 г. стал рубежом, отделявшим период кульминации НЭПа от его неуклонного свертывания. В полной мере это коснулось сферы торговли, игравшей важную роль в социально-экономическом развитии страны и ее отдельных регионов, к которым принадлежала Кубань. Началом этого процесса стал хлебозаготовительный кризис, при преодолении которого партийное руководство стало применять меры административного характера, вынуждая крестьян и казаков продавать зерно по установленным государством низким ценам, сохраняя высокие цены на промтовары. Одновременно происходило вытеснение из торгового оборота частных торговцев, что привело к росту дефицита товаров широкого потребления.

Для ослабления этой проблемы советское государство стало вводить централизованную систему распределения продовольствия, что противоречило нэповским принципам организации торговли. Наряду с объективными причинами, развитию государственной и кооперативной торговли мешали такие недостатки, как организационные проблемы, слабая подготовка и злоупотребления торговых работников. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что торговая деятельность на Кубани в конце 1920-х гг. осуществлялась под влиянием процессов свертывания НЭПа и нарастания администрирования в проводимой большевистской партией экономической политике.

Ключевые слова: торговая деятельность, новая экономическая политика, хлебозаготовки, администрирование, торговый оборот, частная торговля, кооперация, Кубань

Для цитирования: Стулов А. Н. Торговая деятельность на Кубани в условиях свертывания НЭПа (1928–1929 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 628–634. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 03.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 12.09.2023.

Статья принята к публикации: 21.10.2023.

Research article

TRADE IN THE KUBAN IN THE CONDITIONS OF THE NEP CURTAILMENT (1928–1929)

Alexey N. Stulov

Armavir State Pedagogical University (159, Rosa Luxemburg St., Armavir, 352901, Russian Federation)
Postgraduate student
alextrip@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9555-8713>

Abstract: Introduction. The relevance of the problem considered in the article is connected with the great role of trade in the life of modern Russian society. The study of historical experience is determined by the needs of modern Russian society and the state to improve economic policy. The novelty of the research is connected with the study of the problem that has not received proper coverage in the historical literature. The purpose of the study is to analyze the trading activity in the Kuban in the late 1920s in the conditions of the collapse of the NEP and the strengthening of the administrative command system. **Materials and methods.** The research was conducted on the basis of the principles of objectivity, historicism and a systematic approach. Special historical methods such as historical-genetic, historical-comparative and statistical methods were used. **Analysis.** January 1928 became the boundary separating the period of the culmination of the NEP from its steady curtailment. This fully affected the sphere of trade, which played an important role in the socio-economic development of the country and its individual regions, to which the Kuban belonged. The beginning of this process was the grain procurement crisis, in overcoming which the party leadership began to apply administrative measures, forcing peasants and Cossacks to sell grain at low prices set by the state, while maintaining high prices for manufactured goods. At the same time, there was a displacement of private traders from the trade

turnover, which led to an increase in the shortage of consumer goods. To mitigate this problem, the Soviet state began to introduce a centralized food distribution system, which contradicted the NEP principles of trade organization. Along with objective reasons, the development of state and cooperative trade was hindered by such shortcomings as organizational problems, poor training and abuse of trade workers. **Results.** According to the results of the conducted research, it can be concluded that trade activity in the Kuban in the late 1920s was carried out under the influence of the processes of curtailing the NEP and increasing administration in the economic policy pursued by the Bolshevik Party.

Keywords: trade activity, new economic policy, grain procurement, administration, trade turnover, private trade, cooperation, Kuban

For citation: Stulov A. N. Trade in the Kuban in the conditions of the NEP curtailment (1928–1929). *Humanities and law research*. 2023;10(4): P. 628–634. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 03.07.2023.

The article was approved after reviewing: 12.09.2023.

The article was accepted for publication: 21.10.2023.

Введение. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы связана с большой ролью торговли в жизни современного российского общества. Совершенствованию политики государства в вопросах организации и регулирования торговой деятельности может способствовать обращение к историческому опыту реализации новой экономической политики. На примере Кубани можно выявить основные принципы и результаты торговой деятельности в конце 1920-х гг. в условиях свертывания НЭПа, раскрыть специфику этой деятельности в одном из крупных аграрных регионов страны. В региональной историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные комплексному анализу торговой деятельности на Кубани в 1920-е гг. Отдельные аспекты данной проблемы нашли отражение в работах А. В. Баранова, А. А. Панарина, Ю. А. Яхутля и других авторов [2, 12, 30]. Новизна исследования связана с изучением не получившей должного освещения проблемы в исторической литературе. Целью исследования является анализ торговой деятельности на Кубани в конце 1920-х гг. в условиях свертывания НЭПа и усиления административно-командной системы.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе применения принципов объективности, историзма и системного подхода. Это способствовало отражению существующих точек зрения по проблемам торговой деятельности, ее рассмотрению в конкретно-исторической обстановке конца 1920-х гг., определению места торговли в нэповской модели развития. При исследовании поставленной проблемы использовались специально-исторические методы. Историко-генетический метод помог определить основные черты организации торговли в условиях НЭПа и степень ее воздействия на социально-экономическое развитие Кубани. Историко-сравнительный метод позволил сравнить уровень и характер развития торговли на Кубани в условиях кульминации и свертывания НЭПа. Статистический метод способствовал отражению в исследовании конкретных результатов торговой деятельности на Кубани в конце 1920-х гг.

Анализ. Январь 1928 г. стал рубежом, отделявшим период относительной либерализации политики большевистской партии и кульминации НЭПа, от его неуклонного свертывания и утверждения административно-командной системы. В полной мере это коснулось сферы торговли, игравшей важную роль в социально-экономическом развитии страны и ее отдельных регионов, к которым принадлежала Кубань. Аграрная специфика экономики Кубани стала одной из причин наиболее выраженных проявлений ликвидации нэповской модели организации торговли в конце 1920-х гг.

Основную роль в данном случае сыграла проводимая руководством ВКП(б) политика «чрезвычайных мер», направленная на преодоление хлебозаготовительного кризиса, что прежде всего касалось аграрных регионов страны. Применяемые с января 1928 г. означенные меры носили откры-

венно административный характер, вынуждая крестьян и казаков продавать зерно по установленным государством низким ценам, сохраняя высокие цены на промтовары и узкий их ассортимент, не позволяющий удовлетворять потребности сельского населения.

Одновременно происходило усиление налогообложения и применение репрессий против крупных держателей хлеба, вплоть до их уголовного преследования по статье 107 УК РСФСР за спекуляцию. Например, в Армавирском округе в течение января 1928 г. было возбуждено 62 дела и привлечено к уголовной ответственности по данной статье 57 граждан [15]. В дальнейшем эта практика приобрела все большее распространение. Так, в августе 1928 г. Кубанский окружком ВКП(б) направил в местные парторганизации директивные указания, в которых обязал усилить нажим на кулачество, в том числе арестовывать и отдавать под суд по статье 107 УК РСФСР всех, кто уклоняется от сдачи зерна государственным и кооперативным заготовителям. Однако, отмечалось, что эти репрессии должны были применяться только к кулакам, а не к середнякам и беднякам [16, л. 71]. Классовый подход при наказании обвиняемых в спекуляции зерном проявлялся и в практической работе судебных органов. Так, уличенные в этом середняки, как правило, приговаривались к принудительным работам на два или три месяца, в то время как кулаки к лишению свободы до полутора лет с конфискацией части имущества [26, л. 4].

В таких нетипичных для НЭПа условиях происходила трансформация сложившейся организации торговой деятельности, которая напрямую увязывалась с проведением хлебозаготовок. Так, 12 января 1928 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) дало указание органам управления кооперации продавать сельхозмашины и орудия только тем крестьянам, которые выполнили план по заготовкам. 16 января тройка крайкома дополнила эти меры запрещением продажи промтоваров крестьянам, не предъявившим сдаточных квитанций и авансированием хлебом под последующие поставки сельхозмашин [12, с. 279].

Подобная практика получила дальнейшее развитие в ходе очередной хлебозаготовительной кампании. Как отмечает А. А. Панарин, «по сравнению с прошлым годом к ноябрю 1928 г. выполнение плана снизилось с 72,8% до 45,7%. Основные причины слабого темпа заготовок оставались прежними и заключались в сохранении резкого разрыва рыночных и заготовительных цен, продолжающемся кризисе промтоваров и их нерациональном распределении, ошибках в организации заготовительной деятельности» [12, с. 291–292].

В обеспечении сбыта крестьянской продукции серьезное препятствие для кооперации создавала ограниченность материальных средств. Так, в Армавирском округе Ново-Александровское сельхозтоварищество отказалось принимать у кре-

стьян хлеб, привозимый согласно заключенных договоров, мотивируя свой отказ отсутствием средств. Подобная ситуация была связана и с нехваткой промтоваров, необходимых для обмена. В ряде районов Майкопского, Кубанского, Армавирского и других округов острый недостаток промтоваров задерживал реализацию хлеба крестьянами. Например, в Кубанском округе завезенные промтовары лишь на 35–40 % удовлетворяли потребности населения [12, с. 292].

Руководство Кубанского Окрисполкома в конце августа 1928 г. было вынуждено признать, что, несмотря на сравнительно небольшое поступление на рынок хлеба нового урожая, существует недостаток промышленных товаров, в особенности мануфактурных, кожевенных и металлотоваров, наличие которых на рынке имело решающее значение при проведении хлебозаготовок [10, л. 338 об.].

В условиях острого дефицита товаров широкого потребления со стороны кооперации вновь использовались методы преимущественной их продажи крестьянам и казакам, сдающим зерно по установленным государством низким ценам, независимо от того являлись ли они членами кооперации или нет. Это свидетельствовало о том, что в практической деятельности кооперации стали преобладать методы административного, а не экономического характера. Как справедливо отмечает А.В. Антошкин, «по итогам хлебозаготовительного кризиса частный сектор утратил позиции на всех направлениях, а кооперативный сектор утратил экономические стимулы» [1, с. 94].

По сравнению с сельской местностью, состояние торговли в городах отличалось большей стабильностью, однако и здесь население испытывало серьезные трудности в приобретении товаров широкого потребления. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы пленума Краснодарского городского Совета, прошедшего 28 мая 1928 г. Пленум отметил определенные успехи в вопросах снабжения населения продуктами питания, объясняя это, прежде всего, активизацией торговой деятельности рабочей коопе-

рации. Вместе с тем, пленум признал, что дальнейшее расширение данной деятельности осложняется недостатком выделяемых кооперацией оборотных средств. Следствием этого были несвоевременный ввоз продуктов питания и их заготовка, а также отсутствие достаточного количества распределителей для нормального обслуживания потребителей [4, л. 19].

Нехватка продуктов питания отмечалась и в других городах Кубани. Например, в Туапсе летом 1928 г. происходили перебои в снабжении пайщиков рабочей кооперации печеным хлебом и большие очереди в продуктовые магазины. Для изжития сложившейся ситуации руководство горсовета считало целесообразным развезти печеный хлеб по распределителям в местах скопления рабочих. Было также решено принять меры к ликвидации так называемых «хвостов» у продуктовых магазинов и правильному распределению дефицитных товаров [7, л. 12]. Для этого в сентябре 1928 г. были установлены нормы получения и очередности при распределении мануфактуры и других нормированных товаров [8, л. 23].

Характерным явлением конца 1920-х гг. стал процесс неуклонного вытеснения частных торговцев из сферы торговой деятельности, происходивший в русле набиравшей обороты кампании ликвидации капиталистических элементов в городе и деревне. Ослабление позиций частной торговли происходило вследствие острого дефицита многих промтоваров и возраставшими для частника трудностями в их получении, жесткого регулирования деятельности частных торговых предприятий вплоть до их административного закрытия, тяжести налогового обложения и расходов, связанных с арендой коммунальных помещений. Применение этих и других мер дискриминирующего характера к концу 1928 г. привело к тому, что в оптовом товарообороте частная торговля уже практически не участвовала, о чем свидетельствует следующая таблица.

В розничном товарообороте доля частной торговли также значительно сократилась и составляла около трети от общих его объемов.

Таблица 1

Оптовый товарооборот в Кубанском округе за период 1925/26 г. – 1927/28 г. (в тыс. руб.) [17, л. 47]

	1925/26 гг.		1926/27 гг.		1927/28 гг.	
	Абс.цифры	%	Абс.цифры	%	Абс.цифры	%
Государственная	32 900	57,2	34 995	56,9	23 196	40
Кооперативная	18 186	31,2	21 253	34,5	34 115	59
Частная	6 420	11,2	5 380	8,6	322	1
Итого:	57506	100	61 628	100	57 633	100

Таблица 2

Розничный товарооборот в Кубанском округе за период 1925/26 г. – 1927/28 г. (в тыс. руб.) [17, л. 47]

	1925/26 гг.		1926/27 гг.		1927/28 гг.	
	Абс.цифры	%	Абс.цифры	%	Абс.цифры	%
Государственная	13 711	10,7	14 881	12,5	13 449	12
Кооперативная.	46 733	36,5	48 298	40,5	60 707	55
Частная	67 480	52,8	56 090	47	36 857	33
Итого:	127 924	100	119 269	100	111 013	100

Вместе с тем, можно заметить, что снижение участия частного в торговле и повышение роли обобщественного сектора привело к сокращению объемов розничного товарооборота. Происходило это в условиях нарастания администрирования при решении сложных проблем социально-экономического развития страны. По верному определению А. П. Килина, «абсолютизируя план и дискриминируя рынок, строители советского общества обосновывали целесообразность широкого применения административных, директивных методов воздействия на экономику страны в ущерб косвенным методам и экономическим рычагам регулирования» [11, л. 16].

В русле данной политики партийное руководство предпринимало дальнейшие усилия по вытеснению частной торговли. Об этом, в частности, свидетельствуют решения состоявшегося в декабре 1928 г. V объединенного пленума Кубокружка ВКП(б) и Окружной контрольной комиссии, в которых отмечалась необходимость увеличить в 1928/29 хозяйственном году удельный вес обобщественного сектора в торговле до 86,4% по всему товарообороту, при неуклонном вытеснении частного. При этом кооперация должна была стремиться полностью замещать товарооборот уходящего частного, а финорганы были обязаны установить сферу приложения его капиталов, не допуская их нелегального использования [18, л. 7].

Вместе с тем, партийно-государственные органы признавали, что дальнейшее вытеснение частного могло происходить только лишь с параллельным возрастанием фактического охвата рынка, как в торговле, так и в производстве, государственными и кооперативными предприятиями [19, л. 84]. Постановка этой задачи была продиктована существующими в обобщественном секторе проблемами в организации торговой деятельности. Так, в отчете Кубокружка ВКП(б), подготовленном также в декабре 1928 г., признавалось, что социальный состав рынка характеризовался неуклонным вытеснением частного сектора за счет укрепления сектора обобщественного, однако в деятельности последнего проявлялись тенденции замедленного темпа роста и объема товарооборота [17, л. 9].

Одним из отрицательных последствий указанных процессов стало ухудшение ситуации с доступностью продуктов питания и промышленных товаров широкого потребления, что привело к росту общественного недовольства проводимой политикой. По данным ОГПУ Кубанского округа здесь в течение 1928 г. были выявлены 9 582 человек, которые открыто выражали свое недовольство действиями власти. При этом из указанного количества кулаки составляли только 981 человек, тогда как середняки – 5 343, а бедняки – 3 258 человек [23, л. 101–102].

С целью ослабления продовольственной проблемы партийно-государственные органы стали применять непопулярные среди населения

меры в области обеспечения товарами первой необходимости. Так, 14 февраля 1929 г. политбюро ЦК ВКП (б) г. одобрило предложения Наркомторга о введении карточной системы на хлеб для трудового населения городов [13, с. 415]. В русле проводимой политики централизованного распределения продовольствия в феврале 1929 г. Краснодарский горисполком ввел в обращение заборные книжки на получение печеного хлеба [26, л. 91].

На территории всего Кубанского округа право на получение заборных книжек было предоставлено около 52 тыс. хозяйств, включавших около 161 тыс. членов [26, л. 94]. В Краснодаре рабочие по заборным книжкам стали получать 600 грамм хлеба, а члены их семей – 200 грамм [24, л. 7 об.]. Несмотря на принятие мер регулирующего характера, ситуация со снабжением населения хлебом и другими товарами широкого потребления оставалась напряженной.

Вместе с тем, в системе государственной и кооперативной торговли не происходило заметных изменений в лучшую сторону. В качестве примера можно привести деятельность центрального рабочего кооператива (ЦРК) «Основа». В начале апреля 1929 г. бюро Кубокружка ВКП(б) констатировало, что руководство ЦРК не выполнило решения окружного комитета партии о снижении цен на товары сельскохозяйственной группы бюджетного набора и доведения пищевой группы до 60% от общего оборота. В числе основных причин невыполнения директив отмечались: финансовые затруднения, связанные с отсутствием достаточных оборотных средств, снятие с планового снабжения, а главным образом, неудовлетворительная поставка организации заготовок и снабжения сельхозпродуктами, что приводило к повышению цен на продукты и к перебоям в их снабжении. Партийное руководство округа также признало, что в связи со значительным уходом с рынка частного, со стороны ЦРК не были приняты необходимые меры по его замещению, улучшению техники торговли и обслуживанию потребителя, особенно на рабочих окраинах. В связи с этим, ЦРК предлагалось организовать развозную и разносную виды торговли [25, л. 14].

Подобная ситуация в сфере торговой деятельности была характерна и для Новороссийского ЦРК. По результатам работы в 1927/28 хозяйственном году его торговый оборот составил 800 тыс. руб., что соответствовало 27% от всего оборота. Следовательно, 73% рыночного оборота относились к государственной и частной торговле, что демонстрировало недостаточную степень участия кооперации в торговой деятельности. По мнению партийного руководства Черноморского округа для исправления этой ситуации требовалось в 1928/29 г. довести торговый оборот ЦРК до 10 млн. руб., осуществив меры по увеличению количества членов и паевого капитала, а также в области совершенствования системы снабжения [28, л. 323].

Несмотря на принимаемые меры, ситуация в сфере торгового обслуживания населения Новороссийска и всего Черноморского округа оставалась напряженной. Следует отметить, что основные причины не зависели от руководства округа и торговых организаций и были связаны с крайне неудовлетворительным завозом основных видов промышленных товаров: мануфактуры, подошвенной кожи, галош и других товаров. При этом заявки потребительской кооперации округа, составленные на первый квартал 1928/29 г. на основе минимальных потребностей населения были выполнены по хлопчатобумажным тканям только на 65%, по суконно-шерстяным – на 28%, по подошвенной коже – на 16%, по галошам – на 75%. Заявки на строительные материалы, в первую очередь, цемент и кровельное железо, удовлетворялись со значительным опозданием, и не успевали к концу строительного сезона [29, л. 77].

Финансовое положение Новороссийского ЦРК продолжало оставаться тяжелым, что также объяснялось объективными обстоятельствами. Так, ввиду сложившейся товарной конъюнктуры, кооперативу приходилось вкладывать большие средства в товарные запасы, что отражалось на уменьшении скорости оборота товаров. В то же время, со стороны банков и кредитных учреждений осуществлялось сокращение размеров кредитов и сроков кредитования. Кроме того, дальнейшему расширению торговли мешало отсутствие у ЦРК достаточной технической базы, в том числе, овощехранилища и торговых помещений [29, л. 161].

Динамичному развитию кооперативной торговли препятствовала проводимая советским государством ценовая политика, направленная на снижение розничных цен на промышленные товары. В системе потребкооперации это происходило за счет уменьшения различных торговых наценок. Так, в Кубанском округе этот показатель в 1928 г. по сравнению с 1925 г. снизился с 20,8 до 11,2%. Кроме того, потребкооперация должна была руководствоваться устанавливаемыми государством предельными ценами на промтовары, а также уплачивать достаточно высокие налоги с торгового оборота. Все это влекло за собой отсутствие у кооперации возможностей для значительного накопления собственных средств из торговых прибылей и обеспечения высокой динамики торговой деятельности [6, л. 6].

О сложной ситуации в торговой сети потребкооперации свидетельствуют и противоречивые действия властей в период проведения кампании против пьянства и алкоголизма. В целях решения этой проблемы партийно-государственные органы ввели ряд ограничительных мер, в том числе приступили к массовому закрытию винных лавок и сокращению торговли потребительской кооперацией хлебом вином. Между тем, применение этих мер привело к значительному росту самогонварения. Одновременно по-

требкооперация лишилась тех больших доходов, которые приносила торговля спиртными напитками. В связи с этим, наряду с ужесточением борьбы против самогонварения, окружные органы власти на Кубани летом 1929 г. приняли решения об отмене всех ранее изданных распоряжений и постановлений, запрещавших и ограничивавших торговлю хлебом вином [27, л. 173].

Наряду с объективными причинами, развитию торговой деятельности потребительской кооперации мешали такие недостатки, как организационные проблемы, слабая подготовка торговых работников, злоупотребления руководителей и работников потребительских обществ. Например, в феврале 1929 г. в Майкопском, Армавирском и Кубанском округах были отмечены случаи продажи промтоваров целевого назначения родственникам и знакомым. Так, в станице Псебайской Майкопского округа, правление ЕПО отпустило мануфактуру секретарю нарсуда и близким знакомым, отправив в свои отдаленные отделения незначительную ее часть [14, с. 551].

Вместе с тем, в ходе хлебозаготовительной кампании 1929 г. произошло дальнейшее ужесточение мер против частных торговцев. Так, в августе 1929 г. Кубокружкомом ВКП(б) в адрес всех райкомов округа был направлен циркуляр, в котором было предложено заострить внимание на борьбе с хлебным спекулянт-перекупщиком и были даны указания судебным органам о внеочередном, длительностью не более 7 дней, рассмотрении данных дел [22, л. 71]. Только за период с 15 августа по 31 августа 1929 г. в округе было привлечено по ст. 107 УК РСФСР 37 человек, из которых было осуждено – 26. С 1 по 6 сентября 1929 г. по этой статье было привлечено 35 человек, что свидетельствовало о нарастании репрессий против частных торговцев и ограничению их участия в хлебозаготовках. Всего за период хлебозаготовительной кампании 1929 г. Кубокротделом ОГПУ было привлечено к ответственности – 201 человек [21, л. 2].

В конце 1920-х гг. происходило увеличение размера налогообложения частных торговцев. Так, в Туапсе средний облагаемый доход с одного частного торговца составлял в 1927/28 г. – 2 700 руб., а в 1928/29 г. уже 2 813 руб. При этом количество торговцев, облагаемых налогом, возросло с 290 до 355 человек [9, л. 29].

Примером неуклонного вытеснения частного из сферы торговли могут быть данные о степени участия Краснодарского ЦРК «Основа» и частных торговцев в торговом обслуживании рабочих Краснодара. Если в 1927/28 хозяйственном году доля ЦРК составляла 40%, а частного торговца 60%, то к декабрю 1929 г. эти показатели были соответственно 67,8% и 32,2% [3, л. 2]. Это свидетельствовало как о повышении роли потребительской кооперации в сфере торговли, так и о продолжающейся, несмотря на все усилия властей, деятельности частной торговли.

В конце 1929 г. частник, вытесненный окончательно из оптовой торговли и снизивший свой удельный вес в розничной торговле с 33,2 до 19,5%, пользовался всеми способами для развития нелегальной торговли, всячески стараясь избежать налогового обложения. Еще одним негативным проявлением деятельности частных торговцев в это время являлись незаконные способы получения промышленных товаров, для чего они вступали в сговор с работниками государственно-кооперативного торгового аппарата [26, л. 186-186 об.].

Кроме того, последние были также заинтересованы в сотрудничестве с частными торговцами, увеличивая объемы торгового оборота. Например, в 1928/29 хозяйственном году через главную контору Краснодарского ЦРК «Основа» было продано частникам мелким оптом товаров на сумму 19 002 руб. Среди этих товаров были сахар, овощи, фрукты, готовое платье, посудно-хозяйственные, керосин, соль и другие. За это же

время розничными торговыми предприятиями ЦРК было продано частникам товаров на сумму 163 069 руб., среди них такие остродефицитные, как сахар, чай, мыло, рыбные, кожтовары, масло подсолнечное, овес и другие [5, л. 48 об.]. Использование данных каналов снабжения и других способов выживания давали возможность частным торговцам продолжать участвовать в торговой деятельности, однако в условиях свертывания НЭПа делать это становилось все сложнее. Вследствие этого, происходило дальнейшее уменьшение степени участия частной торговли в товарообороте. Так, в конце 1929 г. в Кубанском округе удельный вес обобществленного сектора в торговле составил 80,45%, тогда как частного сектора 19,55% [20, л. 49].

Одновременно с вытеснением частной торговли происходило расширение торговой сети потребительской кооперации, что демонстрируют сравнительные данные ее развития по Кубанскому округу.

Таблица 3

Показатели численности обществ потребителей и торговых точек Кубанского округа за 1926-1929 гг. [6, л. 4].

	на 1.10.1926	на 1.10.1927	на 1.10.1928	на 1.10.1929
Число обществ потребителей	98	114	112	110
Число торговых точек	241	225	322	357

Можно заметить, что на фоне приблизительно равного количества обществ потребителей, в 1928 – 1929 гг. происходило значительное увеличение торговых точек, что являлось в это время общей тенденцией в деятельности потребительской кооперации. Так, в составе Туапсинского ЦРК в 1925/26 г. было лишь 5 торговых точек, в 1926/27 г. их стало 21, в 1927/28 г. – 33, а в 1928/29 г. уже 36 точек. Увеличивались и обороты по продаже товаров: в 1926/27 г. их объем составлял 1 534 338 руб., в 1927/28 г. – 3 996 394 руб., а за первое полугодие 1928/29 г. – 3 148 998 руб. [9, л. 30].

Несмотря на увеличение количества лавок в системе потребительской кооперации, этого было явно недостаточно для охвата многочисленных сельских населенных пунктов. Кроме того, многие лавки не отвечали требованиям культурной торговли, ввиду ветхости строений, тесноты и отсутствия технических приспособлений. Подобная ситуация была характерна и для государственной торговли, потенциал которой, несмотря на определенное расширение торговой сети, не соответствовал потребностям населения.

Результаты. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что торговая деятельность на Кубани в конце 1920-х гг. осуществлялась под влиянием процессов свертывания НЭПа и нарастания администрирования в проводимой большевистской партией экономической политике. В условиях хлебозаготовительного кризиса осуществляемые партийным руководством «чрезвычайные меры» привели к усилению неэквивалентного обмена между городом

и деревней, что отразилось на дальнейшей трансформации нэповской модели торговой деятельности. Вместо относительно свободного развития рыночных отношений стали насаждаться принципы жесткого регулирования со стороны партийно-государственных структур.

Одним из проявлений данной политики стало неуклонное вытеснение из сферы товарооборота частного торговца. В этих целях по отношению к последнему применялись такие меры, как повышение требований к осуществлению торговой деятельности, ограничение возможностей в получении необходимых товаров, усиление налогообложения и другие. В результате в 1929 г. частная торговля почти полностью перестала участвовать в оптовом товарообороте и ослабила свои позиции в розничном товарообороте.

Одновременно происходило расширение участия государственной и кооперативной торговли в обеспечении населения Кубани товарами широкого потребления. Наряду с достижением определенных успехов, развитию обобществленного сектора торговли мешали такие недостатки, как ограниченность товарного фонда, несоответствие торговой сети потребностям населения, материальные и кадровые проблемы, отсутствие должной гибкости и уровня культуры в обслуживании покупателей и другие. Несмотря на принимаемые меры, отмеченные недостатки сохранились и в дальнейшем, препятствуя поступательному развитию советской торговли.

Литература

1. Антошкин А. В. Торговля БАССР под влиянием кризисов 1923 и 1927 годов: от внедрения в экономику административных методов к свертыванию рыночных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 18 (199). История. Вып. 41. С. 87–94.
2. Баранов А. В. Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х гг. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. 253 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-226. Оп.1. Д.41.
4. ГАКК. Ф. Р-226. Оп.1. Д.193.
5. ГАКК. Ф. Р-226. Оп.1. Д.375.
6. ГАКК. Ф. Р-263. Оп.1. Д.447.
7. ГАКК. Ф. Р-551. Оп.1. Д.56.
8. ГАКК. Ф. Р-551. Оп.1. Д.60.
9. ГАКК. Ф. Р-551. Оп.1. Д.71.
10. ГАКК. Ф. Р-1594. Оп.1. Д.47.
11. Килин А. П. Частнопредпринимательский уклад в отечественной экономике 1920-х гг.: взгляд через век // ЭКО. 2021. № 3. С.8-34.
12. Панарин А. А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921-1929 гг. 2-е изд, испр. и доп. Армавир: РИО АГПУ, 2017. 336 с.
13. Россия неповская / С. А. Павлюченков и др. Москва: Новый хронограф, 2002. 468 с.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы: В 5 т. Т. 1: Май 1927 - ноябрь 1929 / Сост.: В. Данилов и др. Москва: РОССПЭН, 1999. 877 с.
15. Трудовой путь. 1928. 31 января.
16. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф.8. Оп.1. Д.12.
17. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.14.
18. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп.1. Д.15.
19. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.17.
20. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.21.
21. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.539.
22. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.540.
23. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.543.
24. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.556.
25. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.559.
26. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.567.
27. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.572.
28. ЦДНИКК. Ф.9. Оп.1. Д.832.
29. ЦДНИКК. Ф.9. Оп.1. Д.897.
30. Яхутль Ю.А. Роль торговли в рамках новой экономической политики в 1920-х гг. (на примере Кубано-Черноморской области) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). С.65–69.

References

1. Antoshkin A. V. BASSR trade under the influence of the crises of 1923 and 1927: from the introduction of administrative methods into the economy to the curtailment of market relations. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010;18(199). History. Issue 41:87-94. (In Russ.).
2. Baranov A V. Economic and social development of the South of Russia in the conditions of the new economic policy of the 1920s. *Krasnodar: Kuban State University publ.*, 2019. 253 p. (In Russ.).
3. The State Archive of the Krasnodar Territory (hereinafter – GAKK). F. R-226. Inv.1. D.41. (In Russ.).
4. GAKK. F. R-226. Inv.1. D.193. (In Russ.).
5. GAKK. F. R-226. Inv.1. D.375. (In Russ.).
6. GAKK. F. R-263. Inv.1. D.447. (In Russ.).
7. GAKK. F. R-551. Inv.1. D.56. (In Russ.).
8. GAKK. F. R-551. Inv.1. D.60. (In Russ.).
9. GAKK. F. R-551. Inv.1. D.71. (In Russ.).
10. GAKK. F. R-1594. Op.1. D.47. (In Russ.).
11. Kilin A. P. Private entrepreneurial way of life in the domestic economy of the 1920s: a look through the century. *ECO*. 2021;3:8-34. (In Russ.).
12. Panarin A. A. Evolution of cooperation in the Don and the North Caucasus in 1921-1929. 2nd ed., ispr. and add. *Armavir: ASPU publ.*; 2017. 336 p. (In Russ.).
13. Russia Nepovskaya. S A. Pavlyuchenkov et al. Moscow: Novy Chronograph; 2002. 468 p. (In Russ.).
14. The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927-1939: Documents and materials: In 5 vols. Vol. 1: May 1927 - November 1929. Comp.: V. Danilov et al. Moscow: ROSSPEN; 1999. 877 p. (In Russ.).
15. The work path. 1928. January 31. (In Russ.).
16. The Center for Documentation of the modern history of the Krasnodar Territory (hereinafter CDNIKK). F.8. Inv.1. D.12. (In Russ.).
17. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.14. (In Russ.).
18. CDNIKK. F. 8. Inv.1. D.15. (In Russ.).
19. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.17. (In Russ.).
20. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.21. (In Russ.).
21. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.539. (In Russ.).
22. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.540. (In Russ.).
23. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.543. (In Russ.).
24. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.556. (In Russ.).
25. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.559. (In Russ.).
26. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.567. (In Russ.).
27. CDNIKK. F.8. Inv.1. D.572. (In Russ.).
28. CDNIKK. F.9. Inv.1. D.832. (In Russ.).
29. CDNIKK. F.9. Inv.1. D.897. (In Russ.).
30. Yahutl YuA. The role of trade in the framework of the new economic policy in the 1920s (on the example of the Kuban-Black Sea region). *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl*. 2012;4(14):65-69. (In Russ.).

Научная статья

УДК 930.1:316.334 (470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.11>

«ОТКРЫВАЯ ЭПОХУ»: К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОГО ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ОГОНЕК»

Анастасия Владимировна Танцева

Российский университет транспорта (д. 9, ст. 9, ул. Образцова, Москва, 127994, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

tantsevoa@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-8532-5436>

Аннотация. Введение. Одним из современных направлений исторической науки является изучение трансформации общественного сознания в условиях переходного состояния социума, отражением которой является периодическая печать. Рассматриваемый в статье иллюстрированный общественно-политический и литературно-художественный еженедельный журнал универсального содержания «Огонек», с одной стороны, может служить индикатором общественного сознания, а с другой, выступает инструментом его формирования в условиях складывания официальной идеологии советского государства в 1920-е гг. Малоизученным периодом в истории журнала являются 1920-е гг. Целью статьи является воссоздание на основе различных исторических источников истории создания и функционирования советского еженедельника «Огонек» в первое постреволюционное десятилетие, рассмотрение его роли и места в системе советской периодики. **Материалы и методы.** Исследование построено на основе принципов историзма, объективности, всесторонности, последовательного применения которых позволило проанализировать историю возникновения и развития журнала «Огонек», определить его роль в общественно-культурной жизни страны. Использовались методы исторического исследования историко-сравнительный, позволивший рассмотреть журнал «Огонек» в сравнении с другими периодическими изданиями эпохи; историко-генетический позволивший проследить изменения содержания журнала «Огонек» на разных этапах его существования; историко-типологический, направленный на выявление основных жанров публикаций журнала, позволил увидеть особенности их эволюции и степень влияния на социум как практик транслирования новых ценностей. Вводятся в научный оборот источники личного происхождения и критические обзоры современников, посвященные журналу «Огонек». **Анализ.** В статье рассматриваются этапы развития массового советского еженедельника в первое постреволюционное десятилетие, анализируется его трансформация в крупнейшее издательство массовой периодики на рубеже 1920 – 1930-х гг. Журнал «Огонек», возродившийся в период нэпа, по инициативе советского журналиста М. Е. Кольцова соединил в себе черты ежедневной газеты и толстого ежесемейника. Это обусловило особый стиль и методы работы, потребовало изменение форм подачи материалов, жанрового и тематического разнообразия. Все это нашло отражение в тщательно продуманной журнальной стратегии, которая состояла в поиске форм подачи материала, в высо-

ком требовании к жанровым характеристикам публикаций. «Огонек» стал первым еженедельным изданием, на страницах которого появился новый жанр – фотоочерк, активно использовались визуальные жанры: фоторепортаж, фотограмма, фотозаметка, фотообложка, фотоколлаж. С помощью разнообразных текстовых и визуальных жанров «Огонек» транслировал новые ценности Советского государства (патриотизм, коллективизм, атеизм, социальный оптимизм, культ труда, культ здорового тела) с помощью которых формировалась новая модель человеческих отношений. Неотъемлемой чертой журнала был постоянный поиск оперативных форм и методов организационно-массовой работы редакционного коллектива, совершенствование системы распространения издания (книжные приложения, библиотеки, контрагенты и распространители, связь с редакциями местных газет и т.д.). **Результаты.** Проведенное исследование позволило сделать вывод, что в период нэпа редакции журнала удалось, используя правовые и финансовые инструменты, провести организационные изменения, следствием которых стало образование Акционерно-издательского общества «Огонек». Журнал стал базой для нового издательства, дифференцированный подход которого выразился в выпуске доступных массовых изданий для различных читательских групп. Переименование в 1931 г. Акционерного издательского общества «Огонек» в «Журнально-газетное объединение» завершило собой уже давно происходивший процесс расширения издательской деятельности «Огонька», а также отвечало задачам по созданию информационно-пропагандистского потенциала в стране.

Ключевые слова: Акционерное издательское общество «Огонек», журнал «Огонек», Журнально-газетное объединение, идеология, М.Е. Кольцов, периодическая печать, пропаганда, советские еженедельники

Для цитирования: Танцева А. В. «Открывая эпоху»: к 100-летию создания советского еженедельника «Огонек» // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 635-643. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.11>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 30.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 07.08.2023.

Статья принята к публикации: 21.09.2023.

Research article

“OPENING THE ERA”: TO THE 100TH ANNIVERSARY OF ESTABLISHING SOVIET WEEKLY MAGAZINE “OGONYOK”

Anastasia V. Tantsevoa

Russian University of Transport (no. 9, art. 9, Obraztsova St., Moscow, 127994, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

tantsevoa@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-8532-5436>

Abstract. Introduction. One of the modern directions of historical science is the study of the transformation of public consciousness in the conditions of a transitional state of society, a reflection of which is the periodical press. The illustrated socio-political and literary and artistic weekly magazine of universal content “Ogonyok”, discussed in the article, on the one hand, can serve as an indicator of public consciousness,

and on the other, acts as an instrument of its formation in the conditions of the formation of the official ideology of the Soviet state in the 1920s. A little studied period in the history of the magazine is the 1920s. The purpose of the article is to reconstruct, on the basis of various historical sources, the history of the creation and functioning of the Soviet weekly Ogonyok in the first post-revolutionary decade, to consider its role and

place in the system of Soviet periodicals. **Materials and methods.** The study is based on the principles of historicism, objectivity, and comprehensiveness, the consistent application of which made it possible to analyze the history of the emergence and development of the Ogonyok magazine and determine its role in the socio-cultural life of the country. Historical-comparative methods of historical research were used, which made it possible to consider the magazine "Ogonyok" in comparison with other periodicals of the era; historical and genetic, trace changes in the content of the Ogonyok magazine at different stages of its existence. Historical and typological methods aimed at identifying the main genres of the magazine's publications revealed the features of their evolution and the degree of influence on society as practices of transmitting new values. Sources of personal origin and critical reviews of contemporaries dedicated to the magazine "Ogonyok" are introduced into scientific circulation. **Analysis.** The article examines the stages of development of the mass Soviet weekly in the first post-revolutionary decade, analyzes its transformation into the largest publishing house of mass periodicals at the turn of the 1920s-1930s. The magazine "Ogonyok", revived during the NEP period, on the initiative of the Soviet journalist M.E. Koltsov combined the features of a daily newspaper and a thick monthly. This determined a special style and methods of work, requiring a change in the forms of presenting materials, genre and thematic diversity. All this was reflected in a carefully thought-out journal strategy, which consisted of searching for forms of presenting material and high demands on the genre characteristics of publications. "Ogonyok" became the first weekly publication on which pages a new genre appeared - photo essay. Visual genres were actively used, namely a photo report, a photogram, a photo note, a photo cover and a photo collage. Using a variety of text and visual genres, Ogonyok conveyed the new values of the Soviet state (patriotism, collectivism, atheism, social optimism, the

cult of work, the cult of a healthy body) with the help of which a new model of human relations was formed. An integral feature of the magazine was the constant search for operational forms and methods of organizational and mass work of the editorial team, improvement of the publication distribution system (book supplements, libraries, contractors and distributors, communication with the editorial offices of local newspapers, etc.). **Results.** The conducted research allowed us to conclude that during the NEP period, the editorial board of the magazine was able, using legal and financial instruments, to carry out organizational changes, which resulted in the formation of the Joint-Stock Publishing Company Ogonyok. The magazine became the basis for a new publishing house, whose differentiated approach was expressed in the production of accessible mass editions for various reader groups. The renaming of the Joint-Stock Publishing Company Ogonyok into Magazine and Newspaper Association in 1931 completed the long-standing process of expanding the publishing activities of Ogonyok, and also met the objectives of creating information and propaganda potential in the country.

Keywords: publishing company Ogonyok, weekly Ogonyok, Magazine and Newspaper Association, ideology, M.E. Koltsov, periodicals, propaganda, Soviet weeklies

For citation: Tantseva A. V. "Opening the era": to the 100th anniversary of establishing Soviet weekly magazine "Ogonyok". *Humanities and law research*. 2023;10(4): 635-643. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.11>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 30.05.2023.

The article was approved after reviewing: 07.08.2023.

The article was accepted for publication: 21.09.2023.

Введение. История старейшего еженедельника страны не раз интересовала исследователей, первые попытки осмыслить исторический путь журнала были предприняты еще его современниками. Работы, в которых делалась попытка обобщить еще небольшой по времени, но значительный по результатам опыт деятельности журнала «Огонек», появляются в 1920-е гг. Одновременно они выступают и историческими источниками. В 1923 г. в «Литературном еженедельнике» вышло сразу несколько критических обзоров, затрагивающих деятельность журнала «Огонек». Это «Маленький обзор» Мечиславцева [16, с.12] и «Маленький обзор» Нерадова [19, с.13-14]. В 1924 г. вышла статья «Первый год "Огонька"», в которой давалась краткая характеристика достижений за первый год существования журнала, анализировались наиболее интересные формы и методы работы, ставились задачи дальнейшего развития издания [24, с. 21]. Обстоятельному анализу деятельности и функционирования журнала «Огонек» посвящена статья Г. Белой, Г. Скороходова в двухтомном издании Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР «Очерки истории русской советской журналистики», вышедшем в 1966 г. [2] В рассматриваемый период появляются и первые работы, посвященные творчеству создателя и редактора журнала М. Е. Кольцову. Это критико-библиографические очерки Г. А. Скороходова [33] и исследования А. И. Рубашкина [32]. Важнейшие сведения о творческом пути М. Е. Кольцова и его работе в журнале «Огонек» содержатся в мемуарной литературе. Вышедшие в журнале «Наш современник» воспоминания «Былые годы. Михаил Кольцов и Ефим Зозуля», одного из первых сотрудников журнала Кирилла Левина открывают новые

страницы в изучении функционирования журнала «Огонек» в 1920-е гг. [13, с.134].

В перестроечный период заметным явлением в историографии рассматриваемой темы стало диссертационное исследование М. А. Бочининой, посвященное советским массовым журналам 1920-30-х гг. «Красной ниве», «Прожектору», «Огоньку», – в которых отчасти была затронута деятельность, созданного М. Е. Кольцовым, Акционерного общества «Огонек» [4, с.4]. Интерес представляют интервью и статьи главного редактора «Огонька» (2003–2012 гг.) В. Г. Лошака, в которых анализируется исторический бренд журнала, основные принципы работы с читателем, как один из важнейших в истории издания выделяется период 1920 – 30-х гг. [14]. В 2020 г. вышла наша монография, в которой на основе разнообразных источников воссоздается история журнала с 1923 г. до вхождения его в «Журнально-газетное объединение» в 1931 г. [36]. Новые архивные документы и критические обзоры современников позволяют дополнить историю журнала «Огонек» и расширить наши представления о периодической печати в первое десятилетие советской власти.

В апреле 2023 г. журналу «Огонек», главному советскому еженедельнику, исполнилось 100 лет. Он был воссоздан на новой идеологической основе в Советском государстве, развивался вместе с ним, отражая на своих страницах стремительный бег времени и импульс эпохи. Журнал стал своеобразной «записной книжкой», в которой на всем протяжении советской истории как в зеркале отражался и менялся образ страны Советов. В истории «Огонька» были разные периоды: на заре советской власти – он был одним из главных изданий, конструирующим образы

власти и нового государства, на закате «оттепели» – рупором консервативных сил, в годы перестройки – демократических сил, символом гласности. Однако мало изученным периодом в истории журнала являются 1920-е годы. Именно в это время журнал делал первые шаги в эпоху нэпа, транслировал новые ценности, отвечал на запросы власти и общества. Трансформируясь вместе с эпохой, он за короткий период времени, прошел путь от небольшого издания с тиражом в 50 000 экз. и Акционерного издательского общества «Огонёк», до самого крупного в Советском Союзе издательства массовых периодических изданий под названием «Журнально-газетное объединение». За 11 лет своей работы Жургаз выпустил более 250 миллионов экземпляров газет, журналов и книг [11, с.8].

Целью статьи является воссоздание на основе различных исторических источников истории создания и функционирования советского еженедельника «Огонек» в первое постреволюционное десятилетие. В число задач автора входило изучить процесс становления и показать роль и место нового журнала «Огонек» в системе советской периодики; определить роль Акционерного издательского общества «Огонек» в развитии массовой журнальной периодики во второй половине 1920-х гг.

Материалы и методы. Исследование построено на основе принципов историзма, объективности, всесторонности, последовательное применение которых позволило проанализировать историю возникновения и развития журнала «Огонек», определить его роль в общественно-культурной жизни страны. Использовались методы исторического исследования историко-сравнительный, позволивший рассмотреть журнал «Огонек» в сравнении с другими периодическими изданиями эпохи; историко-генетический позволивший проследить изменения содержания журнала «Огонек» на разных этапах его существования; историко-типологический, направленный на выявление основных жанров публикаций журнала, позволил увидеть особенности их эволюции и степень влияния на социум как практик транслирования новых ценностей в контексте общественно-политической жизни страны 1920-х гг. В качестве основных источников были определены источники личного происхождения и критические обзоры современников, посвященные журналу «Огонек», которые впервые вводятся в научный оборот.

Анализ. До воссоздания в 1923 г. на новой идеологической основе журнал «Огонек» уже имел свою историю. Журнал с таким названием выходил в России с 1899 г. в С.-Петербурге. Это было иллюстрированное обозрение общественной и политической жизни, наук и изящных искусств в виде приложения к газете «Биржевые ведомости», выпускаемой крупным издателем С. М. Проппером [24].

Совершенно новая история журнала начинается в начальный этап советского культурного строительства. В 1920-е гг. появляются массовые

иллюстрированные еженедельники универсального содержания: в 1922 г. Госиздат стал издавать двухнедельный журнал «Эхо», в 1923 г. издательство «Известий» – еженедельный журнал «Красная Нива», а издательство «Правда» – «Прожектор». Первым еженедельником, рожденным нэпом стал «Огонек». Свой новый советский этап истории журнал начал 1 апреля 1923 г. Процесс появления нового журнала и его место в родословной московской журнальной периодики оригинально и образно представили сами современники, в виде иллюстрированной юмористической сказки. Она была напечатана в 1923 г. в «Огоньке» в рубрике «Юмор», под названием «Родословная Московских журналов»: «И родила "Правда" сына и нарекла его "Прожектор". И растет юноша добрым людям на утешение. И родили "Известия" дочку "Красную Ниву". Растет дочка в родительской хOLE... И родила "Рабочая" – сына "Крокодила"... Не велика радость в семье, а воспитывать надо... Не больно красив, зато зубаст... И родила "Рабочая Москва" сыночка... "Красным перцем" называется... Молодой еще, а ядреный ... А тут же – рядом – беспризорные – без отца, без матери... Некому о них позаботиться... Сами о себе заботятся... и растут – один, вот с "Огоньком", другой – "Безбожник" – безбожником...» [31, с. 15].

Идею создания журнала нового типа выдвинул публицист Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд) (1898 – 1940). А его близкий соратник и друг Ефим Зозуля поддержал его, «предложив создать журнал по типу дореволюционного журнала «Огонек», много лет издававшегося в Петербурге. Его привлекала мысль издавать «дешевый, массовый журнал», на страницах которого освещалась бы в очерках, «фотографиях, оригинальных рисунках, зарисовках, шаржах и карикатурах» жизнь Советской России и параллельно отображались «курьезы и гримасы современного быта в России и за границей» [23, с. 20.]. Вокруг Кольцова сформировалась инициативная группа: писатель Е. Д. Зозуля, журналист Л. С. Рябинин, издательский работник Э. Г. Голомб. Именно они поверили в идею о создании «Огонька» и стали первыми сотрудниками журнала, основой его редакции [7, л. 1].

Как позже вспоминал один первых работников журнала, секретарь Кирилл Левин: «Вначале аппарат редакции состоял из четырех человек: Кольцов – редактор, Зозуля его заместитель и два секретаря – Рябинин и я. Редакция помещалась в бельэтаже, куда вела дряхлая деревянная лестница, со стершими ступенями. Машинистка и курьер сидели в этой же комнате. В углу в отделенном ширмами... поставили стол с одной тумбой и два стула – это и составила все убранство редакторского кабинета. На стекле над входными дверями в Козицком переулке белой краской маляр написал: «Редакция журнала «Огонек»» [13, с.235]. О первых неделях работы журнала в своих воспоминаниях Кирилл Левин, писал: «Надо сознаться, что в первые дни суще-

ствования «Огонька» мы выглядели в достаточной степени кустарно. Пытались, что то делать, звонили писателям по телефону, заказывали (робко и почти униженно) рассказы и стихи, куда-то бегали, ненужно суеились, радовались первым посетителям, вздыхали, что мало поступает рукописей и снимков» [13, с.235].

Первый номер журнала вышел в свет 1 апреля 1923 г. На обложке был напечатан символический рисунок М. Григорьева, изображающий книгу, перелистываемую рукой времени. Этой аллегорией редакция сумела, предсказала весь дальнейший путь еженедельника, которому суждено было стать своеобразной «записной книжкой» целой эпохи в истории нашей страны [10, с. 13].

На первых этапах своего существования журнал столкнулся с финансовыми трудностями. При выпуске первых номеров у редакции не было средств на оплату труда подсобным рабочим, гонорар выплачивался с рассрочкой. «Все приходилось делать самим – на квартире у Голомба где была организована экспедиция журнала вся редакция дружно занималась и упаковкой "Огонька", и его погрузкой» – вспоминали позже сотрудники журнала. Перед создателями «Огонька» стояли сложные задачи: издавать журнал без помощи крупного издательства, обеспечить распространение журнала, чтобы его быстро раскупали. В этот период аппарата распространения печати у издания еще не существовало. Журнал стали рассылать как приложение к местным газетам, которое подписчикам обходилось дешевле, чем при отдельной подписке на журнал. Это было своеобразное «взаимораспространение» между «Огоньком» и газетами. Благодаря этому редакция сумела быстро добиться повышения тиража.

Постепенно «Огонек» стал проникать во все новые и новые пункты в города заводы, деревни ко все новым и новым группам читателей – к рабочим красноармейцам, учащимся, интеллигенции, к широкому трудящемуся читателю Советской страны» – писал Е. Д. Зозуля [29, л.7]. Тираж журнала постоянно рос, с 50 тысяч экз. в неделю в 1923 г., он дошел к 1929 г. до 430 тысяч экз. в неделю [26, с. 20]. Связь «Огонька» с читателем постоянно росла, и в 25-летний юбилей журнала редакция указывала на «полмиллиона писем, полученных редакцией за четверть века» [22, с. 2].

С самого начала в «Огоньке» сложилась своя собственная внутриредакционная работа. Тщательно продуманная журнальная стратегия состояла в поиске форм подачи журнального материала, в высоком требовании к жанровым характеристикам публикаций. Главными жанрами на страницах журнала выступал очерк и фотоочерк, такая хроника о строительстве в новой России была крайне интересна читателю. Внимание к фотографиям, как важному инструменту визуальной пропаганды получила широкое использование именно на страницах журнала «Огонек». К визуальным жанрам относились: фотоочерк,

фоторепортаж, фотограмма, фотозаметка, фотообложка, фотоколлаж. Такой жанр, как фотоочерк впервые зародился именно на страницах «Огонька» – об этом говорили представители редакции журнала на вечере встречи в Центральном доме журналистов с московскими читателями в 1940 г. [3, с. 56].

С помощью разнообразных текстовых и визуальных жанров «Огонек» транслировал новые ценности Советского государства (патриотизм, коллективизм, атеизм, социальный оптимизм, культ труда, культ здорового тела) с помощью которых активно формировалась новая модель человеческих отношений. В основе концепции построения нового общества было положена идея воспитания нового человека в русле проекта культурной революции.

Как указывают исследователи «"Культурная революция" стала зонтичной категорией для образования, культуры, науки и воспитания, т.е. всего того, что должно было сформировать новых советских людей» [1, с.42]. «Огонек» активно работал в рамках заданной идеологии. Транслируя «новые ценности», журнал призывал читателя стать частью строительства нового мира. Нередко материалы журнала заканчивались элементами призыва и агитации. Так используя метафоры борьбы, редакция журнала призывала к коренным социально-политическим, экономическим и культурным трансформациям в обществе. Довольно образно об этом пишет Я. Суцеский (под этим именем в «Огоньке» публиковался известный политический деятель Яков Блюмкин) в своем репортаже «День Троцкого»: «Военных фронтов нет – это верно. Но есть фронты – промышленный, художественный, алкогольный, вшивый пуговичный, авиационный, морской церковный ...» [35, с. 4–5].

Единство места и времени можно проследить, листая страницы журнала «Огонек» за 1920-е гг. Переименовывались улицы и города, старое замещалось новым, выстраивалась новая мораль. В этом круговороте событий читатель ждал занимательного и интересного чтения, наполненного энергией и движением, как и сама эпоха. Со страниц «Огонька» читатель узнавал о первом, построенном в СССР в 1927 г. крематории на территории Донского монастыря (фотоочерк Д. Маллори «Огненные похороны» (фото С. Фридлянда) [15, с. 14], о ходе работ по возведению мавзолея вождю революции на Красной площади [38, с. 1]; о строительстве крупнейшей в СССР Днепровской гидроэлектростанции [6, с. 4–5]; о проектировании знаменитой Магнитки, ставшей символом первой пятилетки, строительство которой началось в 1929 г [28, с. 4 – 5]. Фотоочерк А. Шайхета «Не в церковь, а в театр» рассказывал о том, что рабочие Московской губернии выбрали поход в театр на спектакль «Рельсы гудят», вместо празднования юбилея Ашитовской церкви [42, с. 14]. Журнал «Огонек» работал в

авангарде идеологических задач власти, пропагандируя новые черты повседневности, одновременно стремился отразить на своих страницах переломные и грандиозные события XX в.

Редакция «Огонька» сумела создать крупнейший штат фотокорреспондентов, наладив работу фото-бюро «Руссфото», созданного при журнале в 1924 г. «Руссфото» занималось оперативной организацией экспорта и импорта фотоснимков из-за границы. Журнал наладил постоянную связь с иностранными редакциями, заключил соглашение об обмене фотоснимками с известными фотоагентствами: «Press-Photo-News Service», «John Grandenz», «Continental Photo», «A. Grosz» и др., «сумевшими приспособить свою работу к специальным нуждам советского еженедельника» [24, с. 22]. Фото-бюро «Огонька» выполняло съемки по заданию госорганов, обслуживало 100 газет СССР, имело богатый архив портретов советских и иностранных деятелей. В «Огоньке» работали сотни талантливых фотокорреспондентов: Л. Бернштейн, Г. Гольдштейн, М. Гальперин, Д. Грауденц, A. Gross, В. Лобода, М. С. Наппельбаум, Пагнаев-Дольский, Press-Photo News-Service, А. Поповский, В. Савельев, А. Самсонов, Сахаров, Орлов и др [40, с. 19]. С 1925 г. внештатным корреспондентом журнала «Огонек» стал Марк Гринберг. Первым штатным фотографом журнала «Огонек» был С. Фридлянд. Он работал в редакции с 6 марта 1925 г. по приглашению своего двоюродного брата М. Е. Кольцова [7, л.1]. С этого же года в штате, по приглашению главного редактора, был и известный советский фоторепортер А. Шайхет, который сотрудничал с журналом еще с 1924 г. Фотокорреспонденты журнала создавали свою визуальную историю, уровень документальной фотографии в журнале постоянно рос и творческий опыт «Огонька» был впервые представлен на фотовыставке в Доме печати, организованной в 1930 г. Пятнадцать фотоснимков с этой выставки были закуплены Третьяковской галерей [2, с. 448].

Вокруг «Огонька» постепенно сформировался целый круг талантливых и известных людей своего времени. Из воспоминаний одного из первых работников «Огонька» К. Левина: «Михаил Кольцов, желая расширить круг тем и общения "Огонька" и поднять общественность на обсуждение новых проблем, стал устраивать в редакции еженедельные вечера, куда приглашались, писатели, ученые, политические деятели, работники искусств, военные люди» [13, с. 237]. Так на «огонек» в редакцию «Огонька» заходили высший комсостав Первой Конной армии во главе с С. Буденным, Апанасенко, Тимошенко и др. [13, с. 237]. В редакцию часто приходили и известные литераторы: Маяковский, Есенин, Багрицкий, Никулин, Лидин, Неверов и многие другие [13, с. 236].

В 1925 г. вышла первая в СССР общедоступная книжная серия «Библиотека "Огонек"», которая включала лучшие произведения советских писателей и поэтов. Ключевую роль в ее из-

дании сыграл Е. Зозуля, который являлся «редактором и душой библиотеки» [13, с. 238]. Библиотека «Огонька» стала одной из удачных попыток создания серии книг для «большой публики», широкого круга читателей. Она охватывала беллетристику, поэзию, критику, политику, биографию и характеристики. О популярности Библиотеки «Огонька» свидетельствуют отзывы на издание в газетах и журналах, которые были собраны и напечатаны в № 12 журнала за 1927 г. В них Библиотека «Огонька» характеризовалась как «большое культурное дело, заслуживающее общественного внимания», отмечалось, что это «одна из попыток дать серию книжек «большой публике», «что главной чертой всего вносимого в Библиотеку материала является современность», и что она может «сыграть большую роль и воспитать не один десяток читателей» [21, с. 15].

Несмотря на свою успешную деятельность, журнал «Огонек» неоднократно подвергался критике, как государственных органов власти, так и литературных критиков. В «Маленьком обзоре» Мечиславцева, опубликованном в 24 номере «Литературного еженедельника» за 1923 г. журналу давалась следующая характеристика: «Огонек» и «Эхо» журналы одного типа. Подвижные и расторопные – они как бы всегда на улице и для улицы. Беллетристика этих журналов типично «трамвайная», приспособленная для нэпманского желудка....» [16, с. 12]. В этом же «Литературном еженедельнике» в 29 номере за 1923 г. в «Маленьком обзоре», составленном М. Неродовым, об «Огоньке» читаем следующее: «Из журнала почти целиком вытеснена литературно-художественная часть, ибо та «беллетристика», что печатается сейчас на страницах «Огонька» ни в коей мере не отвечает требованиям художественности, хотя бы в пределах еженедельника» [19, с. 13].

Фото-информация играла большую роль на страницах еженедельников, за ее представлением на страницах журналов внимательно следили современники. Так «Огонек» подвергался критике за размещение слишком большого количества групповых фотографий, поэтому данный фото-материал, не отражал индустриальных темпов развития страны Советов, а был сконцентрирован на представлении отдельных работников и коллективов предприятий: «... Дайте фотографии заводов, фабрик, рудников, промыслов, дайте живой рабочий быт, а не внутренность...» [19, с. 13 – 14]. Жесткой критике подверглась и обложка одного из номеров журнала за 1923 г.: «Совершенно лишней, слабой и никчемной является, обложка 15 номера, где изображены два голых человека-толстый и тонкий...» «Огонек, внимая доброму совету, потрафляет из всех сил вкусам нэпмана и мелкого мещанства. Для рабочего же это не журнал, а пустое место» [19, с. 14].

Журнал критиковали за отсутствие системы в размещении материалов, последовательности, периодичности выхода рубрик. Так в 1925 г. в

критической статье, опубликованной в журнале «Красная печать», Д. Южанин, писал: «Нет необходимости фиксировать отделы постоянными заголовками. Но последовательность расположения материала должна быть... Этому требованию в особенности не удовлетворяют вновь введенные отделы "Огонька": "Окно в мир", "За последнюю неделю"... отдел "Окно в мир" должен существовать, он должен вмещать в себя то, что по тем или другим причинам не вошло в основные отделы журнала, но в этом "Сборном" отделе должна быть своя система, а не хаос, подобно тому, который царит сейчас» [43, с. 29].

За это же журнал подвергся критике и в 1927 г. В статье «Многотиражное чтение», опубликованной в журнале «Новый Леф», о географических очерках журнала автор статьи Незнамов П., писал следующее: «"Огонек" много путешествует по разным странам: путешествовать приятно и полезно. Его географические очерки читаются не без интереса. Все это очень интересно читать, тут узнаешь то, чего еще не знал. Но все горе «Огонька» в том, что такие очерки так скорее случайность, чем система...» [20, с. 39]. В 1920-е гг. такие формы дискуссий за правильный путь развития советской печати можно встретить в материалах различных периодических изданий.

С особой бдительностью за первыми номерами нового советского еженедельника «Огонек» следил и Главлит. Политическая и идеологическая линия новых массовых периодических изданий находилась под жестким контролем главного цензурного ведомства страны. Характеристика первых номеров (№ 1-3) «Огонька», попала в секретный Бюллетень Главлита за апрель-май 1923 г. Им была дана следующая оценка: «1. Внешний вид: дореволюционный «Огонек». 2. Журнал предназначен для обывателя. 3. В общем, журнал свою задачу – держать обывателя в курсе советского бытия и заграничной жизни – выполняет более или менее удовлетворительно. Иллюстрации многочисленны и большею частью свежие. 4. В литературной части «Огонек» дает легкую беллетристику. Имена обычные – Пильняк, Вл. Лидин и т.п. Ее общий тон «советский», без острых углов, – старательно соблюдается «беспартийность»...» [41, л. 98].

Несмотря на все критические замечания, журнал «Огонек» развивался, постоянно улучшалось его техническое оснащение. Пятилетний рубеж журнал встречал с новой техникой, были установлены новейшие ротационные, иллюстрационные офсетные машины, специально для «Огонька», выписанные из-за границы. Это позволило улучшить полиграфию журнала. Расширяя масштабы издательской деятельности, улучшая техническое оснащение и увеличивая аудиторию читателей, «Огонек» «детище великого процесса культурной революции рос вместе со всей советской печатью» [22, с.2].

Новую главу в истории «Огонька» открыл 1926 г., когда с целью расширения издательской деятельности и организации рекламного дела в

феврале было создано Акционерное издательское общество «Огонек». Акционерные общества стали порождением нэпа. М. Кольцов и его команда смогли уловить дух времени и воспользоваться этим новым инструментом для развития и расширения издательской деятельности журнала. Процесс создания Акционерное издательское общество «Огонек» был предопределен всем предшествующим периодом развития журнала. Управляющий главной конторой «Огонька» Э. Голомб вспоминал: «чтобы создать «Огоньку» твердую материально-издательскую почву, в 1925 г. Михаил Ефимович приступил к организации Акционерного издательского общества «Огонек». Это общество, устав которого был утвержден в феврале 1926 г., по своему характеру было своеобразным из существовавших тогда у нас акционерных обществ... «Огонек» по своей структуре стал тогда своего рода добровольным объединением, кооперацией свыше полутора десятков издательских единиц» [36, с.135].

О создании Акционерного издательского общества «Огонек» А. Луначарский писал: «Руководителям "Огонька" удалось осуществить тип иллюстрированного советского журнала дешевого, живого, многостороннего, приспособленного для массового читателя. На "Огонек" постепенно собралось огромное издательство, играющее в культурной жизни нашей страны выдающуюся роль...» [9, с. 12]. Акционерное общество «Огонек», удовлетворяло с одной стороны, потребности различных социальных групп населения, а с другой, выпускало дифференцированные издания с целью трансляции большевистской идеологии. Основными принципами его работы были массовость и доступность.

По структуре Акционерное общество «Огонек» представляло собой добровольное объединение, кооперацию советских издательских единиц. В конце 1920-х гг. в систему Акционерного издательского общества «Огонек» входило около 30 массовых журналов и газет, являвшихся органами крупнейших культурных, литературных, технических и прочих объединений и добровольных обществ [30, л.10]. О важной роли, которую играл «Огонек» в системе советской печати, в 25-летний юбилей журнала писала сама редакция: «"Огонек", как и всякий другой орган печати в Советской стране должен быть не только коллективным агитатором и пропагандистом, но и коллективным организатором трудящихся масс на разрешение великих задач строительства социализма. И достигать этой цели журнал должен был своими особыми путями, присущими его характеру» [22, с.2].

К 1928 г. журнал «Огонек» стал подписным изданием, сохранив при этом группы «розничного» читателя, что представлялось «для массового журнала такого типа исключительным достижением» [8, л. 8]. Журнал «Огонек» продолжил использовать различные формы работы с

читателями. В 1928 г., первым в стране, он запустил новую развлекательную игру для читателей – викторину. Интеллектуальная игра, состоявшая из ряда вопросов, собранных по заданной теме предлагала читателю в игровой форме проверить свои знания в понимании идущих в стране процессов модернизации. Название игры – викторина придумал именно Михаил Кольцов [10, с. 186]. К концу 1920-х гг. игра-викторина приняла «вид культаблота» и стала важной формой коммуникации читателя и редакции: «Начав свое победное шествие со страниц "Огонька", "Викторина" прошла по значительной части советской печати и сделалась какой-то реальной клеточкой перестраиваемого советского быта, одним из маленьких, но ощутимых элементов культурной революции» – отмечала редакция «Огонька», подводя итоги первых серий игры-викторины [12, с. 16].

Еще одной формой работы с читателем, предложенной редакцией «Огонька», стала новая развлекательная игра – кроссворд. Все эти игры, внешне отличаясь друг от друга, обладали одним общим свойством – они заставляли читателя вспоминать, соображать, думать, запоминать, и в то же время транслировали важные с пропагандистской точки зрения ценности. В год коренного перелома редакция «Огонька» запустила серию тематических игр-викторин под названием «Герой нашего времени» [37, с. 179 – 186]. На заре первой пятилетки редакция «Огонька» выпустила тематическую викторину «Индустриана», ставшую информационной летописью индустриализации.

Важной формой работы журнала с читателем стал выпуск внеочередных, специальных номеров. Данные номера посвящались важнейшим событиям, происходящим в стране. Первым внеочередным номером стал авиа-номер от 1 июля 1923 г., посвященный развитию советской авиации [5]. «Огонек» активно пропагандировал на своих страницах деятельность Общества друзей воздушного флота СССР (ОДВФ) – первую в Советском Союзе всенародную общественную организацию, созданную для содействия в развитии воздушного флота страны. Внеочередным тематическим номером стал № 31 от 27 июля 1924 г. с сатирическим плакатом Б. Ефимова «Мы помним войну» на обложке. Номер был посвящен «десятилетию империалистической войны 1914 – 1924 гг.» [18]. В 1925 г. между № 14 и № 15 вышел специальный номер, посвященный 200-летию Академии наук СССР [34].

Неотъемлемой чертой журнала был постоянный поиск оперативных форм и методов организационно-массовой работы редакционного коллектива, совершенствование системы распространения издания (книжные приложения, библиотеки, контрагенты и распространители, связь с редакциями местных газет и т.д.).

В 1930 г. был начат новый проект Смешанного Акционерного издательского общества

«Огонек» – издание «Библиотеки 24 романов». Это серия знакомила советского читателя с выдающимися произведениями мировой литературы [17, с. 8 – 9]. Книги были снабжены вступительными статьями и примечаниями известных советских литературоведов-марксистов и составили «ценное, дополнение к библиотеке любого культурного читателя Советского Союза», как писала редакция «Огонька» анонсируя свой новый проект [39, с. 3].

Результаты. На протяжении 1920-х гг. творческие возможности редакционного коллектива журнала, постоянно совершенствовались. Они выразились в многообразном и привлекательном представлении различных форм работы с читателем. Это позволило журналу занять определенное место в системе периодической печати и в агитационно-пропагандистском арсенале советской власти. Журнал «Огонек», возродившийся в период нэпа, в короткий срок сумел превратиться в крупнейшее типизированное издательство массовой периодики. Иллюстрированный еженедельник «Огонек» соединил в своей структуре черты ежедневной газеты и толстого ежемесячника, что потребовало изменения форм подачи материалов, способов интерпретации, жанрового и тематического разнообразия. Об этом писал в докладной записке М. Е. Кольцов: «тираж «Огонька» стоит даже среди западноевропейских иллюстрированных журналов на одном из первых мест, а у нас он превышает все вместе взятые тиражи центральных иллюстрированных журналов» [8, л. 8].

В 1920-е гг. на деятельность журнала «Огонек» серьезное влияние оказали реалии нэпа. В первую очередь это коснулось хозяйственно-финансовой стороны деятельности. Произошли и организационные изменения, следствием которых стало создание Акционерно-издательского общества «Огонек» – типизированного издательства массовой периодики. Дифференцированный подход издательства выразился в выпуске доступных, интересных массовых изданий для различных читательских групп, что отвечало общим агитационно-пропагандистским задачам, стоящим перед советской печатью. Методы организационно-массовой работы редакционного коллектива и совершенствование системы распространения издания помогли «Огоньку» приобрести широкую читательскую аудиторию. Причина популярности советского еженедельника в том, что «Огонек» – это всегда журнал о человеке, так емко охарактеризовал «Огонек» в год его 110-летия тогда главный редактор журнала В. Г. Лошак [14]. Его номера сегодня уникальный исторический источник, о чем в свое время пророчески писал в поздравлении с десятилетним юбилеем журнала И. Сельвинский «Четыреста шестьдесят восемь номеров "Огонька" – это 468 суставов, по которым будущий историк сможет воссоздать костяк нашей великой эпохи» [9, с. 13].

Оказавшись в центре многих переломных и грандиозных событий истории XX века, «Огонек»

стремился отразить их на своих страницах, попав в идеологическую «расщелину» между отвергаемым старым и появляющимся новым в 1920-е гг.,

он сумел выработать свой неповторимый информационно-пропагандистский потенциал, став настоящей «записной книжкой» Страны Советов.

Литература

1. Амбарцумян К. Р. Практика формирования «нового человека» в 1920-30е гг.: на примере Ставрополя // Дискурсы «новый человек» и «советский народ» как общность в социокультурном пространстве СССР: Междисциплинарный сборник научных статей. Ставрополь: СЕКВОИЯ, 2022. С. 40–65.
2. Белая Г. Скороходов Г. Журналы «Красная Нива», «Прожектор», «Огонек» // Очерки истории русской советской журналистики. 1917–1932. Т. 1. М.: Наука, 1966. С. 441–462.
3. Борисов П. Каким должен быть журнал Огонек? // Большевицкая печать. 1940. № 9. С. 56.
4. Бочина М. А. Советские массовые журналы двадцатых-тридцатых годов: (на опыте «Красной нови», «Прожектора», «Огонька»); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 25 с.
5. Внеочередной авианомер «Огонька». М. 1923. 16 с.
6. Волин Ю. Гости Днепрогострой // Огонек. 1929. № 28. С. 4–5.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). А-299. Оп. 1. Д. 3.
8. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2088.
9. Десять лет Огонька // Огонек. 1933. № 8-9. С. 11–16.
10. Дейч А. [Воспоминания] // Михаил Кольцов. Каким он был. Сборник воспоминаний. Издание 2-е, доп. М., 1989. 476 с.
11. Журнально-газетное объединение: [Обзор деятельности]. М., [1934]. 16 с.
12. Итоги «Викторины». Перед новой игрой читателей «Огонька» // Огонек. 1928. № 52. С. 16.
13. Левин К. Былые годы. Михаил Кольцов и Ефим Зозуля // Наш современник. 1961. № 6. С. 234–239.
14. Лошак В. Г. «Огонек» – это журнал о человеке [Интервью от 21.12.2009 г.] // Источник: РИА «Новости» URL: <https://lenizdat.ru/articles/1083508> (Дата обращения: 10.09.2023);
15. Маллори Д. Огненные похороны (фото С. Фридлянда) // Огонек. 1927. № 50. С. 14.
16. Мечиславцев. Маленький обзор. // Литературный еженедельник. 1923. № 24. С. 12.
17. Мировая литература – советскому читателю // Огонек. 1929. № 42. С. 8–9.
18. Мы помним войну (рис. Б. Ефимова) // Огонек. 1924. № 31. Обложка.
19. Нерадов. Маленький обзор. // Литературный еженедельник. 1923. № 9. С. 13–14.
20. Незнамов П. Многоликое чтение // Новый Леф. 1927. № 3. С. 36–39.
21. О библиотеке «Огонек» (Из отзывов: «Правды», «Октября», «Амурской правды» и других газет и журналов) // Огонек. 1927. № 12. С. 15.
22. «Огоньку» – двадцать пять лет // Огонек. 1948. № 17. С. 2–8.
23. Огонек – самый распространенный иллюстрированный еженедельник в СССР // Огонек. 1924. № 3. С. 20.
24. Огонек. 1899. № 1. Обложка.
25. Огонек. Фото-бюро // Огонек. 1924. № 22. С. 15.
26. Огонек. 1929. № 34. С. 20.
27. Первый год «Огонька» // Огонек. 1924. № 14. С. 21–22.
28. Погодин Н. Гора Магнитная // Огонек. 1929. № 24. С. 4–5.
29. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 216. Оп. 1. Д. 9.
30. РГАЛИ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.
31. Родословная московских журналов (рис. К. Ротов) // Огонек. 1923. № 22. С. 15.
32. Рубашкин А. И. Михаил Кольцов. Критико-биографический очерк. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1971. 207 с.
33. Скороходов Г. А. Михаил Кольцов: Критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1959. 194 с.
34. Специальный номер посвященный 200-летию Академии наук // Огонек 1925. Обложка.
35. Сущевский Я. День Троцкого // Огонек. 1923. № 1. С. 4–5.
36. Танцегова А. В. «Записная книжка» Страны Советов: страницы истории журнала «Огонек» в 1920-е годы. М.- СПб: Петроглиф., 2020. 198 с.
37. Танцегова А. В. «Герой нашего времени» – викторина журнала «Огонек»: конструирование образа «нового человека» в 1920-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 179–186.
38. Тулес А. Мавзолей на могиле Ленина // Огонек. 1924. № 17. С. 1
39. У вас есть все основания улыбаться, ибо... // Огонек. 1929. № 51–52. С. 3.
40. Фотографы Огонька // Огонек. 1924. № 2. С. 19.
41. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-31. Оп. 2. Д. 13.
42. Шайхет А. Не в церковь, а в театр // Огонек. 1929. № 2. С. 14.
43. Южанин Д. О политическом иллюстрированном еженедельнике вообще и об «Огоньке» в частности // Красная печать. 1925. № 17–18. С. 29.

References

1. Ambartsumyan K. R. The practice of forming a “new man” in the 1920-30s: the example of Stavropol. Discourses “new man” and “Soviet people” as a community in Sociocultural space of the USSR: Interdisciplinary collection of scientific articles. Stavropol: SEQUOIA; 2022. P. 40-65. (In Russ.).
2. Belaya G., Skorokhodov G. Magazines “Krasnaya Niva”, “Spotlight”, “Ogonyok” in Essays on the history of Russian Soviet journalism. 1917–1932. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1966. P. 441-462. (In Russ.).
3. Borisov P. What should Ogonyok magazine be like? *Bolshevik press*. 1940;9:56. (In Russ.).
4. Bochinina M. A. Soviet mass magazines of the twenties and thirties: (based on the experience of “Krasnaya Novy”, “Prozhektor”, “Ogonyok”): abstract of thesis. Moscow; 1985. 25 p.
5. Extraordinary aircraft number “Ogonyok”. Moscow; 1923. 16 p.
6. Volin Yu. Guests of Dneprostroy. *Ogonyok*. 1929;28:4–5. (In Russ.).
7. State Archive of the Russian Federation (GARF). A-299. Inv. 1. D. 3.
8. GARF. F. A-2306. Inv. 69. D. 2088.
9. Ten years of Ogonyok. *Ogonyok*. 1933;8-9:11-16. (In Russ.).
10. Deitch A. [Memoirs] in Mikhail Koltsov. What was he like. Collection of memories. 2nd edition, add. Moscow; 1989. 476 p.
11. Magazine and newspaper association: [Overview of activities]. Moscow: [1934]. 16 p.
12. Quiz results. Before the new game for Ogonyok readers. *Ogonyok*. 1928;52:16. (In Russ.).

13. Levin K. Bygone years. Mikhail Koltsov and Efim Zozulya. *Nash sovremennik*. 1961;6:234-239. (In Russ.).
14. Loshak V. G. "Ogonyok" is a magazine about a person. Interview dated December 21, 2009 // RIA Novosti URL: <https://lenizdat.ru/articles/1083508> (accessed: 09.10.2022). (In Russ.).
15. Mallory D. Fire funeral (photo by S. Fridland). *Ogonyok*. 1927;50:14. (In Russ.).
16. Mechislavtsev. A small review. *Literaturnyy ezhenedel'nik*. 1923; 24:12. (In Russ.).
17. World literature - to the Soviet reader. *Ogonyok*. 1929;42:8-9. (In Russ.).
18. We remember the war (picture by B. Efimov). *Ogonyok*. 1924;31. Cover. (In Russ.).
19. Neradov. A small review. *Literaturnyy ezhenedel'nik*. 1923;29:13-14. (In Russ.).
20. Neznamov P. Reading in large quantities. *New Lef*. 1927;3:36-39. (In Russ.).
21. About the "Ogonyok" library (From reviews: "Pravda", "October", "Amurskaya Pravda" and other newspapers and magazines. *Ogonyok*. 1927;12:15. (In Russ.).
22. "Ogonyok" is twenty-five years old. *Ogonyok*. 1948;17:2-8. (In Russ.).
23. Ogonyok is the most widespread illustrated weekly in the USSR. *Ogonyok*. 1924;3:20. (In Russ.).
24. *Ogonyok*. 1899;1. Cover. (In Russ.).
25. «Ogonyok». Photo bureau. *Ogonyok*. 1924;22:15. (In Russ.).
26. *Ogonyok*. 1929;34:20. (In Russ.).
27. The first year of "Ogonyok". *Ogonyok*. 1924;14:21-22. (In Russ.).
28. Pogodin N. Magnetic Mountain. *Ogonyok*. 1929; 24:4-5. (In Russ.).
29. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 216. Inv. 1. D. 9. (In Russ.).
30. RGALI. F. 216. Inv. 1. D. 9. (In Russ.).
31. Pedigree of Moscow magazines (Fig. K. Rotov). *Ogonyok*. 1923;22:15. (In Russ.).
32. Rubashkin A. I. Mikhail Koltsov. Critical-biographical essay. Leningrad; 1971. 207 p. (In Russ.).
33. Skorokhodov G. A. Mikhail Koltsov: Critical-biographical essay. Moscow; 1959. 194 p. (In Russ.).
34. Special issue dedicated to the 200th anniversary of the Academy of Sciences. *Ogonyok* 1925. Cover. (In Russ.).
35. Sushevsky Ya. Day of Trotsky. *Ogonyok*. 1923;1:4-5. (In Russ.).
36. Tantseva A. V. "Notebook" of the Land of Soviets: pages from the history of the magazine "Ogonyok" in the 1920s: monograph. Moscow – Saint Petersburg: Petroglyph; 2020. 198 p. (In Russ.).
37. Tantseva A. V. "Hero of Our Time" - quiz from Ogonyok magazine: constructing the image of the "new man" in the 1920s. *Humanitarian and legal studies*. 2019;1:179-186. (In Russ.).
38. Tules A. Mausoleum at Lenin's grave. *Ogonyok*. 1924;17:1. (In Russ.).
39. You have every reason to smile, because... *Ogonyok*. 1929;51-52:3. (In Russ.).
40. Photographers of Ogonyok. *Ogonyok*. 1924;2:19. (In Russ.).
41. Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg. F. R-31. Inv. 2. D. 13. (In Russ.).
42. Shaikhet A. Not to church, but to the theater. *Ogonyok*. 1929;2:14. (In Russ.).
43. Yuzhanin D. About the political illustrated weekly in general and about Ogonyok in particular. *Krasnaya pechat'*. 1925;17-18:29. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(450)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.12>

«ЕСЛИ НЕ ОБРАТИТЕСЬ И НЕ БУДЕТЕ КАК ДЕТИ, НЕ ВОЙДЕТЕ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ»: МЕСТО И РОЛЬ «ДЕТЕЙ» В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ РЕФОРМЕ САВОНАРОЛЫ

Елена Павловна Тельменко

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

teilmann@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3319-8517>

Аннотация. Введение. Тема привлечения доминиканским проповедником Джироламо Савонаролой детей для проведения духовно-нравственных преобразований во Флоренции кон. XV в. является чрезвычайно притягательной для исследователей. Авторы научных трудов рассматривали феномен «мальчиков брата», сравнивая его с практиками обращения с детьми в других европейских городах; концентрируя внимание на карнавальной инверсии, присущей как светским, так и религиозным празднествам; рассматривая особенности эволюции ритуальной жизни города на Арно. Дополнительные нюансы в понимании логики действий флорентийского пророка в отношении детей могут быть раскрыты на основе анализа проповедей Савонаролы, посвященных «простоте» как основе реформирования современной общины верующих. **Материалы и методы.** Применение методов терминологического и герменевтического анализа текстов источников должно способствовать достижению означенной цели. **Анализ.** Составной частью общего преобразования нравов во Флоренцию являлась «детская реформа», к осуществлению которой Савонарола приступил на рубеже 1495 – 1496 гг. Проповедуя необходимость культивирования «простоты христианской жизни», монах провозглашает «простецов» главными действующими лицами реформы Церкви. При этом, судя по выступлениям доминиканца, «простота», как основное качество истинного христианина, еще в большей мере проявляется в «детях»: во-первых, на основании их принадлежности к возрасту «невинности», когда под воздействием мира взрослых еще не утрачена «чистота сердца» и не приобретена привязанность к

«излишним» материальным благам; и, во-вторых, в силу довольно быстрого их отказа от дурных привычек и обращения к благочестивой жизни в ответ на призыв городского пророка. **Результаты.** Таким образом, на «простоту» ветхозаветной Руфи, которую монах ставил в пример взрослому населению города, накладывался евангельский призыв «быть как дети», сопровождаемый обещанием обретения Царства Небесного. Одновременно с этим, «духовные празднества» в избранном Богом городе позволяли не только предъявить результаты свершившейся трансформации «детей», но и открывали возможность старшему поколению, осуществив «возрастную» инверсию и ощутив себя в Новом Иерусалиме, обрести стимул для продолжения труда над собственным преображением в «доброго христианина».

Ключевые слова: Джироламо Савонарола, Италия, Флоренция, реформа, «простота христианской жизни», «простые сердцем», дети, «мальчики Христа»

Для цитирования: Тельменко Е. П. «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»: место и роль «детей» в духовно-нравственной реформе Савонаролы // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 644–651. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.08.2023.

Статья принята к публикации: 21.09.2023.

Research article

«UNLESS YOU ARE CONVERTED AND BECOME AS LITTLE CHILDREN, YOU WILL BY NO MEANS ENTER THE KINGDOM OF HEAVEN»: THE PLACE AND ROLE OF «CHILDREN» IN THE SPIRITUAL AND MORAL REFORM OF SAVONAROLA

Elena P. Telmenko

North Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

teilmann@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3319-8517>

Abstract. Introduction. The Dominican preacher Girolamo Savonarola's theme of attracting children to carry out spiritual and moral transformations in Florence at the end of the 15th century is extremely attractive to researchers. The authors of scientific works examined the phenomenon of "Friar's boys", comparing it with the practices of treating children in other European cities; focusing on the carnival inversion inherent in both secular and religious celebrations; considering the features of the evolution of the ritual life of the city on the Arno. Additional nuances in understanding the logic of the Florentine prophet's actions in relation to children can be revealed based on the analysis of Savonarola's sermons dedicated to "simplicity" as the basis for reforming the modern community of believers. **Materials and methods.** Applying the methods of terminological and hermeneutical analysis of source texts should help to achieve the goal of research. **Analysis.** An integral part of the general transformation of morals in Florence was the "children's reform", which Savonarola began to implement at the turn of 1495–1496. Homilizing the need to cultivate the "simplicity of Christian life", the monk proclaims the "simple people" as

the main protagonists of the reform of the Church. At the same time, judging by the sermons of the Dominican, "simplicity", being the main quality of a true Christian, is manifested to an even greater extent in "children": firstly, based on their belonging to the age of "innocence", when under the influence of the adult world the "purity of heart" has not yet been lost and no attachment to "excessive" material goods has been acquired; and, secondly, due to their fairly rapid abandonment of bad habits and conversion to pious life in response to the call of the city prophet. **Results.** Thus, the "simplicity" of the Old Testament Ruth, whom the monk set as an example for the adult population of the city, was superimposed with the gospel call to "be like children", accompanied by the promise of gaining the Kingdom of Heaven. At the same time, the "spiritual festivals" in the God's chosen city made it possible not only to present the results of the accomplished transformation of "children", but also opened up the opportunity for the older generation, having accomplished the "age" inversion and feeling themselves in the New Jerusalem, to gain incentive to continue working at their own transformation into a "good Christian".

© Тельменко Е.П., 2023

Keywords: Girolamo Savonarola, Italy, Florence, the reform, “the Simplicity of Christian Life”, “the simple in heart”, children, “the Boys of Christ”

For citation: Telmenko E. P. “Unless you are converted and become as little children, you will by no means enter the kingdom of heaven”: the place and role of “children” in the spiritual and moral reform of Savonarola. *Humanities and law research*. 2023;10(4):644-651. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.12>

Введение. Тема привлечения доминиканским проповедником Джироламо Савонаролой юного поколения флорентийских горожан в качестве инструмента преобразований является чрезвычайно притягательной для исследователей, и каждый научный труд – это привнесение новых нюансов, позволяющих раскрыть место и роль детской реформы в преображении города Христа. Так, известный американский специалист в области итальянского Возрождения Р. Трекслер обратил внимание на возрастание в XV в. значения организованных групп детей (братства, отряды мальчиков Савонаролы) в ритуальном общении горожан с Богом [21]. Итальянская исследовательница О. Никколи, с целью выявления специфики положения детей в последовавшем за монахом флорентийском обществе, обратилась к опыту использования этой трудно контролируемой силы взрослыми в европейских и итальянских городах эпохи Возрождения [12; 13]. В работах других итальянских ученых – Дж. Чаппелли и А. Бенвенути также развивалась тема управления энергией молодого поколения в контексте его участия в праздничной культуре Флоренции, изменившейся под воздействием доминиканца, но сохранившей свои карнавальные истоки [4, p. 213–233; 2].

Материалы и методы. Как представляется, дополнительные нюансы в осмыслении логики действий флорентийского пророка-реформатора в отношении детей, а также в понимании символического значения савонаролианских «духовных празднеств», могут быть раскрыты посредством обращения к проповедям Савонаролы, посвященным «простоте христианской жизни» как основе обновления современной Церкви. Применение методов терминологического и герменевтического анализа текстов источников, связанное с их интерпретацией, выявлением явных и скрытых смыслов, должно способствовать достижению означенной цели.

Анализ. К реализации детской реформы, как составной части общей реформы нравов в городе на Арно, фра Джироламо приступил на рубеже 1495–1496 гг. В ее осуществлении монаху помогал брат по ордену – Доменико Буонвичини (да Пеша), который, в то время, пока Савонарола, подчинившись папскому бреве 16 октября 1495 г., был вынужден оставить проповеди, «при помощи увещаний божественного Писания пас стада маленьких овец» [8, p. 121].

Благодаря усилиям фра Доменико, а также других последователей флорентийского пророка – «плакса», были организованы объединения рефор-

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.06.2023.

The article was approved after reviewing: 18.08.2023.

The article was accepted for publication: 21.09.2023.

мированных «мальчиков» в каждом из четырех кварталов («quartiere») города. Структура управления этими новыми ассоциациями опиралась на опыт уже существовавших во Флоренции детских братств [12, p. 282]. Во главе мальчиков каждого квартала стоял сторож (кустод); ему помогали 4 советника, «собрание которых должно одобрить всякую вещь, и без этого ничто не является законным» [3, p. 232; 8, p. 122]; в подчинении кустодов находились отряды детей, возглавляемые капитанами. Среди отрядов имелось распределение обязанностей – «миротворцы» (paciali), которые должны были примирять ссорящихся; «распорядители» (ordinatori), следившие за подготовкой процессий и пребыванием в церквях; «чистильщики» (lustrelatori), поддерживавшие чистоту и порядок в местах расположения изображений святых и крестов; «собирающие милостыню» (elemosinieri) для «стыдливых бедняков»; «исправители» (correttori) и «инквизиторы» (inquisitori), следившие за нравственным поведением горожан [8, p. 122–124]. Таким образом, мысль о том, что в городе, параллельно со взрослым, было организовано детское правительство, представляется вполне логичной [21, p. 481–482]. Его власть была поддержана авторитетом городского пророка Савонаролы, но не подкреплена законами флорентийской Синьории: городское правительство в мягкой форме отклонило представленный юношами-послами в 1496 г. проект реформы, легитимизирующей действия отрядов «мальчиков брата» [3, p. 232; 8, p. 121–122; 14, p. 321].

Возрастающее значение детей в религиозно-нравственной жизни флорентийского общества, как показал в своей работе Р. Трекслер, нашло отражение в городских ритуалах. Рассмотрев, как на протяжении XV в. «Флоренция искала правильный способ представить своих детей Богу», в том числе посредством появившихся в начале века, а затем умножившихся юношеских братств, ученый отметил, что ко времени Савонаролы эта, прежде «маргинальная группа», достигла кульминации своего «столетнего развития», «захватив центр репрезентативной жизни» города [21, p. 479–480]. Действительно, в первом после начала детской реформы «духовном празднестве» 16 февраля 1496 г., заменившем собой карнавал, приняли участие исключительно юные жители Флоренции: на шествие нескольких тысяч мальчиков, организованных по кварталам, «собрался посмотреть весь народ» [14, p. 311; 9, p. 125; 10, p. XCI]. Они же возглавили следующую процессию, устроенную в Вербное воскресенье 27 марта 1496 г., к которой присоединились другие группы горожан: после мальчиков шли де-

вочки, а затем и старшее поколение – представители монашеских орденов, белое духовенство, «должностные лица, начиная с Коллегий, поскольку Синьория осталась в Палаццо», и, наконец, «весь народ, мужчины и женщины» [9, р. 128; 14, р. 327]. Аналогичный порядок, – дети, а за ними взрослые, – соблюдался и в последующих шествиях, в том числе во время торжеств, связанных с организацией «костров суеты» 1497 и 1498 гг.: в 1497 г. за мальчиками следовали мужчины «с красными крестами», а после – девочки и женщины; в 1498 г. сходную по устройству процессию завершали «монахи Сан Марко, последователи этого Брата Иеронима» [6, р. LI–LII; 8, р. 131–134; 11, р. 93].

Следует также обратить внимание на мысль Р. Трекслера о том, что по мере продвижения к концу XV столетия флорентийский социум «все чаще полагался на “милость” своей молодежи, чтобы определить будущее города», и юное поколение постепенно обретало свойства «нового фетиша», спасительного инструмента, способного дополнить, либо заменить ритуальное положение как их отцов, так и духовенства в городе, являясь «более чистым и непосредственным отражением общественных ценностей» – «прямым утверждением настоящего, но в то же время гарантией будущего» [21, р. 386–387]. Савонарола представляется в труде этого исследователя тем, кто «воплотил в жизнь новую модель спасения» города, где главными избавителями становились «те, кто растет, а не те, кто вырос» [21, р. 482–483]. Сходное видение специфики положения детей в савонаролианской Флоренции, как представляется, обнаруживается и у О. Никколи, которая полагает, что оно заключается «в явном и на шумевшем признании» проповедником-реформатором их роли, а также в порожденном этим шагом «скандале» в городе и за его пределами [12, р. 283–284].

В том, что касается главных источников власти и влияния «мальчиков брата» на флорентийское общество, то Р. Трекслер видел их, во-первых, в принадлежности к возрасту «невинности»; затем – в организации по кварталам («управлении»); и, наконец, в связи этой группы с пророком [21, р. 480]. В свою очередь О. Никколи, разделяя приведенные выше положения, проанализировала практики обращения к детям в различных частях Италии XV–XVI вв. и пришла к выводу, что Савонарола, как и его предшественники и современники, опирался при проведении духовно-нравственных преобразований во Флоренции на два основных свойства юного поколения горожан – связанное с возрастом представление об их невинности и чистоте, а также склонность к активным действиям, зачастую агрессивным и жестоким; и, соответственно, использовал обе функции молодежи, выступавшей в качестве как инструмента спасения, так и орудия наказания [13, р. 61–88]. Отметим, что сходные проблемы восприятия и применения означенных свойств детей исследовал на материале французских религиозных войн XVI в. Д. Крузе, об-

ратившись к феномену святого насилия «невинных» [1]. Раскрытые этим ученым, во-первых, порядок актов религиозного насилия католиков в отношении гугенотов, когда к зачинщикам-детям присоединяются взрослые, а, во-вторых, особенности переживаний участников действия, ощущающих разрыв с профанным миром и чудо слияния с Богом, по сути, не отличаются от того, что происходило во Флоренции конца XV в., когда город под воздействием своего пророка стремился превратиться в Новый Иерусалим – по меткому выражению А. Бенвенути, город «праведных управляемый невинными» [2, р. 168].

В связи с приведенными выше утверждениями неизбежно возникает вопрос о возрасте юных последователей Савонаролы. Сообщая о них, современники событий употребляют такие обозначения, как «fanciulli», «devoti fanciulli», «parvoli e teneri fanciulli», «giovanetti», «puerili giovanetti» [9, р. 123–128; 7, р. 476–477, 486; 8, р. 119]. Упоминают и о возрасте участников праздничных шествий. Так, например, процессию 16 февраля 1496 г., согласно флорентийскому горожанину Луке Ландуччи, составили «шесть тысяч детей (fanciugli) или более, все от пяти или шести лет до шестнадцати»; по сведениям миланского посла Паоло Соменци, в то время собралось около десяти тысяч детей от 6–9 до 14 лет [9, р. 125; 10, р. XCI]. Сам же фра Джироламо, проповедуя 20 февраля 1496 г., заметил, что на его выступление пришли те, кто «слишком мал (quelli che sono troppi piccolo)», и поскольку «дьявол настолько коварен, что мог бы устроить в этом добром деле какой-нибудь скандал», следовало бы позаботиться о том, чтобы «тех, кому меньше десяти лет, вы удерживали дома, а тем, кому десять и старше, позволили приходить на проповедь»; при этом «нежелательно, чтобы на детскую трибуну заходили лица старше двадцати одного года, а опекунам компаний (guardiani delle compagnie) необходимо находиться там и предотвращать возникновение всякого раздора» [17, р. 115]. В том, что касается позиции исследователей, то О. Никколи обращает внимание на «относительно специфический мир флорентийских мальчиков в детском возрасте, то есть между семью и четырнадцатью годами», Р. Трекслер же определяет границы возраста «мальчиков» Савонаролы между 5–6 и 20 годами, при этом отмечая, что занимавших лидерские позиции в движении юношей было явно меньше, и что средний возраст всех мальчиков составлял десять или одиннадцать лет [12, р. 280; 21, р. 480]. При таком подходе нежный возраст, безусловно, выступает в качестве важного инструмента воздействия на социум. Однако игнорировать тот факт, что возраст некоторых участников савонаролианских акций выходит за рамки «невинного», как представляется, не стоит. Сходную позицию занял в своей работе Джованни Чаппелли, который, касаясь процессии в Вербное воскресенье 27 марта 1496 г., отметил, что, поскольку «существенная часть “мальчиков” преступила возраст, в котором они могли быть обозначены непорочными согласно нормам

католической церкви», их белые облачения являлись не только и не столько признаком «чистоты», как свойства присущего детству, но, прежде всего, знаком обращения флорентийской молодежи к «доброй жизни» [4, р. 222].

В итоге, разделяя положение о том, что как флорентийцы, так и Савонарола, приняли ведущую роль детей в деле спасения городской общины, стоит все же обратить внимание, как в проповедях и акциях доминиканского брата концепт «невинности» сочетается с понятием «простоты», которая представляется монахом в качестве краеугольного камня реформирования современной Церкви. В концентрированном виде рассуждения фра Джироламо об этом свойстве «доброго христианина» содержатся в толкованиях на Книгу Руфи.

В выступлениях на Руфь, прозвучавших в конце мая 1496 г., монах продолжил развивать тему обновления общины современных христиан, каждый член которой должен преобразоваться и направиться к Богу, избавившись от свойственной большинству нынешних верующих «теплохладности» и возродив духовный жар в делах веры. Главными действующими лицами реформы проповедник объявляет немногих, еще оставшихся в Церкви «равнодушных», носителей «простоты», которыми являются «некоторые добрые женщины (donnicciole) и некоторые простые люди, чистые (puri), как женщины» [19, р. 115–117]. Они уподобляются Савонаролой библейскому горчичному зерну (Мф. 13: 31–32), свойством которого является вера, и которое уже начало произрастать во Флоренции – те «отдельные ветви», что стали появляться в этом избранном Богом городе¹, разрастутся, как предсказывал пророк, за его пределы, и реформа охватит не только Италию, но и весь христианский мир [19, р. 120–121; 16, р. 423].

Савонарола наставлял паству в том, что «форма христианина – это любовь, простота и чистота (непорочность) сердца» [19, р. 161]; что «вера заключается в добродетели сердца и во внутренней и внешней простоте» [19, р. 105]. «Чистота сердца» – внутренняя простота [19, р. 142], представлялась проповедником как отсутствие двойственности в мыслях и делах: в то время как «двуличный» (он же – «равнодушный») «внутри преисполнен гордыни, а снаружи демонстрирует всяческие обряды, наполненные кротостью», «простой» – «в сердце своем праведен перед Богом, не обладает никакой двойственностью, его внешние дела соответствуют тому, что внутри (него)», он организует «свою жизнь целиком в Боге, как внутри, так и снаружи» [19, р. 140–141]. «Простота» – это способность прочувствовать (ощутить сердцем) божественные истины и сделать их императивом своего собственного существования, ибо «вера без дел мертва» [19, р. 175]. Соответственно, от внутренней простоты

происходит внешняя, через которую, в свою очередь, познается простота внутренняя [19, р. 142]. Внешняя простота состоит в избавлении от глубокой привязанности «к мирским вещам и имуществу», в отказе от роскоши («тщеты») и «излишнего» [19, р. 127, 169]. Настоящему христианину, стремящемуся «ощутить в себе Господа», не стоит «стараться обладать большим, чем необходимо» [19, р. 187] и «удерживать излишнее» [19, р. 125], но надлежит «раздать его для Бога» [19, р. 127]; любовь к ближнему – милосердие, «должно быть обильным», нужно «раскрыть свою длань для бедных, чтобы никто не ушел с пустыми руками» [19, р. 181]. Таким образом, каждому верующему следует направиться навстречу Господу; подготовить себя, чтобы воспринять Св. Дух, ибо «форма христианина – благодать Св. Духа, которую нельзя обрести без простоты» [19, р. 144, 127].

Савонарола, представляя протагонистами реформы «простецов», все же утверждал, что они нуждаются в совершенствовании, поскольку обладают Св. Духом, «но не в той мере, в которой он должен быть» [19, р. 200–201]. Вместе с тем, дети, в силу связанных с «возрастом невинности» качеств – непосредственности и чистоте, выступают носителями еще не утраченной под воздействием мира взрослых «внутренней простоты». Вкрапленные в тексты проповедей фра Джироламо рассуждения о воспитании, представляют ребенка, обретшего «благодать крещения», носителем той самой абсолютной «простоты», которая, однако, постепенно убывает из-за дурного примера старшего поколения. Проповедник упрекает прихожан в том, что дома «жены с мужьями в присутствии сыновей и дочерей говорят обо всем открыто: рядом находится твой ребенок и слушает то, что ты говоришь, и начинает утрачивать простоту и наполняться лукавством», также и «в ботtegaх мастера говорят обо всем не таясь, в присутствии учеников и посылных, и они усваивают все дурное» [19, р. 135]. Взрослые отвращают своих чад и от «простоты внешней», пренебрегая опытом старших поколений. «Посмотри, отправляли ли они своих мальчиков с кошельками из бархата, как поступаешь ты; ты обнаружишь, что они ходили в зеленых накидках (mantellini) и чулках с кожаными заплатками на коленях», – укорял монах слушателей и призывал: «Начните практиковать простоту, оденьте ваших детей просто, и понесете также меньше расходов» [19, р. 143, 181].

Однако флорентийские «мальчики», еще не до конца развращенные привязанностью к мирским вещам, «суестью» этого мира, довольно быстро (после начала их «реформы») стали демонстрировать пример обращения к «доброй жизни» – «внешней простоте». В Пепельную Среду 17 февраля 1496 г., сразу же после дня карнавала, который посредством детей был превращен из торжества плоти в

¹ 28 декабря 1494 г. монах провозгласил правителем города Иисуса Христа.

праздник духа, проповедник указывает своим прихожанам на явные результаты их скорого преобразования в сравнении со старшим поколением. Монах призывает «закоснелых в грехах», «дурных стариков», «которые не только не хотят поступать хорошо, но также считают плохим то, что молодежь и дети живут хорошо», исправиться, заявляя, что они «более тщеславны, более похотливы и более скупы, нежели молодые», и что следует «иметь седые (то есть умудренные) чувства и разум, а не волосы», поскольку в то время, когда «молодые обращаются к доброй жизни», те, не обладая «мудростью, напротив, преисполнены пороков и невежества» [17, р. 48]. Здесь стоит отметить, что в выступлениях доминиканца периодически появляется призыв к взрослым брать пример с юных жителей Флоренции. Так, 6 марта 1496 г. Савонарола замечает: «Посмотрите на вашу молодежь, после того, как они назвали Иисуса своим королем, они стали жить иным образом, чем прежде: они посещают проповедь, добровольно обрезают волосы; первоначально родители не могли исправить их, сейчас они сами начали исправляться» [18, р. 50]. А 24 мая того же года, развивая мысль о необходимости следования «за простотой и добротой», проповедник вновь обращается к тем «старикам», «которым кажется, что в седых волосах мудрость»: «Дурные, обезумевшие старики. Простите меня вы, добрые старики. Вам следовало бы сказать: Дайте-ка посмотрю, научился ли я доброй жизни, состарившись» [19, р. 202–203].

Таким образом, «мальчики Христа», – как в силу их «невинности», так и обращения к «доброй жизни», – предстают обладателями «внутренней» и «внешней» простоты в большей степени, чем взрослые. И их белые одеяния с красными крестами в процессиях, устроенных Савонаролой и его последователями, соответствовали видениям Креста и Меча, которые флорентийский пророк изложил в проповеди 13 января 1495 г. и описал в изданном в этом же году «Компендиуме откровений». «Я видел меч, который находился над Италией и сотрясаясь, и видел ангелов, которые пришли и имели красный крест в одной руке, а в другой – множество белых одежд. И ангелы давали целовать этот крест всякому, кто хотел, и также протягивали белые одежды. И были некоторые, кто принимал эти белые одежды...», – вещал фра Джироламо, объясняя пастве, что крест – это символ испытаний, посланных для исправления Церкви, а белые облачения – очищенное сознание, избавленное от всяческих пороков, и что тот, кто добровольно примет их (совершит покаяние), легко перенесет наказания и обретет жизнь вечную [20, р. 52–53; 15, р. 12–14]. Соответственно, последовавшие за Христом дети являли собой образец для старшего поколения. Поэтому, предвзяв процессию взрослых во время «духовных праздников», они первыми шли навстречу Спасителю.

Описание коллективных переживаний от происходящего присутствует, например, в записях по-

следователя доминиканского монаха Луки Ландуччи. Он передает, как наблюдая мальчиков в шестии 16 февраля 1496 г. «люди мудрые и добрые сдержанно плакали». Флоренция в это время становится Новым Иерусалимом, куда входит Господь, и дети приветствуют его: «... нам казалось, что мы видим толпы Иерусалима, которые идут навстречу Христу, говоря: “Благословен Грядущий во имя Господне!”» (Мф. 21:9). И как тут не вспомнить слова Писания: “Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу” (Мф. 21:16; Пс. 8:3)» [9, р. 125]. О сходных чувствах упоминает на следующий день после праздника и Савонарола: «... мне показалось, что я вижу мальчиков и тот народ, который вышел навстречу Спасителю, что прибыл на осле в Иерусалим» [17, р. 37–38]. Еще более значительный эмоциональный подъем горожане испытали в Вербное воскресенье 27 марта 1496 г., чему, помимо прочего, вероятно, способствовал и сам чин процессии, утвердившийся к XII в. – ее участники исполняют антифон *Pueri Hebraeorum*: «Отроки еврейские с ветвями масличными в руках вышли навстречу Господу, восклицая и говоря: “Осанна в вышних!” / Отроки еврейские постилали одежды по дороге, восклицая и говоря: “Осанна Сыну Давиду! Благословен Грядущий во имя Господне!”». Здесь и радость детей, встречавших Спасителя без всякой задней мысли, по простоте своей, и чувствование его как Помазанника на «Царство... не от мира сего» (Ин. 18:36). Господь входил во Флоренцию, в ней воплощался образ водворения Царя Славы в Царствии Его (город становился олицетворением Иерусалима горнего). Об ощущениях участников церемонии можно судить по труду Псевдо-Бурламакки, в описании которого «мальчики» «одеждой и видом» походили на ангелов, «испускающих сияние благодати и целомудрия, так что казались сошедшими из Рая»; «веселие и радость» всех присутствующих «были настолько велики, что казалось сияние Рая снизошло на землю». Этот же современник событий упоминает, что в подражание детям «не только женщины..., но люди знатные, благоразумные и осторожные, оставив всяческую человеческую мудрость, облачились в белое»; все плакали и «многие, как бы выходя из себя, с презрением отбрасывали все тщеславие и достоинство статуса (*degnità*), неся оливковые ветви и распевая громко с мальчиками: “Да здравствует Иисус Христос, наш Царь!”». После же того, как собранные в городе огромные пожертвования (акт проявления «внешней простоты», милосердия и любви к ближнему) были поднесены Богу в кафедральном соборе для основания Монте делла Пьета (Ломбарда), на площади Сан Марко братья и послушники этого монастыря, миряне – юноши и старики, организовав общий хоровод, танцевали и пели духовные песни и псалмы «без всяких чинов, поскольку там, где присутствует дух, там есть свобода». Стоит отметить, что аналогичные хороводы, – внутренний из новичков и детей, средний из юношей-мирян, внешний из взрослых, – этот

анонимный автор упоминает и в связи с заменившим карнавал торжеством 1498 г. [8, р. 134]. «Несомненно, – заключает Псевдо-Бурламакки, завершая описание праздника 27 апреля 1496 г., – это был чудесный день, наполненный Господом воодушевлением и радостью, во время которого весь народ помешался из-за любви к Иисусу, и мог бы заявить мирским мудрецам: “*Nos stulti populus christianus, vos sapientes, populus mundi*”². И подлинно одухотворенные могли оценить сказанное пророком: “*Beatus populus qui scit iubilationem*”³. И истинно, в это время Флоренция была счастлива и блаженна и казалась Новым Иерусалимом» [8, р. 127–129].

Ритуал поджигания «костров суеты», ставший кульминацией торжеств 1497 и 1498 гг. и символизировавший отказ города от ненужной «помпы», также был связан с детьми – «кустодами» четырех кварталов [8, р. 131–134; 11, р. 93; 6, р. LI–LII]. Сторонники доминиканца свидетельствуют о том, что, когда происходило это «сожжение многих и разнообразных инструментов дьявольских ловушек, и очищение города Бога от мерзости и зла, насыщавших вплоть до этих дней заразой лоно Христа», всеобщее ликование охватило не только людей, но и «неодушевленные творения» – «колокола палатцо, трубы Синьории, дудки и тамбурины звонили во славу великого торжества, посвященного Богу» [5, р. XXIII; 8, р. 132; 11, р. 93]. Единое мистическое тело городской общины, избравшей своим правителем Христа, избавлялось от того, что мешало ее соединению с Господом.

Здесь стоит согласиться с мнением О. Николи, отметившей, что «в источниках улавливается намерение представить трансформацию Флоренции и ее жителей в новый Иерусалим как уже свершившуюся» [13, р. 78]. Кажется, что подобная интерпретация реальности присутствовала и в сознании самих участников празднеств, которые, хотя бы на краткое время торжеств, стремились уподобиться детям, «ибо таковых есть Царство Небесное», а «кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Мф. 19:13–14; Мк. 10:13–15; Лк. 18:15–17). Повторимся, что евангельское «обратиться» и стать «как дети» (Мф. 18:1–4) – значило обрести и проявить добродетели смирения и простоты, сходные с «мальчиками брата», которые являлись их носителями не только на основании возраста «невинности», но и в связи с уже продемонстрированными обществу изменениями в практиках «доброй жизни», осуществленными под воздействием Савонаролы. Таким образом, во время

упомянутых выше празднеств происходило переворачивание мира: греховное, а точнее – не преобразовавшееся до конца сообщество взрослых, оказывалось в царстве обращенных пророком Христа детей, и в момент торжества переживало особые чувства единения с Богом, нахождения в Новом Иерусалиме, что должно было стимулировать старшее поколение к собственному преобразению на пути следования «простоте христианской жизни». Тем более, это соответствовало и публичным рассуждениям призывающего к «простоте» доминиканца о встречном движении человека и Всевышнего, когда монах внушал пастве, что «человек не притягивается Богом насильно, но через наслаждение (*per delectazione*)»: подобно тому, как ребенок подходит к зовущему, показавшему ему яблоко, а овечка привлекается зеленой веткой, также и Христос, «демонстрируя нечто приятное, притягивает тебя; он являет тебе Рай, и ты говоришь: “Я иду”» [19, р. 221–223].

Результаты. Итак, приступив к реализации духовно-нравственной реформы флорентийского общества Савонарола проповедует необходимость культивирования «простоты христианской жизни». Помимо взрослых «простецов», провозглашенных основой реформирования общего мистического тела Церкви, монах особое внимание уделяет детям – «мальчикам Христа». Обращаясь к старшему поколению, он, во-первых, актуализирует образ библейской Руфи, олицетворявшей собой «простоту», и, во-вторых, реализует, как в наставлениях пастве, так и при организации «духовных празднеств» евангельский призыв «быть как дети», сопровождаемый обещанием обретения Царства Небесного. Увещевания проповедника уподобиться юным флорентийцам были основаны не только на традиционном толковании свойств «невинного возраста», которому приписывались смирение и простота, но и подкреплены демонстрацией сравнительно быстрых изменений, произошедших с детьми, откликнувшимися на призыв пророка-реформатора отринуть прежние дурные привычки и обратиться к благочестивой жизни. Религиозные торжества в избранном Богом городе позволяли не только предъявить результаты свершившейся трансформации «детей», но и открывали возможность старшему поколению, осуществив «возрастную» инверсию и ощутив себя в Новом Иерусалиме, обрести стимул для продолжения труда над собственным преобразованием в «доброго христианина».

Литература

1. Крузе Д. След другой истории: Бог и избивающие младенцы // История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков / под общ. ред. М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази. СПб.: Алетейя, 2006. С. 163–190.
2. Benvenuti A. I Bruchi di Frate Gerolamo: l'eversivo anacronismo del Savonarola // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19–20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1997. P. 163–186.
3. Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di Giuliana Berti. Firenze: L.S. Olschki, 1994. XIX, 474 p.

² Мы, глупцы – народ христианский, вы – мудрецы, народ мирской. Вероятно, отсылка к 1 Кор.

³ Пс. 88: 6: Блажен народ, знающий трубный зов.

4. Ciappelli G. Carnevale e Quaresima: comportamenti sociali e cultura a Firenze nel Rinascimento. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1997. 372 p.
5. Dal commento di Hierony. B. sopra a più sue canzone et sonetti dello amore et della bellezza divina. Impresso in Firenze per S. Antonio Tubini et Lorèzo di Francesco Venetiano et Andrea Ghyr. Da Pistoia Adi. VIII. di Settembre. MCCCCC. In folio. A carte CXV – CXVII, nel commento alle canzoni Da che tu ci hai, Signore; e Venite, ecco el Signore // Canzona d'un piagnone pel bruciamento delle vanità nel carnevale del 1498: da una rarissima stampa contemporanea / a cura di Isidoro Del Lungo; aggiuntavi la descrizione del bruciamento fatta da Girolamo Benivieni. Firenze: presso gli eredi Grazzini, Tipografia Galileiana di M. Cellini, 1864. P. XVII–XXV.
6. Documento XII. 3. [27 Februarij 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. LI–LIII.
7. Filipepi S. Cronica // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. P. 451–518.
8. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII, 284 p.
9. Landucci L. Diario fiorentino: dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. XV, 377 p.
10. Lettera di un agente segreto di Moro [16 februarii 1495] // Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1861. Vol. 2. P. XC–XCI.
11. Nardi I. Istorie della città di Firenze / pubblicate per cura di Agenore Gelli. Firenze, 1858. Vol. 1. XXIV, 437 p.
12. Niccoli O. I bambini del Savonarola // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 279–288.
13. Niccoli O. Il seme della violenza: putti, fanciulli e mammoli nell'Italia tra Cinque e Seicento. Roma: GLF editori Laterza, 2007. XXIII, 210 p.
14. Parenti P. Storia fiorentina / a cura di Andrea Matucci. Firenze: L. S. Olschki, 1994. Vol. 1: 1476-78, 1492-96. LI, 364 p.
15. Savonarola G. Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica / a cura di Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti, 1974. 476 p.
16. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. 530 p.
17. Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri. Roma: A. Belardetti, 1971. Vol. 1. 433 p.
18. Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri. Roma: A. Belardetti, 1971. Vol. 2. 436 p.
19. Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 1. 470 p.
20. Savonarola G. Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. Roma: Belardetti, 1969. Vol. 1. 305 p.
21. Trexler R. C. Public Life in Renaissance Florence. New York: Academic press, 1980. XXVI, 591 p.

References

1. Crouzet D. Traces of Another History: God and the Massacring Innocents in M. Krom, D. W. Sabeau, G. Algazi (Eds.), History and Anthropology. Interdisciplinary Research at the Turn of the 21th Century. St Petersburg: Aleteia, 2006. p. 163-190. (In Russ.).
2. Benvenuti A. I Bruchi di Frate Gerolamo: l'eversivo anacronismo del Savonarola in Garfagnini Gian Carlo (a cura di), Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996). Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1997. P. 163-186.
3. Cerretani B. Storia fiorentina, a cura di Giuliana Berti. Firenze: L.S. Olschki, 1994. XIX, 474 p.
4. Ciappelli G. Carnevale e Quaresima: comportamenti sociali e cultura a Firenze nel Rinascimento. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1997. 372 p.
5. Dal commento di Hierony. B. sopra a più sue canzone et sonetti dello amore et della bellezza divina. Impresso in Firenze per S. Antonio Tubini et Lorèzo di Francesco Venetiano et Andrea Ghyr. Da Pistoia Adi. VIII. di Settembre. MCCCCC. In folio. A carte CXV – CXVII, nel commento alle canzoni Da che tu ci hai, Signore; e Venite, ecco el Signore in Canzona d'un piagnone pel bruciamento delle vanità nel carnevale del 1498: da una rarissima stampa contemporanea, a cura di Isidoro Del Lungo; aggiuntavi la descrizione del bruciamento fatta da Girolamo Benivieni. Firenze: presso gli eredi Grazzini, Tipografia Galileiana di M. Cellini, 1864. P. XVII–XXV.
6. Documento XII. 3. [27 Februarij 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche in Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. LI–LIII.
7. Filipepi S. Cronica in P. Villari, E. Casanova (Eds.), Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita. Firenze: Sansoni, 1898. P. 451-518.
8. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII, 284 p.
9. Landucci L. Diario fiorentino: dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542, pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. XV, 377 p.
10. Lettera di un agente segreto di Moro [16 februarii 1495] in Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1861. Vol. 2. P. XC–XCI.
11. Nardi I. Istorie della città di Firenze, pubblicate per cura di Agenore Gelli. Firenze, 1858. Vol. 1. XXIV, 437 p.
12. Niccoli O. I bambini del Savonarola in Garfagnini Gian Carlo (a cura di), Studi savonaroliani: verso il 5. centenario. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 279-288.
13. Niccoli O. Il seme della violenza: putti, fanciulli e mammoli nell'Italia tra Cinque e Seicento. Roma: GLF editori Laterza, 2007. XXIII, 210 p.
14. Parenti P. Storia fiorentina, a cura di Andrea Matucci. Firenze: L. S. Olschki, 1994. Vol. 1: 1476-78, 1492-96. LI, 364 p.
15. Savonarola G. Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica, a cura di Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti, 1974. 476 p.
16. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze, a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. 530 p.
17. Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria, a cura di Paolo Ghiglieri. Roma: A. Belardetti, 1971. Vol. 1. 433 p.
18. Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria, a cura di Paolo Ghiglieri. Roma: A. Belardetti, 1971. Vol. 2. 436 p.
19. Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea, a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 1. 470 p.
20. Savonarola G. Prediche sopra i salmi, a cura di Vincenzo Romano. Roma: Belardetti, 1969. Vol. 1. 305 p.
21. Trexler R.C. Public Life in Renaissance Florence. New York: Academic press, 1980. XXVI, 591 p.

Научная статья

УДК 9.93

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.13>

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ПАРТИЙНОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ 1921–1950-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ПАРТИЙНЫХ СЪЕЗДОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ)

Евгений Васильевич Туфанов

Ставропольский государственный аграрный университет (д. 12, пер. Зоотехнический, Ставрополь, 355035, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент
e.vt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4242-9561>

Аннотация. Введение. Данная работа посвящена анализу национальной политики советского партийного аппарата управления в период 1921–1950-е гг. на основе материалов крупных партийных форумов. Анализ национальной политики является одной из актуальных задач современной исторической науки. Так как решения советской системы управления в рамках национальной политики были далеко неоднозначны и многие сегодняшние проблемы в области межнационального общения имеют свои корни в историческом прошлом. Необходимо отметить, что национальная политика государственной власти имеет большое значение не только на центральном уровне, но для регионов в том числе и для нашего многонационального и многоконфессионального региона Северного Кавказа. **Материалы и методы.** Работа основана на анализе материалов партийных съездов, конференций и пленумов РКП (б)-ВКП (б)-КПСС. Данное исследование строится на принципах историзма и объективности основывается на сравнительном анализе источников. Проблемно-хронологический принцип с опорой на обширный круг неопубликованных архивных документов, а также статей, и монографий исследователей по заявленной теме, является основой для освещения данной исторической проблемы. **Анализ.** Национальная политика имела ключевое значение для молодого советского государства. Именно на партийных форумах принимались важные и судьбоносные решения во всех аспектах советской политической системы. Необходимо отметить, что в резолюциях партийных съездов прослеживается заявленный интернационализм РКП (б) – ВКП (б) – КПСС, однако, мы видим неоднозначность национальной политики, которая выражается, с одной стороны, развитием системы национального образования и репрессиями против целых народов (депортации), с дру-

гой. **Результаты.** Проведенный анализ национальной политики советского государства в заявленный период на основе партийных съездов позволяет достичь определенных результатов. Национальный вопрос являлся приоритетным даже несмотря на интернационализм доминирующей политической силы. Однако отметим, что национальный вопрос после XIII съезда на больших партийных форумах больше не поднимался. Экономические реформы вышли на первое место в государственных преобразованиях, однако, как мы видим по опыту прошлых партийных форумов, реализация национальной политики в основном шла через решение кадрового вопроса. Необходимо отметить, что реализация национальной политики советского государства имела негативные последствия. Репрессивная политика в отношении ряда этносов в виде депортации была в корне не правильна и породила уже даже в постсоветское время конфликты на национальной почве.

Ключевые слова: советская политическая система, национальная политика, кадровый вопрос, депортации народов, партийный съезд, политика коренизации, партийное образование, ответственный работник, партийная конференция, пленум, аппарат управления

Для цитирования: Туфанов Е. В. Национальная политика советского партийного аппарата управления 1921 – 1950-е гг. (на материалах партийных съездов и конференций) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 652–657. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.13>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 14.08.2023.

Статья принята к публикации: 21.09.2023.

Research article

NATIONAL POLICY OF THE SOVIET PARTY ADMINISTRATIVE APPARATUS IN 1921–1950S (BASED ON MATERIALS FROM PARTY CONGRESSES AND CONFERENCES)

Evgenii V. Tufanov

Stavropol State Agrarian University (12, Zootechnical Lane, Stavropol, 355035, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
e.vt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4242-9561>

Abstract. Introduction. The study analyzes the national policy of the Soviet party administrative apparatus in 1921–1950s based on the materials of major party forums. The analysis of national policy is one of the urgent tasks of modern historical science. Since the decisions of the Soviet management system within the framework of national policy were far from ambiguous, and many of today's problems in the field of interethnic communication have their roots in the Soviet past. It should be noted that the national policy of the state authorities is of great importance not only at the central level, but for the regions, including for our multinational and multi-confessional region of the North Caucasus. **Materials and methods.** The work is based on the analysis of materials of party congresses, conferences and plenums of the RCP (b)-VKP (b)-CPSU. This research is based on the principles of historicism and objectivity based on a comparative analysis of sources. The problem-chronological principle, based on an extensive range of unpublished archival documents, as well as articles and monographs of researchers on the stated topic, is the basis for highlighting

this historical problem. **Analysis.** National policy was of key importance for the young Soviet state. It was at the party forums that important and fateful decisions were made in all aspects of the Soviet political system. It should be noted that the resolutions of the party congresses trace the declared internationalism of the RCP (b) – CPSU (b) – CPSU, but we see the ambiguity of national policy which is expressed, on the one hand, by the development of the national education system and repressions against entire peoples (deportation), on the other. **Results.** The analysis of the national policy of the Soviet state in the declared period on the basis of party congresses allows us to achieve certain results. The national issue was a priority even despite the internationalism of the dominant political force. However, it should be noted that the national issue was no longer raised at large party forums after the XIII Congress, Economic reforms came out on top in state transformations, however, as we see from the experience of past party forums, the implementation of national policy mainly went through the solution of the personnel issue. It should be

noted that the implementation of the national policy of the Soviet state had negative consequences. The repressive policy towards a number of ethnic groups in the form of deportation was fundamentally wrong and gave rise even in the post-Soviet period to conflicts on national grounds.

Keywords: soviet political system, national policy, personnel issue, deportations of peoples, party congress, indigenization policy (korenizatsiya), party education, responsible employee, party conference, plenum, administrative apparatus

Введение. Формирование советской политической системы и функционирование системы государственного управления в нашей многонациональной стране невозможно без компетентного решения национального вопроса. Анализ национальной политики является одной из актуальных задач современной исторической науки, так как решения советской системы управления в рамках национальной политики были далеко неоднозначны и многие сегодняшние проблемы в области межнационального общения имеют исторические корни. Именно анализ принятых решений на партийных и советских форумах в рамках национальной политики позволяет выявить определенные тенденции, а довольно длительный хронологический отрезок исследования даст возможность проследить динамику функционирования аппарата управления советской политической системы через призму решения национального вопроса. Следовательно, анализ национальной политики советского государства и система принятия решений аппаратом управления имеют и практическое значение для современного управленца. Необходимо отметить, что национальная политика государственной власти имеет большое значение не только на центральном уровне, но для регионов в том числе и для полиэтничного региона Северного Кавказа.

Актуальность заявленной темы исследования подтверждает большое количество изданных научных статей и монографий, которые сфокусированы на различных сторонах национальной политики Советской России в заявленный период. Необходимо отметить то, что национальный вопрос тесно переплетался с кадровой политикой государства в особенности на местах, при формировании аппарата управления. Именно региональные управленцы – представители местного социума реализовывали решения центра на местах. Решение определенных кадровых проблем в национальных регионах влияло на решения центральной власти в вопросах национальной политики, так как ответственный работник системы управления – это представитель местного этноса, который понимал специфику своего региона. Многонациональность, поликонфессиональность и, как правило, преобладание аграрного сектора экономики накладывали отпечаток на реализацию директив центральной власти. Следует отметить работу Ю. Ю. Карпова «Национальная политика Советского государства на Северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений» [5]. Данное исследование на основе обширного архивного материала рассматривает попытки советской власти решить вопросы

For citation: Tufanov E. V. National policy of the Soviet party administrative apparatus in 1921 – 1950s (based on materials from party congresses and conferences). *Humanities and law research*. 2023;10(4):652-657. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.13>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 20.06.2023.

The article was approved after reviewing: 14.08.2023.

The article was accepted for publication: 21.09.2023.

становления системы управления через призму национальной политики на Северном Кавказе. Вопросы национальной политики в отношении народов Северного Кавказа рассматривает В. Г. Шнайдер [19]. В своей работе автор пытается выделить основные черты истории северокавказских народов в контексте функционирования советской политической системы. Необходимо отметить диссертационное исследование А. В. Аверьянова «Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.» [1], где на основе архивного материала анализируются основные механизмы решения национального вопроса в обозначенных регионах. Переплетение национальной политики и решение кадрового вопроса Советской политической системы находит отражение в работах Е. В. Туфанова [13–16]. Однако в вышеуказанных работах, рассматривается в первую очередь вопросы функционирования системы партийно-государственного управления. Процессы функционирования советской политической системы в таком многонациональном регионе как Поволжье рассматриваются в работе О. И. Чистякова [18]. Необходимо отметить сборник З. Г. Гариповой [4], в котором автор через публикацию архивных документов показывает, как реализовывалась национальная политика в решениях кадрового вопроса (политика коренизации). Анализируя историографию исследуемого периода, необходимо отметить, очень негативный процесс в период функционирования советской политической системы – период депортации народов. Необходимо отметить сборник документов под редакцией академика А. Н. Яковлева «Сталинские депортации 1928–1953» [12], где на основе архивных документов авторы представили процесс этнических депортаций. В работах Н. Ф. Бугая и А. М. Гонова [2; 3] на основе материалов НКВД-НКГБ СССР, МВД-МГБ СССР исследуется процесс подготовки и реализации этнических депортаций. В монографии К. Н. Максимова [6] изучена репрессивная политика советского государства и механизм ее реализации на примере одного этноса и одного региона – Калмыкии. Таким образом, национальная политика государства имеет множество граней, многие из которых получили серьезное освещение в современной историографии.

Материалы и методы. Целью данного исследования является исследование динамики и специфики национальной политики на материалах партийных форумов Советской политической системы в 1921 – 1950-е гг. Исследование базируется на

анализе материалов партийных съездов, конференций и пленумов РКП (б)-ВКП (б)-КПСС. Хронологический отрезок 1921 – 1950-е гг. позволяют увидеть характерные особенности и специфические черты национальной политики государства в ее генезисе. Данная работа строится на принципах историзма и объективности и основывается на сравнительном анализе источников. Проблемно-хронологический принцип с опорой на обширный круг неопубликованных архивных документов, а также статей, и монографий исследователей по заявленной теме, стал также основой для освещения данной исторической проблемы.

Анализ. Первым документом советской власти в области национальной политики стала «Декларация прав народов России», принятая в ноябре 1917 г., именно в этом документе утверждались основные принципы заявленной национальной политики молодого государства. В марте 1921 г. работал X съезд РКП (б), именно принятые на этом съезде решения легли в основу советской политической системы, можно даже назвать данный партийный форум системообразующим. Не обошел съезд вниманием и национальный вопрос. На съезде была принята резолюция «Об очередных задачах партии и национальном вопросе» [8, с. 553 – 563]. Документ очень четко показал классовое решение национального вопроса: «...национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т.е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа Советов и установление диктатуры пролетариата является основным условием уничтожения национального гнета, установления национального неравенства, обеспечения прав национальных меньшинств» [8, с. 556]. Таким образом, именно классовый подход к решению национального вопросу лег в основу функционирования всей системы управления советского государства. Необходимо отметить, что согласно резолюции, поставлены задачи развития национальных окраин: «1) формировать государственную систему в соответствии с национально-бытовыми условиями народов; 2) создавать функционирующие на родном языке партийные и советские органы управления; 3) развивать культурно-просветительские учреждения, прессу, школу, театр на родном языке; 4) организовать сеть курсов и школ на родном языке, для подготовки местных кадров» [8, с. 559]. Принимая данную резолюцию съезд определил основные направления реализации политики коренизации, которая реализовывалась в многонациональных и национальных регионах в том числе и на Северном Кавказе. Необходимо отметить, государственную важность принятых решений на X съезде РКП (б), которые затронули все стороны жизни государства, как политические, так и экономические. Были заложены основные направления национальной политики, поставлены задачи формирования кадрового резерва из представителей местного национального социума, который в ближайшей

перспективе должен был стать опорой и проводником идей партийно-государственной системы управления.

Национальному вопросу уделили внимание на XII съезде РКП (б). В резолюции «По национальному вопросу» [10, с. 709–718], декларировались основные принципы национальной политики советского государства, но в тоже время ставятся очередные задачи, а именно борьба с пережитками великорусского шовинизма, с националистическими пережитками, борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов [10715]. Съезд требовал: 1) при формировании центральных органов управления было обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик; 2) учредить орган представительства всех республик и национальных областей на началах равенства; 3) органы национальных республик и областей строились на основе местного кадрового потенциала; 4) создать законодательную базу обеспечивающее употребление родного языка в государственных структурах; 5) усилить воспитательную работу в Красной Армии с целью преодоления любых национальных разногласий [10, с. 716–717].

Резолюция не только ставила задачи и констатировала общие вопросы национальной политики, но и выявляла серьезные проблемы, а именно уклон к национализму, вызванный отсутствием партийных кадров из местного населения. Это явление особенно ярко проявляется и принимает даже форму шовинизма коммунистов более «сильной нации», направленного против коммунистов «слабых национальностей» [10, с. 717]. В то же время резолюция отмечала, что наличие кадров партийного и советского аппарата управления русского происхождения, породило недооценку национальных особенностей в административной работе, что приводило к появлению уклона к великорусскому шовинизму [10, с. 717]. Согласно документу, намечался план преодоления выявленных уклонов. Отметим, что предлагалось повысить качественный уровень местных партийных работников за счет развития системы партийного образования, развитие партийной литературы на родном языке и очень тщательно проводить отбор на руководящие должности ответственных работников. Таким образом, мы видим определенные проблемы в национальной политике и пути решения. Необходимо отметить, что основными инструментами преодоления национальных проблем в государстве с позиции доминирующей политической силы является партийно-идеологическое образование, целью которого было формирование качественных управленцев из местного социума и конечно более серьезный кадровый отбор кандидатов на ответственные управленческие должности. Можно констатировать, что национальный вопрос с позиции РКП (б) решался именно кадровыми решениями, а национальный и кадровый вопрос очень тесно переплетался в системе государственного управления.

В июне 1923 г. состоялось Четвертое совещание ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей [17, с. 759–766], решения совещания являлись дополнением к решениям XII съезда по национальному вопросу. Согласно резолюции «Практические мероприятия по проведению в жизнь революции XII съезда партии по национальному вопросу» [17, с. 761–766], была выработана линия партийной работы в рамках решения национальной политики, где основной задачей ставилось воспитание из местного населения молодых коммунистических организаций национальных регионов. Необходимо отметить, что совещание констатирует «механическое перенесение классового революционного критерия, который сложился на основе опыта пролетарских центров, было бы в корне неверно и привело бы к противоположным результатам» [17, с. 762], это связано с отсутствием крупных промышленных центров и на первый план выходит «терпеливая идейно-воспитательная работа среди крестьянской массы» [17, с. 762]. Необходимо отметить, что согласно резолюции совещания, решались вопросы, связанные с учреждением второй палаты ЦИК Союза. Утверждался ее состав и название – Совет Национальностей, также вопросы о правах второй палаты в отношении Союзного Совета (первая палата). В компетенции второй палаты были вопросы, предусмотренные п. 1 Конституции СССР. В соответствии с появлением новых элементов государственного аппарата, произошли ряд административных изменений [17, с. 763–764]. Также на совещании были определены меры вовлечения местного национального населения в партийно-государственное строительство. Среди данных мер отметим чистку государственного и партийного аппарата от националистических элементов, систематическая работа по национализации государственного и партийного аппарата управления, подбор качественных кадров [17, с. 764]. Было заявлено о расширении системы партийного образования на местном языке и организации процесса ликвидации неграмотности среди «слабых национальностей» за счет включения в общегосударственный бюджет школ первой ступени. Согласно решению совещания, было необходимо приступить к созданию военных школ из местного состава для организации национальных воинских подразделений, что естественно должно было вызвать рост численности Красной Армии на 20–25 тыс. человек [17, с. 765–766]. Необходимо отметить, что было принято решение привлечь определенное количество националов (по два или по три) в ряд отделов аппарата ЦК. Таким образом, совещание с ответственными работниками национальных областей наметило реальную программу реализации решений XII съезда РКП (б), создание нового государственного органа управления и изменения тактики работы с местным населением. В то же время виделась тенденция реализации национальной политики в рамках решения кадрового вопроса системы управления.

Следующий крупный партийный форум работал в мае 1924 г. На партийном съезде национальный вопрос не выносился в отдельную принятую резолюцию, но вопросы национальной политики не были обделены вниманием. В резолюции о печати отмечалось, что необходимо завершить переход прессы нацреспублик на местные языки и что национальная пресса требовала усиления партруководства и укрепления его качественным кадровым составом [7, с. 60–61]. Также вопросы национальной политики нашли отражение в резолюции «Об агитпро-работе» в разделе «Работа в национальных республиках и областях и среди нацменьшинств» [9, с. 73–74]. Согласно документу, работу по переводу административного аппарата на местные языки надо продолжить и усилить. В резолюции делается акцент на агитации и ликвидации политнеграмотности в партийных организациях нацреспублик и областей [9, с. 74]. В очередной раз сделан акцент на необходимости расширения сети школ и курсов политграмоты на национальном языке. Съезд требовал активизировать работу по подготовке нацработников как в партийных, так и советских структурах управления. Резолюция указывала, что работе среди нацменьшинств партийные организации не уделяли должного внимания [9, с. 74]. Таким образом, вопросы национальной политики на партийном форуме имели место, однако мы видим, что принципы её реализации были на прежнем уровне: это усиленное внедрение местного языка в делопроизводство и документооборот и усиление качественного кадрового состава в системе управления на местах.

Рассматривая национальную политику исследуемого периода, нельзя пройти мимо проблемы депортации народов. Переселению подвергались не только определенные нации, но и социальные группы нелояльные к советской власти. Еще в годы гражданской войны и уже в мирное время начала 1920-х гг. репрессиям и расказачиванию подверглось казачество. Однако уже на апрельском пленуме 1925 г. [11, с. 126–128], конечно, принятая резолюция «по вопросу о казачестве» была направлена на то, чтобы вернуть казачество на сторону советской власти. Согласно резолюции, планировалось привлечение казачества к советскому строительству и активной деятельности на партийной и советской работе. Казачество, лояльное к Советской власти, восстанавливалось в избирательных правах. Необходимо отметить, что в рамках национальной политики резолюция декларировала, что способы проведения национальной политики в казачьих районах требуют особенного такта. В районах со смешанным национальным составом усиливалось участие казачества в руководящих органах [11, с. 128]. Принятая резолюция показала отношение государственной власти к казачеству, однако, как утверждает Н. Ф. Бугай «процесс интеграции казачества в социалистический строй протекал не однозначно» [2, с. 46]. Только после принятия Конституции 1936 г. согласно ст. 135 казаки объявлялись полноправными гражданами. Необходимо отметить,

что в период 1920–1930-х гг. подверглись репрессиям и депортациям такие малочисленные этносы, проживающие на территории СССР, как: японцы, китайцы, корейцы, поляки, курды и иранцы. Данные депортации показывают серьезный дисбаланс в национальной политике государства. С одной стороны, декларируется интернациональность, культурное развитие малочисленных народов, проведение политики коренизации, формирование системы образования на национальных языках, с другой мы видим ущемление конституционных прав малочисленных народов. Переселение народов было вызвано термином «неблагонадежный», когда весь этнос подвергался переселению в другие регионы государства под надзором карательных органов.

С началом Великой Отечественной войны казалось нужно консолидировать все силы на борьбу с врагом. Однако руководство увидело в немцах, проживающих в районах Поволжья, потенциального противника. Уже 26 августа 1941 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О переселении немцев из республики Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» [12, с. 288–290]. Как оказалось, это было только начало, далее представителей данного этноса переселили из всех районов их проживания. Репрессивная политика в отношении представителей национальных меньшинств была продолжена. Согласно постановлению Военного Совета Ленинградского фронта от 20 марта 1942 г. «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинград» [12, с. 386]. Депортацию согласно документу, нужно было осуществить 26 и 27 марта. Репрессивная машина национальной политики развернулась на всю мощь государственного аппарата уже на юге СССР и затронула непосредственно представителей карачаевского, калмыцкого, чеченского, ингушского, балкарского народа и крымских татар.

После окончания битвы за Кавказ и освобождения юга СССР от оккупантов, на территории Кавказа прошла волна репрессий против целых народов. Депортация Карачаевского народа проходила в несколько этапов. Необходимо отметить, что также была ликвидирована, согласно указу, Карачаевская автономная область [12, с.393]. Таким образом, большое количество представителей карачаевского народа не только покинули родные места, но и лишились на законодательном уровне своих территорий. Территория области была поделена между соседними областями и республиками. Данный момент стал одним из камней преткновения и причиной национальных и территориальных конфликтов. По тем же лекалам была организована депортация калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, согласно постановлению СНК [12, с. 413] вышел указ «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», [12, с. 412]. Согласно Указу «О ликвидации Чечено-Ингушской

АССР и об административном устройстве ее территории» от 7 марта 1944 г. [12, с. 458–459], всех чеченцев и ингушей, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР переселяли в другие регионы СССР. В этот период время произошла и депортация балкарского народа. После освобождения Крыма от фашистских оккупантов начинается подготовка и последующая реализация депортации крымских татар. Инициатором депортации выступил Л. П. Берия, который и реализовал этот проект. Необходимо отметить, что промежуток между освобождением от оккупации и депортацией был очень короткий чуть больше месяца. Депортации народов продолжались и после окончания Великой Отечественной войны, но уже не в таких масштабах.

Результаты. Проведенный анализ национальной политики советского государства в заявленный период позволяет сделать определенные выводы. Одним из первых документов советского государства стала «Декларация прав народов России». Этот факт показывает, что национальный вопрос являлся приоритетным, несмотря на интернационализм как доминирующая политическая риторика. Именно вопросы национальной политики имели место для обсуждения на крупных партийных форумах в период формирования и начальном этапе функционирования советской политической системы. Однако отметим, что национальный вопрос после XIII съезда на больших партийных форумах больше не поднимался, что это не означало, исчерпанность вопросов национальной политики. Отсутствие в повестке партийных съездов вопросов национальной политики обусловлено экономическими проблемами, стоящими перед государством – это индустриализация, коллективизация. Экономические реформы вышли на первое место в государственных преобразованиях, но, как мы видим по опыту партийных форумов, реализация национальной политики в основном шла через решение кадрового вопроса и повышения качественного уровня управленца (партийно-идеологическое образование). Вопросы кадровой политики находили свое отражение на всех партийных съездах и конференциях. Следовательно, именно подготовка кадров представителей национальных меньшинств стала решением для государственной власти всех межэтнических проблем. Необходимо отметить, что реализация национальной политики советского государства имело негативные последствия. Репрессивная политика в отношении ряда этносов в виде депортации была в корне неправильна и породила уже даже в постсоветское время конфликты на национальной почве. Политика депортации народов полностью расходилась с заявленной интернациональной политикой СССР. Уже после развала СССР национальный вопрос в ряде регионов бывшего СССР стал одним из ключевых и причиной многих конфликтов.

Литература

1. Аверьянова А. В. Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920 – 1930-е гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2021. 702 с.
2. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После ваших указаний проведено следующее...». М.: Грик и К, 2011. 510 с.
3. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). М.: Инан, 1998. 368 с.
4. Гарипова З. Г. Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах 1920-1930-е гг. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 272 с.
5. Карпов Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 400 с.
6. Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918-1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.
7. О печати. Тринадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898 – 1924. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1954.
8. Об очередных задачах партии и национальном вопросе. Десятый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1954.
9. Об агитпропаганде. Тринадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898 – 1924. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1954.
10. По национальному вопросу. Двенадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898-1924. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1954.
11. По вопросу о казачестве. Пленум ЦК РКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898-1924. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1954.
12. Сталинские депортации 1928–1953 / под ред. академика А.Н. Яковлева; составители Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. 904 с.
13. Туфанов Е. В. Становление и развитие Советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921-1939 гг. (на материалах Северного Кавказа): дисс. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2019. 500 с.
14. Туфанов Е. В. К вопросу коренизации государственного и партийного аппарата в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа). // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 43–50.
15. Туфанов Е. В. К вопросу о роли системы учета кадров в процессе формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920-1930-е гг. на материалах Юга России. // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 3(39). С. 48–56.
16. Туфанов Е. В. Становление системы распределения кадров в период формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920-1930-е гг.: на материалах Северного Кавказа. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 186-191.
17. Четвертое совещание ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1954.
18. Чистяков О. И. Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы советской власти (по материалам национальных районов Среднего Поволжья) // Правоведение. 1965. № 1. С. 164–168.
19. Шнайдер В. Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940-1950-е гг. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 324 с.

References

1. Averyanov A. V. The national policy of the Soviet state on the Don, Kuban and Stavropol in the 1920s-1930s: thesis. Stavropol; 2021. 702 p. (In Russ.).
2. Bugai N. F. L. Beria – I. Stalin: "After your instructions, the following was carried out...". Moscow: Grik i K; 2011. 510 p. (In Russ.).
3. Bugai N. F. Gonov A.M. Caucasus: peoples in echelons (20-60s). Moscow, 1998. 368 p.
4. Garipova Z. G. Implementation of the policy of korenization in Tatarstan in documents of the 1920s-1930s. Kazan': Institut istorii AN RT; 2009. 272 p. (In Russ.).
5. Karpov Yu. Yu. The national policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 20-30s of the XX century: the evolution of problems and solutions. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2017. 400 p. (In Russ.).
6. Maksimov K. N. The Tragedy of the People: Repression in Kalmykia. 1918-1940-ies. Moscow: Nauka; 2004. 311 p. (In Russ.).
7. About printing. The Thirteenth Congress of the RCP (b). in The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Part II. 1898 – 1924. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee publ.; 1954. (In Russ.).
8. On the next tasks of the party and the national question. The Tenth Congress of the RCP (b). in The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Part II. 1898-1924. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee publ.; 1954. (In Russ.).
9. About propaganda work. The Thirteenth Congress of the RCP (b). in The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Part II. 1898–1924. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee publ.; 1954. (In Russ.).
10. On the national question. The Twelfth Congress of the RCP (b). in The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Part II. 1898-1924. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee publ.; 1954. (In Russ.).
11. On the issue of the Cossacks. Plenum of the Central Committee of the RCP (b). in The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Part II. 1898-1924. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee publ.; 1954. (In Russ.).
12. Stalin's deportations 1928-1953. Ed. by A. N. Yakovlev; compiled by N.L. Pobol., P.M. Polyan. Moscow: MFD: Materik; 2005. 904 p. (In Russ.).
13. Tufanov E. V. Formation and development of the Soviet regional party-state nomenclature in 1921-1939. (based on the materials of the North Caucasus): thesis. Stavropol; 2019. 500 p. (In Russ.).
14. Tufanov E. V. On the issue of the korenization of the state and party apparatus in the 1920s-1930s. (based on the materials of the North Caucasus). *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2017;5:43-50. (In Russ.).
15. Tufanov E. V. On the role of the personnel accounting system in the formation of the Party-state nomenclature in the 1920s-1930s on the materials of the South of Russia. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2018;3(39):48-56. (In Russ.).
16. Tufanov E. V. Formation of the personnel distribution system during the formation of the party-state nomenclature in the 1920s-1930s: on the materials of the North Caucasus. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2019;1:186-191. (In Russ.).
17. The fourth meeting of the Central Committee of the RCP (b) with responsible workers of national republics and regions in The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Part II. 1898-1924. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee publ.; 1954. (In Russ.).
18. Chistyakov O. I. Korenization of the state apparatus of national districts in the first years of Soviet power (based on the materials of the national districts of the Middle Volga region). *Pravovedenie*. 1965;1:164-168. (In Russ.).
19. Schneider V. G. Soviet national policy and the peoples of the North Caucasus in the 1940s-1950s. Moscow-Berlin: Direkt-Media; 2015. 324 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94: 297.17

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.14>

РОЛЬ И МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ АРАБСКОГО ВОСТОКА VII–XII ВВ.

Заур Абдулкеримович Чомаев

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

zaurak1976@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8842-3785>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается проблема, связанная с развитием и становлением средневековой арабо-мусульманской исторической мысли. В силу того, что в отечественной историографии нет единого подхода и мнения в определении роли исторической науки в интеллектуальном наследии средневекового Арабского Востока данная тематика сохраняет свою актуальность. На основе анализа работ и высказываний самих ранних арабских ученых, автор вполне оправданно пришел к выводу, что раннемусульманская «интеллигенция» подходила к изучению истории с большим трепетом и считала историю самостоятельной наукой, достойной изучения и развития. **Материалы и методы.** В исследовании анализируются труды ранних историков, таких как Ибн Исхак, ат-Табари, аль-Балазури, аль-Мас'уди и др. В работе использованы принципы историзма и объективизма. Для всестороннего изучения проблемы, автор использовал системный подход. Были применены такие методы, как сравнительно исторический и проблемно-хронологический. **Анализ.** В раннее средневековье в арабо-мусульманской среде историческая наука развивается по нескольким направлениям. Важное место в ней занимает такой жанр, как «генеалогия». Следующим не менее важным направлением является такое направление, как «Знаменательные дни арабов». Особое место занимает «Сира» - жизнеописание Пророка.

Затем следуют истории царей и правителей и военно-политические свершения. **Результаты.** В статье отмечается, что уже в раннее средневековье в арабской среде история начинает выделяться в отдельную науку, принося свою довольно весомую лепту в интеллектуальное наследие Арабского Востока. Большое значение средневековые арабские ученые придают сбору и изучению исторических фактов. Устные предания, хранившиеся в народной памяти, увековечиваются в рукописях ранних арабских историков. Изучение данного интеллектуального наследия и на сегодняшний день представляет большой интерес для науки.

Ключевые слова: Арабо-мусульманская культура, исторические сведения, ислам, историческая наука, генеалогии, биографии

Для цитирования: Чомаев З. А. Роль и место исторической науки в интеллектуальном наследии Арабского Востока VII – XII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 659-664. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.14>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 24.07.2023.

Статья принята к публикации: 29.09.2023.

Research article

THE ROLE AND PLACE OF HISTORICAL SCIENCE IN THE INTELLECTUAL HERITAGE OF THE ARAB EAST IN THE 7TH–12TH CENTURIES

Zaur A. Chomaev

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

zaurak1976@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8842-3785>

Abstract. Introduction. The article examines the problem associated with the development and formation of medieval Arab-Muslim historical thought. Due to the fact that in domestic historiography there is no single approach and opinion in determining the role of historical science in the intellectual heritage of the medieval Arab East, this topic remains relevant. Based on the analysis of the works and statements of the early Arab scholars themselves, the author quite rightly came to the conclusion that the early Muslim “intelligentsia” approached the study of history with great trepidation and considered history an independent science worthy of study and development. **Materials and methods.** The study analyzes the works of early historians such as Ibn Ishaq, al-Tabari, al-Balazuri, al-Mas'udi, etc. The work uses the principles of historicism and objectivism and systemic analysis. Methods such as comparative historical and problem-chronological were used. **Analysis.** In the early Middle Ages, in the Arab-Muslim environment, historical science developed in several directions. An important place in it is occupied by such a genre as “genealogy”. The next no less important direction is such a direction as “Significant days of the Arabs”. A special place is occupied by “Sira” - the biography of the

Prophet. Then follow the stories of kings and rulers and military-political achievements. **Results.** This article notes that already in the early Middle Ages in the Arab environment, history began to emerge as a separate science, making its rather significant contribution to the intellectual heritage of the Arab East. Medieval Arab scholars attached great importance to the collection and study of historical facts. Oral traditions, preserved in popular memory, are immortalized in the manuscripts of early Arab historians. The study of this intellectual heritage is of great interest to science

Keywords: Arab-Muslim culture, historical information, Islam, historical science, genealogies, biographies

For citation: Chomaev Z. A. The role and place of historical science in the intellectual heritage of the Arab East in the 7th–12th centuries. *Humanities and law research*. 2023;10(4): 659-664. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.14>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.06.2023.

The article was approved after reviewing: 24.07.2023.

The article was accepted for publication: 29.09.2023.

Введение. Средневековый Арабский Восток был ознаменован бурным ростом интереса среди населения к изучению исторического наследия человечества. Большим уважением пользовались лица, владеющие исторической информацией. Разного рода исторические сведения, важные военно-политические свершения, генеалогии, биографии знаменитых людей – занимали важное место в средневековом арабском сознании. Об истинности данного положения свидетельствует огромное количество исторических работ самых разных жанров, дошедших до наших дней, написанные руками средневековых арабо-мусульманских мыслителей. Опираясь на данное наследие, можно свободно констатировать, что историография является «одним из важнейших и оригинальнейших вкладов арабо-исламской культуры в мировую» [2, с. 35]. На сегодняшний день эти ценные сведения благодаря глобализации, развитию гуманитарных наук, а в первую очередь возросшему интересу к историческим переводам – стали достоянием всего человечества. Многие труды арабо-мусульманских историков и мыслителей были переведены на европейские языки еще в XIX в. Частично с развитием востоковедных исследований некоторые из них стали доступны и для русскоязычного читателя. Но, несмотря на это, дефицит квалифицированных работ в данной области ощущается до сих пор, что указывает на важность исследований в данной области. Также стоит отметить, что большой пласт арабских рукописей пылится в архивах многих стран. Многие из них даже не попали в каталоги. Работа в данном направлении ведется, но довольно медленно, не так, как этого хотелось бы.

Целью данной работы является анализ особенностей становления исторической науки в арабо-мусульманском мире в период раннего средневековья и ее роль, и место в интеллектуальном наследии Арабского Востока. Исследуя научное творчество арабских интеллектуалов, было выявлено, что в VII – XII вв. арабские ученые относились к истории ни как к вспомогательной дисциплине или летописи, а как к отдельно взятой научной отрасли; в своих работах применяли те или иные им известные методы исторического анализа, что определило новизну исследования.

Материалы и методы. В исследовании автором были применены общепризнанные в исторической науке методы. В основном автор ссылался на принципы историзма и объективности. Системный подход позволил изучить проблему с разных ракурсов. Также были применены такие методы, как сравнительно исторический и проблемно-хронологический, которые позволили сопоставить концепции разных теоретиков, учитывая контекст конкретных исторически сложившихся обстоятельств. Основу использованных источников составили труды средневековых арабских ученых таких, как ат-Табари, Ибн Исхака, Ибн Хишама, аль-Балазури, Ибн Асира и др.

Анализ. Проведем небольшой экскурс по истории становления арабописьменной исторической литературы. Историю развития арабской письменности, да и в принципе арабской цивилизации, условно делят на два периода: на период до появления ислама и после появления ислама. Такое деление на периоды наряду с чисто религиозным имеет и научное обоснование. В доисламский период в силу того, что письменность у арабов была слабо развита, устная традиция передачи информации выполняла функции хранилища народной исторической памяти. Исторические события, особенно военные победы, обрастали легендами, о них слагались песни. Все это в виде устного народного творчества передавалось из поколения в поколение. Из устных преданий впоследствии в руках мастеров слова вырастали бесценные исторические произведения. К таковым можно отнести исторические труды жанра *Аййам аль-‘араб* («Знаменательные дни арабов»), *Китаб аль-ансаб* («Книги родословий»). На эти темы сохранилось много трудов арабских мыслителей. Перечислять каждую из них здесь не видится смысла. О том, что сохранилось большое количество информации об истории древних арабов, свидетельствуют и современные исторические произведения. К таковым можно отнести и десяти томный труд арабского историка Джаада ‘Али аль-Муфассаль *фи тарих аль-‘араб кабля-ль-ислам* («Разделы по истории арабов до ислама»). В указанном труде автору удалось из разных источников собрать обширные сведения об истории арабов и их традициях до появления ислама. Данная работа ценна и тем, что по ней можно ознакомиться с малодоступными для простого обывателя древними рукописями. Даже составить некий каталог имеющихся малоизученных древнеарабских рукописей для дальнейшего их поиска и изучения. Также данная работа по своей структуре напоминает традиционные арабские рукописи, что указывает на преемственность поколений и что рукописная традиция, накопленная веками у арабов, не потеряла свою актуальность и на сегодняшний день. Как и средневековые авторы, он начинает свой труд с объяснения значения слова «араб». Указывая на то, что в современном мире арабами называют жителей довольно обширного географического пространства, говорящих на арабском языке со всеми его диалектами, которые в своей основе, согласно его мнению, возвращаются к древней арабской языковой традиции. [13, т.1, с. 13.]

Возвращаясь к древней истории арабов и к их источникам, можно сказать, что их научное изучение началось только в XIX в., благодаря уже стараниям западных исследователей, которые пользуясь достижениями современной науки, открыли миру новые данные. Это древние наскальные надписи и изображения, также остатки древних сооружений и данные археологии. К этим данным в исторических изысканиях сами арабы к тому пери-

оду уже не обращались. Западные историки открыли новые методы и подходы в изучении древней истории Аравии. На сегодняшний день, мы видим и достижения самих арабских исследователей, труды которых базируются на общенаучных принципах с неким национальным колоритом. Участие самих арабских исследователей в археологических экспедициях имеет большое значение для науки. Так как без них неарабоязычному исследователю, каким бы он эрудированным не был, понять глубинные смыслы древних надписей очень сложно, а порой и невозможно. Поэтому современные данные по древней истории Аравии базируются на совместных достижениях.

Здесь стоит указать на то, что арабские историки как современные, так и древние, доисламский период называют периодом невежества *аль-джахилиа*. Согласно их мнению, до ислама арабы жили обособленно от остального мира. Не было у них внешних связей с остальными цивилизациями. Были безграмотными, поклонялись идолам. Конечно, такое одностороннее представление не выдерживает критики, так как нам, из тех же источников, известно, что арабы Центрально-Западной части Аравии имели довольно развитые центры, города сосредоточения. Еще до ислама занимались торговлей, выезжая далеко за пределы своих территорий. Они имели непосредственно торговые связи с Византией, Египтом, Ираном. Таким образом, им были известны греческая и иранская культуры. В религиозном отношении в свое время у них было и единобожие. Так как из тех же исторических сведений сохранились данные о том, что на их территории в разные времена жили такие известные арабские пророки, как Исмаил, Худ, Салих, призывавшие всех к единому Богу. В Коране во многих местах это отмечается. Также стоит отметить, что на территории Аравии до появления ислама бытовало наряду с язычеством, иудаизмом и христианством местное единобожие под названием *ханифия* или как его называют современные исследователи – *ханифизм* [Подробно см.: 1, с. 84]. Это были приверженцы учения пророка Ибрахима, как об этом говорится в Коране [Коран: 3 сура, 95 аят]. Приверженцев данного направления называли – ханифами. Но надо отметить, что к этому периоду древнеарабское ханифия переживало период своего упадка.

Изучение религиозной истории народа ценно и тем, что оно дает понимание традиций, сложившихся у народа в течение многих веков. Также религия, основанная на пророчестве, которое, как правило, опирается на Писание, является основной причиной становления и развития письменности того или иного народа. Тому неоспоримым доказательством является развитие письменности в Древней Руси после крещения. Итак, можно предположить, что арабы и до ислама имели свою письменность и Священное писание. Однако это еще малоизученный период истории, который ждет своего часа.

Более понятным и довольно хорошо изученным является история периода появления и распространения ислама. Данный период, в отличие от предыдущего, содержит большое количество разного рода источников как письменных, так и вещественных. Нас по большей части в данной работе интересуют письменные источники, а именно рукописи, которые имеют непосредственное отношение к развитию арабско-мусульманской исторической мысли.

После появления ислама, в силу известных причин, уклад жизни арабов поменялся коренным образом. Ислам в силу своей специфики дал арабам довольно сильный толчок к развитию. Об этом свидетельствуют и переход от общинного строя и разрозненных эмиратов в централизованное государство, также экономический и социальный рост населения Аравии. В силу необходимости письменной фиксации Корана, быстро начала развиваться письменность. Грамотных людей, умеющих читать и писать, становилось все больше и больше. В мечетях и в специально отведенных местах (медресе) учеными мужами проводились уроки чтения и письма, говоря современным языком, во всю шла ликвидация безграмотности. Наряду с исламской теологией, в ранних арабско-мусульманских учебных заведениях и кружках особое внимание уделялось изучению исторического наследия человечества. Более того, историческая наука стала неотъемлемой частью теологического знания, что подогревало к ней интерес со стороны самых разных слоев населения.

Большим подспорьем в развитии арабской исторической мысли в раннее средневековье явилось расширение зоны арабского влияния. Шла активная миграция населения. Арабы, переселившись на новые территории, письменно фиксировали уклад жизни новообращенных народов. Также многие халифы отправляли своих представителей в дальние походы, чтобы те собрали нужную информацию о соседях и дальних странах. Таким образом, арабские путешественники составляли карты местностей и описывали политическое, экономическое и культурное состояние других стран. Данная необходимость стала большим подспорьем в развитии в арабском Халифате таких наук, как география и история. Из описаний путешественников и воспоминаний послов в дальнейшем составлялись анналы истории.

Наглядным примером являются *Pasa'ul* («Путевые заметки») известного арабского государственного деятеля и мыслителя X в. – Ибн Фадлана (877–960 гг.). Преследуя военно-политические цели, в X в. во главе делегации Ибн Фадлан прибыл в Волжскую Булгарию. Данная делегация, согласно сообщениям, выехала из Багдада, пересекла Среднюю Азию, после посетила с «официальным визитом» столицу Волжской Булгарии [14, с. 25]. Основной причиной прибытия этой делегации в данную страну послужило то, что последние, приняв ислам, изъявили желание стать частью

Арабского Халифата. Таких путешествий известных нам личностей и не очень известных было «превеликое» множество. Данное явление указывает на практическую значимость фиксации исторического и географического материала. Из этих исторических заметок и дипломатических документов, как об этом уже было сказано, в дальнейшем были составлены исторические энциклопедии и компендиумы, имеющие большое научное значение.

В период раннего ислама арабских мыслителей (не путешественников и государственных мужей) в основном заботили вопросы теологического характера. Первым письменно был зафиксирован и увековечен текст Корана. Стоит отметить, что письменная фиксация Корана стоила больших усилий. Во-первых, надо было убедить халифа о необходимости такого шага. Разрозненные свитки Корана существовали. Прогрессивные слои населения видели целесообразность собрать все свитки в единый Коран и унифицировать его. Так как, по их мнению, после смерти первого поколения верующих последующие поколения могли остаться без подтвержденной версии Писания, что было необходимым условием для его дальнейшего использования. После долгих усилий ученым мужам удалось уговорить халифа на этот шаг, и с этих пор начинается новая эра в развитии арабской письменности, что в свою очередь открывает раннеарабским ученым новые горизонты деятельности в разных научных направлениях.

В силу особенностей чтения Корана исламские ученые в своих трудах большое внимание обращали правилам чтения и совершенствованию письменной фиксации Корана. На первом этапе истории мало кто занимался фиксацией исторических событий. Согласно историческим сведениям, первым среди мусульманских правителей, кто уделял свое внимание написанию истории, был Му'ауия б. Аби Суфиан (ум. 680 г.). По его поручению был вызван из Саны 'Убайд аль-Джурхуми, который написал ему книгу *Китаб аль-мулк уа ах-бар аль-мадиин* («Книга царей и рассказы минувших [цивилизаций]»). После этого события многие арабские мыслители спохватились за историческую науку. Однако, стоит отметить, что первое поколение историков ограничилось фиксацией информации о жизнедеятельности пророка Мухаммада. Данное направление развивалось в двух жанрах – в жанре биографий *ас-Сира* и в жанре военно-политической истории раннемусульманской уммы *аль-Магази*.

Одним из первых, кто письменно зафиксировал сведения о жизнеописании Пророка, считается Ибн Исхак (ум. в 768 г.). Историей Ибн Исхак начал заниматься не случайно. Он очень любил путешествовать. Молодость он провел в Медине. Затем поехал в Египет, в Александрию. Там он встречался с учеными мужами Египта и собрал ценный исторический материал. Затем посетил такие города, как Куфа, ар-Рей, аль-Хира, Багдад. Со-

гласно историческим сведениям, в Багдаде (в другой версии в городе Хира), будучи известным исламским ученым, он навестил Аббасидского халифа аль-Мансура (ум. в 775 г.). В это время рядом с халифом сидел его сын аль-Махди. Указав на своего сына, халиф спросил у Ибн Исхака, знает ли он его. Тот ответил, что он сын «повелителя правоверных». Тогда халиф аль-Мансур потребовал от Ибн Исхака, чтобы тот написал для его сына книгу, охватывающую историю человечества со дня сотворения первого человека Адама по настоящий период. Таким образом, Ибн Исхак по приказу халифа, собрав весь имеющийся в его арсенале исторический материал, составил, по описаниям современников, довольно объемистую работу по всеобщей истории, оригинал которой в дальнейшем хранился в доме халифа [15, с. 11].

В раннее средневековье интерес к истории проявляли самые разные слои населения, начиная от правителей и ученых, заканчивая простыми людьми. Об этом свидетельствует и тот факт, что правитель мусульман заказал именно книгу по истории, а не по другим направлениям. Он хотел, по-видимому, чтобы подрастающее поколение не забывало историю, и могло извлекать из нее уроки.

Отметим, что книга Ибн Исхака состояла из трех частей: *аль-Мубтада'* («Начало»); *аль-Маб'ас* («Пророчество»); *аль-Магази* («Военные походы»). Первая часть *аль-Мубтада'* описывала доисламскую эпоху *аль-джахилия* и состояла из четырех глав *фусуль*. Первая глава была посвящена пророчествам до ислама. Вторая глава посвящалась истории Йемена до ислама. Третья – истории арабских племен и их верованиям. Четвертая содержала рассказы о Мекке и о предках пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). В первой части Ибн Исхак в основном ссылается на рассказы, сохранившиеся в народной памяти и на древнееврейские истории, так называемые *аль-исра'илият*. Вторая часть *аль-Маб'ас* освещает жизнедеятельность пророка Мухаммада в мекканский период до переселения. Данная часть более выверена по сравнению с первой частью. Более полно приводятся имена рассказчиков и очевидцев тех или иных событий. Третья часть *ал-Магази* посвящена мединскому периоду. Сюда включены военно-политические свершения уммы в указанный период. В этой части Ибн Исхак в подаче материала пользуется по большей части хадисоведческой традицией, приводя *иснады* (имена рассказчиков). Передача имен рассказчиков в последующем переросло в особую традицию. Рассказы, которые не имели цепочки надежных рассказчиков, считались недостоверными. Если имена сказителей были неизвестными или среди них были те, кто в народе не пользовались репутацией честного человека – то такие рассказы также считались слабыми *да'иф*, т.е. недостоверными.

Историческая наука в средневековом Арабском мире развивалась по правилу преемственности. Когда один из авторов начинал, какую-нибудь

тему, то другой автор мог продолжать развивать данную тему после него. Таким образом, одну тематику могли дописывать несколько авторов. Данный вид исторического творчества назывался *ат-тазийль*, что означало добавлять «хвост». Например, книга аль-Хамиди *Джазуат аль-мукътабис фи тарих аль-Андалус* («Высказывания об истории Андалусии») имеет *зийль* («хвост») под названием *Багийат аль-мультамис*, тот в свою очередь имеет продолжение в виде книги *ас-Силья* и т.д.

Итак, и работа Ибн Исхака имела продолжение. Многие историки средневекового Востока взяли интерпретировать его труд. Одним из первых оказался известный басрийский историк и филолог своего времени Ибн Хишам (ум. в 828 г.). Труд Ибн Хишама также был дополнен андалусским ученым *ас-Сухайли* (ум. в 1185 г.). Его труд был назван *ар-Рауд аль-унуф* («Первозданные сады») [11]. Данный труд получился довольно объемным и содержит в себе много добавочного материала, объясняющего и дополняющего сведения, содержащиеся в книге Ибн Хишама.

К первой плеяде арабских ученых, оставивших после себя историческое наследие мирового значения, относятся такие корифеи, как аль-Вакиди (ум. в 823 г.), Ибн Са'д (ум. в 844 г.), аль-Балазури (ум. в 892 г.), Ибн Джарир ат-Табари (ум. в 923 г.), аль-Мас'уди (ум. в 956 г.) и ряд других ученых. Отметим, что Ибн Са'д был учеником аль-Вакиди. В силу того, что работы указанных авторов связаны в большей части с историей раннего ислама и непосредственно переплетаются с исламской теологией их труды в нашей стране не получили достаточного освещения. На сегодняшний день, когда появилась возможность исследовать и исламскую теологию, думается, что найдутся компетентные исследователи, которые раскроют для любопытной публики *аль-асрар* («секреты»), которые хранят эти бесценные исторические источники. Для этого, по мнению автора, необходимо проведение междисциплинарных исследований. Так как содержимое ранних арабо-мусульманских источников лежит на стыке таких наук, как история, историческая лингвистика и исламская теология. Игнорируя один из перечисленных элементов в исследовании прийти к желаемому результату невозможно. Здесь также стоит заострить внимание на том, что в отечественном востоковедении не выработана единая концепция перевода тех или иных исторических и религиозных терминов, что приводит к разночтению.

Таким образом, можно сказать, что вклад ранних арабо-мусульманских ученых в развитие исторической науки настолько велик, что до сих пор их работы остаются актуальными и не до конца изученными. Работы многих приведенных авторов переводились на иностранные языки. Отдельные главы из их работ переведены и на русский язык. Однако, как об этом уже было сказано, нет масштабных комментированных переводов, что затрудняет изучение данного наследия для специалистов, не владеющих арабским языком.

Отметим, что перечисленные нами авторы не были так называемыми «кабинетными» учеными. Они все помногу путешествовали, собирая полевой материал. Также их деятельность не ограничивалась фиксацией только исторических сведений. Они имели достижения и в других областях интеллектуальной деятельности. Об этом свидетельствуют отзывы современников. Например, современники аль-Балазури в отзывах о нем говорят, что он был писателем, поэтом, передатчиком исторических рассказов (*рауи-ль-ахбар*) и литературы [7, с. 8]. Сюда можно добавить и то, что он был и переводчиком, с персидского языка перевел на арабский язык как исторические сюжеты, так и поэзию. Здесь можно выделить такой труд аль-Балазури, как *Футух аль-бульдан* («Открытие стран») [6].

Также большой популярностью как среди западных специалистов, так и российских пользуются работы аль-Мас'уди (ум. в 956 г.). Например, известный российский востоковед Д. В. Миккульский посвятил ему монографию под названием «Арабский Геродот» [3]. До нас дошли четыре его произведения – *Мурудж аз-захаб*, *Китаб ахбар аз-заман*, *аль-Китаб аль-аусат*, *Китаб ат-танбих уа-ль-ишраф*. Наибольшей популярностью пользуется его работа *Мурудж аз-захаб* («Золотые копи»).

Согласно воспоминаниям аль-Мас'уди, он написал эту книгу, опираясь на десятки исторических сочинений разных авторов того времени. За исключением работ ат-Табари и аль-Балазури, работы остальных авторов, использованных аль-Мас'уди, не дошли до наших дней. Книга была переведена на французский язык и издана в Париже в девяти томах в 1872 г. Английский перевод первого тома был издан в 1842 г.

Стоит отметить, что аль-Мас'уди относится к истории как к самостоятельной науке, а не как к вспомогательной дисциплине. Во введении к своей книге он четко описывает причины, побудившие его взяться за эту работу. «Меня побудила к написанию этой моей книги по истории, – пишет он, – желание подражать тому, к чему стремились подражать ученые, тому, за чем следовали мудрецы, чтобы в этом мире остались благие воспоминания и упорядоченная, величественная наука...» [9, с. 11].

В более поздний период, в XII в., появляются довольно объемные труды по всеобщей истории. В написании этих бесценных произведений были привлечены такие мастера, как Ибн Джаузи, Ибн Асир и др.

Методы составления книг, внутренняя рубрикация, оглавление текстов в зависимости от периода и автора довольно разнородная. В некоторых книгах внутренняя рубрикация погодная, с четким соблюдением хронологии исторических событий. Например, труды по всеобщей истории в основном состоят из нескольких частей, разбитых на главы *аль-абуаб* (множественное число от слова *баб*, что

переводится с арабского, как дверь). В первой части почти у всех авторов доминируют истории доисламских царств. В написании ранней истории авторы нередко обращаются к священным Писаниям и апологетическим рассказам. Раннеисламский период описан более тщательно. В большинстве случаев приводятся имена рассказчиков и очевидцев. Такие рассказы в зависимости от передатчиков делились на категории. В отличие от тех сообщений, в которых отсутствовали имена рассказчиков, такие рассказы можно было подвергнуть тщательному анализу. Составлялись отдельные книги, состоящие из списка имен и подробных описаний биографий передатчиков рассказов, так называемые *ат-тараджим*.

Как об этом уже шла речь, если имена передатчиков были неизвестны, то такие рассказы считались слабыми, менее информативными, нуждающимися в подтверждении. Но, несмотря на это, первое поколение арабских историков в своих работах фиксировали всю имеющуюся информацию на тот момент, независимо от ее достоверности. Например, к таковым можно отнести работу ат-Табари (839–923 гг.) [12]. Такая тенденция прослеживается не только в исторических трудах, но и в религиозных произведениях данного автора. В его известном «Толковании Корана» методология подачи материала почти та же. Этот труд содержит очень богатый материал по истории раннего ислама. Данный автор не классифицирует сообщения, не разбирает передатчиков и не выдвигает от себя какие-либо умозаключения. Целью, как видно из его трудов, было собрать максимальное количество имеющейся информации о том или ином явлении. Выявлением сильных и слабых сторон тех или иных сообщений уже занимались другие ученые, более позднего периода.

«История» ат-Табари разбита автором на множество глав и состоит из десяти основных частей. Имеет предисловие, где в религиозном ключе объясняется смысл мирской жизни и место человека в ней. Затем автор приступает к первой главе, где объясняет значение времени *аз-заман*, подробно приводя сообщения из разных источников с цепочкой передатчиков *иснад*. После целый раздел, разбитый на множество параграфов, посвящен истории доисламских пророков. Затем идет раздел, посвященный древним царям и правителям. Отдельная глава посвящена жизнеописанию Пророка Мухаммада. Последующие главы и параграфы разбиты по династийно-погодному принципу.

Стоит отметить, что в отечественной науке мало уделено внимания изучению такого жанра интеллектуального наследия Арабского Востока, как «Тафсир». Большинство ранних ученых, занимавшихся направлением «ат-Тафсир», одновременно были как толкователями Корана *муфасссирами*, так и историками *му'аррихами*. К данной категории можно отнести таких ученых, как ат-Табари, ат-Табарани и др. Здесь стоит отметить, что

труды ранних исламских ученых под названием Тафсир аль-Кур'ан, что современные переводчики переводят, как толкование Корана содержат в себе множество направлений. Например, в трудах ат-Табари, ат-Табарани и других ученых по толкованию Корана содержится множество исторических сюжетов. Некоторые аяты указанные авторы стараются объяснять, приводя в доказательства другие аяты. Имеется множество моментов, объясняющих значение отдельно взятых слов. По данной литературе можно изучить и историю, и арабский язык, и грамматику. Также данный труд содержит большую информацию религиозно-правового характера. Таким образом, можно констатировать, что литература жанра *тафасир* имеет большую историческую ценность. К сожалению, в отечественной историографии данный жанр также малоизучен.

Немаловажный интерес для нашей темы представляют труды, написанные в жанре *аль-фиких аль-ислями*, затрагивающие вопросы исламского права. Наибольший интерес для исторической науки представляют разделы, затрагивающие военно-политическое право и международные отношения. Дело в том, что в отличие от чисто религиозно-догматических вопросов политическое право ссылается на прецеденты. В этих работах можно найти большое количество сообщений, раскрывающих историческую суть политических свершений ранней уммы. Наиболее яркими в этом отношении являются труды известного богослова и ученого раннеисламского периода Мухаммада аш-Шайбани (749–805 гг.). Его известный труд *ас-Сийар ал-кабир* содержит ценную историческую информацию о военно-политических свершениях и о международных отношениях раннемусульманской уммы. Отметим, что другой ранний ученый имам ас-Сархаси (ум. в 483/1090 г.) [10] написал комментарий к данному труду и сохранил его для последующих поколений как пример арабо-мусульманской правовой мысли. К данной категории можно отнести и труды таких ранних ученых, как Абу Йусуф (731–798 гг.) [5], Абу 'Убайд (767–836 гг.) [4], аль-Маварди (974–1058 гг.) [8].

Результаты. Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что в раннеисламский период арабские интеллектуалы, да и само арабо-мусульманское общество, большое внимание уделяли изучению истории. В отличие от доисламского периода, где история служила для сохранения героических сюжетов из жизни отдельно взятых арабских племен, после ислама она превратилась в целую науку со своими методами и подходами. Однозначно, что история первого поколения мусульман для последующих поколений имела не только чисто научное значение, но и прикладное. Ссылаясь на эту историю, составлялись богословские наставления, писались религиозно-правовые нормы.

Литература

1. Беляев Е. А. Арабы, ислам и Арабский Халифат в раннее средневековье. Второе издание. М.: «Наука», 1966. 282 с.
2. Игнатенко А. А. Ибн Хальдун. М.: «Мысль», 1980. 160 с.
3. Миккульский Д. В. Арабский Геродот. М.: Алетея, 1998. 229 с.
4. أبو غبيد، القاسم بن سلام. كتاب الأموال. المحقق: خليل محمد هراس. بيروت: دار الفكر، 1987. 729 ص.
5. [Абу 'Убайд ал-Касим б. Саллам. Книга имуществ. Исследование Халила Мухаммада Хараса. Бейрут: «Дар ал-фикр», 1987. 729 с.]
6. أبو يوسف. الخراج. تحقيق: طه عبد الرؤوف، سعد حسن محمد. القاهرة: المكتبة الأزهرية للتراث، 1998. 276 ص.
7. [Абу Йусуф. Поземельный налог. Исследование Таха 'Абд ар-Ра'уфа и Са'да Хасана Мухаммада. Каир: «ал-Мактабат ал-азхариya лит-турас», 1998. 276 с.]
8. البلاذري، أحمد بن يحيى. فتوح البلدان. بيروت: دار ومكتبة الهلال، 1988. 456 ص.
9. [Ал-Балазури. Завоевание стран. Бейрут: «Мактабат ал-хилал», 1988. 456 с.]
10. Аль-Балазури. Футух аль-бульдан. Бейрут: Дар уа мактабат аль-хилал, 1988. 456.
11. الماوردي، علي بن محمد. الأحكام السلطانية. القاهرة: دار الحديث، 1988. 376 ص.
12. [Ал-Маварди. Королевские постановления. Каир: «Дар ал-хадис», 1988. 376 с.]
13. Аль-Маварди. Аль-Ахкам ас-султаниа. Каир: «Дар ал-хадис», 1988. 376 с.
14. الماوردي، علي بن محمد. الحاوي الكبير. عدد الأجزاء: 19. بيروت: دار الكتب العلمية، 1999. ج 6. 559 ص. ج 14. 394 ص.
15. [Аль-Маварди. Большое собрание. В 19 томах. Бейрут: «Дар ал-кутуб ал-илмийа», 1999. Т. 6. 559 с. Т. 14. 394 с.]
16. المسعودي، مروج الذهب ومعادن الجوهر. م 1. بيروت: المكتبة العصرية، 2005. 296 ص.
17. [Ал-Мас'уди. Золотые копи и россыпи самоцветов. В 4 томах. Т. 1. Бейрут: «ал-Мактабат ал-'асрийа», 2005. 296 с.]
18. السرخسي، محمد. شرح السير الكبير. عدد الأجزاء: 5. بيروت: دار الكتب العلمية، 1997. ج 1. 260 ص. ج 3. 176 ص. ج 4. 356 ص.
19. [Ас-Сархаси. Комментарии к «Большому пути (сийар)». В 5 томах. Бейрут: «Дар ал-кутуб ал-илмийа», 1997. Т. 1. 260 с. Т. 3. 176 с. Т. 4. 356 с.]
20. السهيلي، أبو القاسم عبد الرحمن. الروض الأنف. عدد الأجزاء: 7. ط 1. المحقق: عمر عبد السلام. ج 2. بيروت: دار إحياء التراث العربي، 2000. 307 ص.
21. [Ас-Сухайли. Первозданные сады. Исследование 'Умара 'Абд ас-Салама. В 7 томах. Т. 2. Первозданные сады. Бейрут: «Дар ихйа' ат-турас ал-'араби», 2000. 307 с.]
22. الطبري، محمد بن جرير. تاريخ الطبري. عدد الأجزاء: 11. بيروت: دار التراث، 1967. ج 1. 632 ص.
23. [Ат-Табари. История ат-Табари. В 11 томах. Бейрут: «Дар ат-турас», 1967. Т. 1. 632 с.]
24. جواد علي. المفصل في تاريخ العرب قبل الإسلام. ط 2. عدد الأجزاء: 10. بغداد: جامعة بغداد، 1993. ج 1. 658 ص.
25. [Джавад 'Али. Подробное изложение истории арабов до ислама. Изд. 2. В 10 томах. Багдад: «Джами'ат Багдад», 1993. Т. 1. 658 с.]
26. ابن فضلان. رسالة ابن فضلان. دمشق، 1959. 220 ص.
27. [Ибн Фадлян. Путевые заметки Ибн Фадляна. Дамаск. 1959. 220 с.]
28. ابن هشام. السيرة النبوية. عدد الأجزاء: 2. بيروت: دار المعرفة، 2003. ج 1. 654 ص. ج 2. 584 ص.
29. [Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка. В 2 томах. Бейрут: «Дар ал-ма'рифa», 2003. Т. 1. 654 с. Т. 2. 584 с.]

References

1. Belyaev E. A. Arabs, Islam and the Arab Caliphate in the Early Middle Ages. Second edition. Moscow: Nauka, 1966. 282 p. (In Russ.)
2. Ignatenko A. A. Ibn Khaldun. Moscow: Mysl; 1980. 160 p. (In Russ.)
3. Mikulsky D. V. Arabic Herodotus. Moscow: Aletheya; 1998. 229 p. (In Russ.)
4. Abu 'Ubayd al-Qasim b. Sallam. Property book. Research by Khalil Muhammad Kharas. Beirut: Dar al-fikr; 1987. 729 p. (In Arab.)
5. Abu Yusuf. Land tax. Research by Taha 'Abd ar-Ra'uf and Sa'd Hasan Muhammad. Cairo: "al-Maktabat al-Azhariya lit-turas"; 1998. 276 p. (In Arab.)
6. Al-Balazuri. Conquest of countries. Beirut: Dar wa maktabat al-hilal; 1988. 456. (In Arab.)
7. Al-Mawardi. Royal decrees. Cairo: Dar al-Hadith; 1988. 376 p. (In Arab.)
8. Al-Mawardi. Big meeting. In 19 volumes. Beirut: "Dar al-kutub al-'ilmiya"; 1999. Vol. 6. 559 p. Vol. 14. 394 p. (In Arab.)
9. Al-Masudi. Gold mines and placers of gems. In 4 volumes. Vol. 1. Beirut: "al-Maktabat al-'asriya"; 2005. 296 p. (In Arab.)
10. As-Sarkhasi. Comments on "The Great Path (Siyar)". In 5 volumes. Beirut: "Dar al-kutub al-'ilmiya"; 1997. Vol. 1. 260 p. Vol. 3. 176 p. Vol. 4. 356 p. (In Arab.)
11. As-Suhaili. Pristine gardens. Research by 'Umar 'Abd al-Salam. Beirut: "Dar ihya' at-turas al-'arabi"; 2000. 307 p. (In Arab.)
12. At-Tabari. History of at-Tabari. In 11 volumes. Beirut: "Dar at-turas"; 1967. Vol. 1. 632 p. (In Arab.)
13. Dzhawad'Ali. A detailed account of the history of the Arabs before Islam. Baghdad: "Jami'at Baghdad"; 1993. Vol. 1. 658 p. (In Arab.)
14. Ibn Fadlan. Travel notes of Ibn Fadlian. Damascus. 1959. 220 p. (In Arab.)
15. Ibn Hisham. Biography of the Prophet. In 2 volumes. Beirut: "Dar al-ma'rifa"; 2003. 584 p. (In Arab.)

Научная статья

УДК 930.1:316.334 (470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.15>

АРМЯНСКИЙ КАПИТАЛ В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Каринэ Ивановна Шагиданова

Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24/4, проспект Маршала Баграмяна, Ереван, 0019, Республика Армения)

Кандидат исторических наук, доцент

shagidanovak@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-3022-0014>

Аннотация. Введение. Реформы 1860 – 1870 гг. Александра II изменили социально-экономическую ситуацию в России. При сохранении незыблемости монархии при помощи реформ, проведенных «сверху», рыночные отношения вписались в данную парадигму. Государство контролировало все предстоящие преобразования в экономическом сегменте. Российская экономическая система по-прежнему сохраняла многоукладность, где сочетались патриархальные, мелкотоварные, частнокапиталистические и государственно-капиталистические устои. **Материалы и методы.** Исследование написано с использованием архивных материалов Российского государственного исторического архива (РГИА). Основным исследовательским принципом стал историзм, который позволил поместить экономическое развитие России в контекст пореформенной эпохи. Использованы традиционные методы исторического исследования, такие как историко-системный и историко-генетический. **Анализ.** В условиях монархического правления в России формировался промышленный капитализм. Армяно-русское сотрудничество имеет многовековую историю. Начиная со второй половины XVII в. сотрудничество развивалось интенсивно и получило логическое продолжение на рубеже XIX–XX вв. Армянские про-

мышленники и финансисты в силу сложившейся традиции благополучно вписались в пореформенную экономику. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что армяне внесли весомый вклад в экономическое развитие Российской империи. Особенно стоит отметить роль Банкирского дома «Бр. Дзамгаровы», который участвовал в экономической модернизации и формировании финансовой системы Российской империи на рубеже XIX – XX вв.

Ключевые слова: пореформенное развитие России, развитие элементов рыночных отношений в России, промышленный капитализм, модернизация капитализма, армянский капитал, банковское дело, Банкирский дом «Бр. Дзамгаровы»

Для цитирования: Шагиданова К. И. Армянский капитал в экономике Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 665–670. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 19.07.2023.

Статья принята к публикации: 29.08.2023.

Research article

ARMENIAN CAPITAL IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Karine I. Shagidanova

Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (24/4, Marshal Baghramyan Avenue, 0019, Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

shagidanovak@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-3022-0014>

Abstract. Introduction. Alexander II's reforms of the 1860s and 1870s changed the socio-economic situation in Russia. While maintaining the inviolability of the monarchy with the help of reforms carried out "from above", market relations fit into this paradigm. The state controlled all upcoming transformations in the economic segment. The Russian economic system still preserved multi-economic structure, which combined patriarchal, petty-commodity, private-capitalist and state-capitalist foundations. **Materials and Methods.** The study was written using archival materials from the Russian State Historical Archive (RGIA). The main research principle was historicism, which made it possible to place the economic development of Russia in the context of the post-reform era. Traditional methods of historical research were used, such as historical-systemic and historical-genetic. **Analysis.** The industrial capitalism was formed in Russia under the conditions of monarchic rule. Armenian-Russian cooperation has a centuries-old history. Since the second half of the 17th century cooperation was developing intensively and had its logical continuation at the turn of the 19th–20th centuries. Armenian industrialists and financiers by virtue of the established tradition were successfully included in the "new" economic paradigm. **Results.** According to the

results of the study, it can be concluded that Armenians contributed significantly to the economic development of the Russian Empire. Especially worth mentioning is the role of the Banking House "Br. Dzhambgarovs". Dzhambgarovs directly participated in the modernization of capitalism and the formation of the financial system of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries.

Keywords: Post-reform development of Russia, development of elements of market relations in Russia, industrial capitalism, modernization of capitalism, Armenian capital, banking, Banking House "Br. Dzhambgarovs"

For citation: Shagidanova K. I. Armenian capital in the economy of the Russian empire at the turn of the XIX–XX centuries. *Humanities and law research*. 2023;10(4):665–670. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.15>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.06.2023.

The article was approved after reviewing: 19.07.2023.

The article was accepted for publication: 29.08.2023.

Введение. На рубеже XIX–XX вв. Российская империя находилась в достаточно сложном экономическом положении. Вся сложность заключалась

в сохранении пережитков феодализма, тормозивших развитие страны [17, с 173]. Отживающий свой век феодализм создавал некую турбулентность и

серьезные проблемы для развития новых экономических отношений.

История и результаты Крымской войны 1853–1856 гг. продемонстрировали назревшие проблемы, решение которых стало императивом времени. Вторая половина XIX в., а именно реформы 1860–1870 гг. Александра II, изменили социально-экономическую ситуацию. Манифест от 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права позволил в экономике страны сформироваться новым рыночным отношениям. При сохранении монархической формы правления рыночные отношения вписались в данную парадигму. Реформы, проведенные «сверху», сохранили незыблемость монархии. Государство сохранило контроль над всеми предстоящими преобразованиями в экономическом сегменте [8, с. 1286].

Заметим, российская экономическая система по-прежнему сохраняла многоукладность, где сочетались патриархальные, мелкотоварные, частнокапиталистические и государственно-капиталистические устои. Ключевые позиции закрепились за государством. В связи с многоукладностью в экономике, Россию рассматривали как особенную страну с определенной ей присущей спецификой. Но имеется мнение и иное, где дается пояснение о необходимости существования многоукладности в разных странах на определенном этапе развития капитализма.

Материалы и методы. При написании статьи были проанализированы исторические документы из Российского государственного исторического архива (РГИА), а также труды российских и армянских исследователей XIX–XX веков. Применены в процессе исследования историко-системный и историко-генетический методы исследования. Базовым исследовательским принципом стал историзм, позволяющий видеть процесс эволюции экономики и помещать его в контекст пореформенной эпохи.

Анализ. В Российской империи в конце XIX в. на основании реформирования происходила трансформация устаревших традиций в экономике. И эта трансформация явилась импульсом для модернизации. Модернизация экономики сопровождалась интенсивным ростом промышленного производства и формированием финансовой системы [4, с. 57]. В процессе модернизации в России использовался западноевропейский опыт, который благополучно адаптировался с учетом особенностей страны. Русские промышленники, финансисты активно включились в процесс модернизации, открывая монополистические объединения.

Российскую модернизацию в экономике определяли в качестве феномена. И суть феномена заключалась в сочетании рыночных элементов с национальными традициями. Но так или иначе, на рубеже XIX–XX вв. Россия вступила в новый этап развития при сохранении монархической парадигмы.

Заметим, что государство, сохраняя контроль, реформировало экономику. Одним из инициаторов

экономических проектов был С. Ю. Витте. Ему принадлежала разработанная программа по пересмотру принципов международных торговых договоров, законодательства и созданию налоговой системы [6, с. 56]. Политика протекционизма вновь приобрела актуальность, о чем свидетельствует составление новых таможенных тарифов. Реформирование в экономике страны способствовало росту ее авторитета в международном торговом сообществе. Денежная реформа 1895–1897 гг. способствовала укреплению русского рубля, вследствие чего Российская империя вошла в систему золотого стандарта.

Таким образом, Российская империя при сохранении пережитков феодализма в конце XIX в. активно вступила на пути капиталистического развития [5, с. 80]. Капиталистическое развитие охватило разные и достаточно отдаленные регионы страны. Интенсивное развитие промышленности требовало строительства коммуникаций, т.е. железнодорожного сообщения. Строительство железных дорог рассматривалось в контексте геополитических интересов страны. И потому строительство Транссибирской магистрали в 1891–1905 гг. отвечало потребностям экономики.

Рост промышленных объектов, интенсивное развитие железных дорог благоприятствовали развитию капитализма, пробивавшего уверенно себе дорогу. Рыночные отношения привели к концентрации производства. В свою очередь, концентрация производства на повестку времени поставила необходимость концентрации капитала. Монополистические объединения – синдикаты, тресты, концерны – требовали внушительных капиталовложений. Инвестиции иностранных предпринимателей прежде всего отвечали собственным интересам [3, с. 34]. И в этой связи изменения в финансовой системе, проведенные С. Ю. Витте, отвечали интересам отечественных предпринимателей: Морозова, Рябушинского и других.

В результате концептуального подхода был разработан Новый Устав Государственного банка, функции которого значительно расширились. Концепция рассматривала открытие коммерческих банков, которые должны были обеспечить капиталом промышленность и транспортную сферу. Комплексный подход позволил создать серьезную финансовую базу для интенсивного развития экономики России.

В контексте вышеизложенного представим армянских предпринимателей и финансистов, внесших весомый вклад в экономическое развитие России и в модернизацию капиталистической экономики. Следует отметить наличие определенной исторической преемственности в российско-армянских экономических отношениях, так во второй половине XVII в. армянские торговые компании, прежде всего Захара Сагратова, внесли вклад в развитие торгового капитализма в России. Поэтому армяне благополучно вписались в экономику России в силу сложившихся веками традиций [2, с. 143].

В конце XIX – начале XX вв. в процессе модернизации экономики России приняли активное участие армянские промышленники и финансисты. Армянские предприниматели и финансисты, вложив капитал в экономику Российской империи, способствовали развитию промышленного капитализма. Список армянских предпринимателей достаточно велик: Манташев, Гукасов, Лианозов, Арапетов и другие. Подробно рассмотрим деятельность Банкирского дома «Бр. Джемгаровы».

Обзор экономической картины, сложившейся в конце XIX в. в России, с ее особенностями связан с необходимостью осознания роли и значимости деятельности армянских деловых кругов. Армянские торговые компании в XVII в. способствовали развитию внешнеторговых отношений Российского государства с Востоком и Западом. Армянские предприниматели и финансисты, вкладывая капитал в российскую экономику, участвовали в формировании предпосылок для интенсивного развития страны в целом. Документ Русского дома свидетельствует: «Многие армяне, убежденные в великодушном к ним внимании российских монахов, пожертвовали своей родиной, выгодами и переселились в районы и центры России...» [16, с.92, 97].

Армяне достаточно благополучно интегрировались, вследствие чего заняли достойное место в условиях развивающегося капитализма. В контексте вышесказанного брата Джемгаровы (Иван, Исаак, Афанасий, Николай, Александр), будучи выходцами из Шуши, достаточно серьезные позиции заняли в финансовой системе России.

В России в 1860-ые годы сформировалась банковская система, наблюдался рост акционерных банков. За период с 1864 по 1873 гг. их насчитывалось более двадцати семи [1, с.78]. Банкирский дом «Бр. Джемгаровы» с 1874 г. вошел в список благополучных и авторитетных банков Российского государства. Объединение Джемгаровых на начальном этапе деятельности называлось «товарищество на вере». Масштабы финансовых операций позволили им расширить свою деятельность. Банкирский дом «Бр. Джемгаровы» занял достойное место в банковской системе наряду с такими, как «Вавельберг», «И. В. Юнкер и Ко», «Бр. Рябушинские» и другие. «Армяне из Шуши появились в Москве после 1860 года... свою деятельность начали с небольшой меняльной лавки на Кузнецком мосту, напротив фирмы «И. В. Юнкер...» – так вспоминал о начале деятельности Джемгаровых директор Московского отделения Международного банка А. И. Ценкер [7, с.160].

Банкирский дом «Бр. Джемгаровы» специализировался на страховании билетов государственной лотереи, обмене валюты, инкассации купонов железнодорожных займов. Высокий уровень профессионализма позволил Джемгаровым поэтапно расширять сферы финансовой деятельности. Возросший авторитет и доверие в финансовой системе сподвигли к участию в зарубежных операциях. Офисы Банкирского дома «Бр. Джемгаровы»

находились по адресам: г. Москва на Кузнецком мосту 6, Ильинка 6, здание в Китай-городе; г. Санкт-Петербург – Невский проспект 28. Помимо перечисленных, Джемгаровы владели филиалами в российских городах, акционерными обществами, кредитными учреждениями. Контрольный пакет акций Банкирского дома «Бр. Джемгаровы» находился в руках Ивана, Николая и Александра, совладельцы – Афанасий и Исаак.

Особый интерес представляют достаточно доверительные отношения между Джемгаровыми и Русско-Азиатским банком. Одновременно Джемгаровы являлись владельцами акций «Брянского рельсопрокатного железоделательного и механического завода», «Товарищества латунного и меднопрокатного завода Кольчугина и Ко». Сотрудничество Джемгаровых с Русско-Азиатским банком является признанием профессионализма проведенных банкирским домом банковских операций. Логическим продолжением сотрудничества явилось предложение Русско-Азиатского банка об участии Джемгаровых в создании синдиката. Идея заключалась в покупке и дальнейшей продаже паев «Товарищества нефтяного производства бр. Нобель». Общее количество составляло 250 паев. При этом участие Джемгаровых выражалось в размере 10% с последующим увеличением: «Милостивые государи, имеем честь сообщить, что, давая свое согласие на участие в синдикате по акциям Ленского Золотопромышленного общества и паев «Товарищества бр. Нобель», мы несколько не принимали к руководству количество участников... Поэтому и имеем теперь место назначения участников... по 10% каждого из них...» [15, л.3].

Документы, представленные в Российском государственном историческом архиве, подтверждают тесное сотрудничество Русско-Азиатского банка и Банкирского дома «Бр. Джемгаровы». Будучи совладельцами Ленского Золотопромышленного синдиката, Джемгаровы проводили достаточно серьезные финансовые операции, прежде всего, реализацию акций.

В различных фондах РГИА находятся документы – свидетельства постоянного общения и решения порой сложных вопросов: «Милостивые государи, в ответ на ваше почтенное предложение ... мы выражаем наше полное согласие на продление синдиката на шесть месяцев, так как находимся в течение долгого времени в полном неведении о положении отчета... Просим Вас информировать нас о состоянии дел... В ожидании ваших любезных сообщений пребываем...» [9, л.1].

Документы РГИА, касающиеся сотрудничества Русско-Азиатского банка с Джемгаровыми, свидетельствуют о постоянном отчете, представляемым последними. Также можно утверждать о сотрудничестве Банкирского дома «Бр. Джемгаровы» с иностранными банками непосредственно и в качестве посредников: «По операции регулирования задолженности английским фирмам при посредстве Английского банка Вами внесено при соответствующем обязательстве наличными...» [10, л.4].

Активная финансовая деятельность Джамгаровых позволяла порой самостоятельно принимать решения, дабы урегулировать сотрудничество с иностранцами: «Вследствие полученной депеши

фирмы «А. Рюффер и сыновья» в Лондоне, копию которой при сем препровождаем, сим покорнейше просим предоставить дополнительно для посреднической уплаты означенной фирме...» [11, л.2].

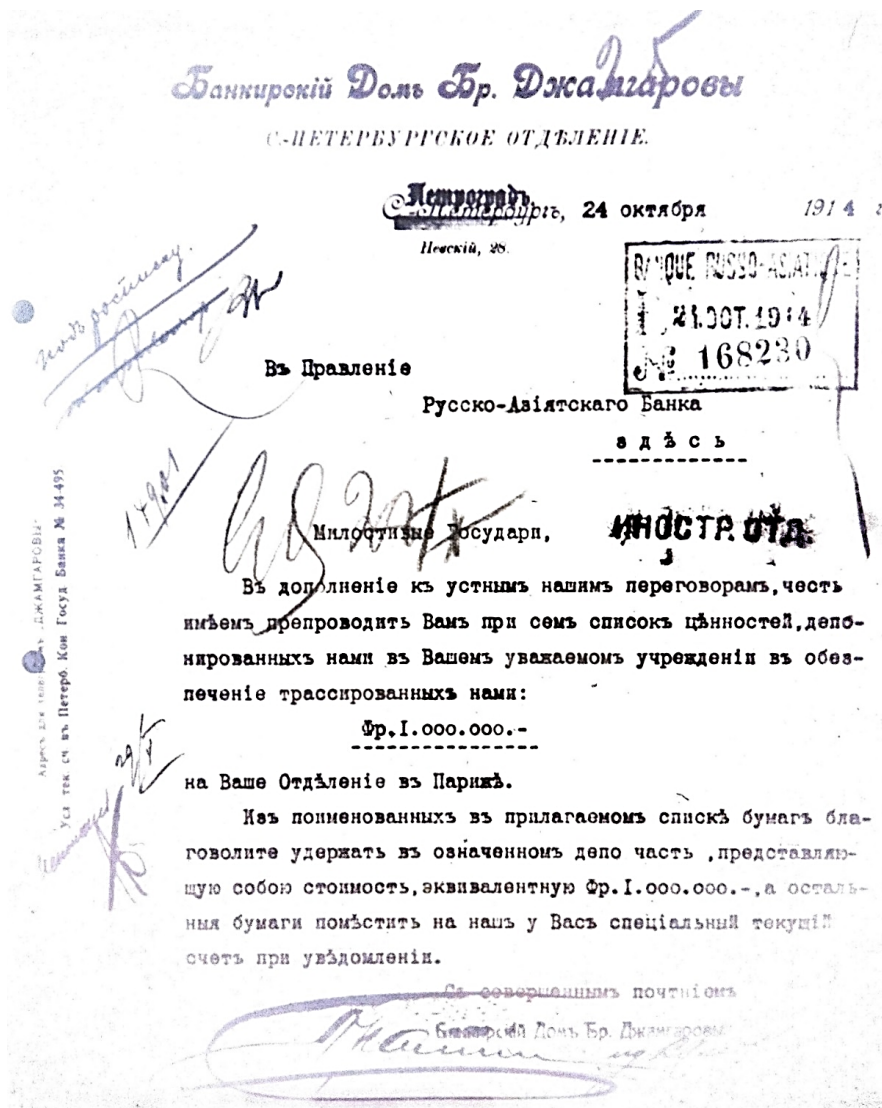

Рис. 1. Документ, составленный Государственным банком г. Санкт-Петербурга, отделением zahraniчных операций [РГИА. Ф.630. Оп.2. Д.311, Л. 5].

Доверие Банкирскому дому «Бр. Джамгаровы» и его авторитет, соответственно, сформировали доминирующие позиции их в финансовой системе Российского государства. Документы, представляющие сотрудничество двух банков в виде отчетов о банковских операциях, в большей степени посвящены реализации акций.

Отчетная документация банка гласит: «Милостивые государи, имеем честь сообщить, что мы продали за Ваш счет 1625 акций Санкт-Петербургского частного коммерческого банка по следующим ценам: 100 акций – по руб. 261; 300 – ... 268; 276 – ...264..., что покорнейше просим принять к сведению...» [13, л.8]. Заметим, что обращение «милостивый государь», повторяющееся во всех отчетах банкирского дома «Бр. Джамгаровы», относится к руководству Русско-Азиатского банка.

Представительство Джамгаровых в синдикате укреплялось и выражалось в процентном росте: «Милостивые государи, ссылаясь на Ваши письма... настоящим имею честь подтвердить свое согласие на увеличение моего участия в вышеупомянутом синдикате...» [12, л.7].

Проследивая отчетную бухгалтерию Банкирского дома «Бр. Джамгаровы», замечаем, что реализация акций Ленского Золотопромышленного синдиката прогрессировала, ценовая составляющая акций также возрастала: «Милостивый государь, имеем честь подтвердить, что мы представили 10 акций Ленского Золотопромышленного синдиката по 3430... что покорнейше просим принять к сведению» [14, л.3].

«Армяне, братья Джамгаровы – это городские банкиры, под стать типу, известному в Лондоне как

«City-Bankers», – так оценил деятельность, ее значимость в финансовой системе Российской империи Банкирский дом «Бр. Джамгаровы» директор Московского отделения Международного банка А. И. Ценкер [7, с.167].

Достоинство оценки, подтверждаемая финансовыми операциями Джамгаровых. За период с 19 августа по 31 августа 1911 года им удалось реализовать более 55 акций Ленского золотопромышленного синдиката.

В контексте вышеизложенного идея создания единого армянского банка являлась логическим продолжением деятельности Джамгаровых. Основная концепция заключалась в привлечении финансов армянского населения через приобретение акций. Джамгаровы сформировали совет, руководителем которого стал Николай Исакович Джамгаров.

В Совет вошли известные предприниматели: Манташев, Гукасов, Лианозов, Калантаров, братья Майловы, Мелик-Аарян и другие. Всего 25 членов. Основное условие для участия в банке – это миллионное состояние. Фактически банк должен был быть представлен Ростовским, Тифлиским, Кавказским отделениями. Но исторические события в Российской империи в 1917 г. не позволили реализовать проект единого армянского банка.

Результаты. Таким образом, на основании документов, представленных РГИА, в определенной степени удалось проанализировать роль и значимость семьи Джамгаровых, которые непосредственно участвовали в модернизации капитализма, формировании финансовой системы Российской империи на рубеже XIX – XX в. и играли заметную роль в развитии и укреплении армяно-российского сотрудничества.

Литература

1. Ананьич Б. В., Беляев С. Г., Дмитриева З. В., Лебедев С. К., Лизунов П. В., Морозан В. В. Петербург. История банков. СПб.: Третье тысячелетие, 2001. 302 с.
2. Армяно-русские отношения в XVII веке. Том 1. Сборник документов / Подготовили к печати В. А. Парсамян, В. К. Восканян, С. А. Тер-Авакимова. Под редакцией проф. В. А. Парсамяна. Ереван, 1953. Т.1, 286 с.
3. Васильева Л. В. Участие иностранного капитала в экономике Российской империи и его влияние на торгово-промышленное развитие Западно-Сибирского региона в конце XIX – начале XX в. // Журнал Администрации Тюменской области «Налоги. Инвестиции. Капитал». 2004. № 3–4. С. 34–42.
4. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М.: Госфиниздат, 1948. 454 с.
5. Гиндин И. Ф. Экономический подъем 1890-х гг. и его особенности в России // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 78–88.
6. Корелин А. П. Сергей Юльевич Витте: государственный деятель переходной эпохи // Преподавание истории и обществознания в школе. 2009. № 4. С. 54–61.
7. Лизунов П. В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб.: Блиц, 2004. 576 с.
8. Муравьева Л. А. Экономическое развитие во II пол. XIX – нач. XX в. // Международный бухгалтерский учет. 2017. Т. 20, № 21. С. 1271–1286.
9. РГИА. Ф.626. Оп.1. Д.133.
10. РГИА. Ф.630. Оп.2. Д.311.
11. РГИА. Ф.630. Оп.2. Д. 314.
12. РГИА. Ф.588. Оп.3. Д. 986.
13. РГИА. Ф.630. Оп.2. Д. 147.
14. РГИА. Ф.630. Оп.1. Д. 269.
15. РГИА. Ф.530. Оп.2. Д. 601.
16. Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа. Ч. 2. М.: Типография Лазаревского Института восточных языков, 1838. 514 с.
17. Шевчук Д. А. Особенности экономического подъема России в конце XIX – нач. XX в. // История экономики: учебное пособие. М.: ГроссМедиа, 2019. 290 с.

References

1. Ananyich B. V., Belyaev S. G., Dmitrieva Z. V., Lebedev S. K., Lizunov P. V., Morozan V. V. Petersburg. History of banks. Saint Petersburg: The third millennium; 2001. 302 p. (In Russ.).
2. Armenian-Russian relations in the 17th century. Volume 1. Collection of documents. Prepared for print by V.A. Parsamyan, V.K. Voskanyan, S. A. Ter-Avakimova. Ed by prof.V. A. Parsamyan. Yerevan; 1953. Vol.1, 286 p. (In Russ.).
3. Vasilyeva L. V. Participation of foreign capital in the economy of the Russian Empire and its impact on the commercial and industrial development of the West Siberian region in the late XIX – early XX century. *Journal of the Tyumen Region Administration "Taxes. Investments. Capital"*. 2004;3-4:34-42. (In Russ.).
4. Gindin I. F. Russian commercial banks. Moscow: Gosfinizdat; 1948. (In Russ.).
5. Gindin I. F. The economic rise of the 1890s and its features in Russia. *Problems of History*. 2007;2:78-88. (In Russ.).
6. Korelin A. P. Sergei Yulievich Witte: statesman of the transition era. *Teaching History and Social Studies at School*. 2009;4: 54-61. (In Russ.).
7. Lizunov P. V. St. Petersburg Stock Exchange and Russian Securities Market (1703-1917). St. Petersburg: Blits; 2004. (In Russ.).
8. Muravyeva L. A. Economic development in the second half. XIX - the beginning of XX century. *International Accounting*. 2017;21: 1271-1286. (In Russ.).
9. Russian state historical archive (RGIA). F.626. Inv.1. D.133. (In Russ.).
10. RGIA. F.630. Inv.2. D.311. (In Russ.).
11. RGIA. F.630. Inv.2. D. 314. (In Russ.).
12. RGIA. F.588. Inv.3. D. 986. (In Russ.).
13. RGIA. F.630. Inv.2. D. 147. (In Russ.).
14. RGIA. F.630. Inv.1. D. 269. (In Russ.).
15. RGIA. F.530. Inv.2. D. 601. (In Russ.).
16. Collection of acts relating to the review of the Armenian people. Part. 2. Moscow: The Lazarev Institute of Oriental Languages printing house publ.; 1838. 514 p. (In Russ.).
17. Shevchuk D. A. Peculiarities of the economic rise of Russia in the late XIX – early XX century. *History of Economics: textbook*. Moscow: GrossMedia; 2019. 290 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94.4: 4.03.11

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.16>

ЖЕНЩИНЫ В ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЯХ ФРГ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Вячеслав Юрьевич Щербаков

Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Б. Садовая, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

vysherbakov@sfedu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8936-1907>

Аннотация. Введение. Усиление роли женщин во всех сферах общественной и политической жизни современной Федеративной республики Германии, характерное для XXI в., затронуло и праворадикальную часть политического спектра, традиционно ориентированного на «мужские ценности». Всё больше немецких женщин, придерживающихся националистических, антисемитских, расистских, антииммигрантских взглядов, в рамках общей политической тенденции не только голосуют за крайне правых, но и активно действуют в партиях «справа от центра», постепенно проникая в их руководящие структуры на самых разных уровнях. При этом, они откровенно ориентируются на опыт демократических «традиционных партий», в которых женщины в начале XXI в. занимают уже не просто равное с мужчинами, а часто лидирующее положение. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе источников, прежде всего партийных основополагающих и предвыборных программ и уставных документов, а также материалов статистики и немецкой прессы. Был использован системный комплексный подход, конкретно-исторический и сравнительно-исторические методы. **Анализ.** В статье рассмотрена эволюция влияния женщины на политику праворадикальных организаций ФРГ, что подразумевает частичный переход от положения «боевых подруг» к определённой самостоятельности и даже формирование собственно «женской» политики, в которой многое

заимствовано у демократических организаций, хотя и с опорой на традиционные для крайне правых методы и ценности. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в начале XXI роль женщин в праворадикальных структурах ФРГ постепенно возрастает. Представительницы «слабого пола» входят в состав правлений многих организаций «справа от центра». Тем не менее, они по-прежнему занимают преимущественно второстепенные позиции, принимая политическое доминирование мужчин. Женщины-лидеры, действующие в праворадикальном спектре, остаются скорее исключением из правил.

Ключевые слова: правый экстремизм, неонацизм, феминизм, Национал-демократическая партия Германии, отрицание Холокоста, мультикультурализм, миграционный кризис

Для цитирования: Щербаков В. Ю. Женщины в праворадикальных партиях ФРГ // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 671-676. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.16>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 19.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 22.07.2023.

Статья принята к публикации: 29.08.2023.

Research article

WOMEN IN THE RIGHT-WING RADICAL PARTIES OF GERMANY AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Vyacheslav Yu. Shsherbakov

Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

vysherbakov@sfedu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8936-1907>

Abstract. Introduction. The increasing role of women in all spheres of public and political life in the modern Federal Republic of Germany, which is characteristic of the twenty-first century, has also affected the right-wing part of the political spectrum, which is traditionally oriented towards "male values". More and more German women who hold nationalist, anti-Semitic, racist, and anti-migrant views are not only voting for the extreme right as part of a general political trend, but are also active in right-center parties gradually penetrating their leadership structures at various levels. At the same time, they are openly oriented towards the experience of democratic "traditional parties", in which women at the beginning of the 21st century occupy not just an equal position with men, but often a leading position. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of sources, primarily party founding and pre-election programs and statutory documents, as well as statistical materials and German press. A systematic comprehensive approach, specific-historical and comparative-historical methods were used. **Analysis.** The article considers the evolution of women's influence on the politics of right-wing radical organizations in Germany, which implies a partial transition from the position of "combat friend" to a certain independence and even the formation of "women's" politics proper,

in which much is borrowed from democratic organizations, albeit with reliance on methods and values traditional for the far right. **Results.** Based on the results of the study, we can conclude that at the beginning of the 21st century, the role of women in right-wing radical organizations in Germany is gradually increasing. There are women on the boards of many center-right organizations. Nevertheless, they still occupy mostly secondary positions, accepting the political dominance of men. Women leaders operating in the right-wing radical spectrum remain the exception to the rule.

Keywords: right-wing extremism, neo-Nazism, feminism, National Democratic Party of Germany, Holocaust denial, multiculturalism, migration crisis

For citation: Shsherbakov V. Yu. Women in the right-wing radical parties of Germany at the beginning of the XXI century. *Humanities and law research*. 2023;10(4):671-676. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.16>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 19.06.2023.

The article was approved after reviewing: 22.07.2023.

The article was accepted for publication: 29.08.2023.

Введение. Начиная со второй половины XX века женщины занимают всё больше места в социально-политической жизни Федеративной республики Германии, постепенно отвоёвывая у мужчин позиции в партийных и государственных структурах. В XXI в. здесь уже никого не удивляют женщины-министры и женщины-лидеры влиятельных политических организаций. Целью данной работы является анализ основных тенденций развития гендерной политики организаций праворадикального спектра современной Германии. Ярким примером эволюции гендерных предпочтений населения в политике стала Ангела Меркель, занимавшая должность канцлера страны с 2005 г. по 2021 г.

Незадолго до федеральных выборов 2021 г., вплоть до скандала с голосованием в ландтаге Тюрингии, где глава правительства был избран в том числе и голосами «Альтернативы для Германии» (АдГ), наследницей Меркель считалась также женщина – Аннегрет Крамп-Карренбауер. На выборах в Бундестаг 2021 г. одной из основных претенденток на должность преемницы Меркель была представительница «зелёных» Анналена Бербок. Хотя последняя и не получила места канцлера, она стала первой в истории Германии женщиной-министром иностранных дел. Именно у «зелёных» самая большая доля женщин в партии, которая составляет 41% [5]. Ещё больше их в составе партийного руководства и депутатов в выборных органах всех видов. Так, во фракции «зелёных» в Бундестаге 2017 – 2021 гг. женщин было 58,2%, а в правлении партии на конец сентября 2021 г. 50% [8]. Следует отметить, что представительство «слабого пола» в других партиях, представленных в Бундестаге несколько меньше: от 36,4% у «Левой», до 17,8% у считающейся правопопулисткой АдГ [5].

Материалы и методы. При работе автор опирался на комплекс источников, многие из которых ранее не использовались отечественными исследователями. Наряду с программными и уставными документами были рассмотрены материалы немецкой периодической печати средств массовой информации широкого политического спектра от левых до крайне правых. Важную роль играют документы и статистические материалы, официальных органов власти Федеративной республики. В исследовании были использованы системный комплексный подход, конкретно-исторический и сравнительно-исторические методы.

Анализ. В широчайшем спектре «малых» партий Германии разброс представительства женщин примерно соответствует парламентским, за исключением таких политических организаций, как, например, «Феминистская партия. Женщины», ставящей своей целью добиться «политической власти для женщин» [14, s. 2]. Практически все из примерно 400 членов этой организации являются представительницами «слабого» пола. Исключение составляют всего двое мужчин, в том

числе, некий Франк-Михаэль Малхов, «произведший хорошее впечатление» на руководство феминистской партии во время фестиваля лесбиянок и геев в Берлине и даже вошедший в правление берлинского отделения [4]. Несколько иная ситуация в политических организациях, против деятельности и даже существования которых решительно выступают как «зелёные», «левые» и феминистки, так и представители «народных» ХДС/ХСС и СДПГ. Это партии политического спектра «справа от центра» и даже справа от правопопулисткой АдГ. Наиболее значимыми среди них являются «ветеран» праворадикального движения «Национал-демократическая партия Германии» (НДПГ) и не так давно созданные «Правые» и «III – й путь». Хотя на выборах в Бундестаг в сентябре 2021 г. даже крупнейшая из «крайне правых» НДПГ получила всего 0,1% голосов [9], именно организации, считающиеся праворадикальными, являются главным раздражителем политической жизни страны и находятся на острие политического противодействия традиционных демократических сил.

Праворадикальные структуры всегда позиционировали себя как «мужские», проповедуя традиционные семейные ценности, где мужчина играет ведущую роль «защитника» и «добытчика», а женщина занимается домашним хозяйством и детьми. Крайне правые являются сторонниками жёсткого национализма, антисемитизма, культа силы, почитания героических свершений предков, включая деяния вермахта. Специальных «женских» частей программных документов, в отличие, например, от «зелёных», у крайне правых нет. Наоборот, они постоянно подчёркивают равенство полов и одинаковую роль женщин и мужчин в создании и функционировании нормальной, традиционной семьи, «состоящей из отца, матери и детей, обеспечивающей выживание нашей нации и её будущее» [21]. Любые другие виды семей отвергаются: считается необходимым отсутствие юридического равенства однополых отношений с семьей и запрет на усыновление для гомосексуальных пар [17]. Буквально во всех программах партий «справа от центра» присутствует требование государственной поддержки исключительно разнополых семей «потому что только в такой семье могут рождаться дети, а для того чтобы дети росли здоровыми, им нужны мать и отец» [6, s.13]. Очень важным пунктом, общим для программ крайне правых также является призыв к введению разнообразных государственных льгот для женщин с детьми, признание материнства профессией с необходимостью «ввести государственную зарплату матери с градацией в зависимости от количества и возраста детей» [21]. В отличие от феминисткиориентированных «зелёных», уверенных, что «женщина имеет право на аборт», правые радикалы считают его «убийством не рождённых детей» и требуют, чтобы «аборты проводились только ... в исключительно тяжелых случаях» [17].

Долгое время женщины становились частью праворадикального движения, прежде всего, в качестве «боевых подруг» и находились на втором плане. Если новый мужчина-партнёр оказывался не правым радикалом, женщина чаще всего покидала ряды экстремистов.

Однако определённые феминистские веяния добрались и до крайне правых. Праворадикальные экстремистки даже сражаются с гендерными предрассудками, как, например активистки товарищества «Круг девушек Тюрингии», который пытался объединить «гордых и уверенных в себе девушек и женщин, не желающих быть придатком мужчин и при этом не быть эмансипированными» [20, s.122]. Сегодня, как отмечает издание «Зюддойче цайтунг», женщины «улыбаются с плакатов НДПГ и придают партии буржуазный лоск, впрочем и судят их также, как и всех нарушителей закона» [22]. По мнению политолога Андреи Рёпке, современный правый экстремизм вовсе не является исключительно мужским феноменом. Исследовательница отмечает, что определённая часть женщин питает к мигрантам такую же сильную неприязнь, как и часть мужчин. Их объединяет биологическое мировоззрение, согласно которому существует естественная социальная иерархия. Эксперт по правому экстремизму Рената Битзан из Нюрнбергского технического университета уверена: «Когда речь идет об отношении к расизму, ксенофобии, исламофобии, гомофобии, женщины и мужчины, по большому счету, находятся на одном уровне. Женщины могут быть такими же расистами, как и мужчины» [16]. Как подчёркивает Рёпке, активистки современного правоэкстремистского движения, зачастую являются кем угодно, только не придатком мужчин: они уверены, что, мигранты живут за счёт немцев, что Германия превыше всего и что «боквурст лучше кебаба». Они носят одежду с пуговицами, на которых написано, «Сгори, Израиль!», а праворадикальное движение «значит для них всё» [20, s.91].

Своеобразным символом женского правого экстремизма в Германии стала престарелая нацистка и «отрицательница Холокоста» 1928 г. рождения Урсула Хавербек-Ветцель. Долгое время она действовала в тени своего мужа историка и публициста Хавербек Вернера-Георга, начинавшего деятельность ещё в Третьем рейхе и даже занимавшего высокие должности в структурах НДСАП. В послевоенное время Хавербек метался между левыми, экологами, новыми правыми, постепенно склоняясь к последним. Был одним из тех, кто поставил подпись под «Гейдельбергским манифестом», написал несколько скандальных книг, ставивших под сомнение преступления нацистов. Супруга активно поддерживала Хавербека практически во всех начинаниях, а после смерти мужа в 1999 г., не отошла в сторону, а продолжила его дело, постепенно занимая всё более экстремистские позиции. В 2010 г. партия «Правые», которой не хватало харизматичных лидеров, даже выдвинула её в качестве кандидата

на выборах в Европейский парламент. В 2015 г., телеканал ARD взял интервью у Хавербек-Ветцель, в котором она заявила, что «Холокост является величайшей ложью в истории» [23]. Деятельность Урсулы Хавербек-Ветцель не осталась незамеченной – в XXI в. она была привлечена к суду девять раз, получив несколько реальных сроков. Выйдя из заключения в начале 2020 г., она уже в декабре в возрасте 92 лет вновь была осуждена. В апреле 2022 г. в возрасте 93 лет она была снова приговорена к одному году лишения свободы за отрицание Холокоста в апелляционном процессе в окружном суде Берлина [10].

В XXI в. женщины по-прежнему составляют меньшинство в праворадикальных организациях Германии, но при этом, уже не считаются исключением, а минимум треть избирателей, голосующих за крайне правых, являются представительницами «слабого» пола. Женщины играют большую роль во внутрипартийной жизни, хотя доминируют там по-прежнему мужчины. В праворадикальной среде женщинам традиционно отводилась роль, которая «принадлежит ей по своей природе» – семья, окружающая среда, натуропатия, «забота об артериях» т.е. забота том, чтобы беречь и сохранять «немецкое народное сообщество». К этой сфере относятся вопросы здоровья и правильного питания, воспитание детей, поддержка мужа как борца за «политическую правду» и привитие «немецких» обычаев подрастающему поколению. Но этот традиционный образ женщины меняется и прежде всего потому, что правые радикалы в настоящее время также затрагивают такие проблемные сферы, как охрана окружающей среды, семья и социальная или культурная политика. Таким образом, автоматически создается пересечение с жизненными мирами женщин, которые теперь также активно участвуют как в политике, так и во внутрипартийной жизни. «Круг патриотических женщин» (КПЖ), структурное отделение НДПГ, пытается, например, решить проблемы баланса между работой и семьей и бороться за возможность более раннего законного выхода домохозяйек на пенсию. Активность и численность представительниц «слабого пола» в НДПГ постоянно растёт. Рената Битзан обращает внимание на то, что, хотя женщин среди правых радикалов пока ещё меньше, чем мужчин, женщины постоянно сокращают этот разрыв [7]. При этом, руководящие партийные должности женщины в праворадикальной среде занимают редко. Так в НДПГ из 12 членов правления только две женщины, а среди руководителей земельных организаций их совсем нет. Тем не менее, член правления партии и мать четырёх детей Рикарда Рифлинг уверена, что «однажды, руководителем НДПГ может стать женщина» [11].

Правые экстремистки стараются привлечь в свои ряды как можно больше сторонниц. В качестве своеобразной «приманки», например, используется так сказать, «неонацистский кутюр». Иными словами, женщины праворадикального

спектра теперь не чужаются модной одежды, но со своеобразным уклоном. Так, в розничной интернет-продаже у крайне правых есть различные товары для женщин и детей: от футболки с надписью «Дочь гордого Вотана» и нижнего белья с кодовым номером «88» (дважды повторенная восьмая буква X, немецкого алфавита, означающая нацистское приветствие), до детской рубашки «маленький Герман» [7]. Понимая возрастающее значение женщин в политической жизни, праворадикальные партии стараются любыми доступными им способами привлечь их на свою сторону. Так, по данным Ведомства по защите конституции, партия «III – й путь», предлагает бесплатные курсы самообороны для «немецких» женщин и детей [19, s.93]. Подобные предложения стали достаточно востребованными в связи с обострением миграционного кризиса 2014 – 2015 гг.: «Отсутствие реакции со стороны властей, угроза сексуального насилия вкупе с угрозой потери рабочих мест – все это заставляет немецких женщин обратиться внимание на праворадикальную идеологию» [1, с. 714].

«Праворадикально настроенные женщины, в основном, незаметны, но отнюдь не бездействуют: они планируют и поддерживают партийные мероприятия, активно работают в детских садах и школах, воспитывая потомство в народно-национальном духе» [2]. Упомянутая Рикарда Рифлинг также активно работала в качестве волонтера-куратора детской группы по плаванию, пока ее партийную принадлежность не раскрыли бдительные граждане, что привело к увольнению экстремистки [11]. Подобные случаи не редкость. Призывая быть бдительными, газета «Зюддойче цайтунг» опубликовала материал о том, как, неонастки, «проявляя нежность и дружелюбие» «проникают в души» других женщин. Так произошло, например, в семейном центре Хозн-Нойендорф, на окраине Берлина. Молодая мама Флорчак присматривала за маленькими детьми каждое утро вместе со своей подругой Сюзанной Мош, а некая Палау регулярно бывала там со своей дочерью и сыном. По словам Мош и Флорчак, Палау казалась приятной женщиной «близкой к «зеленому» кругу». Подобно им, она покупала в магазине экологически чистые продукты, следила за детьми, варила кофе для других матерей, делась женскими секретами и по сути, «считалась подругой». Однако, после появления фото в местной газете, её редактор «имеющий некоторое представление о крайне правой сцене», с «ужасом узнал» в Палау члена правления НДПГ и пресс-секретаря «Круга патриотических женщин». Отцом её детей оказался активист НДПГ и автор песен правозэкстремистского толка Йорг Хенель. Редактор немедленно отправился семейный центр и сообщил о своём открытии. Все были потрясены, сообщили руководству центра и Палау немедленно отстранили от работы. Бывшие подруги теперь не здороваются при случайных встречах. Как сообщает издание «Зюддойче Цайтунг», Мош не может опра-

виться от удара, так как «впустила Палау в своё сердце» [10]. Следует отметить, что несмотря на разоблачение, никто из пострадавших женщин не смог припомнить ни каких элементов неонацистской агитации со стороны Палау. Разоблаченную неонастку можно считать типичной представительницей праворадикальных активисток новой волны. Политический выбор был её личным решением, а не выбором мужа, или партнёра. Мать трёх детей, член правления НДПГ, Стелла Палау, увлеклась правозэкстремистскими идеями в ранней юности, вступила в партию в возрасте 27 лет и с тех пор занимает там руководящие позиции. Если говорить о муже, то бракосочетание с известным неонацистом Оливером Швейгертом, состоявшееся в апреле 2000 г. было приурочено к 111 годовщине рождения А. Гитлера, что, разумеется, следует рассматривать в качестве откровенной провокации. После развода со Швейгертом, она, в отличие от многих, не порвала с политикой, оставаясь в руководстве НДПГ. Именно Палау стала одной из учредительниц «Круга патриотических женщин», а в декабре 2007 г. вышла замуж за правозэкстремистского барда и политика Йорга Хеннеля, взяв его фамилию.

16 ноября 2006 г. около 50 женщин, среди которых были не только члены НДПГ, такие как Гитта Шюссер, Катарина Беккер и хозяйка дома, где проходило мероприятие – Юдит Роте, но и «беспартийные патриотки», провели организационное собрание КПЖ в Зюттерхаузен (Саксен-Анхальт). Большинство присутствовавших приехали из Берлина и новых федеральных земель. Целью создания новой организации было объявлено «привлечение внимание общественности к проблемам женщин-националисток, противостояние клише СМИ, а также формирование рупора национальных женщин – как внутри страны, так и за ее пределами. Ораторы подчёркивали, что время создания КПЖ давно назрело: «Сегодня многие женщины считают, что Германия находится в серьезной опасности, что нашей культуре угрожает мультикультурный бред и что мы, немцы как нация, вымираем» [13]. К сотрудничеству с новой организацией было решено привлекать как можно больше женщин, сочувствующих идеям НДПГ, но при этом, старающихся официально не быть с ней связанными. Собравшиеся решительно отвергли введение в партийный устав «женских квот», которые имеются практически у всех демократических партий. По мнению выступавших активисток, отсутствие шансов для женщин в НДПГ является мифом, поскольку в партии действует принцип «эффективности труда»: «Кто может чего-то добиться, тот и попадает на ответственные должности, независимо от того, мужчина это или женщина» [18].

Участие женщин в женских правозэкстремистских организациях, по мнению исследовательницы из Карлсруэ Эллен Езен, направлено не только на то, чтобы заретушировать негативный имидж правого радикализма в глазах обществен-

ности. Это ещё и попытка эмансипации, желание самим активно участвовать в политической жизни [12, с.2].

Результаты. Несмотря на усилия лидеров крайне правых в духе времени сделать женщин ударной силой своего движения, эти попытки пока успешны лишь отчасти. Правый радикализм и в начале XXI в. остаётся преимущественно идеологией мужчин. Если посмотреть на возрастной состав женщин-праворадикальных активисток, то он весьма показателен. Наиболее активна именно молодёжь в возрасте от 12 до 35 лет. Более взрослые женщины уходят в сферу воспитания детей и внуков, а те, кто остался, подобно Урсуле Хавербек-Ветцель, являются откровенными пережитками давно прошедших времён. Десятки ярких активисток правозкстремистского движения, в молодости бывших на слуху, с годами приходят к мысли том, что «жизнь прожита зря» и «всё могло быть по-другому». Поскольку иногда уйти от «старых товарищей» достаточно проблематично, они обращаются за помощью к государству. Известная в начале XXI в. исполнительница собственных песен праворадикального направления Аннет Мёк в 2011 г. стала участницей программы «Акция Новый старт». Программа была организована Ве-

домством по защите конституции Нижней Саксонии для тех изъявил желание «решительно и безопасно покинуть экстремистскую сцену» [3]. После смерти мужа, праворадикального музыканта Михаэля Мюллера и своего окончательного разрыва с правыми экстремистами в 2014 – 2016 годах Мёк не раз выступала с беседами перед учениками средних школ, в которых рассказывала о своем опыте, своём решении и об опасностях наркотика «правой музыки». Как и многие бывшие активистки праворадикального движения, Мёк жалеет о напрасно потерянных годах жизни.

Таким образом, несмотря на возрастающую роль женщин в праворадикальном движении Федеративной республики и появление новых сфер политической и общественной деятельности, где могут проявить себя экстремистки, само движение, по-прежнему остаётся преимущественно мужским. Именно мужчины чаще всего являются наиболее последовательными сторонниками идеологии «справа от центра», занимают руководящие должности, и формируют политические задачи, оставляя своих «боевых друзей» довольствоваться вторыми ролями. Отдельные случаи выдвижения женщин в руководящие органы являются, скорее, исключением, или касаются преимущественно низовых партийных структур.

Литература

1. Бурмистрова Е. С. Трансформация партийной идентичности немецких правых радикалов: в поисках «женской поддержки» // Вестник российского университета Дружбы народов. Серия: Политология. 2021. № 4(23). С.707-717.
2. Adler S. Unterm Radar. Frauen in der rechtsextremen Szene. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/frauen-in-der-rechtsextremen-szene-unterm-radar.1076.de.html?dram:article_id=479226 (accessed: 07.10.2023).
3. Aktion Neustart – Das Aussteigerprogramm «Extremismus». URL: <https://www.verfassungsschutz.niedersachsen.de/startseite/> (accessed: 04.10.2023).
4. Als Mann in der Feministischen Partei DIE FRAUEN. Interview mit Frank-Michael Malchow. URL: http://www.feministischepartei.de/fileadmin/user_upload/fmm-interview08_-_Kopie.pdf (accessed: 4.10.2023).
5. Anteil der Frauen an den Mitgliedern der politischen Parteien in Deutschland am 31. Dezember 2019. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/192247/umfrage/frauenanteil-in-den-politischen-parteien/> (accessed: 04.9.2021).
6. Arbeit, Familie, Vaterland. Unser Programm für Deutschland. S. 48. URL: <https://npd.de/themen/> (accessed: 06.10.2021).
7. Braun und weiblich: Frauen in der rechten Szene BR. URL: [dehttps://www.br.de/nachricht/rechtsausen/rechtsextremismus-extremismus-frauen-100.html](https://www.br.de/nachricht/rechtsausen/rechtsextremismus-extremismus-frauen-100.html) (accessed: 03.09.2021).
8. Bundesvorstand. Die Grünen. URL: <https://www.gruene.de/personen> (accessed: 03.09.2021).
9. Bundeswahl 2021. Ergebnistabelle. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html> (accessed: 10.10.2021).
10. Die ganz harten Weichspülerinnen. URL: sueddeutsche.de/politik/rechtsradikale-frauen-weiblich-smart-extrem-die-ganz-harten-weichspuelerinnen-1.897569 (accessed: 04.10.2023).
11. «Die Waffe bin ich selbst». URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/frauen-in-der-neonazi-szene-immer-mehr-frauen-wollen-in-der-npd-an-die-spitze> (accessed: 04.11.2021).
12. Esen E. Zwischen Windeln und Straßenkampf // «Mitläuferinnen & Macherinnen – Mädchen und rechtsextreme Orientierungen» am 28. Januar 2010 in Stuttgart. Stuttgart, 2010. 17 S.
13. Familie. Heimat. Gemeinschaft. URL: www.ring-nationaler-frauen.de (accessed: 04.11.2021).
14. Feministische Partei Die Frauen. Parteiprogramm. Berlin, 86 p. URL: http://www.feministischepartei.de/fileadmin/datensammlung/dokumente/2021/2021_02_Programm_V21.pdf (accessed: 28.09.2021).
15. Holocaust-Leugnerin Haverbeck zu einjähriger Haftstrafe verurteilt URL: <https://www.rbb24.de/politik/beitrag/2022/04/berlin-landgericht-holocaust-haftstrafe.html> (accessed: 04.10.2023).
16. Lochaus S. Feminismus von ganz rechts? URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2015-12/feminismus-marine-le-pen-frauke-petry-rechtsextremismus/> (accessed: 07.10.2021).
17. Programm der Partei Die Rechte. 12 S. URL: https://die-rechte.net/wp-content/uploads/2018/04/Programm_2018.pdf (accessed: 14.10.2023).
18. «Ring Nationaler Frauen» gegründet. URL: <https://npd-sachsen.de/ring-nationaler-frauen-gegruende>. (accessed: 14.10.2023).
19. Verfassungsschutzbericht 2020. Berlin: Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat, 2021. 417 S.
20. Röpke A., Speit A. Mädelsache! Frauen in der Neonazi-Szene. Links Verlag, Berlin, 2012. 122 S.
21. 10 Punkte Programm der Partei DER DRITTE WEG. URL: <https://der-dritte-weg.info/zehn-punkte-programm/> (accessed: 14.10.2023).
22. Weiblich, selbstbewusst, rechtsextrem. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/frauen-in-der-npd-weiblich-selbstbewusst-rechtsextrem-1.1782899> (accessed: 15.08.2023).
23. Wohltäter Hitler: Besuch bei Auschwitz-Leugnern. Panorama NDR. URL: https://www.youtube.com/watch?v=FfcoxBFpw-QU&ab_channel=ARD (accessed: 17.10.2023).

References

1. Burmistrova E. S. Transformation of party identity of German right-wing radicals: in search of "female support". *Vestnik Rossijskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 2021;4:707-717. (In Russ.).
2. Adler S. Unterm Radar. Frauen in der rechtsextremen Szene. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/frauen-in-der-rechtsextremen-szene-unterm-radar.1076.de.html?dram:article_id=479226 (accessed: 07.10.2023).
3. Aktion Neustart - Das Aussteigerprogramm «Extremismus». URL: <https://www.verfassungsschutz.niedersachsen.de/startseite/> (accessed: 04.10.2023).
4. Als Mann in der Feministischen Partei DIE FRAUEN. Interview mit Frank-Michael Malchow. URL: http://www.feministischepartei.de/fileadmin/user_upload/fmm-interview08_-_Kopie.pdf (accessed: 04.10.2023).
5. Anteil der Frauen an den Mitgliedern der politischen Parteien in Deutschland am 31. Dezember 2019. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/192247/umfrage/frauenanteil-in-den-politischen-parteien/> (accessed: 04.9.2021).
6. Arbeit, Familie, Vaterland. Unser Programm für Deutschland. 48 p. URL: <https://npd.de/themen/> (accessed: 06.10.2021).
7. Braun und weiblich: Frauen in der rechten Szene BR. URL: <https://www.br.de/nachricht/rechtsaussen/rechtsextremismus-extremismus-frauen-100.html> (accessed: 03.09.2021).
8. Bundesvorstand. Die Grünen. URL: <https://www.gruene.de/personen> (accessed: 03.09.2021).
9. Bundeswahl 2021. Ergebnistabelle. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html> (accessed: 10.10.2021).
10. Die ganz harten Weichspülerinnen. URL: sueddeutsche.de/politik/rechtsradikale-frauen-weiblich-smart-extrem-die-ganz-harten-weichspuelerinnen-1.897569 (accessed: 04.10.2023).
11. "Die Waffe bin ich selbst". URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/frauen-in-der-neonazi-szene-immer-mehr-frauen-wollen-in-der-npd-an-die-spitze> (accessed: 04.11.2021).
12. Esen E. Zwischen Windelwickeln und Straßenkampf/ «Mittläuferinnen & Macherinnen – Mädchen und rechtsextreme Orientierungen» am 28. Januar 2010 in Stuttgart. Stuttgart, 2010. 17 p.
13. Familie. Heimat. Gemeinschaft. URL: www.ring-nationaler-frauen.de (accessed: 04.11.2021).
14. Feministische Partei Die Frauen. Parteiprogramm. Berlin, 86 p. URL: http://www.feministischepartei.de/fileadmin/daten-sammlung/dokumente/2021/2021_02_Programm_V21.pdf (accessed: 28.09.2021).
15. Holocaust-Leugnerin Haverbeck zu einjähriger Haftstrafe verurteilt URL: <https://www.rbb24.de/politik/beitrag/2022/04/berlin-landgericht-holocaust-haftstrafe.html> (accessed: 04.10.2023).
16. Lochaus S. Feminismus von ganz rechts? URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2015-12/feminismus-marine-le-pen-frauke-petry-rechtsextremismus/> (accessed: 07.10.2021).
17. Programm der Partei Die Rechte. 12 p. URL: https://die-rechte.net/wp-content/uploads/2018/04/Programm_2018.pdf (accessed: 14.10.2023).
18. «Ring Nationaler Frauen» gegründet. URL: <https://npd-sachsen.de/ring-nationaler-frauen-gegruende>. (accessed: 14.10.2023).
19. Verfassungsschutzbericht 2020. Berlin: Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat, 2021. 417 p.
20. Röpke A., Speit A. Mädelsache! Frauen in der Neonazi-Szene. Links Verlag, Berlin, 2012. 122 p.
21. 10 Punkte Programm der Partei DER DRITTE WEG. URL: <https://der-dritte-weg.info/zehn-punkte-programm/> (accessed: 14.10.2023).
22. Weiblich, selbstbewusst, rechtsextrem. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/frauen-in-der-npd-weiblich-selbstbewusst-rechtsextrem-1.1782899> (accessed: 15.08.2023).
23. Wohltäter Hitler: Besuch bei Auschwitz-Leugnern. Panorama NDR. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ffcox-BFpwQU&ab_channel=ARD (accessed: 17.10.2023).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 343.14

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.17>

ПОЛУЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ОТ ЗАСЕКРЕЧЕННЫХ ЛИЦ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Елена Александровна Артамонова

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор юридических наук, доцент

artamonova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6054-4681>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются особенности получения показаний засекреченных свидетелей с использованием видео-конференц-связи в досудебном и судебном производстве по уголовному делу. **Материалы и методы.** Теоретическую основу составили опубликованные работы по вопросам исследования. Использование формально-юридического метода позволило выявить особенности получения таких показаний. **Анализ.** Обращается внимание на противоречивость законодательных предписаний, регламентирующих порядок допроса засекреченного свидетеля на предварительном расследовании. Отмечается, что четкое выполнение требований уголовно-процессуального закона об обязательной видеозаписи ВКС-допроса и предоставлении всех материалов уголовного дела обвиняемому и его защитнику на этапе окончания предварительного следствия (дознания) сводят на нет усилия, затраченные на принятие и реализацию соответствующих мер безопасности. Обосновывается невозможность и недопустимость получения показаний от засекреченного лица при помощи видео-конференц-связи в ходе очной ставки, исходя из сущностных особенностей этого следственного действия. Анализируется, в том числе с позиций соотношения с понятием «персональные данные», содержание понятия «данные о личности» применительно к процессуальной мере безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ. С позиций выполнения требований принципа состязательности, обеспе-

чения права на защиту и соблюдения баланса интересов сторон критически рассматривается сложившаяся судебная практика получения показаний свидетелей в условиях, исключающих их визуальное наблюдение участниками судебного разбирательства. **Результаты.** По итогам проведенного исследования излагается собственное видение решения проблемы получения показаний в зале суда от свидетеля, в отношении которого на предварительном расследовании были применены меры безопасности. Сформулированы и другие предложения по совершенствованию действующего законодательства и правоприменения по рассматриваемым вопросам.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, следственные действия, доказательства, видеодопрос, очная ставка, видеоопознание, предъявление для опознания, меры безопасности, данные о личности, засекреченные свидетели

Для цитирования: Артамонова Е. А. Получение показаний посредством видео-конференц-связи от засекреченных лиц при производстве по уголовному делу. в четвертый // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 677-683. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 09.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 15.07.2023.

Статья принята к публикации: 29.08.2023.

Research article

OBTAINING TESTIMONY VIA VIDEO CONFERENCE CALLS FROM CLASSIFIED PERSONS DURING CRIMINAL PROCEEDINGS

Elena A. Artamonova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (Law), Associate Professor

artamonova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6054-4681>

Abstract. Introduction. This article discusses the features of obtaining the testimony of classified witnesses using video conferencing in pre-trial and judicial proceedings in a criminal case. **Materials and methods.** Published works on research issues served the theoretical basis. The use of the formal legal method made it possible to identify the features of obtaining such testimony. **Analysis.** Attention is drawn to the inconsistency of legislative prescriptions regulating the procedure for questioning a classified witness at a preliminary investigation. It is noted that strict compliance with the requirements of the Criminal Procedure Law on mandatory video recording of the videoconferencing and the provision of all materials of the criminal case to the accused and his defender at the end of the preliminary investigation (inquiry) negate the efforts spent on the adoption and implementation of appropriate security measures. The author substantiates the impossibility and inadmissibility of obtaining testimony from a classified person using video

conferencing during a confrontation, based on the essential features of this investigative action. The content of the concept of "personal data" is analyzed, including from the standpoint of correlation with the concept of "personal data" in relation to the procedural security measure provided for in Part 9 of Article 166 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. From the standpoint of fulfilling the requirements of the adversarial principle, ensuring the right to defense and maintaining the balance of interests of the parties, the current judicial practice of obtaining witness testimony in conditions that exclude their visual observation by participants in the trial is critically considered. **Results.** The author presents his own vision of solving the problem of obtaining testimony in the courtroom from a witness against whom security measures were applied during the preliminary investigation. Other proposals have also been formulated to improve the current legislation and law enforcement on the issues under consideration.

Keywords: video conference call, investigative actions, evidence, video interrogation, confrontation, video identification, presentation for identification, security measures, identity data, classified witnesses

For citation: Artamonova E. A. Obtaining testimony via video conference calls from classified persons during criminal proceedings. *Humanities and law research*. 2023;10(4): 677-683. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.17>

Введение. Самым распространённым источником доказательств вплоть до настоящего времени остаются показания свидетелей. Законным способом их получения выступает допрос. Сегодня, в зависимости от места нахождения допрашиваемого, предусмотрены две формы его производства: обычная, когда допрашиваемый и допрашивающий находятся лично и непосредственно в месте допроса («офлайн»), и относительно новая – дистанционная («онлайн»), когда показания правоприменитель получает посредством видео-конференц-связи (далее – ВКС). Обе применимы как в ходе предварительного расследования, так и в суде, а общие правила их производства достаточно подробно регламентированы (ст. 188, 189.1, 278, 278.1, 241.1 УПК РФ). Вместе с тем, не совсем ясна ситуация с допустимостью показаний, полученных посредством ВКС, если к допрашиваемому приняты процессуальные меры безопасности, под которыми понимают конкретные приёмы, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, реализуемые правоприменителем, «направленные на достижение, сохранение и поддержание состояния защищённости объектов безопасности в сфере уголовного судопроизводства» [17, с. 76].

Комплекс процессуальных мер безопасности, которые могут быть применены при производстве по уголовному делу, предусмотрен в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. В частности, если свидетелю, его близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением имущества и т.п., правоприменитель может его «засекретить», то есть сохранить в тайне для остальных, прежде всего вовлекаемых участников уголовного судопроизводства, подлинные данные о личности свидетеля. Реализуется это на предварительном расследовании путём неупоминания в протоколе допроса таких сведений (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), а в суде – посредством обеспечения отсутствия визуального наблюдения допрашиваемого другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Порядок применения указанных мер безопасности был предусмотрен ещё до внесения в закон положений, разрешающих проведение допроса с использованием цифрового способа связи, его законодательная регламентация до настоящего времени не претерпела в связи с этим никаких изменений, что на практике влечёт проблемы совмещения этих двух институтов, и, как следствие, вызывает необходимость осмысления допустимости получения показаний в таком

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 09.06.2023.

The article was approved after reviewing: 16.07.2023.

The article was accepted for publication: 29.08.2023.

порядке от засекреченных лиц, особенно в досудебном производстве.

Материалы и методы. Основой проведённого исследования стали научная и специальная литература, российское законодательство и правоприменительная практика, относящиеся к рассматриваемым вопросам. Прежде всего, был использован диалектический метод, а также применялись иные общенаучные и специально-юридические методы научного познания. Выводы и предложения основаны в первую очередь на анализе действующего уголовно-процессуального закона и его правоприменении.

Анализ. Допустимость полученных показаний обеспечивается выполнением многих критериев, в том числе соблюдением предусмотренного законом порядка следственного действия (допроса). В настоящее время применительно к предварительному расследованию производство онлайн-допроса регламентировано ст. 189.1 УПК РФ, каких-либо особых указаний по порядку получения показаний в таком формате от засекреченных лиц она не содержит. Главное, чтобы у следователя (дознателя) не было опасений, что данные о защищаемом лице могут быть разглашены (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ). Вместе с тем, возникают вопросы, которые ставят под сомнение возможность производства допроса засекреченного свидетеля по ВКС, и, как следствие, невозможность получения таким способом допустимого доказательства.

Как правильно проводить такой допрос? Нужно ли следователю (дознателю) при производстве онлайн-допроса засекреченного лица применять технические приёмы, обеспечивающие неузнаваемость допрашиваемого? Использовать программное обеспечение, изменяющее голос допрашиваемого, исключаящее его видимость? Охватывается ли понятием «данные о личности», на сохранение в тайне которых и направлена процедура засекречивания свидетеля (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), внешность лица и индивидуальные признаки его голоса?

Понятие «данные о личности» в действующем уголовно-процессуальном законе не раскрывается. Более распространённым и нормативно определённым является другое понятие – «персональные данные». Согласно п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) понятием «персональные данные» охватывается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённом или определяемому физическому лицу (https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/). В Указе Президента РФ «Об

утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) под персональными данными понимается любая информация, которая так или иначе относится к определённому лицу, в том числе информация о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющая идентифицировать его личность (п. 1 Перечня) (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13532/0179b6b5a612a4e6b17de579e3589aa0526bfe79/). Принимая во внимание их предписания, представляется, что для нужд уголовного судопроизводства применительно к рассматриваемому вопросу понятие «данные о личности» следует понимать шире, чем его буквальное истолкование, и включать в него не только фамилию, имя и отчество, полную дату (число, месяц, год) и место рождения, личную подпись, то есть то, что принято ещё называть паспортными данными, но и индивидуальные особенности внешности и индивидуальность голоса (тембр, высота, сила).

Внешность определяется анатомическими (расовая принадлежность, пол, возраст, рост, комплекция, черты лица, волосы и т.д.) и динамическими, функциональными (осанка, походка, жесты, мимика, артикуляция и пр.) признаками, в том числе особыми приметами (врождённые пороки развития, приобретённые увечья). В отдельных случаях конкретный человек может даже ассоциироваться через пристрастия в одежде или использование индивидуально определённых предметов личного пользования [2, с. 113]. Отсюда, сокрытию подлежат не только базовые сведения (паспортные данные) о конкретном человеке, но и его физиологические и биологические параметры, что, в частности, подтверждается предписаниями, устанавливающими меры безопасности в отношении опознающего для обеспечения невозможности его визуального наблюдения со стороны опознаваемого (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) и свидетеля при его допросе в судебном заседании в условиях, исключающих визуальное наблюдение допрашиваемого другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Независимо от того, как проводится допрос: офлайн или онлайн, главными действующими лицами являются следователь (дознатель) и допрашиваемый, все иные лица участвуют в этом следственном действии в интересах последнего, что, на первый взгляд, не требует каких-либо дополнительных мер, кроме присвоения псевдонима. Но в случае получения показаний по ВКС, ход допроса в силу прямого указания в законе подлежит видеозаписи (ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ), которая приобщается к протоколу допроса в качестве приложения. При выполнении требований ч. 1 ст. 217 УПК РФ сторона защиты вправе знакомиться в том числе и с такими видеозаписями. Прямое указание закона и сущностное понимание принципа обеспечения права на защиту, состав-

ным элементом которого является право обвиняемого и его защитника на ознакомление со всеми материалами дела, делает в таких случаях бесполезными принятые меры по засекречиванию свидетеля. Налицо «фикция конфиденциальности» [9, с. 102].

Вопрос видеозаписи допроса засекреченного лица, проводимого по ВКС, не схоластический. Он имеет значение для установления допустимости полученных показаний. Здесь уместна известная формула, перефразированная применительно к рассматриваемому случаю: «производить нельзя не производить».

Если исходить из буквальных предписаний закона, проводить видеозапись ВКС-допроса засекреченного лица нужно обязательно, иначе нарушение требований действующего уголовно-процессуального закона влечёт признание полученных показаний недопустимым доказательством (ст. 75 УПК РФ). Значит, «производить, нельзя не производить». А для того, чтобы избежать рассекречивания личности свидетели на этапе выполнения требований ст. 217 УПК РФ, предлагается использовать технологии изменения внешности и/или голоса, гарантирующие защищаемому лицу неузнаваемость [9, с. 102]. По такому пути пошёл, в частности, законодатель Республики Беларусь, закрепивший возможность допроса лица, к которому применены меры безопасности, по ВКС с соответствующими изменениями внешности и (или) голоса, обеспечивающими его неузнаваемость (ч. 11 ст. 224.1 УПК РБ от 16.07.1999 № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 09.03.2023) (https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&pos=2362;-55#pos=2362;-55)).

Но если взять за основу именно такой порядок ВКС-допроса защищаемого лица, что же тогда получается? Следовательно, проводя следственное действие, общается «с чёрным экраном», говорящим металлическим голосом? А как наладить психологический контакт? Как применять тактические и психологические приёмы правомерного воздействия с целью получения достоверных показаний? Как оценивать полученные показания, не видя собеседника, не имея возможности считывать вербальные и невербальные особенности его поведения (интонацию, мимику, жестикуляцию, физиологические реакции, например, потение, побледнение и пр. [3, с. 165 – 166])? Ведь о заведомой ложности показаний допрашиваемого «косвенно могут свидетельствовать признаки поведения – не только информационные, но и неречевые, их рассогласованность» [13, с. 177]. Это и так объективно затруднено при использовании ВКС (искажается восприятие и звук), а при работе с «котом в мешке» вообще невозможно. Следовательно, исходя из логики и объективной необходимости в отношении видеозаписи ВКС-допроса засекреченного лица должен действовать другой постулат: «производить нельзя, не

производить». Вариант, когда ВКС-допрос засекреченного лица осуществляется по общим правилам, за исключением его видеозаписи представляется более предпочтительным. Для его претворения в жизнь в ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ следует сделать оговорку, закрепив, что на предварительном расследовании применение видеозаписи в ходе следственных действий, проводимых с использованием ВКС, обязательно, за исключением получения показаний от лиц, в отношении которых приняты меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Буквально ст. 189.1 УПК РФ содержит предписание о возможности производства на следствии (дознании) по ВКС помимо допроса и двух других следственных действий: очной ставки и предъявления для опознания. Условие то же: надлежащее обеспечение неразглашения данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ). Вместе с тем, относительно очной ставки дистанционное участие засекреченного лица в этом следственном действии вызывает много вопросов, в том числе о допустимости полученных от него показаний.

Для того, чтобы сохранить в тайне личность одного из оппонентов очной ставки, находящегося по ту сторону экрана, его необходимо «спрятать», то есть создать такие условия, которые позволят изменить голос и исключить его визуальное наблюдение оппонентами и допрашивающим как в момент производства этого следственного действия, так и на его видеозаписи, что возможно с помощью соответствующего программного обеспечения. Но как быть с выполнением предписания ч. 2 ст. 192 УПК РФ, в силу которого правоприменитель обязан выяснить у оппонентов знают ли они друг друга, если один участник очной ставки («засекреченный») своего визави видит и слышит, пусть через экран, но без каких-либо специально создаваемых помех, а другой – своего собеседника не видит вообще и слышит технически изменённый голос? Более того, все вопросы участника очной ставки, в отношении которого не приняты меры безопасности, могущие хоть как-то навредить на личность засекреченного отсекаются правоприменителем. Изначально для участников такой очной ставки процедурно созданы неравные условия. В таких условиях постановка обозначенного вопроса логически нецелесообразна, получить чёткий ответ на него от участника очной ставки, в отношении которого меры безопасности не применялись, объективно невозможно. А это невыполнение прямых требований закона. Как оно соотносится с предписаниями ст. 75 УПК РФ? Формально это нарушение требований уголовно-процессуального закона, влекущее недопустимость полученных показаний.

При производстве очной ставки с дистанционным участием засекреченного лица невозможно в полной мере реализовать и тактико-психологические приёмы, присущие этому след-

ственному действию. Тактика очной ставки основана на непосредственном контакте допрашиваемых лиц. «Очная» значит происходящая при личной встрече, при личном общении; связанная с личным присутствием [5]. Дистанционный формат вообще не совместим с сущностью этого следственного действия. При участии одного из допрашиваемых в очной ставке по ВКС исключается «эффект присутствия» оппонента, не происходит непосредственного воздействия одного лица на другое. Социально-психологический «эффект присутствия» заключается в том, что допрашиваемый даёт показания не только в присутствии следователя (дознателя), но и в присутствии третьего лица – своего оппонента, с которым часто знаком. «В этих условиях поведение человека становится ситуативно-реактивным, ориентированным на социальное ожидание, при этом возможны прорывы в защитной доминанте допрашиваемого» [10, с. 183; 11]. Участие по ВКС в очной ставке засекреченного лица сводит на нет взаимное социально-психологическое воздействие допрашиваемых друг на друга (глядя глаза в глаза). И самое главное, не позволяет правоприменителю осуществлять постоянное неотрывное наблюдение за обоими участниками очной ставки (их мимикой, жестами, условными знаками, экспрессивными движениями), что влечёт невозможность считывать вербальные и невербальные особенности поведения допрашиваемых, особенно засекреченного, при их общении друг с другом и с допрашивающим [12, с. 169].

Всё это указывает на недопустимость в принципе проведения очной ставки с засекреченным лицом, а тем более с использованием ВКС, и, как следствие, невозможность получения допустимых доказательств таким способом.

Ещё одним следственным действием, производство которого в ходе предварительного расследования возможно с использованием ВКС, является предъявление для опознания. Применительно к предъявлению для опознания живого лица предусмотрена и особая мера безопасности, обеспечивающая отсутствие визуального наблюдения опознаваемого опознающего, участвующего в производстве по уголовному делу под псевдонимом (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Опознаваемый, не видя опознающего, не может его запомнить или узнать, что и позволяет обезопасить последнего. В то же время, при использовании ВКС возможно искажение восприятия объекта опознания, что может привести к ошибкам со стороны опознающего, и, как следствие, к неблагоприятным последствиям для опознаваемого.

Опознающий в ходе предъявления для опознания даёт объяснения по каким признакам он опознал предмет или лицо (ч. 7 ст. 193 УПК РФ), что роднит полученные сведения с показаниями. В процессуальной литературе отмечается, что именно смешанная гносеологическая природа предъявления для опознания, его весомая вер-

бальная составляющая (словесное описание признаков объекта) стала предпосылкой для отнесения его к следственным действиям, производство которых разрешено с использованием ВКС [16, с. 137]. Вместе с тем, на допустимость полученных таким способом доказательств главным образом влияет невербальный компонент (особенности восприятия объекта опознания через технические средства связи, невозможность повторного опознания (ч. 3 ст. 193 УПК РФ) в случае несанкционированного прерывания связи и пр.).

В судебном заседании получение показаний от засекреченных свидетелей по ВКС (ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ст. 278.1 и ст. 241.1 УПК РФ) не является редкостью [7]. Они используются в доказывании наравне с показаниями, данными участниками процесса в обычном порядке в зале суда. Так, апелляционная инстанция не нашла оснований для признания недопустимыми показаний ряда засекреченных свидетелей, допрошенных по ВКС, указав, что сторонам была предоставлена возможность задавать им вопросы; права, обязанности, ответственность разъяснены; их личность установлена, в чём сомнений у суда не возникло (Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 02.07.2020 по делу № 222-АПУ20-2) (<https://sudact.ru/vsrf/doc/h4pk4T41d55/>). Вместе с тем, такой порядок получения доказательств критикуется и со стороны адвокатского сообщества [1; 8], и в процессуальной литературе [14; 15]. Прежде всего, речь идёт о затруднениях в реализации принципа состязательности и нарушении права на защиту. Подсудимый не имеет реальной возможности оспорить в полном объёме и опровергнуть показания, даваемые против него засекреченным лицом. Ему не известно, кто даёт показания, он может лишь догадываться об этом. Проверить такие показания на предмет возможного оговора или фальсификации со стороны обвинения для защиты объективно невозможно. Все вопросы, направленные на выяснение в каких отношениях «тайный свидетель» находится с подсудимым, при каких обстоятельствах ему стали известны излагаемые сведения, либо отклоняются правоприменителем, либо сам засекреченный отказывается на них отвечать, мотивируя это тем, что ответ позволит установить его личность. В таких обстоятельствах остро стоит вопрос о балансе соблюдения прав сторон, их правообеспечительном равенстве. С одной стороны, реализация права на защиту, с другой, – необходимость сохранить в тайне личность засекреченного лица в целях обеспечения его безопасности. В условиях нынешнего правового регулирования наблюдается явное смещение в сторону последнего (в частности, сторона защиты лишена возможности оценить правомерность принятия решения о присвоении псевдонима, не вправе его оспорить, что не соответствует гарантиям защиты от произвольного и необоснованного обвинения).

В результате снижается качество правосудия, усложняется оценка доказательств.

Последнее обусловлено двумя моментами: использованием ВКС и засекреченностью носителя информации. Использование ВКС в любом случае влечёт «снижение качества правосудия, поскольку влияет на фундаментальные принципы», прежде всего, «непосредственности и оценки доказательств» [6]. В основу принимаемого решения не могут быть положены преимущественно или исключительно показания засекреченного лица. М. С. Спиридонов и вовсе предлагает рассматривать показания засекреченного лица как особый вид доказательств, объясняя это тем, что такие показания требуют специальных критериев для оценки и более тщательной проверки [14].

При совмещении этих двух критериев особенно остро встаёт проблема исследования и оценки полученных по ВКС показаний засекреченных лиц при дефиците других изобличающих подсудимого доказательств. С целью достижения баланса интересов сторон, и, прежде всего, исключения произвола со стороны органов обвинения представляется правильной следующая формула. При реальной, объективно подтверждённой опасности для свидетеля, в отношении него в досудебном производстве и после судебного разбирательства могут быть применены все возможные и объективно целесообразные меры безопасности: и процессуальные (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), и предусмотренные законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (<https://base.garant.ru/12136633/>). Но в суде первой инстанции такие свидетели должны давать показания лично, непосредственно и открыто. Только так сторона защиты получит реальную возможность обнаружить и продемонстрировать противоречия в доказательственной базе обвинения. Реальное и открытое выступление такого свидетеля представляется необходимым и обязательным только в суде первой инстанции при рассмотрении дела по существу. Регламентируя порядок рассмотрения уголовного дела в апелляционной инстанции, закон не содержит требования об обязательном повторном исследовании всех имеющихся в деле доказательств. Наоборот, закрепляет правило, согласно которому свидетели, давшие показания в суде первой инстанции, допрашиваются в апелляции только если суд признает это необходимым (ч. 5 ст. 389.13 УПК РФ, п. 12 (1) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/). При наличии обстоятельных показаний, полученных от лица, к которому были применены и применя-

ются меры безопасности, объективной необходимости в их повторном получении не усматривается, о чём с целью легализации (официального признания) предлагаемого подхода достаточно будет дополнить упомянутое выше постановление Пленума Верховного Суда РФ соответствующими разъяснениями.

Если же требование личного, непосредственного и открытого участия такого свидетеля в судебном разбирательстве невыполнимо, например, по причине невозможности обеспечить в последующем его безопасность (свидетель обоснованно, и этому есть подтверждение в материалах дела, опасается за свою жизнь (здоровье, имущество), жизнь (здоровье, имущество) своих родных и близких), – прокурору-гособвинителю, как субъекту, предъявляющему в суде доказательства обвинения, надлежит совсем отказаться от получения и исследования в судебном заседании показаний таких лиц, и доказывать виновность подсудимого совокупностью иных собранных по делу доказательств.

Результаты. Как в досудебном, так и в судебном производстве при получении показаний от засекреченного лица в результате ВКС-допроса

«должны быть предприняты меры по обеспечению соразмерности и оправданности связанных с использованием таких средств ограничения права на защиту и преследуемой цели» [4, с. 177]. Реализация процессуальных мер безопасности, применяемых к охраняемым лицам, в сочетании с применением цифровых способов связи для получения от них показаний, нуждается в более детальной регламентации, в том числе с позиций соблюдения баланса интересов сторон. В частности, действующие предписания, регламентирующие производство следственных действий по ВКС, требуется уточнить, во-первых, дополнив ст. 189.1 УПК РФ положением, исключающим видеозапись ВКС-допроса, если к допрашиваемому приняты меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166 УПК РФ, и предписанием о запрете производства очной ставки по ВКС (вообще, а не только с засекреченным лицом). Во-вторых, – дополнить ст. 278.1 УПК РФ требованием доставлять непосредственно в суд на допрос свидетелей, чьи подлинники данные сохранялись на предварительном расследовании в тайне, а при невозможности этого, требованием отказаться от использования их показаний в доказывании.

Литература

1. Быков А. Проблема «засекреченных свидетелей» // Адвокатская газета. 2023. 20 апреля. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problema-zasekrechennykh-svideteley/> (дата обращения: 07.07.2023).
2. Гавриленко А. А., Горбачёва Е. В. Значение установления отдельных данных о личности обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 111–118.
3. Гонтарь С. А. Диагностические признаки скрываемой причастности человека к преступлению // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 165–166.
4. Давыдова Н. Н. Сущность принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном процессе // Принципы российского уголовного судопроизводства: монография / под ред. Н.С. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 165–179.
5. Значение слова «Очный» в толковом словаре Ефремовой. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Очный-в-словаре-Ефремовой> (дата обращения: 12.05.2023).
6. «Никакой драмы в нашем прощании с ЕСПЧ нет». Интервью с профессором Л. В. Головкин / записал И. Рамазанов // Уголовный процесс. 2023. № 2. С. 32–39. URL: <https://e.uopr.ru/1008346> (дата обращения: 16.06.2023).
7. Осодоева Н. В. Допрос свидетеля «под псевдонимом» посредством видео-конференц-связи // Уголовный процесс. 2022. № 8. С. 80–85. URL: <https://e.uopr.ru/979934> (дата обращения: 16.06.2023).
8. Павлова З. Адвокаты хотели привлечь к ответственности за слова о том, что засекреченному свидетелю подсказывают ответы // Адвокатская газета. 2023. 10 мая. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokata-khoteli-privlech-k-otvetstvennosti-za-slova-otom-chto-zasekrechennomu-svidetelyu-podskazyv/> (дата обращения: 09.07.2023).
9. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 1. С. 98–105.
10. Пономарева Е. А. Очная ставка психология // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 183.
11. Психология очной ставки // Чернышова Е. В., Злоказов К. В. Полицейская психология: учебное пособие. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2016. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/police/016.htm> (дата обращения: 13.05.2023).
12. Романов В. В. Допрос на очной ставке // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 169.
13. Романов В.В. Лжесвидетельство при допросе // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 177.
14. Спиридонов М. С. Тонкости допроса свидетеля под псевдонимом // Уголовный процесс. 2023. № 4. С. 70–79. URL: <https://e.uopr.ru/1018344> (дата обращения: 16.06.2023).
15. Сурменева С. В., Спиридонов М. С. Дистанционное участие в судебном разбирательстве уголовного дела. Новые возможности // Уголовный процесс. 2023. № 6. С. 64–71. URL: <https://e.uopr.ru/1028225> (дата обращения: 15.06.2023).
16. Фарафонова О. А. О возможности производства предъявления для опознания посредством видео-конференц-связи // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 134–138.
17. Францифоров Ю. В., Исаев А. Э. Безопасность в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 152 с.

References

1. Bykov A. The problem of “secret witnesses”. *Advokatskaya gazeta*. 2023. April 20. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problema-zasekrechennykh-svideteley/> (accessed: 07.07.2023). (In Russ.).
2. Gavrilenko A. A., Gorbacheva E. V. The importance of establishing individual data about the identity of the accused in criminal proceedings. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. 2011;4 (55):111-118. (In Russ.).
3. Gontar' S. A. Diagnostic signs of hidden human involvement in a crime. *Encyclopedia of Legal Psychology*. Ed. by A.M. Stolyarenko. Moscow: YUNITA-DANA; 2003. p. 165-166. (In Russ.).

4. Davydova N. N. The essence of the principle of protecting the rights and freedoms of man and citizen in Russian criminal proceedings. Principles of Russian criminal proceedings: monograph. Ed. by N. S. Manovoi. Moscow: Yurlitinform; 2019. p. 165-179. (In Russ.).
5. The meaning of the word "Full-time" in Efremova's explanatory dictionary. URL: <https://glosum.ru/Znachenie-slova-Ochnyi-v-slovare-Efremovoi> (accessed: 12.05.2023). (In Russ.).
6. "There is no drama in our farewell to the European Court of Human Rights" Interview with Professor L.V. Golovko. Recorded by I. Ramazanov. *Ugolovnyi protsess*. 2023;2:32-39. URL: <https://e.ugpr.ru/1008346> (accessed: 16.07.2023). (In Russ.).
7. Osodoeva N. V. Interrogation of a witness "under a pseudonym" via video conference call. *Ugolovnyi protsess*. 2022;8:80-85. URL: <https://e.ugpr.ru/979934> (accessed: 16.05.2023). (In Russ.).
8. Pavlova Z. They wanted to prosecute the lawyer for saying that the secret witness was being told the answers. *Advokatskaya gazeta*. 2023. May 10. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokata-khoteli-privlech-k-otvetstvennosti-za-slova-o-tom-chto-zasekrechennomu-svidetelyu-podskazyv/> (accessed: 07.07.2023). (In Russ.).
9. Plakhota K. S. The use of video conferencing by the investigator (inquirer) during investigative actions. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2022;1:98-105.
10. Ponomareva E. A. Face-to-face Psychology in Entsiklopediya yuridicheskoi psikhologii. Ed by A.M. Stolyarenko. Moscow: YuNITA-DANA, Zakon i parvo; 2003. P. 183. (In Russ.).
11. Face-to-face Psychology in Chernyshova E. V., Zlokazov K. V. Political psychology: textbook. Ekaterinburg: Ural State Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia publ., 2016. 184 p. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/police/016.htm> (accessed: 13.05.2023). (In Russ.).
12. Romanov V. V. Interrogation at confrontation in Encyclopedia of Legal Psychology. Ed by A.M. Stolyarenko. M.: YuNITA-DANA, Zakon i pravo; 2003. P. 169. (In Russ.).
13. Romanov V. V. Perjury during interrogation in Encyclopedia of Legal Psychology. Ed by A.M. Stolyarenko. M.: YuNITA-DANA, Zakon i parvo; 2003. P. 177. (In Russ.).
14. Spiridonov M. S. Subtleties of interrogating a witness under a pseudonym. *Ugolovnyi protsess*. 2023;4:70-79. URL: <https://e.ugpr.ru/1018344> (accessed: 16.06.2023). (In Russ.).
15. Surmeneva S. V., Spiridonov M. S. Remote participation in criminal proceedings. New opportunities. *Ugolovnyi protsess*. 2023; 6:64-71. URL: <https://e.ugpr.ru/1028225> (accessed: 15.06.2023). (In Russ.).
16. Farafonova O. A. On the possibility of producing a presentation for identification through video conferencing. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess*. 2023;1:134-138. (In Russ.).
17. Frantsiforov Yu. V., Isaev A. E. Security in criminal proceedings: monograph. Moscow: Yurlitinform; 2023. 152 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 342.94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.18>

МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА

Александр Сергеевич Зубков

Саратовская государственная юридическая академия (д. 104, ул. Чернышевского Н.Г., Саратов, 410056, Российская Федерация)

Соискатель

k_ap@ssla.ru; <https://orcid.org/0009-0009-6342-674X>

Аннотация. Введение. Статья посвящена рассмотрению отдельных мер административного принуждения, применяемых в целях охраны общественных отношений в области строительства, а также определению проблем их правового закрепления. **Материалы и методы.** Исследование построено на основе анализа законодательных положений, определяющих порядок применения мер административного принуждения в области строительства. Использование формально-юридического метода позволило раскрыть содержание правовых норм, посвященных их регламентации. **Анализ.** Административно-правовая охрана общественных отношений в области строительства подразумевает необходимость реализации различных мер административного принуждения. Законодательство характеризуется отсутствием исчерпывающего перечня таких мер. Об их содержании можно судить при анализе конкретных статей различных нормативных актов. **Результаты.** Меры административного принуждения в области строительства могут быть разграничены на административно-предупредительные; административно-восстановительные; меры административного пресечения; меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; административные наказания. Автор констатирует необходимость нормативного закрепления предписания контрольного (надзорного) органа в области строительства и конкретизации его соотношения с актом контрольного (надзорного) мероприятия. Предписание контрольного (надзорного) органа в области строительства необ-

ходимо рассматривать как меру административного принуждения, применяемую на основании акта контрольного (надзорного) органа в случае выявления при проведении контрольного (надзорного) мероприятия нарушений обязательных требований, направленную на пресечение действий (бездействия), содержащих признаки нарушения обязательных требований в области строительства, а также предупреждение таких нарушений в дальнейшем посредством проведения мероприятий по предотвращению причинения вреда (ущерба) общественным отношениям в области строительства. Обоснована необходимость расширения перечня административных наказаний, содержащихся в КоАП РФ, посредством включения в него новой меры – исключение из государственного реестра саморегулируемых организаций.

Ключевые слова: административное принуждение, меры, предписание, государственный надзор, строительство, административные наказания, саморегулируемые организации

Для цитирования: Зубков А. С. Меры административного принуждения, применяемые в области строительства // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 684-690. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.18>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 27.06.2023.

Статья принята к публикации: 29.08.2023.

Research article

ADMINISTRATIVE COERCIVE MEASURES USED IN THE FIELD OF CONSTRUCTION

Alexander S. Zubkov

Saratov State Law Academy (104, Chernyshevsky N.G. St., Saratov, 410056, Russian Federation)

Degree applicant

k_ap@ssla.ru; <https://orcid.org/0009-0009-6342-674X>

Abstract. Introduction. The article studies certain administrative coercive measures used to protect public relations in the field of construction, as well as to identifying the problems of their legal consolidation. **Materials and methods.** The study is based on an analysis of legislative provisions that determine the procedure for applying administrative coercive measures in the field of construction. The use of the formal legal method made it possible to reveal the content of legal norms devoted to their regulation. **Analysis.** Administrative and legal protection of public relations in the field of construction implies the need to implement various measures of administrative coercion. The legislation is characterized by the absence of an exhaustive list of such measures. Their content can be judged by analyzing specific articles of various regulations. **Results.** Administrative coercive measures in the field of construction can be divided into administrative and preventive; administrative and recovery; administrative measures; measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses; administrative penalties. The author states the need to normatively consolidate the order of the control (supervisory) body in the field of construction and specify its relationship with the act of control (supervisory) activity. An order from a control (supervisory) body in the field of construction must be considered as an administrative

coercive measure applied on the basis of an act of a control (supervisory) body in the event of violations of mandatory requirements being detected during a control (supervisory) event, aimed at suppressing actions (inactions) containing signs of violation mandatory requirements in the field of construction, as well as preventing such violations in the future by taking measures to prevent harm (damage) to public relations in the field of construction. The need to expand the list of administrative penalties contained in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is substantiated by including a new measure - exclusion from the state register of self-regulatory organizations.

Keywords: administrative coercion, measures, instructions, state supervision, construction, administrative penalties, self-regulatory organizations

For citation: Zubkov A. S. Administrative coercive measures used in the field of construction. *Humanities and law research*. 2023;10(4):684-690. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.18>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.05.2023.

The article was approved after reviewing: 27.06.2023.

The article was accepted for publication: 29.08.2023.

Введение. Административно-правовая охрана общественных отношений в области строительства подразумевает необходимость реализации различных мер административного принуждения. Однако законодательство характеризуется отсутствием исчерпывающего перечня таких мер. Об их содержании можно судить лишь при анализе конкретных статей различных нормативных актов.

Материалы и методы. Исследование построено на основе анализа законодательных положений, определяющих порядок применения мер административного принуждения в области строительства. Использование формально-юридического метода позволило раскрыть содержание правовых норм, посвященных их регламентации.

Анализ. Административное принуждение неразрывно связано с реализацией различных мер принудительного характера. Будучи регламентированными нормами административного права, такие меры представляют собой «способы, приемы, средства и действия, которые позволяют заставить лицо исполнять юридические обязанности и соблюдать правовые запреты, либо возложить на него дополнительные обременения в связи с совершением противоправных деяний» [4, с. 14].

Поскольку административное принуждение всегда представляет собой целенаправленную деятельность, является обоснованной классификация его мер в зависимости от их целевого назначения. На основании данного критерия, в науке административного права выделяют такие меры, как административно-предупредительные; меры административного пресечения; меры процессуального обеспечения, а именно, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и меры процессуального принуждения; административные наказания [1, с. 174]. Ряд мер административного принуждения характерен и для деятельности по административно-правовой охране общественных отношений в области строительства.

Так, в соответствии с нормами Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ (далее – ГрК РФ) [3], строительство, реконструкция объекта капитального строительства и ввод его в эксплуатацию включают такие мероприятия, как выдача разрешения на строительство, а также предоставление органом федерального государственного энергетического надзора временного разрешения, разрешения на допуск в эксплуатацию объектов по производству электрической энергии, объектов электросетевого хозяйства, энергопринимающих установок, объектов теплоснабжения и теплопотребляющих установок.

Выдача соответствующих разрешений направлена на подтверждение со стороны государства возможности лица осуществлять определенную деятельность, которая может представ-

лять потенциальную опасность для охраняемых общественных отношений. Следовательно, ее можно отнести к административно-предупредительным мерам административного принуждения, которые имеют своей целью предостеречь физических и юридических лиц от правонарушений, предупредить совершение правонарушений, и в конечном счете не допустить возникновения обстоятельств, вредных для общества и государства [1, с. 174].

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 55.32 ГрК РФ, при проверках органами государственного надзора, может быть выявлено наличие самовольных построек. При этом должностное лицо соответствующего органа направляет в орган местного самоуправления поселения, городского округа по месту нахождения объекта уведомление о выявлении такой постройки с приложением документов, подтверждающих соответствующий факт.

Законодательство регламентирует порядок принятия решения о сносе самовольной постройки в административном порядке, без предъявления гражданского иска в суд. Данную меру можно отнести к административно-восстановительным мерам административного принуждения, поскольку она направлена на восстановление прежнего положения, существовавшего до возведения соответствующей постройки, а ее применение обусловлено отсутствием законных оснований на строительство.

В соответствии со ст. 55.20 ГрК РФ, для осуществления своих функций национальные объединения саморегулируемых организаций вправе направлять своим членам обязательные к исполнению запросы и уведомления. Они не обладают признаками мер административного принуждения, поскольку применяются не органами государственной власти, а их неисполнение само по себе не влечет наступление ответственности.

Однако в таком уведомлении может содержаться предложение об устранении нарушения. В случае его неисполнения, Национальное объединение саморегулируемых организаций утверждает заключение о возможности исключения сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра и направляет указанное заключение в орган надзора за саморегулируемыми организациями. При его поступлении орган надзора вправе принять во внесудебном порядке решение об исключении сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра.

Исключение саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций можно отнести к административно-восстановительным мерам административного принуждения, так как данная мера применяется к лицам, не выполнившим возложенные на них юридические обязанности. В то же время следует согласиться с существующей в юридической науке позицией, что по своей сущности она близка к ме-

рам публично-правовой ответственности, в том числе административной [2, с. 153]. С.В. Фомиченко отмечает, что «исключение сведений о некоммерческой организации из государственного реестра приводит к утрате юридическим лицом возможности осуществлять деятельность в качестве саморегулируемой организации вследствие допущенных нарушений законодательства» [8, с. 149].

Кроме того, обозначенная мера, как можно сделать вывод из содержания ч. 5 ст. 55.2 ГрК РФ, применяется за совершение ряда противоправных деяний, исчерпывающий перечень которых приведен в соответствующей статье. При этом правовые гарантии, установленные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) [12], не распространяются на процедуру ее применения, поскольку она не закреплена в данном законодательном акте.

В связи с тем, что применение усмотрения органа надзора за саморегулируемыми организациями фактически определяет дальнейшую возможность продолжения их деятельности, следует сделать вывод о необходимости расширения перечня административных наказаний, содержащихся в КоАП РФ, посредством включения в него новой меры – исключение из государственного реестра саморегулируемых организаций.

Ряд мер административного принуждения, обеспечивающих охрану общественных отношений в области строительства, применяется в рамках государственного строительного надзора.

Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1087 «Об утверждении Положения о федеральном государственном строительном надзоре» (далее – Постановление № 1087) [6], уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, которым в настоящее время выступает Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору и ее территориальные органы, могут проводиться различные виды профилактических мероприятий, в числе которых объявление предостережения. Такие мероприятия реализуются в порядке, установленном Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ) [7].

Так, согласно ст. 49 Закона № 248-ФЗ, в случае наличия у контрольного (надзорного) органа сведений о готовящихся нарушениях обязательных требований или признаках нарушений, и (или) в случае отсутствия подтвержденных данных о том, что нарушение обязательных требований причинило вред (ущерб) охраняемым законом ценностям либо создало угрозу их причинения, контрольный (надзорный) орган объявляет контролируемому лицу предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований и

предлагает принять меры по обеспечению их соблюдения. Такое предостережение должно содержать указание на соответствующие обязательные требования, предусматривающий их нормативный правовой акт, информацию о том, какие конкретно действия (бездействие) могут привести или приводят к нарушению, а также предложение о принятии мер по обеспечению соблюдения данных требований. Неисполнение предостережения выступает основанием для проведения контрольно-надзорного мероприятия на предмет проверки устранения указанных в предостережении признаков нарушения.

Таким образом, предостережение может рассматриваться как контрольно-предупредительная мера административного принуждения, направленная на предупреждение противоправных деяний в области строительства.

К контрольным (надзорным) мероприятиям в области строительства Положение № 1087 относит документальную и выездную проверки. При этом в ходе таких проверок могут совершаться контрольные (надзорные) действия, а именно, осмотр, опрос, получение письменных объяснений, истребование документов, отбор проб (образцов), инструментальное обследование, испытание, экспертиза. Обозначенные меры обеспечивают проведение проверки, цель которой состоит в предупреждении, выявлении и пресечении нарушений обязательных требований в области строительства. Однако пресечение выявленного противоправного деяния осуществляется по итогам проверки, посредством выдачи предписания, которое выступает отдельной мерой административного принуждения.

Одним из признаков административного принуждения выступает наступление в результате их применения негативных последствий правоограничительного характера. Действительно, мероприятия, проводимые в ходе проверок, обладают свойством обязательности, поскольку воспрепятствование проверяемым лицам их проведению обуславливает наступление административной ответственности в соответствии со ст. 19.4 КоАП РФ и 19.4.1 КоАП РФ. Таким образом, данные мероприятия следует рассматривать как административно-предупредительные меры административного принуждения.

В Положении № 1087 указано, что по окончании проведения контрольного (надзорного) мероприятия составляется акт. Если выявлено нарушение обязательных требований, в нем должно быть определено, какое именно обязательное требование нарушено. Кроме того, п. 36 Положения № 1087 говорит о предписании, которое подлежит исполнению контролируемым лицом в установленный срок.

Вместе с тем в тексте данного акта отсутствуют иные упоминания о предписании контрольного (надзорного) органа в области строительства. Нормативно не закреплено и соотношение пред-

писания с актом контрольного (надзорного) мероприятия. Обозначенную ситуацию следует признать недопустимой, поскольку она свидетельствует о нарушении правил юридической техники и приводит к правовой неопределенности.

В соответствии со ст. 90 Закона № 248-ФЗ, в случае выявления при проведении контрольного (надзорного) мероприятия нарушений обязательных требований, контрольный (надзорный) орган в пределах полномочий, предусмотренных законодательством Российской Федерации, обязан выдать после оформления акта контрольного (надзорного) мероприятия контролируемому лицу предписание об устранении выявленных нарушений с указанием разумных сроков их устранения, и (или) о проведении мероприятий по предотвращению причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, а также других мероприятий, предусмотренных федеральным законом о виде контроля. О том, что предписание обладает свойством меры административного принуждения, свидетельствует п. 4 ч. 2 данной статьи, согласно которому контрольный (надзорный) орган обязан принять меры по осуществлению контроля за устранением выявленных нарушений обязательных требований, предупреждению нарушений обязательных требований, предотвращению возможного причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, а при неисполнении предписания в установленные сроки – принять меры по его обеспечению вплоть до обращения в суд с требованием о принудительном исполнении.

Закон № 248-ФЗ не содержит определения предписания контрольного (надзорного) органа. В то же время из статей Положения № 1087 и Закона № 248-ФЗ представляется возможным сделать вывод, что такая мера применяется после составления акта и на его основании. Сам по себе акт контрольного (надзорного) мероприятия принудительным характером не обладает, поскольку лишь констатирует наличие конкретного нарушения обязательных требований.

В свою очередь, предписание – это мера, которая всегда содержит соответствующее требование. В зависимости от конкретных формулировок, целевая направленность предписания может быть различной, и его следует рассматривать в качестве административно-предупредительной меры, либо в качестве меры административного пресечения.

Обозначенные признаки позволяют рассматривать предписание контрольного (надзорного) органа в области строительства как меру административного принуждения, применяемую на основании акта контрольного (надзорного) органа в случае выявления при проведении контрольного (надзорного) мероприятия нарушений обязательных требований, направленную на пресечение действий (бездействия), содержащих признаки нарушения обязательных требований в области строительства, а также предупреждение таких нарушений в дальнейшем посредством проведе-

ния мероприятий по предотвращению причинения вреда (ущерба) общественным отношениям в области строительства.

К разновидности мер административного принуждения, применяемых в области строительства, относятся меры административной ответственности. Так, в соответствии со ст. 58 ГрК РФ, лица, виновные в нарушении законодательства о градостроительной деятельности, несут дисциплинарную, имущественную, административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В юридической науке административная ответственность в области строительства рассматривается как применение в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, органами, должностными лицами и судьями административных наказаний, сформулированных в санкциях административно-правовых норм, к лицам, виновным в совершении административных правонарушений в области строительства, и направленных на достижение целей предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами, а также охраны общественного порядка и безопасности [5, с. 13].

КоАП РФ включает главу 9 «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике». В их числе нарушение обязательных требований в области строительства и применения строительных материалов (изделий); нарушение установленного порядка строительства, реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства, ввода его в эксплуатацию; выполнение работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства лицом, не являющимся членом саморегулируемой организации; нарушение сроков направления документов, материалов или сведений о них для размещения в государственных информационных системах обеспечения градостроительной деятельности.

Анализ санкций данных статей КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что к административным наказаниям, применяемым за совершение административных правонарушений в области строительства, относятся административный штраф и административное приостановление деятельности.

В то же время нормы главы 9 КоАП РФ не охватывают все правонарушения, посягающие на общественные отношения в области строительства. В ряде иных статей КоАП РФ закреплены составы деяний, объект которых включает, наряду с правоотношениями в области строительства, отношения в других областях общественной жизни.

Например, ст. 7.9 КоАП РФ устанавливает ответственность за самовольное занятие лесных участков или их использование для строитель-

ства. Ст. 7.14 КоАП РФ содержит санкции за организацию или проведение строительных работ без соответствующего разрешения. Ст. 8.7 КоАП РФ предусматривает ответственность за невыполнение или несвоевременное выполнение обязанностей по рекультивации земель после завершения строительства. За совершение данных деяний назначается административный штраф или административное приостановление деятельности.

Однако ст. 8.1 КоАП РФ, закрепляющая ответственность за несоблюдение экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности, наряду с административным штрафом, устанавливает возможность применения предупреждения.

Ч. 2 ст. 13.19.3 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за совершение административного правонарушения должностным лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за нарушение порядка размещения информации в единой информационной системе жилищного строительства, закрепляет возможность применения дисквалификации. Данное наказание предусмотрено и ч. 2 ст. 14.9.1 КоАП РФ, определяющей меры административной ответственности за неоднократное совершение деяния, выразившегося в нарушении порядка осуществления процедур, включенных в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства, а также ч. 2 ст. 14.63 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за повторное в течение года совершение должностным лицом административного правонарушения, выразившегося в нарушении саморегулируемой организацией в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования или строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства, порядка предоставления документов и сведений в целях ведения государственного реестра указанных саморегулируемых организаций.

Также необходимо отметить, что из содержания ст. 58 ГрК РФ, согласно которой лица, виновные в нарушении законодательства о градостроительной деятельности, несут дисциплинарную, имущественную, административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, следует, что правовая регламентация вопросов административной ответственности за правонарушения в области строительства является прерогативой федерального законодателя. Однако на практике региональные органы власти нередко выходят за пределы предоставленных им полномочий, принимая нормативные правовые акты, закрепляющие составы административных правонарушений в области строительства и меры ответственности за их совершение.

Например, Кодекс города Москвы об административных правонарушениях от 21 ноября 2007 года № 45 [10] включает ст. 6.3, устанавливающую административную ответственность за превышение сроков строительства на земельном участке.

Совершение данного деяния влечет применение меры ответственности в виде назначения административного штрафа. Аналогичная ответственность закреплена ст. 6.7, предусматривающей наказание за нарушение требований и ограничений по использованию земельного участка, связанных со строительством, реконструкцией здания, строения, сооружения, установленных законами города Москвы, иными нормативными правовыми актами города Москвы, правоустанавливающими документами на землю, проектной и иной документацией, определяющей условия использования земельного участка.

Кодекс Волгоградской области об административной ответственности от 11 июня 2008 года № 1693-ОД [11] содержит главу 7 «Административные правонарушения в области землепользования и строительства». К таким деяниям отнесены нарушение правил застройки городских округов, городских и сельских поселений и нарушение требований нормативных документов в сфере градостроительства. Кроме административного штрафа, за совершение правонарушений в области строительства может применяться предупреждение как вид административного наказания.

Указанная ситуация является недопустимой, поскольку в соответствии с действующим законодательством субъекты Российской Федерации не наделены полномочиями по применению мер административной ответственности за административные правонарушения в области строительства.

В целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела и исполнения принятого по делу постановления по делу об административном правонарушении в области строительства, применяются меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Исчерпывающий их перечень закреплён в главе 27 КоАП РФ. Из всех видов административного принуждения систематизированы лишь данные меры, меры административной ответственности, а также меры процессуального принуждения, применяемые в порядке Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (далее – КАС РФ) [9].

Как следует из ст. 116 КАС РФ, мерами процессуального принуждения являются действия, которые применяются к лицам, нарушающим установленные в суде правила и препятствующим осуществлению административного судопроизводства. К ним относятся ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова; предупреждение; удаление из зала судебного заседания; привод; обязательство о явке; судебный штраф. Однако данные меры направлены на

обеспечение надлежащего порядка разрешения судебными органами административных дел и не связаны с обеспечением административно-правовой охраны общественных отношений в области строительства.

Результаты. Таким образом, меры административного принуждения в области строительства могут быть разделены на административно-предупредительные; административно-восстановительные; меры административного пресечения; меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; административные наказания.

Значительное количество мер административного принуждения, обеспечивающих охрану общественных отношений в области строительства, применяется в рамках государственного строительного надзора. Вместе с тем в нормативных правовых актах, регламентирующих порядок реализации соответствующего надзора, не содержится определение предписания контрольного (надзорного) органа в области строительства. Нормативно не закреплено и соотношение предписания с актом контрольного (надзорного) мероприятия. Обозначенную ситуацию следует признать недопустимой, поскольку она свидетельствует о нарушении правил юридической техники и приводит к правовой неопределенности. Предписание контрольного (надзорного) органа в области строительства необходимо рассматривать как меру административного принуждения, применяемую на основании акта контрольного (надзорного)

органа в случае выявления при проведении контрольного (надзорного) мероприятия нарушений обязательных требований, направленную на пресечение действий (бездействия), содержащих признаки нарушения обязательных требований в области строительства, а также предупреждение таких нарушений в дальнейшем посредством проведения мероприятий по предотвращению причинения вреда (ущерба) общественным отношениям в области строительства. Данное определение подлежит закреплению в Постановлении № 1087.

К числу мер административного принуждения в области строительства относится исключение саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций. По своей сущности она близка к мерам публично-правовой ответственности, поскольку применяется за совершение противоправных деяний, а также влечет правовые ограничения в виде лишения организации возможности осуществлять свою деятельность. Однако правовые гарантии, установленные КоАП РФ, не распространяются на процедуру ее применения, поскольку она не закреплена в данном законодательном акте. В связи с тем, что применение усмотрения органа надзора за саморегулируемыми организациями фактически определяет дальнейшую возможность продолжения их деятельности, следует сделать вывод о необходимости расширения перечня административных наказаний, содержащихся в КоАП РФ, посредством включения в него новой меры – исключение из государственного реестра саморегулируемых организаций.

Литература

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. 352 с.
2. Баймуратова З. М. Саморегулируемые организации в сфере предпринимательской деятельности: административно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 199 с.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2005. № 1. Ч. 1. Ст. 16; 2023. № 1. Ч. 1. Ст. 59.
4. Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10–17.
5. Нижанковская Н. А. Административная ответственность за правонарушения в сфере жилищного строительства: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Хабаровск, 2011. 22 с.
6. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1087 «Об утверждении Положения о федеральном государственном строительном надзоре» (ред. от 23 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 2021. № 28. Ч. 1. Ст. 5517; 2022. № 1. Ч. 1. Ст. 120.
7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ч. 1. Ст. 5007; 2023. № 32. Ч. 2. Ст. 6215.
8. Фомиченко С. В. Особенности административной ответственности за правонарушения в сфере деятельности саморегулируемых организаций // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 146–151.
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2023. № 31. Ч. 3. Ст. 5775.
10. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях от 21 ноября 2007 г. № 45 // Ведомости Московской городской Думы. 2008. № 12. Ст. 251.
11. Кодекс Волгоградской области об административной ответственности от 11 июня 2008 г. № 1693-ОД // Волгоградская правда. 2008. № 105.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 3 апреля 2023 г.) // Российская газета. 7.04.2023. № 75.

References

1. Administrative law of the Russian Federation: textbook for bachelors. Ed. A.Yu. Sokolova. Moscow: Legal Norma, Scientific Research Center INFRA-M; 2018. 352 p. (In Russ.).
2. Baymuratova Z.M. Self-regulatory organizations in the field of entrepreneurial activity: administrative and legal aspect: abstract of thesis. Moscow; 2010. 199 p. (In Russ.).
3. Town Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 190-FZ (as amended on December 29, 2022) in Collection of legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1, part 1, art. 16; 2023. No. 1, part 1, art. 59.
4. Kaplunov A.I. On the main features and concept of state coercion. *Gosudarstvo i pravo*. 2004;(12)10-17. (In Russ.).

5. Nizhankovskaya N.A. Administrative responsibility for offenses in the field of housing construction: abstract of thesis. Khabarovsk; 2011. 22 p. (In Russ.).
6. Decree of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 No. 1087 "On approval of the Regulations on federal state construction supervision" (as amended on December 23, 2021) in Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 28, part 1, art. 5517; 2022. No. 1, part 1, art. 120. (In Russ.).
7. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" (as amended on August 4, 2023) in Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31, part 1, art. 5007; 2023. No. 32, part 2, art. 6215. (In Russ.).
8. Fomichenko S.V. Peculiarities of administrative responsibility for offenses in the sphere of activities of self-regulatory organizations. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2022;(4)146-151. (In Russ.).
9. Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ (as amended on July 24, 2023) in Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10, art. 1391; 2023. No. 31, part 3 art. 5775. (In Russ.).
10. Moscow City Code on Administrative Offenses dated November 21, 2007 No. 45. *Vedomosti Moskovskoj gorodskoj Dumy*. 2008;12:art. 251. (In Russ.).
11. Code of the Volgograd Region on Administrative Liability dated June 11, 2008 No. 1693-OD. *Volgogradskaya Pravda*. 2008;105. (In Russ.).
12. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on April 3, 2023). *Rossijskaja gazeta*. 2023;75. (In Russ.).

Научная статья

УДК 930.1:316.334 (470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.19>

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОЗДАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИЕ В НЕЙ

Станислав Вячеславович Чудин

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Ассистент

Chudin1990@list.ru; <https://orcid.org/0009-0008-0894-6147>

Аннотация. Введение. Терроризм не гнушается нести за собой огромные жертвы среди мирного ни в чём не повинного населения, и террористические организации не имеют и не могут иметь справедливых мотивов для своих действий. Террористические организации не только убивают ни в чём не повинных людей, но также уничтожают историческое наследие, вносят разлад в отношения между народами и странами, что может привести к прекращению существования государства, расчленению его на «удельные княжества», и даже народов. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе текстов российских и зарубежных учёных, которые можно разделить на две группы: исторические и юридические. Очень полезно при изучении террористических организаций использовать такие методы как исторический, системный, логический и социологический, а также сравнительно-правовой и статистический методы научного познания. Также при изучении темы статьи были использованы Конституция Российской Федерации, международно-правовые акты, федеральное законодательство, решения судов и ведомственные нормативные акты. **Анализ.** Преступления террористической направленности – преступления, совершаемые с целью создать панику; целью которых является нагнетание в обществе страха, создание ощущения незащищённости, и оказание влияния на принятие решений государственными органами.

Результаты. Для деятельности террористических организаций наиболее благоприятной почвой являются страны с проблемами безработицы и слабости государственных институтов. Предоставление полноценного образования и ответственность государства перед гражданами являются жизненно необходимыми в деле решения проблемы искоренения терроризма. Нормы УК РФ о преступлениях террористического характера не всегда применяются правильно, кроме того, они в значительной степени разбросаны в разных частях. В связи с этим необходимо дальнейшее прорабатывание вопросов квалификации необходимо совершенствовать законодательство в сфере терроризма, для достижения полной безопасности жизнедеятельности в РФ.

Ключевые слова: терроризм, ответственность, история, организация, сообщество, опасность, признание

Для цитирования: Чудин С. В. Уголовная ответственность за создание террористической организации и участие в ней // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 691-697. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.19>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 19.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

Research article

CRIMINAL LIABILITY FOR THE ESTABLISHMENT OF A TERRORIST ORGANIZATION AND PARTICIPATION IN IT

Stanislav V. Chudin

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Assistant

Chudin1990@list.ru; <https://orcid.org/0009-0008-0894-6147>

Abstract. Introduction. Terrorism does not disdain to incur huge casualties among innocent civilians, and terrorist organizations do not and cannot have just motives for their actions. Terrorist organizations not only kill innocent people, but also destroy historical heritage, cause discord in relations between peoples and countries, which can lead to the termination of the existence of the state, its dismemberment into "appanage principalities", and even peoples. **Materials and methods.** The research is based on the analysis of texts by Russian and foreign scientists, which can be divided into two groups: historical and legal. It is very useful to use such methods as historical, systematic, logical and sociological, as well as comparative legal and statistical methods of scientific cognition when studying terrorist organizations. Also, when studying the topic of the article, the Constitution of the Russian Federation, international legal acts, federal legislation, court decisions and departmental regulations were used. **Analysis.** Terrorist crimes are crimes committed with the aim of creating panic; the purpose of which is to instill fear in society, create a sense of insecurity, and influence decision-making by state bodies. **Results.** Countries with problems of unemployment and weak state institutions are the most favorable ground for the activities of terrorist

organizations. The provision of a full-fledged education and the responsibility of the state to citizens are vital in solving the problem of eradicating terrorism. The norms of the Criminal Code of the Russian Federation on crimes of a terrorist nature are not always applied correctly, in addition, they are largely scattered in different parts. In this regard, it is necessary to further study the issues of qualification, it is necessary to improve legislation in the field of terrorism in order to achieve complete safety of life in the Russian Federation.

Keywords: terrorism, responsibility, history, organization, community, danger, recognition.

For citation: Chudin S. V. Criminal liability for the establishment of a terrorist organization and participation in it. *Humanities and law research*. 2023;10(4):691-697. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.19>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.06.2023.

The article was approved after reviewing: 19.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

Введение. Терроризм – крайне многогранное явление, имеющее множество обликов и маскирующееся под самыми разными масками, однако,

независимо от того, под чем он маскируется, он неизменно остаётся одним из наиболее опаснейших политических, социальных, экономических и

разумеется, юридических феноменов, и наносит колоссальный вред благополучному функционированию государственных структур и повседневной деятельности населения. Его последствия почти никогда не являются обратимыми; общественная безопасность, как и государственность в целом, терпят от него колоссальный ущерб, подавляется психологический климат в стране, и потому терроризм как таковой представляет собой многогранное явление, изучение которого является необходимым для защиты государства [2, с. 181].

Терроризм не гнушается нести за собой огромные жертвы среди мирного ни в чём не повинного населения, и террористические организации не имеют и не могут иметь справедливых мотивов для своих действий. Террористические организации не только убивают ни в чём не повинных людей, но также уничтожают историческое наследие, вносят разлад в отношения между народами и странами, что может привести к прекращению существования государства, расчленению его на «удельные княжества», и даже народов. Использование террористических методов присуще неумелым и беспринципным политикам, не нашедших иного способа восхождения к власти кроме как через страх. В связи с этим будет разумно сделать вывод, что правильное юридическое определение таких явлений как:

-Терроризм;

-Террористическая деятельность;

-Террористическая организация; является одним из важнейшим вопросом юридической науки. Этим и объясняется практическая ценность данного исследования. террористической деятельности.

Актуальность темы вытекает из всеобъемлющего характера последствий преступлений террористических организаций, и из того, что преступления террористической направленности оказывают прямое влияние на государственные институты и культурную составляющую любого государства, в котором проявляет себя терроризм. Общество не всегда правильно и своевременно реагирует на деятельность сомнительных организаций, впоследствии превращая их таким образом в террористические, и потому терроризм влияет на все сферы жизнедеятельности.

Цель статьи – раскрытие правовых особенностей терроризма, террористической деятельности и террористической организации. анализ законодательства России и зарубежных стран, относящегося к террористическим организациям. Новизной исследования стало раскрытие влияния исторического контекста на юридическое определение терроризма.

Материалы и методы. Материальной основой при написании статьи являются работы главным образом отечественных исследователей террористических организаций, участия в их деятельности, личности террориста и раскрытия террористических преступлений и его характеристики в уголовном праве России такие как Р. Адельханян [1], В.

Петрищев [3], М. Левандовская [4], М. Мусаелян [5], М. Безниско [2], М. Осипов [6]. Методологической базой являются исторический, системный, логический и социологический, а также сравнительно-правовой и статистический методы научного познания.

Анализ. Слово «Терроризм» в переводе с латинского языка переводится как «страх», или как «ужас». Идейное значение терроризма, приближенное к современному, впервые можно обнаружить в Ветхом Завете, при описании восстания иудеев против римлян, где впервые можно обнаружить некоторые характерные черты террористической деятельности, выделенные Безниско М.О [2, с. 181]:

- религиозное неприятие и нетерпимость противоположной стороны;

- массовое уничтожение мирного населения;

- захваты заложников;

- лояльность со стороны государственных органов (в частности, в лице римского императора), ко всему вышеперечисленному.

Причиной восстания иудеев стала религиозная политика в их отношении со стороны Рима, в виде репрессий по отношению к духовенству, несбалансированности местной власти и органами, назначенными от лица Рима. Невозможность полноценно соблюдать свои религиозные предписания стало причиной вражды между монотеистами-иудеями и политеистами-представителями древнеримской религии, из чего можно сделать вывод, что терроризм может иметь корни в неправильно избранной религиозной политике государства. Кроме того, подавление восстания иудеев может быть записано не только как один из первых задокументированных примеров использования террора со стороны государства, но и как один из первых исторически достоверных примеров геноцида.

Геноцид – это массовое уничтожение людей, объединяемых каким-либо общим признаком, как правило, этническим и религиозным. Геноциду всегда присущ террор в той или иной степени, и особенно это характерно для периода начиная от первобытных времён до IV в.

Однако эти события развивались во времена повсеместного распространения политеистических религий, в представлении которых не было ничего зазорного в использовании террора для достижения своих целей.

Уже в первобытную эпоху, во время, когда религиозные представления о мире и человеке только начали формироваться, люди участвовали в межплеменных войнах, в ходе которых захват заложников, использование шантажа, массовые казни не воспринимались как что-то заслуживающее осуждения или порицания, и принимались как данность, или даже героизм. Из этого можно сделать вывод, что во времени выделяется так называемый «языческий» период терроризма, который характеризуется лояльным отношением к этому явлению со стороны всех социальных институтов (во всех их примитивности – вожди, шаманы, советы старейшин). Данный период длился от первобытных времён до IV в.

Несмотря на то, что ещё до возникновения христианства были философы, осуждающие террор и соответствующие ему методы, только с широким его распространением в массовом сознании стал закрепляться взгляд на терроризм как на деструктивное и ненормальное явление.

Однако, это отнюдь не означает его искоренение; государства Европы и Азии (не являвшихся, разумеется, христианскими) широко использовали террористические методы в своих целях, чему благоприятствовала повсеместная феодальная раздробленность, а также широкая популярность в религиозных кругах религиозного экстремизма. В частности, им печально прославилась «Святая инквизиция», которая широко использовала массовый террор в отношении как отдельных «еретиков», так и целых регионов, иногда проводя крестовые походы против них. Организации, подобные ей, возникали и вне Западной Европы (где широко распространён католицизм), однако они не дошли до её уровня.

Экстремизм – это приверженность к крайним взглядам, выражающаяся в нетерпимости ко всем лицам, не разделяющим их. Инквизиция использовала террор, пытки, и т.д. ко всем лицам, заподозренным в нелояльности к церкви (для чего проводились карательные крестовые походы), и с этой стороны можно утверждать, что она является одной из первых организаций, проводивших террор, кроме того, имевших на это санкцию со стороны государства.

В частности, с благословения испанской инквизиции испанские конкистадоры уничтожили племена таино на Гаити в XV в., что оправдывалось борьбой с языческими религиозными взглядами.

Таким образом, можно выделить «христианский» период терроризма, который характеризуется следующими признаками:

- Как правило, терроризм проявлялся со стороны самого государства в отношении нелояльных лиц;
- Использование для устрашения населения пыток в качестве основного метода следствия;
- Наличие широкого спектра возможностей перед организациями, непосредственно осуществляющими террор, что объясняется лояльностью этих организаций государству и их взаимной зависимостью;
- Начало преобразования взглядов на терроризм как на нормальное явление. Прежде всего связано с Ренессансом, который сделал плюрализм мнений менее опасным. Кроме того, ужасные преступления, вершившиеся от имени религии, заставляли отказываться от подобной практики как просто образованных людей, так и религиозных деятелей, среди которых одним из самых известных стал Лас Касас, противник уничтожения индейского населения в Америке.

Данный период длился с IV в. по вторую половину XX в.

После же на первый план выходит «исламский» период. В данный период государство, в основном, перестаёт быть главным носителем терро-

ристической деятельности, и террористические методы в основном стали реализовываться различными организациями фундаменталистов, главным образом исламского толка (хотя террористические организации могут быть связаны с теми или иными правительствами разных государств). Деятельность террористов и террористических организаций широко освящается, появляются «знаменитости» – террористы, развитые государства прикладывают большие усилия по борьбе с террористическими организациями, для чего создаются специальные подразделения в составе армии или полиции.

Таким образом, можно сделать вывод, что терроризм – изменчивое явление, в разные периоды которого происходило изменение понимания и восприятия сути терроризма, как государственными органами, так и простыми гражданами: от нормального явления и государственного инструмента, до опаснейшего явления, изучаемым специалистами самых разных областей.

В истории России преступления, связанные с терроризмом, всегда рассматривались со стороны государственного строя, который действует в тот или иной исторический период. В частности, Судебник 1550 г. детально раскрывал признаки и сущность преступлений против государства [5, с. 28].

Однако появившаяся намного раньше Русская Правда, хотя и не содержала напрямую определения терроризма или, тем более, террористической организации, она в качестве особо тяжких преступлений рассматривала поджог, так как этим деянием наносился ущерб, как общине, так и князю, владевшим напрямую уничтоженной постройкой. Также сурово наказывались убийство огнищанина (управляющего княжеским имуществом), самого князя, тиуна [13, с. 34].

Таким образом, Русская Правда особенно защищала должностных лиц, имевших власть и авторитет (что до сих пор сохранено и проявляется, и воспринимала посягательство на их жизнь и имущество как посягательство на весь «светлый» уклад жизни русичей. Можно сказать, что убийство тиуна или огнищанина, как и поджог, приравнивались бы к террористическому акту в современном понимании [13, с. 34].

В целом, подобную позицию разделяло законодательство царского и имперского периодов. Основная концентрация делалась на защите государственного строя, а так как речь шла об абсолютной монархии, то прежде всего на защите царя (императора). Особенно сильно такая позиция укрепилась во время Великой Французской революции в 1789 г., и последовавшего за ней якобинского террора. В результате неё был свергнут король и Франция перенесла один из самых тёмных периодов в своей истории, когда по подозрению в лояльном отношении к монархическому строю.

Эта революция не только закрепила такое отношение к пониманию государственного строя, но и дала сильный толчок в изучении терроризма. В частности, впервые появилась необходимость в точном определении террора и понимание того,

чем именно он опасен. Однако долгое время террористические преступления охватывались нормами о защите персоны императора, что затрудняло полноценное выявление террористической деятельности, или террористических организаций. На практике получалось так, что если никак не затрагивается император, то деяние нельзя рассматривать как совершённое из террористических побуждений.

В целом такой же подход сохранился и после революции 1917 г. Принятый в 1922 г. УК РСФСР в статье 58 впервые предусматривает ответственность за террористический акт. Однако данная статья рассматривала теракт только со стороны представителей советской власти или деятелей коммунистических организаций рабочих и крестьян. Наказание уже было очень строгим: расстрел, конфискация имущества, лишение гражданства, изгнание из СССР. Появилось очень растяжимое понятие «врага трудящихся», которое вскоре было заменено понятием «врага народа», что давало государственным органам широкие возможности для проведения массовых репрессий. Можно утверждать, что государство само стало использовать террористические методы [8].

Есть мнение, что убийство политического деятеля было приравнено к террористическому акту. По мнению В. Е. Петрищева такое мнение неверно, так как сегодня такое преступление было бы квалифицировано по ч.3 ст.105 и 278 УК РФ [3, с. 190]. С этим заявлением нельзя согласиться, так как известен пример убийства Сергея Кирова, которое до сих пор не полностью раскрыто, и по которому были осуждены Каменев и Зиновьев именно по статье 58–8 УК РСФСР.

Для квалификации деяния было необходимо прежде всего установить партийную принадлежность жертвы, её общественный и политический статус, поэтому нередко были случаи, когда деяние квалифицировалось как террористический акт вместо того, чтобы быть квалифицированным как простое убийство. В условиях возможности толкования норм законодательства по аналогии, такое происходило довольно часто.

После распада СССР каждое из новообразованных государств создало свои уголовные кодексы, и соответственно, свои нормы по квалификации терроризма. В частности, по законодательству Кыргызской республики к цели терроризма относится деятельность, направленная на нарушение общественной безопасности или на принятие решений государственными или международными органами. Уголовный Кодекс Азербайджанской республики называет целью террористических преступлений создание в обществе состояния паники, и как предыдущий Кодекс добавляет нарушение принятия решений государственными органами.

Уголовный Кодекс Франции [10] относит к преступлениям террористической направленности кражу и вымогательство в случае, если они были совершены при участии в террористической организации. Действовала норма, согласно которой если лицо вступило в организацию пока она не была при-

знана террористической, то оно не будет привлечено к ответственности, если не было иного состава преступления. Такая же норма установлена в законодательстве Англии (но не Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии).

Можно выделить одно существенное отличие российского законодательства от французского. Во французском Уголовном Кодексе нет совмещения террористической деятельности с какой-либо политической подоплёкой, политическими идеями, взглядами или партиями. Более того, нет упоминания властных категорий, в частности, не упоминается покушение на политического деятеля. Все составы сосредоточены прежде всего на раскрытии последствий преступных деяний (наступивших или не наступивших), и квалификация соответственно идёт по ним.

Очень большое влияние на мировое законодательство в сфере терроризма оказали теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, в ходе которых погибло до 3000 человек. Одним из последствий данных терактов стало почти повсеместное преобразование законодательства в сфере терроризма, в том числе и в России.

В соответствии с ныне действующим УК РФ, систему преступлений террористической направленности входят следующие преступления (по УК РФ):

- ст.205. Террористический акт;
- ст.205.1. Содействие террористической деятельности;
- ст.205.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма;
- ст.205.3. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности;
- ст. 205.4 УК РФ. Организация террористического сообщества и участие в нем;
- ст. 205.5. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации;
- ст. 205.6. Несообщение о преступлении;
- ст. 206. Захват заложника;
- ст. 208. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем;
- ст.277. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля;
- ст. 279. Вооруженный мятеж;
- ст.360. Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой [9];

Данный перечень не является исчерпывающим.

Преступления террористической направленности – преступления, совершаемые с целью создать панику; целью которых является нагнетание в обществе страха, создание ощущения незащищённости, и оказание влияния на принятие решений государственными органами.

Все преступления, которые связаны с терроризмом, предельно опасны для любого отдельно взятого человека. Терроризм в его сущности и прин-

циях можно охарактеризовать следующим образом- он всегда диктует, и ждёт в ответ уступок. Эти уступки являются смыслом любого террористического акта, любого захвата заложников, и любого другого преступления, связанного терроризмом.

Р. А. Адельханян выделил несколько условий, необходимых благоприятных для возникновения и усиления террористических организаций, а именно:

- Неспособность центральной власти выполнять свои непосредственные обязанности. Если государственные институты слишком слабы, чтобы обеспечить адекватную работу полиции и армии, если не выполняются социальные обязательства государства перед населением, будь то пенсии, зарплаты, пособия, то эти функции пытаются взять на себя террористические организации. Один из примеров- Республика Гаити, которое после убийства президента Жовенеля Моиза оказалось неспособно сформировать полноценное правительство и потому не смогла справиться с захлестнувшей её волной насилия и террора со стороны банд по отношению к собственному населению. Так же в пример можно привести Центральнаяфриканскую Республику, в которой с фактическим падением власти в 2012 г. идёт война группировки «Селека» с группировкой «Антибалака».

- Ошибки в работе органов, непосредственно ответственных за борьбу с террористическими организациями. Очень часто происходит, что органы государственной безопасности упускают наиболее благоприятный момент для ликвидации террористической ячейки или террористической организации. Примеры: Фронт перемен и согласия (Республика Чад).

- Религиозная неоднородность. Чем неоднороднее религиозный состав, тем выше шанс возникновения террористической организации. Из таких организаций можно выделить «Аум Синрикё» в Японии и «Господня Армия Сопротивления» в Уганде.

- Высокий уровень сепаратизма. Сепаратизм возникает как правило в странах, в которых недостаточно уделено внимания национальным меньшинствам, и, если государственные органы при попытке «объединить» страну пытаются отменить культуру, языковые права данной этнической или религиозной группы. Здесь на первый план выходит вопрос ответа на вопрос: как определить террористическую организацию, и отграничить её от освободительного движения? В недавней истории известны многие организации, ранее повсеместно признаваемые террористическими, однако позднее получившие легализацию со стороны европейских государств и международных органов. Примерами являются АОК-Армия освобождения Косово, или Фронт ПОЛИСАРИО, который действует на территории Западной Сахары;

- Высокая степень консерватизма общества. Чем более консервативно настроено общество, тем выше вероятность создания террористической организации;

- Высокий уровень поддержки террористических организаций со стороны рядовых членов общества. Военная история показывает, что если террористическая организация имеет поддержку среди мирного населения территории, на которой она действует, то её уничтожение практически невозможно. В связи с этим можно сделать вывод, что для борьбы с террористическими организациями важна работа с населением (как минимум, в виде пропаганды) [1, с. 35].

Также к этим причинам можно добавить следующие:

- Несоответствие этнических границ государственным. Особенно характерно для Африки южнее Сахары, так как там государства унаследовали колониальные границы, установленные бывшими метрополиями (они устанавливались по принципу более удобной географии, а интересы этносов народов и племён не принимались во внимание). Разделение довольно крупных народов по государственным границам сильно повышает вероятность образования террористической организации. Примером можно назвать «Боко Харам», действующую на территории Нигера, Нигерии и Камеруна

- Высокий уровень безработицы. В бедных странах с высоким уровнем безработицы и высокой степенью перенаселённости государство не в состоянии трудоустроить всех, кто хочет работать, и потому люди, особенно молодёжь, рискуют оказаться в рядах террористических организаций в надежде обеспечить себе безбедную жизнь.

В процессе создания террористической организации перед её лидерами неизбежно встают вопросы цели, субъектов и объектов деятельности данной террористической организации, вопрос финансов, выбора основной идеи или идеологии, поиск оружия и/или взрывчатых веществ. К примеру, Талибан взял на «идеологическое вооружение» смешанный радикальный ислам с традиционным кодексом поведения пуштунов - Пуштунвалаем. Финансирование шло прежде всего за счёт международной торговли наркотиками и торговли оружием, рекрутами были беженцы-пуштуны и (в меньшей степени) таджики, вернувшиеся из Пакистана в Афганистан с радикальными взглядами на ислам.

Юридические понятия «террористическая организация» и «террористическое сообщество» были утверждены в УК РФ в соответствии с ФЗ от 2 ноября 2013 года, для разграничения степени тяжести террористических преступлений [9].

Но при этом перед учеными юристами встал вопрос, как воспринимать эти два понятия- в качестве синонимов, или это всё же независимые друг от друга понятия? И в какой момент считать их возникшими [6, с. 28]?

Насчёт этого А. Хлебушкин высказал мнение, что не нужно понимать под террористической организацией террористическое сообщество, принимая во внимание лишь это положение УК РФ [12, с. 85].

Согласно А. Хлебушкину, организация для признания её террористической должна обладать следующими признаками:

-Ведение деятельности, оправдывающей терроризм;

-Ведение деятельности, пропагандирующей терроризм;

-Ведение деятельности, иным образом оказывающую поддержку терроризму;

- Ведение деятельности, нацеленную на совершение деяний, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 210, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 280, 282.1, 282.2, 360 УК РФ.

М. Левандовская утверждает, что эти положения корректны только если речь идёт лишь о запрещённых в России организациях, одним из видов которых и является террористическая организация [4, с. 94].

Согласно статье 24 ФЗ «О противодействии терроризму» террористическая организацией признаётся организация, в интересах и от имени которой осуществляются подготовка и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277 - 280, 282.1 - 282.3, 360 и 361 УК РФ а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей [11].

В соответствии с диспозицией статьи 205.4 УК РФ террористическое сообщество - это устойчивая группа лиц, заранее объединившихся с целью осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями.

Из этого следует, что понятие «террористическая организация» имеет несколько иной перечень преступлений в отличие отличается от понятия «преступного сообщества» количеством и составом преступлений (у последнего не прописываются статьи 205.3, 205.4, 205.6, 282.1, 282.3). Это

является основой разграничения статей 205.4 и 205.5.

По мнению М. Левандовской, террористическая организация и террористическое сообщество являются одним и тем же, и различие между ними лишь одно- должно присутствовать вступившее в силу решение суда о признании данной организации террористической; для преступного сообщества это не является необходимостью [4, с. 95].

1. В случае, если достоверно известно участие лица в деятельности террористической организации, или же его главенствующая роль в ней, то действие квалифицируется по ст. 205.5 УК РФ.

2. Если же лицо участвует в деятельности устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, либо руководит ею, то деяние квалифицируется по ст. 205.4 УК РФ.

3. В случае, если доказаны оба вышеперечисленных признака, то квалификация должна проводиться по совокупности преступлений по ст. ст. 205.4 и 205.5 УК РФ.

Результаты. Для деятельности террористических организаций наиболее благоприятной почвой являются страны с проблемами безработицы и слабости государственных институтов. Предоставление полноценного образования и ответственность государства перед гражданами являются жизненно-необходимыми в деле решения проблемы искоренения терроризма

Нормы УК РФ о преступлениях террористического характера не всегда применяются правильно, кроме того, они в значительной степени разбросаны в разных частях. В связи с этим необходимо дальнейшее прорабатывание вопросов квалификации необходимо совершенствовать законодательство в сфере терроризма, для достижения полной безопасности жизнедеятельности в РФ.

Литература

1. Адельханян Р. А. Современный терроризм // Законность. 2004. №11. С. 33–36.
2. Безниско М. О. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 181–190.
3. Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
4. Левандовская М. Г. Сравнительный анализ понятий «Террористическое сообщество» и «Террористическая организация» по российскому уголовному законодательству // Закон и право. 2018. № 9. С. 93–97.
5. Мусаелян М. Ф. Историко-правовой анализ уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России (XI – начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 13. С. 27–30.
6. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах квалификации преступлений террористической направленности // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 28–30.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.
8. Уголовный кодекс РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80. 153 ст.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 24.04.2023).
10. Уголовный кодекс Франции от 06.12.1992. URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения 24.04.2023).
11. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 24.04.2023).
12. Хлебушкин А. А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82–87.
13. Чистяков О. И. Российское законодательство X - XX веков: в 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

References

1. Adelhanyan R. A. Modern terrorism. *Zakonnost'*. 2004;11: 33-36. (In Russ.).
2. Beznisko M. O. Criminal-legal and criminological characteristics of terrorism. *Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2013;4:181-190. (In Russ.).
3. Petrishchev V. E. Notes on terrorism. Moscow: Editorial URSS; 2001. 288 c.
4. Levandovskaya M. G. Comparative analysis of the concepts of "Terrorist community" and "Terrorist organization" under Russian criminal law. *Zakon i pravo*. 2018;9:93-97 (In Russ.).
5. Musaelyan M. F. Historical and legal analysis of criminal legislation on responsibility for terrorism in Russia (XI – early XX century). *Istorija gosudarstva i prava*. 2009;13:27-30. (In Russ.).
6. Osipov M. Yu. On some problems of qualification of terrorist crimes. *Rossijskaja justicija*. 2015;3:28-30. (In Russ.).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2011 N 11 "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes". *Bjulleten' Verhovnogo Suda RF*. 2011;8. (In Russ.).
8. The Criminal Code of the RSFSR in *Collection of legalizations and orders of the RCP of the RSFSR*. 1922. No. 80. Art. 153. (In Russ.).
9. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on August 4, 2023). URL: www.consultant.ru/ (accessed: 24.04.2023).
10. French Criminal Code of 06.12.1992. URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (accessed: 24.04.2023).
11. Federal Law "On Combating Terrorism" dated 03/06/2006 N 35-FZ. URL: www.consultant.ru/ (accessed: 24.04.2023).
12. Khlebushkin A. A. Organization of the activities of a terrorist organization and participation in the activities of such an organization
13. (Article 205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law characteristics and qualifications. *Ugolovnoe pravo*. 2014;2:82-87. (In Russ.).
14. Chistyakov O. I. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes. Moscow: Legal literature; 1984. Vol. 1. 430 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.20>

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ КАК СПЕЦИФИКА ОБИХОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Виолетта Михайловна Грязнова

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор

violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>

Аннотация. Введение. Проблематика десемантизации в лингвистике рассматривается с разных сторон: как следствие развития значения слова, как явление, обусловленное ослаблением номинативной функции, как результат влияния на развитие значения слова его лексической сочетаемости. Актуальность статьи основана на отсутствии работ, посвященных различным проявлениям процесса десемантизации существительных в современной разговорной речи. Цель статьи – выявить специфику семантической структуры имен, сигнификативно-денотативный компонент которых в разговорной речи редуцируется. **Материалы и методы.** Материалом послужили дефиниции ряда лексем в толковых словарях русского языка и выборка текстов, включающих данные номинации, из Национального корпуса русского языка. Использовались следующие методы: компонентный анализ, метод дефиниционного анализа словарных статей, сопоставительный метод, метод контекстологического анализа. **Анализ.** На основе собранного материала автор выявляет три группы имен существительных с разными видами десемантизации, в результате которой формируются особые значения: а) местоименное значение, б) самостоятельное оценочное значение, на базе которого может возникнуть омонимичное междометие, в) нумерологическое значение, выступающее в единстве с эмоционально-оценочным. Автор выявляет, что для местоименного значения или употребления характерны акцентирование размытого обозначения предмета действительности, внимание к его общей

родовой принадлежности, указание на предмет, наличие антецедента или постцедента. Во втором виде процесса десемантизации имя в качестве вершины своего значения имеет прагматический компонент, а его сигнификативно-денотативный компонент находится на периферии. В третьем виде процесса десемантизации существительное, обладающее в своем основном значении компонентом «значительное превышение стандартных характеристик», приобретает диффузную семантику, в которой одновременно присутствует и нумерологический, и прагматический компоненты. **Результаты.** В целом материал позволяет автору сделать вывод о том, что разговорное обиходное общение имеет в своей основе поверхностное знание, что и отображается в различных видах и результатах процесса десемантизации в содержании представленных групп существительных.

Ключевые слова: значение, существительное, десемантизация, диффузность семантики, разговорная речь

Для цитирования: Грязнова В. М. Десемантизация как специфика обиходного общения // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 698-706. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.20>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.07.2023.

Статья принята к публикации: 23.08.2023.

Research article

DESEMANTIZATION AS A SPECIFICITY OF EVERYDAY COMMUNICATION

Violetta M. Gryaznova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>

Annotation. Introduction. The problem of desemantization in linguistics is considered from different sides: as a consequence of the development of the meaning of a word, as a phenomenon caused by the weakening of the nominative function, as a result of the influence of its lexical compatibility on the development of the meaning of a word. The relevance of the article is based on the lack of works devoted to various manifestations of the process of noun desemantization in modern colloquial speech. The purpose of the article is to identify the specifics of the semantic structure of names, the significative-denotative component of which is reduced in colloquial speech. **Materials and methods.** Russian dictionary definitions of a number of lexemes and a selection of texts including these nominations from the National Corpus of the Russian language served as the material. The following methods were used: component analysis, the method of definitional analysis of dictionary entries, the comparative method, and the method of contextual analysis. **Analysis.** Based on the collected material, the author identifies three groups of nouns with different types of desemantization, as a result of which special meanings are formed: a) a pronominal meaning, b) an independent evaluative meaning, on the basis of which a homonymous interjection can arise,

c) a numerological meaning acting in unity with an emotional-evaluative one. The author reveals that the pronominal meaning or use is characterized by accentuation of the blurred designation of the subject of reality, attention to its general generic affiliation, indication of the subject, the presence of an antecedent or postcedent. In the second type of the desemantization process, the name has a pragmatic component as the apex of its meaning, and its significative-denotative component is located on the periphery. In the third form of the process of desemantization, a noun that has in its main meaning a component "a significant excess of standard characteristics" acquires diffuse semantics, in which both numerological and pragmatic components are present at the same time. **Results.** In general, the material allows the author to conclude that colloquial everyday communication is based on superficial knowledge, which is reflected in the various types and results of the desemantization process in the content of the presented noun groups.

Keywords: meaning, noun, desemantization, diffuse semantics, colloquial speech

For citation: Gryaznova V. M. Desemantization as a specificity of everyday communication. *Humanities and law research.*

Введение. Проблематика десемантизации в лингвистике рассматривается, во-первых, с точки зрения развития семантической структуры слова, в процессе которого могли возникать опустошенные значения и употребления. Так, Д.Н. Шмелев в своих работах выявил виды семантического обособления грамматических форм слова [21, р. 79–81]. Ю. Д. Апресян исследовал явление лексической неоднозначности [1, р. 44–46]. Е. В. Урысон описала сдвиг семантического акцента в значении лексемы [19, р. 456–463]; А. А. Зализняк изучила соотношение многозначности, полисемии и смежных явлений, различные способы представления многозначности [6, р. 20–73].

Во-вторых, проблематика десемантизации изучается как явление, обусловленное ослаблением номинативной функции лексемы, в результате чего возникают производные переносные значения с диффузной семантикой, что прежде всего свойственно разговорной речи. Повседневное общение с лингвистической точки зрения характеризуется мгновенностью в выборе слов, усилением эмоционального компонента в содержании выбранной лексемы и уходом на периферию ее денотативно-сигнификативного компонента. В. И. Карасик так пишет о ситуации обиходного общения: «Требуется не точное, а функционально адекватное замещение коммуникативной потребности вербальным знаком, и поэтому важнейшей характеристикой обиходного общения является широкая семантическая вариативность используемых знаков, размытость их семантики и логически связанная с этим качеством ситуативная обусловленность» [8, р. 105]. Так, Н. Д. Арутюнова в книге «Язык и мир человека» исследует соотношение дескриптивного и оценочного значений в составе предикатов, выраженных прилагательными [3, р. 34–40]. Е. В. Рахилина, изучая прилагательные цвета, размера и др., описывает влияние на развитие значения слова лексической сочетаемости [14, р. 116–140]. Е. Б. Никифорова, Е. С. Мордвинкина в семантической структуре названий сладостей выявляют вторичные оценочные значения, в которых актуализируется или нейтрализуется денотативный компонент [12, р. 11]. В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, В. Д. Драгой и др. представили комплексный анализ полисемии, интегрирующий лексикографические, количественные, психолингвистические и нейролингвистические методы [2, р. 12]. При этом специфика различного проявления процесса десемантизации существительных в современном русском языке является неизученной.

В целом процесс десемантизации слова в разговорной практике обиходного общения связан с тем, что оно опирается на обыденно-практическое, житейское знание, которое прежде всего сводится к констатации фактов и дает приблизительное и подвижное обозначение фрагментов действительности.

Проблематика специфики процесса десемантизации слова в разговорной речи активно разрабатывается на кафедре русского языка Северо-Кавказского федерального университета в рамках научного направления «Семантика и прагматика языковых единиц». Так, под руководством проф. В. М. Грязновой защищены и утверждены следующие диссертации на соискание степени кандидата филологических наук: И. Н. Корсуновой «Дейктические существительные в современном русском языке; состав, семантика, прагматика» [9], А. Н. Мамедовой «Оценочно-характеризующие существительные с ослабленной или утраченной номинативной функцией в современном русском языке: состав и динамика семантической структуры» [11], Д. А. Писаренко «Слово *смерть* в русском языке: семантический, семиотический, лингвокультурологический аспекты» [13].

Материалы и методы. Материалом работы послужили дефиниции определенных лексем в различных толковых словарях русского языка и выборка высказываний, включающих данные номинации, из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Кроме общенаучных исследовательских методов использовались следующие специальные лингвистические методы: компонентный анализ значения языковых единиц, метод дефиниционного анализа словарных статей, сопоставительный метод, метод контекстологического анализа.

Анализ. Объектом данной статьи является разнонаправленность процесса десемантизации существительных в обиходной разговорной практике, что приводит к разным результатам в семантической структуре слова. Предметом работы является специфика переносных значений и смыслов определенных многозначных имен существительных (возникновение местоименных, или широкозначных эмоциональных, вплоть до междометных, или нумерологических употреблений узусуального или нормативного характера, континуальность, диффузность содержания слова), а также особенности фиксации таких номинаций в толковых словарях русского языка.

В нашем материале нами выделены три группы существительных. Первая группа имен связана с возникновением в разговорной практике переносных значений местоименного характера. Акцентирование размытого обозначения предмета действительности, внимание к его общей родовой принадлежности нередко приводит к возникновению в узусе (затем и в языке) особых местоименных значений или смыслов у ряда активно употребляющихся в разговорной речи существительных, относящихся в своем прямом значении как к литературному языку, так и к разговорной речи. В данной статье это такие слова, как *вещь, дело, штука, фиговина, штуковина, хреновина, понятие*, которые мы расположили в порядке их частотности (пере-

носные употребления подобных лексем в книжной речи см. работу И. Н. Корсуновой [9]), Полагаем, что в определенных своих значениях или смыслах они обладают местоименным типом лексического значения. Например: «С учениками вот ни разу не ездил, но считаю, что все эти программы обмена – **дело** хорошее!». Коллективный форум: были вы в стране преподаваемого языка? (2008-2011); «Да, ТК не совершенен, но в условиях переходного государства – совершенство – **вещь** условная». Коллективный форум: 12 часов в день?... (2010-2011); «Очень много стало на театрах пыльных чеховских истерик, и вдруг показалась близкой некоммуникабельность праздных антониониевских лунатиков. Жизнь безрадостная **штука**!». Горелов. Москва кирзам верит. «Молодые». Год 1971. Известия. 2002.07.14.; «Думаю, главное – это стиль, великое, непреходящее **понятие**». С. Спивакова. Не всё (2002) и т.п.

В приведенных примерах названные лексемы не называют, а указывают на предмет и выражают указание в именных категориях падежа, числа и рода, что в целом соответствует определению местоимения. Тип речевой соотнесенности изучаемых слов с внеязыковой действительностью (его денотативный статус) выявляет принадлежность лексем **вещь**, **дело**, **штука** и им подобных в представленных контекстах к местоименным словам, хотя в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС) в состав местоименных слов, кроме собственно местоимений, включают только наречия и глаголы, а в Русской грамматике-80 данный разряд слов (местоименные слова) вообще не отмечается [16, р. 531]. Кроме того, изучаемые нами лексемы, как и классические местоименные слова, являются именами-заместителями. А. А. Реформатский сравнивает местоименные слова с бумажной валютой: «это как бы бумажная валюта, функционирующая ради удобства, благодаря наличию золотого фонда. Золотым фондом для местоимений являются знаменательные слова, без наличия которых существование местоимений «обесценено», как и стоимость бумажных денег без обеспечивающего их стоимость золота» [15, р. 70].

Покажем фиксацию местоименных ситуационных значений изучаемых имен существительных в толковых словарях русского языка. Лексема **вещь**. В Сл. Ушакова указательное значение зафиксировано, оно дано как оттенок подзначения седьмого значения: 7. 'Факт, случай'. // 'Обстоятельство, дело, явление': *Одна вещь не понравилась мне в моем новом знакомом: он заметно картаявил.* // 'Что-то, нечто (в сочетании с прил.; разг.): Остроумие – великолепная вещь. Достоевский. (Ушаков). В Русском семантическом словаре (РСС) это уже самостоятельное значение: **вещь** – 5. 'Нечто: предмет, явление, ситуация, слова (обычно в квалифицирующем контексте)'. *Произошла непонятная вещь. Прекрасная вещь – молодость. Он говорит странные вещи. Здоровье – бесценная вещь* (РСС).

Лексема **дело**. В словаре Д. Ушакова в качестве указательного отмечается значение номер 14:

'Обстоятельство, вещь, явление с пометой (разг.): *Все дело сводится к следующему. Это совсем иное дело. Дело идет о чем-н. Дело идет к осени* (Ушаков). «Русский семантический словарь» также выделяет местоименное значение данного существительного: 12. 'Некое явление, некая сущность (обычно в оценочном контексте)': *Ученые – дело важное. Семья – дело ответственное. Эта книга – дело всей жизни писателя. Одиночество – дело тяжелое* (РСС).

Лексема **понятие**. В Сл. Ушакова, в Словаре современного русского литературного языка. В 17 т. (далее БАС) не зафиксировано интересующее нас местоименное значение данного существительного. Такое значение отмечено только в Русском семантическом словаре: Понятие – 4. 'В некоторых сочетаниях: вещь, предмет'. *Человек – понятие сложное. Хорошая жизнь – понятие относительное* (РСС).

Лексема **штука**. В словаре Д. Ушакова местоименный компонент представлен в двух значениях: 3. 'Вообще вещь, предмет, какое-н. явление или человек'. *Что за штука там лежит. Ружье – хорошая штука.* 5. 'только ед. Употр. во многих выражениях в значении обстоятельство, дело, вещь'. *Вся штука в том, Захар Иванович, что человек слаб.* Салтыков-Щедрин (Ушаков, аналогично Ожегов). В «Русском семантическом словаре» также отмечено указательное значение данного существительного: 2. 'Предмет, явление, вообще то, о чем идет речь (разг. шутол. или неодобр.)'. *Трудная штука математика. Сложная штука жизнь* (РСС).

Лексема **штуковина**. В толковом словаре Д. Ушакова: *Штуковина*. 'То же, что штука в 3, 4 и 5 знач. с пометами (прост. фам.)'. *Это что за штуковина? Вот так штуковину ты выкинул* с пометой (прост) (Ушаков). В «Русском семантическом словаре» также зафиксирована лексема **штуковина** в местоименном значении, хотя и без примеров: 2. 'То же, что штука (обычно о том, что является предметом удивления или оценки)' (РСС).

Лексема **фиговина**. В «Русском семантическом словаре» приводится следующее определение, в содержании которого присутствует указательный компонент: *Фиговина*. (прост. груб.). 'Нечто плохое, неприятное или необычное, непонятное' (РСС). В Толковом Сл. Кузнецова (2009) читаем аналогичную дефиницию: *Фиговина* (разг. сниж.). 'О чём-нибудь маленьком, незначительном'. В «Словаре русского арго» В.С. Елистратова (Сл. рус. арго 2000): толкование также включает указательный местоименный компонент: *Фиговина*. Любая вещь'. От *фиг*.

Лексема **хреновина**. В словаре Д. Ушакова в своей указательной функции данное существительное представлено во втором значении с пометами прост., вульг.: 2. 'Что-нибудь плохое, скверное' *Я эту хреновину не буду читать.* Шолохов (Ушаков). В толковом Сл. Кузнецова (2009) также отмечено местоименное значение данной лексемы: *Хреновина* (грубо). 1. 'О ненужной, негодной вещи'. *Зачем ты купила эту хреновину? Эту хреновину*

надо выбросить. Данная лексема в изучаемом нами значении отмечена и в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова (Сл. рус. арго 2000): *Хреновина*. 'Любая вещь'. От *хрен*.

Указательное значение (или смысл) подобных существительных может быть подвержено нюансировке в зависимости от широкого или узкого контекста. Чаще всего встречается такой местоименный тип лексического значения, как собственно указание (аналогичное указательным местоимениям). «Свободные юбки на бедрах – вещь практически универсальная». Обновить гардероб? Легко! Сочетания, создающие стиль // «Даша», (2004); «Нефть у нас уже есть, и она нас худо-бедно кормит. Другое **дело** – газ. У нас 32% мировых запасов». Михаил Блант. Система ценностей и ценность системы (2003) // «Еженедельный журнал», 2003. 04.01; «Он мешал и тем, и этим, – отводя глаза, проговорил Мышкин. – Карманные террористы, действительно, весьма удобная **штука**». Вера Белоусова. Второй выстрел, (2000); «Сила духа – **понятие** относительное. Многие, особенно в молодости, считают себя сильными духом, способными вынести правду о близкой смерти». И. Грекова. Перелом (1987).

В то же время указание на предмет в содержании изучаемых имен может осложняться дополнительными смысловыми оттенками. Мы согласны с мнением, высказанным Д. А. Галай, Н. В. Гутовой, о том, что «местоимения не просто указывают на предметы, признаки или количества, а указывают на них через отношение к другим предметам, признакам или количествам, к определенной ситуации общения, его участникам и т.п.» [17, р. 92], и относим его к изучаемым нами существительным.

Чаще всего в качестве дополнительного смысла выступает компонент 'неопределенность'. «В общем неопределенные местоимения семантически указывают на неопределенные, не выясненные предметы, лица, свойства, количества, а также обозначают частичность, неполноту, «предмет или признак, мыслимый как лишенный конкретности, как любой или не подлежащий более точному определению» [4, р. 229].

Компонент 'неопределенность' в представленных именах может семантизироваться в различных вариациях:

- вариация 'указание на известный говорящему предмет, событие, явление и т.п., которые он намеренно не называет вообще или не сразу называет'. «На вопрос, как правительство собирается в дальнейшем снижать инфляцию, Герман Греф ответил, что “это такая **вещь**, на которую не принято очень распространяться”». Людмила Мещанинова. Ускользающая инфляция // «Время МН», 2003. 08.09; «Меня просили забрать одну **вещь**, которую тебе давали на время». Андрей Геласимов. Ты можешь (2001); «Впрочем, кроме стопки бумаги, ручки и компьютера для погружения в таинство превращения веществ нужна еще столь прозаическая **штука**, как деньги». Сергей Алексеев. Превращение цепей. Премия для молодого ученого-теоретика // «Известия», 2003. 02.20.; «Мы блуждали в дебрях

полотнищ, металлических конструкций, деревянных брусьев и щитов. Он безошибочно указывал из какого спектакля вот эта **фиговина** или вот эта **хреновина**». Елена Белкина. От любви до ненависти (2002);

- вариация 'указание на отдельный фиксированный для говорящего, но неизвестный или не вполне известный ему предмет, явление. Что-то'. «Например, чтобы “отнять” свидетельские показания (получить их), вовсе необязательно снабжать героя, скажем, деньгами для подкупа, чтобы “обменять” их на нужную **вещь** (признание)». В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии» (2004); «Тут вот какое **дело** ..., я себе представлял, что, ну, это устроено одним образом, а оказалось, что оно устроено совершенно иначе». Евгений Гришковец. Одноразово (2004); «А кличка у него, если тебе интересно, стоп-кран. – Что это такое? – Это такая **штука** на титане, – сказал Андрей, – чтобы пар выходил. Он раньше на сайте работал, воду кипятил». Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993); «Просто в следующий момент в руках моих заплескала эта чертова **штуковина**, а толчея послушно и быстро стекла в стороны, сменяя себя ..., легких не было, сердце скакало меж диафрагмой и теменем, Скакала в страшно далеких и мне не принадлежащих ладонях эта **хреновина**». Александр Гаррос. Алексей Евдокимов. Новая жизнь. Святочная повесть (2005);

Указание на предмет в содержании изучаемых имен может осложняться и таким дополнительным смысловым оттенком, как 'определенность' в его различных вариациях:

- вариация 'указание на то, что фиксированный для говорящего предмет, явление рассматривается в полном объеме'. «Изгиб был такой пронзительной женственности, что Длинноволосый смутился, словно ненароком увидел голую женщину: “Какая прекрасная ... – Он запнулся, подыскивая слово: машина, игрушка, **вещь**? Отбросил неподходящие слова и повторил с окончательной интонацией: – Какая прекрасная!”». Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую страну света. «Новый мир» (2000); «А еще такой же салатик в шале делают, только без крабовых палочек, и называется это **дело** у них “нежность”». Коллективный форум. Салаты (2011); «Поняв, что их обманывали, они сказали себе: “Отличная по тем времена **штука** – шестизарядная, надежная, а главное дело, – легкая. Он с солдатской нежностью вспоминал ее”». Даниил Гранин. Зубр (1987);

- вариация 'указание на то, что объединяются отдельные однородные предметы, явления, происходит их совокупный охват'. «В Финляндии, где немногим более 5 млн. жителей и в США с 280 млн. населения одинаковое количество министерств – по 14. Уникальная **вещь**! А, скажем, в Канаде министерств более 30». Определить присутствие государства в экономике // «Время МН» 2003.08.07; «Здесь логично было бы предположить, что спесивая бригада “Стрелы” – московская, а язвительная

“Экспресса” – питерская. Но это было бы слишком просто. *Штука* в том, что оба поезда приписаны к питерскому депо». Дуня Смирнова. Октябрьская железная дорога. // «Столица», 1997. 05.13;

- вариация ‘указание на максимальную степень проявления качества’. «Разумное сочетание интересов государства и фермера – великая *вещь*». Владимир Плотников. Надо уметь держать удар. // «Аграрный журнал», 2002.02.15; «Но не избавляет от наказания. Да вы не волнуйтесь, ей дадут условно. И он добавил с обескураживающей простотой. – Я что ли не понимаю, что это *хреновина* полная! Но я просто опер, супостатов ловлю с перерывом на обед. А у следака высшее юридическое образование». Ольга Некрасова. Платит последний (2000);

Указание на предмет в содержании изучаемых имен может осложняться и таким дополнительным смысловым оттенком, как ‘вопросительность’ в такой его вариации, как ‘указание на существование класса объектов с некоторыми свойствами без рассмотрения конкретного объекта из данного класса, с помощью которого говорящий хочет получить информацию о предмете и которое побуждает слушателя осуществить идентификацию’ [6, р. 295]. «Какую первую *вещь* сыграли самостоятельно, будучи еще совсем маленьким?» Марк Тайманов. Эмоции неисчерпаемы. «64 – Шахматное обозрение», 2003. 10.15; «Следующий этап – это уже последнее преддверие катастрофы. Ведь тут какая *вещь*? Все предшествующие периоды тоже воспринимались как катастрофы». Андрей Волос. Недвижимость (2000). «Новый мир» (2001); «Ну что там у него с ладонями? Короче, какая *хреновина* на них написана?». Нина Садур. Немец (1996).

Уместно отметить, что, независимо от дополнительного смысла указательного местоименного значения исследуемых существительных, все они имеют в высказывании антецедент. Данный факт является еще одним аргументом в пользу отнесенности их к местоименным словам. Под антецедентом в лингвистике понимают «предыдущую единицу высказывания (слово, словосочетание, предложение), с которой соотносена – заменяя ее, указывая на нее и т.п. – другая, последующая» [4, р. 48]. Последующую единицу высказывания нередко называют проформой. Стереотипная проформа обычно является местоимением (в нашем материале существительным с местоименным значением), а стереотипный антецедент - существительным или именным словосочетанием. В то же время собранный материал показывает, что антецедентом может быть высказывание, представляющее собой простое или сложное предложение. «Его отец был “шишкой” в ТО время... Не то, чтоб очень большой, но все-таки. *Экономвнешторг*. Или как там эта *хреновина* называлась. Внешняя торговля. Экспорт». Л. В. Зайцева. Где прошлогодний снег (2002); «Однако с каждой затяжкой у курильщика поднимается артериальное давление и учащается пульс: *никотин* – *штука* коварная». Курить по-прежнему вредно // «100% здоровья», 2002.11.11;

«Или ты кому-то говоришь, ... хочешь сказать *что-то важное*, а тебя кто-то сбил и ты: “Ой, я тебе одну *вещь* сказать, что-то ... щас, щас...”». Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004).

В типичных случаях проформы следуют за своими антецедентами, но иногда они предшествуют им, и в этом случае их корректнее называть постцедентами. «А еще он сказал, когда принес мне татарский бифштекс: “Я, Кыся, поглядел, что ты тушенку с подливой не очень уважаешь. Может, тебе эта *хреновина* подойдет?”. И показывает мне тарелку, на которой лежит довольно такой крупной лепешкой одуряюще пахнущий *сырой мясной фарш!*». Владимир Кунин. Кыся (1998-2000); «Ладно, допустим, что статистики не ошиблись, забудем также, что нефть – вдохновитель и организатор всех побед российской экономики, но только до снижения мировых цен. Но и тогда остается такая *штука*, как *экономический цикл*: непрерывных подъемов без регулярных спадов в экономике не бывает». Александр Дейкин. Своя игра // «Время МН», 2003.08.02.

У некоторых исследуемых проформ вербализованный антецедент (или постцедент) либо отсутствует, либо описывается неопределенно, эскизно. В таких случаях антецедент подразумевается, базирясь на практическом опыте носителя языка, общих знаниях социума о данном фрагменте мира. «Заступил на суточную вахту. Сторожа нет, собака на месте, инвентарь (молоток на длинной ручке, манометр и неизвестная *хреновина* неизвестного назначения) на своих местах». Дмитрий Каралис. Автопортрет (1999); «– На этой *штуке*? Горяев оглянулся на штуку и громко рассмеялся. – Какая же это *штука*? Это, брат Аркадий, не штука, а гениальная *хреновина*, которую господин Жюль Верн – читал такого? – описал в своей книге, ну где из пушки на Луну...». Анатолий Приставкин. Радиостанция «Тамара» (1994).

Направление десемантизации лексики, частотной в разговорной практике, может быть иным и иметь другие результаты. Так, значительное количество существительных, в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения которых присутствует оценка, способны в результате семантического развития по общим языковым моделям переноса (метафорического, метонимического, ассоциативного) развивать отдельное самостоятельное значение или смысл, в котором имеется один основной семантический компонент – прагматический (эмоциональная, эмоционально-эстетическая, эмоционально-этическая, мелиоративная оценка). Мы согласны с мнением В.И. Шаховского о том, что «человек является не отражателем мира, а его интерпретатором, а интерпретирует этот мир он всегда пристрастно, т.е. эмоционально» [20, р. 42]. В ряде случаев такое отдельное переносное значение по своей функции – выражать эмоцию, а не называть ее – приближается к междометному значению. Покажем десемантизацию содержания ряда существительных, приводящую к возникновению самостоятельного эмоционально-экспрессивного

значения на примере контекстов бытования слов **бальзам**, **каторга**, **конфетка**, **серость**, **смех**, **сказка** (более полный список см. в работе А. Н. Мамедовой [11]).

«Я в свою бытность школьником сменил шесть школ, но никогда такого беспредела не было ни в одной из них. Так что это творение – просто **сказка**. Конструктор, криво составленный бездарными (мягко говоря) режиссёрами и сценаристами». Коллективный. Форум: «Школа» Гай Германики (2010-2011); «Не дождь – **бальзам**! Не слезить бы, но похоже, что на этой неделе тысячи наших лесных спасателей из разных предприятий и ведомств даже без помощи дождей сумели переломить пожарную ситуацию». Георгий Кузнецов. Не дождь – бальзам! (2003) // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 2003.06.21; «А на самом деле Галя обожает журналы «Рассказ про это», «Жизнь – **конфетка**» и прочие издания, посвященные эротике и сексу». Дарья Донцова. Рождественский кролик (2011); «Я Тамара, зовут Томка. А та, полная, это Лора. Она в Теткина влюбилась, прямо **смех**. Я ей говорю, а она продолжает, прямо как психованная!». И. Грекова. На испытаниях (1967); «Книга долгая, нудная, **серость** ...». Коллективный форум: Дети (1999); «Будет новое ярмо для зарабатывания денег. И рассматривай это в каком угодно формате. Это не занудство, это добровольная **каторга**». Анатолий Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни» (2012).

Лексико-семантическим показателем представленного отдельного переносного значения является специфика его лексической сочетаемости, влияние на развитие значения слова, что привлекает внимание многих семасиологов современности. [14, р. 175–191; 19, р. 456–463]. В ней отсутствуют вербализованные семантические актанты, такие, как субъект, объект, содержание, в значении которых могла бы находиться существенная часть информации, необходимая для понимания искомого слова. Форма слова закреплена: только слово-форма именительного падежа, единственного числа. Семантико-синтаксическим маркером опустошенных оценочных переносных значений является их употребление только в функции предиката. Предметно-понятийный компонент в подобных словоупотреблениях редуцирован, присутствует только как прототип, эмоционально-оценочный компонент является главенствующим.

Междометные употребления самостоятельного оценочного значения изучаемых существительных характеризуются значительной контекстуальной обусловленностью и встречаются в самостоятельном нечленении высказывании, обычно восклицательном [подробнее см. 5]. В общем значение омонимичного междометия можно охарактеризовать так: «восклицание, выражающее положительную или отрицательную эмоцию «Какой жеребец вырос! **Сказка**! В тренинг к хорошему спортсмену Волкову попал». Елена Макарова. Русская верховая // «Русский репортер», № 18 (18), 4-11 октября 2007»; «Ах, что за молодчина! **Конфетка**!

Положительно, **конфетка**!» С.Н. Сергеев-Ценский. Синопский бой (1940-1941); «Я прямо в глаза им это так и высказал, всем этим бездарям, что собрались на свое заседание по поводу издания их очередного альманаха «Алые паруса». Боже, какая **серость**!». Николай Довгай. Записки одного гения // «Точка зрения» (2013); «Сами на себя ярмо тянем – дайте нам начальника, пусть он нас унижает, нам так лучше! Мы без этого не можем. А ты знаешь, как таким начальником быть? **Каторга**!». Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир» (2013).

Толковые словари довольно часто фиксируют десемантизированные прагматические значения, помечая их либо как оттенки основного значения, либо как отдельное значение. Так существительное **сказка** зафиксировано в опустошенном значении в Сл. Ушакова, МАС, БАС: «|| перен. О чем-либо чудесном, поразительном, удивительном» Ее три комнаты – изящная сказка, перенесенная в старинный помещичий дом. Вересаев, К жизни (по данным МАС, аналогично другие названные словари), а также в Русском семантическом словаре: 3. 'То же, что чудо'. Не костюм, а сказка! Не домик, а сказка! Не лес, а сказка! [РСС].

Лексема **бальзам** в качестве одного из значений имеет в ряде толковых словарей эмоционально-оценочное: 'Средство утешения, облегчения'. Пишите мне, не жалейте целительного бальзама, в котором я так нуждаюсь. Чехов, Письмо В. А. Тихонову, 5 янв. 1899 (МАС, аналогично Сл. Ушакова, БАС, РСС).

Слово **конфетка** отмечено в отдельном оценочном значении в БАС и РСС: «|| Разг. О ком-, чем-либо нарядном, красивом, приятном на вид». Купил [Медведков] домик, а домики тут как конфетки. Соколов-Микитов, Чижикина лавра (БАС, аналогично РСС).

Существительное **смех** зафиксировано в самостоятельном эмоционально-оценочном значении с аналогичным толкованием и в Сл. Ушакова, и в РСС: 2. 'В значении сказуемого. О чем-н., способном лишь рассмешить, возбудить к себе комическое чувство (простор. пренебр.)'. Смех, право, людям: приехали на ярмарку, и хоть бы горсть пеньки продали. Гоголь (Сл. Ушакова, аналогично РСС).

Лексема **серость** в РСС имеет отдельное оценочное значение: 'нечто маловыразительное, посредственное, серое'. Жизнь однообразная – серость! Нечего читать эту серость! (РСС).

Существительное **каторга** зафиксировано в Сл. Ушакова и в РСС в самостоятельном оценочном значении: 3. 'О чем-то очень тяжелом, невыносимом'. Общаться, разговаривать с ним – для меня каторга (РСС, аналогичное толкование в Сл. Ушакова).

Третье направление десемантизации существительных в разговорной речи – это редуция в значении слова понятийно-предметного содержания с одновременной семантизацией и актуализацией как эмоционально-экспрессивного компонента, так и нумерологического семантического

компонента 'большое или избыточное количество (больше нормы, меры)'. Такой вид десемантизации, на наш взгляд, характерен для контекстных употреблений лексем **бездна, волна, гора, поток, пропасть, урожай**, обладающих в прямом значении семой 'значительное превышение стандартных характеристик (типичного количества чего-л. или свойств пространства: глубины, высоты чего-л.)'.

«Да нет, – говорил Леня, – здесь *бездна плюсов*, особенно в Женеве». Дина Рубина. Медная шкатулка (2011-2015); «Когда поднялась *волна* персональных компьютеров, инвесторы вышли на охоту за доходностью». Письмо мужчины (2003); «Когда я добрёл с новгородскими поисковиками до наблюдательного пункта, первое, что увидел, была *гора* алюминиевых *гильз* от сигнальных ракет». Михаил Карпов. Список Визенталя // «Совершенно секретно», 2003.05.05; «Приведённые аналитиками цифры, скорее всего, среднестатистические, причём получены они по компаниям, внедрившим технологии массового телефонного обслуживания, то есть у них уже есть большой *поток* телефонных звонков». Валерий Коржов. Банк с роботизированным лицом // «Computerworld», 2004; «То, что *поток* желающих получить высшее образование растёт год от года, подтверждают и директора школ». Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005; «А через две недели выложили ролик ... на «Ютуб», собрав большой *урожай* острых гражданских *откликов* с разных стран и континентов». Евгения Долгинова. Бузулукская аномалия // «Русская жизнь», 2012.

В приведенных примерах существительные **бездна, волна, гора, поток, пропасть, урожай** обозначают неопределенное количество, так же, как и неопределенно-количественные числительные типа *много, немало*, и реализуют способность человека оперировать нечеткими, приблизительными множествами. В то же время в содержании этих существительных присутствует эмоционально-экспрессивный компонент. Аналогично неопределенно-количественным числительным они выступают в предложении в сочетании с именем существительным или с субстантиватом в форме родительного падежа, которые имеют значение таких актантов, как содержание (*бездна плюсов, гора идей*), субъект (*поток желающих*).

Гораздо реже исследуемая третья группа лексем выполняет функцию предиката. «Гипотез – **бездна**!!» Василий Дубовский. Следствие ведут археологи // «Новгородские ведомости», 2003.03.22; «Я тоже потянулся, но Кан мне кивнул головой на второй гарпун. Схватил я его, сердце колотится – сейчас слюга возьмем! Это ж месяц можно в море не ходить. Во-первых – мяса целая *гора*. Потом – из костей лучшие гарпуны получаются». Денис Тихий. Огородник с острова Басаноту (2015); «Я журналист и могу написать, что вам угодно, но между тем временем и нынешним – целая *пропасть*. Тогда наши танки еще не ползли по улицам столиц Ев-

ропы». Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943-1958).

Толковые словари нередко фиксируют нумерологическое значение либо употребление названных лексем.

Лексема бездна. 2. 'кого-чего. Разг. Огромное количество, множество'. – В июле мы будем ездить на остров, чай пить. Там *бездна* цветов. И. Гончаров, Обрыв. (МАС).

Лексема волна. 1. // 'перен. кого-чего. Появляющаяся или сменяющаяся одна другую в движении масса, поток кого-, чего-л.' По гулу можно было определить, что их [бомбардировщиков] много и что идут они волнами. Поповкин, Семья Рубанюк. // 'чего. Неожиданное и сильное проявление чего-л., возникновение какого-л. чувства или состояния'. Волна недовольства. Волна восторга охватила Глеба. Гладков, Цемент. Страну всколыхнула волна забастовок. Первенцев, В Исландии (МАС).

Лексема гора. 2. 'чего, из чего. Множество, большое количество чего-л. сложенного в кучу, нагроможденного, сваленного кучей'. Направо возвышалась до самого потолка гора из шуб, сало-пов, меховых сапог и стареньких, поистасканных шерстяных платков. Григорович, Проселочные дороги (МАС).

Лексема поток. 2. 'чего или какой. Множество, масса кого-, чего-л. движущегося в одном направлении'. Людской поток. Поток автомобилей. Выпуская потоки светящихся пуль, немцы шли на нашу цепочку. Бек, Волоколамское шоссе. // 'Множество, масса чего-л. непрерывно поступающего или направляемого куда-л.'. Поток грузов. Поток телеграмм. Поток информации (МАС).

Лексема пропасть. 3. 'кого-чего. Разг. Очень большое количество, множество'. Из комнаты пришлось вымести пропасть мусору и вытереть повсюду пыль. А.Н. Толстой, Портрет. | 'в знач. сказ.' – Привели меня в кабинет. Цветов пропасть, убранство отличное. Тургенев, Петр Петрович Каратаев 4. 'знач. междом. Разг. Восклицание, выражающее неудовольствие, досаду'. – Тыфу ты пропасть! Да ты, батюшка, протри глаза-то, отрезвись хоть для великого божьего праздника! Достоевский, Село Степанчиково. [Иванов:] – Ах ты, пропасть! Ничего не помню. Далее в озноб и жар бросает! А. Островский, Счастливый день (МАС).

Лексема урожай. 2. 'Изобилие уродившегося зерна, плодов, трав и т.п.' // 'перен.; на кого-что. Разг. Вообще изобилие, множество чего-л.'. Нынешний год – урожай на альманахи. Белинский, Одесский альманах на 1839. – На невест у нас, слава богу, урожай... Женись-ка, право, да ступай жить с стариком. Соллогуб, Тарантас (МАС).

Виды семантизации, представленные в статье, по нашему мнению, зависят от основного значения слова, его лексической сочетаемости и синтаксической функции. Лексемы с абстрактным или общим родовым значением типа **вещь, дело, понятие** в процессе развития своей семантической структуры способны приобретать значения и смыслы ситуативного местоименного характера.

Существительные, имеющие в своем прямом значении эмоционально-экспрессивный компонент типа **каторга, серость, смех**, могут развивать полностью опустошенные, содержащие только прагматический компонент, значения и смыслы. Имена, обладающие в своем основном значении компонентом «значительное превышение стандартных характеристик» типа **бездна, волна, гора**, могут диффузно актуализировать в своих переносных употреблениях одновременно семы нумерологического и прагматического характера.

В целом описанные виды десемантизации определенных существительных в разговорной речи отличаются следующими свойствами. В первом виде, когда имя приобретает местоименное значение, происходит трансформация содержания в связи с тем, что уходит функция называния и обозначения. Существительные в местоименном значении только указывают на предмет, явление, ситуацию. Во втором виде процесса десемантизации, когда имя в качестве вершины своего значения имеет прагматический компонент, а его сигнифика-

тивно-денотативный компонент находится на периферии, происходит модификация семантики существительного в связи с другой иерархией функций: на первом плане выходит эмоционально-экспрессивная функция. Во втором виде в редких случаях может происходить трансформация содержания слова: это случаи междометного употребления исследуемых лексем, когда имя уже не обозначает оценку, а выражает эмоцию говорящего. В третьем виде процесса десемантизации, когда существительное приобретает диффузную семантику, в которой одновременно присутствует и нумерологический, и прагматический компоненты, происходит модификация содержания лексемы.

В целом, разговорное обиходное общение имеет в своей основе поверхностное, ориентировочное знание, особенностями которого являются фрагментарность и неточность употребляемых понятий, опора на жизненный опыт, гипертрофированность эмоций, конкретность, что и отображается в семантической структуре представленных существительных.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Словарная статья ВООБРАЖЕНИЕ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 44–46.
 2. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Драгой О. В. и др. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности // Русская речь. 2019. № 1. С. 8–17.
 3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
 4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
 5. Грязнова В. М. Мамедова А. Н. Специфика семантической структуры существительных с мелиоративной оценкой в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения в современном русском языке // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 196–204.
 6. Зализняк А. А. Местоимение // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. С. 295.
 7. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур. 2006. 672 с.
 8. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 433 с.
 9. Корсунова И. Н. Дейктические существительные в современном русском языке: состав, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2015. 29 с.
 10. Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоименные слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. С. 295.
 11. Мамедова А. Н. Оценочно-характеризующие существительные с ослабленной или утраченной номинативной функцией в современном русском языке: состав и динамика семантической структуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2020. 29 с.
 12. Никифорова Е. Б., Мордвинкина Е. С. Эволюция семантики лексем лексико-семантической группы «сладости» в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (129). С. 94–99.
 13. Писаренко Д. А. Слово *смерть* в русском языке: семантический, семиотический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2021. 30 с.
 14. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
 15. Реформатский А. А. Введение в языкознание / под ред. В. А. Виноградова. М.: Просвещение, 1967. 542 с.
 16. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
 17. Русский язык: Теоретическое описание / Д. А. Галай, Н. В. Гутова, И. Л. Замяткина и др.; под ред. А. А. Курулёнка, Е. Д. Черневой. Куйбышев: Барабинская типография, 2012. 191 с.
 18. Урысон Е. В. Словарная статья *предчувствие* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры». 1997. С. 272–276.
 19. Урысон Е. В. Сдвиг семантического акцента в значении лексемы (*предчувствие, голод, аппетит*) // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 456–463.
 20. Шаховской В. И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.
 21. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
- Словари и источники*
22. БАС: Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / М. –Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950–1965.
 23. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2009. 1536 с.
 24. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
 25. МАС: Словарь русского языка. В 4-х т. / 4-е изд. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
 26. Национальный корпус русского языка URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.07.2022).
 27. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1994. 796 с.
 28. РСС: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. III. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
 29. Сл. рус. арг.: Елистратов В. С. Словарь русского арг (материалы 1980–1990 гг.). М.: Азбуковник, Русские словари, 2000. 693 с.
 30. Ушаков: Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Русские словари, 1995.

References

1. Apresyan Yu. D. Dictionary entry IMAGINATION. New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. First issue. Ed by Yu.D. Apresyan. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury; 1997. p. 44-46. (In Russ.).
 2. Apresyan V. YU., Apresyan YU. D., Dragoj O. V. ect. On the method of complex semantic, statistical and psycholinguistic analysis of ambiguity. *Russkaya rech'*. 2019;1:8-17. (In Russ.).
 3. Arutyunova N. D. Language and the human world. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury; 1999. 896 p. (In Russ.).
 4. Axmanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya; 1966. 608 p. (In Russ.).
 5. Gryaznova V. M. Mamedova A. N. The specifics of the semantic structure of nouns with reclamation evaluation in the significative-denotative component of direct meaning in Modern Russian. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2021;1:196-204. (In Russ.).
 6. Zaliznyak A. A. Pronoun in Linguistic encyclopedic dictionary'. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. 1990. P.295. (In Russ.).
 7. Zaliznyak A. A. Ambiguity in language and ways of its representation. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur; 2006. 672 p. (In Russ.).
 8. Karasik V. I. Linguistic crystallization of meaning. Volgograd: Paradigma, 2010. 433 p. (In Russ.).
 9. Korsunova I. N. Deictic nouns in modern Russian; composition, semantics, pragmatics: abstract of thesis. Stavropol'; 2015. 29 p. (In Russ.).
 10. Krylov S. A., Paducheva E. V. Pronominal words in Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya enciklopediya; 1990. P. 295. (In Russ.).
 11. Mamedova A. N. Evaluative-characterizing nouns with weakened or lost nominative function in modern Russian: composition and dynamics of semantic structure: abstract of thesis. Stavropol'; 2020. 29 p. (In Russ.).
 12. Nikiforova E. B., Mordvinkina E. S. Evolution of lexeme semantics lexico-semantic group "sweets" in Russian in *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018;6(129):94-99. (In Russ.).
 13. Pisarenko D. A. The word death in the Russian language: semantic, semiotic, linguoculturological aspects: abstract of thesis. Stavropol'; 2021. 30 p. (In Russ.).
 14. Rahilina E. V. Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility. Moscow: Russkie slovari; 2008. 416 p. (In Russ.).
 15. Reformatskij A. A. Introduction to Linguistics. Ed by V.A. Vinogradov. Moscow: Prosveshchenie; 1967. 542 p. (In Russ.).
 16. Russian grammar. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1980. 783 p. (In Russ.).
 17. Russian: Theoretical description. D. A. Galaj, N. V. Gutova, I. L. Zamyatkina, ect; ed by A. A. Kurulyonk, E. D. CHerneva. Kujbyshev: Barabinskaya tipografiya; 2012. 191 p. (In Russ.).
 18. Uryson E. V. Dictionary entry PREMONITION. in New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. First edition. Under the general guidance of academician. Yu.D. Apresyan. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury; 1997. P. 272-276. (In Russ.).
 19. Uryson E. V. Shift of semantic emphasis in the meaning of the lexeme (premonition, hunger, appetite) in Russian language today. Vol. 1. Sat. articles. / RAS. Institute of Russian Language named after. V.V. Vinogradova. Rep. ed. L.P. Krysin. Moscow: Azbukovnik; 2000. P. 456-463. (In Russ.).
 20. SHahovskiy V. I. Emotional picture of the world in a verbal presentation. *Mir russkogo slova*. 2019;1:35-43. (In Russ.).
 21. SHmelev D. N. Modern Russian language. Vocabulary. Moscow: Prosveshchenie; 1977. 335 p. (In Russ.).
- Dictionaries and sources*
22. Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols. Vol. 1-17. Moscow- Leningrad: RAS of USSR publ.; 1950-1965. (In Russ.).
 23. Large explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint; 2009. 1536 p. (In Russ.).
 24. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya; 1990. 685 p. (In Russ.).
 25. Dictionary of the Russian language. In 4 vols. Moscow: Russkij yazyk; Poligrafresursy; 1999. (In Russ.).
 26. National corpus of Russian language URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 21.07.2022). (In Russ.).
 27. Ozhegov: S. I. Dictionary of the Russian language. Moscow: Russkij yazyk; 1994. 796 p. (In Russ.).
 28. Russian semantic dictionary. Ed by N.Yu. Shvedova. Vol.3. Moscow: Azbukovnik; 2003. 630 p. (In Russ.).
 29. Dictionary of Russian Argot (materials 1980-1990). Moscow: Azbukovnik, Russkie slovari; 2000. 693 p. (In Russ.).
 30. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 t. Moscow: Russkie slovari; 1995. (In Russ.).

Научная статья

УДК 81`42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.21>

МЕТАФОРА КАК РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ В ФРЕЙМОВОЙ МОДЕЛИ

Сергей Викторович Гусаренко^{1*}, Марина Константиновна Гусаренко²¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)Доктор филологических наук, профессор
sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>² Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)Кандидат филологических наук
mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Проведенные ранее исследования фреймовой организации художественного нарратива позволили прийти к выводам, что, во-первых, онтологические фреймы-детерминанты могут предопределять повествовательную структуру как протяженных фрагментов повествовательного текста, так и небольших фрагментов, ограниченных семантикой локального фрейма; во-вторых, семантико-синтаксический фрейм можно рассматривать как стандартную языковую единицу, обладающую стандартной целостной структурой и семантикой, а также устойчивым именованием. **Материалы и методы.** В предлагаемом подходе речевой фрейм представляет языковое выражение как речевое действие, содержание и совершение которого описывается в пропозициональном аспекте. Само по себе употребление метафоры в тексте есть стандартное речевое действие, включающее метафорическое выражение в контекст, при этом значение метафоры определяется языковым и прагматическим контекстом. Метафора (от слова до развернутой конструкции) может рассматриваться как речевое действие говорящего уже в силу того, что сам акт метафорического сравнения, заключенный в метафоре, может описываться в терминах пропозиций. Сюжетообразующие семантико-синтаксические фреймы в художественном нарративе рассматриваются как устойчивые языковые единицы, обладающие стабильными конвенциональными значениями и соответствующими стабильными именами. **Анализ.** Семантико-синтаксический фрейм следует рассматривать как стандартную семантическую модель типичной ситуации (бытовой, коммуникативной), в которой структурно-содержательным элементом семантики фрейма, а именно пропозициям, их предикатам и термам, заполняющим терминалы фрейма, соот-

ветствуют определенные языковые выражения для их представления в поверхностных структурах нарратива. Исходный тезис состоит в том, что с точки зрения задач описания релевантных параметров целесообразно представить метафору как модель семантико-синтаксического процедурного фрейма. **Результаты.** По итогам исследования предложена модель, в которой к первому терминалу фрейма отнесены ядерные пропозиции, описывающие базовые предикации метафорического речевого действия; ко второму – основания метафорического сравнения; к третьему – условия языкового контекста; к четвертому – условия прагматического контекста. Сделан вывод, что представление метафоры как речевого действия в виде процедурного семантико-синтаксического фрейма позволяет анализировать ее семантику, структуру и функции как результат выполнения соответствующих действий и семантических операций, отображенных в предлагаемой модели фрейма МЕТАФОРА.

Ключевые слова: речевой фрейм, пропозиция, терм, нарратив, метафора, цель, источник, основание сравнения, терминал, семантико-синтаксический

Для цитирования: Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Метафора как речевое действие в фреймовой модели // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 707–712. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.21>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 12.08.2023.

Статья принята к публикации: 30.08.2023.

Research article

METAPHOR AS A SPEECH ACTION IN A FRAME MODEL

Sergey V. Gusarenko^{1*}, Marina K. Gusarenko²¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)Dr. Sc. (Philology), Professor
sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>² North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Earlier studies of the frame organization of the artistic narrative allowed us to come to the conclusion that, firstly, ontological frames-determinants can predetermine the narrative structure of both extended fragments of the narrative text and small fragments limited by the semantics of the local frame; secondly, the semantic-syntactic frame can be considered as a standard linguistic unit with a standard integral structure and semantics, as well as stable naming. **Materials and methods.** In the proposed approach, a speech frame represents a linguistic expression as a speech action, the content and performance of which is described in a propositional aspect. The use of a metaphor in the text itself is a standard speech action that includes a metaphorical expression in the context, while the meaning of the metaphor is determined by the linguistic and pragmatic context. A metaphor (from a word to a

detailed construction) can be considered as a speech action of the speaker by virtue of the fact that the act of metaphorical comparison itself, contained in a metaphor, can be described in terms of propositions. Plot-forming semantic-syntactic frames in an artistic narrative are considered as stable linguistic units with stable conventional meanings and corresponding stable names. **Analysis.** The semantic-syntactic frame should be considered as a standard semantic model of a typical situation (everyday, communicative), in which the structural and content elements of the semantics of the frame, namely propositions, their predicates and terms filling the terminals of the frame, correspond to certain language expressions for their representation in the surface structures of the narrative. The initial thesis is that from the point of view of the tasks of describing relevant parameters, it is advisable to present a metaphor as a model of a

semantic-syntactic procedural frame. **Results.** Based on the results of the study, a model is proposed in which nuclear propositions describing the basic predications of metaphorical speech action are attributed to the first terminal of the frame; to the second one – the bases of metaphorical comparison; to the third one – the conditions of the linguistic context; to the fourth one – the conditions of the pragmatic context. It is concluded that the representation of a metaphor as a speech action in the form of a procedural semantic-syntactic frame allows analyzing its semantics, structure and functions as a result of performing the corresponding actions and semantic operations displayed in the proposed METAPHOR frame model.

Keywords: speech frame, proposition, term, narrative, metaphor, purpose, source, basis of comparison, terminal, semantic-syntactic

Введение. Выполненные ранее исследования фреймовой организации художественного нарратива позволили прийти к выводам, что, во-первых, онтологические фреймы-детерминанты могут предопределять повествовательную структуру как протяженных фрагментов повествовательного текста, например главы или нескольких глав, так и небольших фрагментов, ограниченных семантикой локального фрейма; во-вторых, как семантико-синтаксический фрейм, формирующий сюжет повествования, так и подчиненный ему фрейм с некоторыми допущениями можно рассматривать как стандартную языковую единицу, обладающую стандартной целостной структурой и семантикой, а также устойчивым именованием (фрейм ПОКУПКА БИЛЕТА, например) [6]. Такой взгляд на фрейм – как на устойчивую единицу языка – в той или иной форме, в том или ином приближении к нашей трактовке неоднократно выражался в работах самых авторитетных лингвистов [7; 12; 14; 15]. Под семантико-синтаксическим фреймом мы понимаем стандартную семантическую модель типичной ситуации бытия (физического, социального, коммуникативного), в которой структурно-содержательным элементам семантики фрейма, а именно пропозициям, их предикатам и термам, заполняющим терминалы фрейма, соответствуют определенные языковые выражения для их представления в поверхностных структурах нарратива. Естественно, в отличие от имени фрейма, выражения эти могут варьировать в некоторых пределах.

Тезис о фрейме как о стандартной семантической единице языка, помимо того, что выведен в ходе исследований, также находит подтверждение при сопоставлении семантической структуры фрейма с лексическим значением его имени, представленном в толковом словаре: слоты фрейма в подавляющем большинстве случаев соответствуют набору дифференцирующих признаков в дефиниции имени фрейма в словаре [6].

При том что свойства онтологических фреймов в семантической структуре художественного нарратива уже основательно изучены, остается актуальным вопрос, какие еще стандартные, стабильные семантические структуры функционируют в художественном нарративе и как они взаимодействуют с сюжетообразующими и подчиненными им фреймами. Предметом нашего исследования стали семантические свойства языковых

For citation: Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. Metaphor as a speech action in a frame model. *Humanities and law research*. 2023;10(4):707-712. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.21>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.07.2023.

The article was approved after reviewing: 12.08.2023.

The article was accepted for publication: 30.08.2023.

конструкций, содержащих имплицатуры [5]. В данной работе мы предпринимаем попытку построения фреймовой модели метафоры, такой подход избран с той целью, чтобы эта модель позволила изучать взаимодействие метафоры с сюжетообразующими фреймами как взаимодействие между моделями одного уровня и типа организации.

Материалы и методы. Метафору мы рассматриваем как речевой фрейм, или фрейм РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ. В предлагаемом нами подходе речевой фрейм представляет языковое выражение как речевое действие, содержание и совершение которого описывается в пропозициональном аспекте. Само по себе употребление метафоры в тексте (не обязательно повествовательном) есть сознательное речевое действие, включающее метафорическое выражение в контекст, при этом значение метафоры определяется языковым и прагматическим контекстом. Метафора (от слова до развернутой конструкции), как представляется, может рассматриваться как речевое действие говорящего (пишущего) – уже в силу того, что сам акт сопоставления (сравнения), заключенный в метафоре, может описываться в терминах пропозиций. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «есть основания считать исходной для метафоры функцию характеристики, связывающую ее с позицией предиката» [2, с. 296]. Само определение метафоры не обходится без терминов, обозначающих совокупность, последовательность определенных стандартных языковых процедур (действий) – «механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [2, с. 296]. Термины *механизм, употребление, характеристика, наименование* подтверждают, как нам представляется, правильность выбора пропозиционально-фреймового описания метафоры в семантической структуре художественного нарратива. Дж. Лакофф и М. Джонсон для обозначения содержания конкретной концептуальной метафоры применяют пропозициональные выражения типа СПОР – ЭТО ВОЙНА [10, с. 26]. Здесь же отметим, что, последовательно выстраивая когнитивную теорию метафоры, названные авторы все же прибегают к сублимированной, «усредненной» семантической формуле, что при-

нято при структурном описании значений стандартных языковых единиц.

А. Н. Баранов, излагая основы когнитивной теории метафоры, подчеркивает, что «в основе метафорических процессов лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев» [3, с. 9], отображающих опыт взаимодействия человека с окружающим миром. Для нас приведенные положения имеют значение по той причине, что в них высказывается фреймовая природа метафоры. При этом добавим, что, как безошибочно мы распознаем в тексте фрейм по одному релевантному упоминанию его слота, так же безошибочно мы распознаем метафору и интерпретируем её, что говорит об объективно существующем алгоритме обработки фреймовых данных в метафоре, и алгоритм этот мало чем отличается от других языковых навыков, что дает некоторые основания приближать содержание фрейма к содержанию стандартной языковой единицы или модели (к примеру, синтаксической).

Описание метафоры в терминах фреймовой семантики находим в статье Н. Ф. Алефиренко, И. А. Ярошук «Художественный фрейм как средство интерпретации метафоры (на материале художественной прозы писателей Черноземья)» [1]. По мысли авторов, художественный фрейм, представляющий собой ассоциативно структурированную когнитивную единицу, организованную вокруг базового концепта, находит выражение в метафоре, смысловое содержание которой «вытекает из иерархически выстроенной системы знаний, извлекаемой из семантической структуры косвенно производного знака, обозначающего ту или иную денотативную ситуацию» [1, с. 26]. При этом фрейм рассматривается авторами как когнитивно-семантическая структура, имеющая форму пропозиции или набора пропозиций.

Как видим, такой подход в полной мере соответствует целям когнитивного описания метафоры и художественного фрейма, однако для описания фрейма как стандартной языковой единицы и метафоры как стандартной языковой операции представляется целесообразным рассмотреть представленный в данной работе подход.

Мы предлагаем рассматривать метафору как набор семантических операций, в результате которых адресат речи получает импликацию метафоры. То есть речевой фрейм МЕТАФОРА рассматривается как процедурный фрейм в структуре сюжетобразующих онтологических фреймов в художественном нарративе. Такой подход приближает нас к концепции Мельчука, в которой язык есть интерфейс между мыслью и текстом, в котором она воплощена [11]. Преимущество такого подхода состоит в том, что представляется возможной попытка формального описания семантических преобразований, протекающих в ходе метафорического процесса [3].

Анализ. В состав первого, верхнего, терминала фрейма введены термы и ядерные пропози-

ции, описывающие базовые предикации метафорического речевого действия:

(1) *T1 сообщает T2: (2) T3 есть как T4 (← T3 есть T4).*

(3) *T1 выражает X.*

(4) Импликация: *T3 есть P/сделал P.*

Здесь первый терм T1 – говорящий, второй терм T2 – адресат речи, третий терм T3 – цель, в разных концепциях также – референт, денотативный дескриптор [3], четвертый терм T4 – источник, или коррелят, сигнификативный дескриптор [3], то есть объект, свойства которого посредством метафорического действия приписываются цели (денотативному дескриптору). P – имплицитно выраженное значение, характеристика, свойство, приписываемое языковому выражению – цели, предикат импликации [5]. Предложенные нами значения термов несколько отличаются от приведенных Ч. Филлмором [14], что вызвано спецификой семантической структуры рассматриваемых пропозиций.

Приведенную в скобках пропозицию *T3 есть T4* (например, СПОР – ЭТО ВОЙНА) представлять в качестве ядерной, на наш взгляд, неправомерно, поскольку так сформулированное предикативное отношение представляет собой, как отмечалось выше, сублимированную формулу поверхностной структуры всякой метафоры и описывает скорее метафорический прием, представляет ложное утверждение, поскольку «все знают», что спор – это не война, то есть никому в голову не придет интерпретировать метафору таким образом, что в ней содержится утверждение СПОР – ЭТО ВОЙНА.

Распределение символов семантических объектов и действий рассмотрим на следующем примере:

А пожаловался В:

Директор рыкнул на нас так, что мы повскакивали.

T1 – А

T2 – В

T3 – директор

T4 – рычащее животное (тигр, лев, собака)

X – испуг, оторопь (которые испытал T1)

P – [сказал нечто] неожиданно громко и грубо

Импликация: Директор сказал нечто неожиданно громко и грубо.

Ко второму терминалу отнесены основания сравнения, лежащего в основе метафоры. Под основаниями сравнения мы здесь понимаем свойства цели и источника, на основе которых совершается операция профилирование – «высвечивание отдельных свойств источника в области цели» [3, с. 9], то есть, как мы понимаем, приведение в соответствие определенным свойствам цели определенных свойств источника для ее характеристики. Данная операция может осуществляться в отношении цели, или денотативного дескриптора, только по присущим ей свойствам (в общем

случае нельзя характеризовать авторучку по основанию сейсмоустойчивости), из чего следует, что в области источника (сигнификативного дескриптора) в качестве характеризующего элемента должен выступать либо полный аналог свойства цели, например: *Аспирант с перепугу влетел не в ту дверь* – т.е. *очень быстро*, либо такой характеризующий элемент, который контекстуально избирается для характеристики цели, например, как в известной цитате: *В любви я – Эйнштейн*, здесь любовный опыт говорящего приводится в соответствие с авторитетом Эйнштейна в науке, что вряд ли можно назвать аналогичными свойствами цели и источника. Свойства первого типа мы далее будем называть свойствами-аналогами, свойства второго типа – приводимыми свойствами (для обозначения – латинские *a* и *p* соответственно).

Тогда ядерная пропозиция (2) *T3 есть как T4* с указанием основания сравнения во втором терминале будет выглядеть следующим образом:

(2) *T3 (a) есть как T4 (a)* или

(2) *T3 (p) есть как T4 (p)*.

С указанием исходных данных операция метафорического сравнения (переноса свойств) может быть представлена следующим образом:

$T4(a_1, a_2, a_3...) \rightarrow T3(a_1, a_2, a_3...)$ или

$T4(p_1, p_2, p_3...) \rightarrow T3(p_1, p_2, p_3...)$

Профилирование свойств источника в область цели обозначено в модели символом $\rightarrow$.

Очевидно, что операция профилирования определяется также такими факторами, как контекст языковой и контекст прагматический.

В результате операции метафорического переноса устанавливаются соответствия типа:

$a_1(T3) = a_1(T4)$, потому что *T1 выражает X + контекст языковой + контекст прагматический*.

$p_1(T3) \approx p_1(T4)$, потому что *T1 выражает X + контекст языковой + контекст прагматический*.

Данные выражения в модели фрейма метафора мы будем трактовать как основание метафорического сравнения.

В случае с примером *Аспирант с перепугу влетел не в ту дверь* первое из предложенных приведенных выше выражений интерпретируется следующим образом: свойство цели «скорость» **аналогично** свойству источника «скорость», потому что говорящий выражает интенсификацию свойства цели «скорость» + языковой контекст: *с перепугу*; также: *влетел* – устоявшаяся метафора + прагматический контекст (отсутствует в данном примере).

В случае с примером *В любви я – Эйнштейн* второе выражение основания интерпретируется следующим образом: свойство цели «опытность в любви» **приводится в соответствие** свойству источника «авторитет в науке», потому что говорящий выражает интенсификацию свойства цели «опытность в любви» + языковой контекст: *предшествующие языковые выражения говорящей,*

демонстрирующие его самоуверенность в отношениях с мужчинами + прагматический контекст: прагматическая пресуппозиция (13) *Эйнштейн есть великий авторитет в науке*.

К третьему терминалу фрейма МЕТАФОРА отнесено описание языкового контекста, из которого отдельные слоты экстраполируются в выражение основания метафорического сравнения во втором терминале. Под языковым контекстом здесь понимается и микроконтекст, то есть ближайшее семантическое окружение цели и источника, и макроконтекст – макроструктуры текста [8], тип текста, жанр.

К четвертому терминалу фрейма МЕТАФОРА отнесено описание прагматического контекста, из которого слоты экстраполируются в выражение основания метафорического сравнения во втором терминале. Под прагматическим контекстом здесь понимаются прагматические пресуппозиции, коммуникативное намерение и ситуация выполнения речевого действия (место, ролевые распределения, тип коммуникативной ситуации).

Результаты. Таким образом, в полном составе фреймовая модель метафоры имеет следующий вид:

Теминал 1. Ядерные пропозиции.

(1) *T1 сообщает T2: (2) T3 есть как T4 ($\leftarrow T3$ есть T4).*

(3) *T1 выражает X.*

(4) Импликатура: *T3 есть P/сделал P.*

Терминал 2. Основание метафорического сравнения.

$T4(a_1, a_2, a_3...) \rightarrow T3(a_1, a_2, a_3...)$ или

$T4(p_1, p_2, p_3...) \rightarrow T3(p_1, p_2, p_3...)$

$a_1(T3) = a_1(T4)$, потому что *T1 выражает X + контекст языковой + контекст прагматический*.

$p_1(T3) \approx p_1(T4)$, потому что *T1 выражает X + контекст языковой + контекст прагматический*.

Терминал 3. Языковой контекст.

А) Микроконтекст, дистрибуция в предложении.

Б) Семантические макроструктуры.

В) Тип текста (повествование, диалог, описание, рассуждение).

Г) Жанр текста (повесть, поэма, эссе, роман и т.п.)

Терминал 4. Прагматический контекст.

А) Прагматические пресуппозиции.

Б) Коммуникативное намерение.

В) Коммуникативная ситуация (место, ролевые распределения, тип коммуникативной ситуации).

Рассмотрим предлагаемую модель фрейма на конкретном примере применения метафоры в художественном нарративе. В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» разворачивается сцена агитации за создание автомобильного клуба:

– Ты, старый матрац, – говорил Персицкий голубоглазому юноше, – на это даже денег не надо давать [9, с. 181].

Персицкий разговаривает с человеком, который незадолго до этого момента отказался вступить в клуб, поэтому ему следует быть особенно убедительным. Замещение позиций в терминалах фрейма можно представить следующим образом.

Терминал 1. Ядерные пропозиции.

(1) Персицкий (Т1) говорил голубоглазому юноше (Т2).

(2) Ты (голубоглазый юноша) (Т3, Т2) есть как старый матрац (Т4).

(3) Персицкий (Т1) выражает неодобрение, раздражение (Х).

(4) Импликатура: Ты (голубоглазый юноша) (Т3) есть бесполезен в коллективе, слишком нерешителен (Р).

Терминал 2. Основание метафорического сравнения.

Матрац (физическое состояние: старый, утративший свойства – Т4 ($p_1, p_2, p_3 \dots$)) → Голубоглазый юноша (этическая оценка: бесполезный в коллективе, нерешительный – Т3 ($p_1, p_2, p_3 \dots$)).

Бесполезный в коллективе, нерешительный (юноша) (p_1 (Т3)) ≈ старый, утративший свойства (матрац) (p_1 (Т4)), потому что Персицкий (Т1) выражает своё неодобрение, раздражение (Х) + ранее голубоглазый юноша отказался вступать в автомобильный клуб (языковой контекст) + Персицкий намерен вызвать внутренний протест у юноши, приписывая ему бесполезность, нерешительность и тем самым склонить его к нужному поступку (прагматический контекст).

Терминал 3. Языковой контекст.

А) Микроконтекст: примыкает к контактно расположенному кореферентному товарищескому обращению Ты.

Б) Семантические макроструктуры: метафора в составе высказывания включена в эпизод, описывающий разговор коллег о создании автомобильного клуба.

В) Тип текста: диалог в нарративе.

Г) Жанр текста: роман.

Терминал 4. Прагматический контекст.

А) Прагматические пресуппозиции: Адресат Т2 знает, что старая вещь нефункциональна, бесполезна, как правило.

Б) Коммуникативное намерение: выразить неодобрение, порицание с целью склонить к нужному поступку.

В) Коммуникативная ситуация: место – редакция газеты, Персицкий (Т1) – агитатор за новое дело, голубоглазый юноша (Т2, Т3) – ретроград, противник нового, тип коммуникативной ситуации – общественная дискуссия.

Комментарий. Символы Т3 и Т2 здесь обозначают один и тот же объект – словосочетание *голубоглазый юноша*, поскольку оно обозначает адресата речи и в то же время выступает в качестве цели (денотативного дескриптора). Свойства цели и профилируемые в её область свойства источника обозначены как приведенные в соответствие (а не аналоги), поскольку сопоставляется этическая оценка человека с физическим состоянием бытового предмета. Во втором терминале в качестве оснований приводятся только наиболее значимые элементы языкового контекста и прагматического контекста, поскольку комплексное описание этих контекстов приведено в третьем и четвертом терминалах.

Отдельно следует сказать о представлении в модели фрейма операции профилирования свойств источника в область цели. Очевидно, что эта операция в аналитическом представлении требует объемного структурного описания большого количества взаимодействующих семантических объектов, поэтому будет целесообразно рассмотреть это как отдельный вопрос в следующих работах.

По результатам проведенной работы можно сделать вывод, что представление метафоры как речевого действия в виде процедурного семантико-синтаксического фрейма позволяет анализировать ее семантику, структуру и функции как результат выполнения соответствующих действий и семантических операций, отображенных в предлагаемой модели фрейма МЕТАФОРА. Предложенные содержание и композиция фрейма МЕТАФОРА, естественно, не могут рассматриваться как окончательное решение, поскольку другие исследовательские задачи могут потребовать модификаций фреймовой модели, к примеру, введения в нее такого параметра, как синтаксический тип метафоры.

Перспективным представляется следующий этап исследования, в ходе которого следует рассмотреть вопрос о том, каким образом фрейм МЕТАФОРА встраивается в фреймовую семантику художественного нарратива, каким образом, по каким параметрам и каналам фрейм МЕТАФОРА взаимодействует с фреймами нарратива.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф., Ярошук И. А. Художественный фрейм как средство интерпретации метафоры (на материале художественной прозы писателей Черноземья) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 18. № 13. С. 24–30.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 296–297.
3. Баранов А. Н. Предисловие редактора к Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 7–21. (256 с.)
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

6. Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Предикатно-фреймовое описание линейной семантики художественного нарратива // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 3. С. 18–30.
7. Дейк Т. А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. М.: Прогресс, 1989. С. 12–40.
8. Дейк Т. А. ван, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
9. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы. Записные книжки. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
11. Мельчук И. А. Русский язык в модели “смысл↔текст”. Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.
12. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
13. Столнейкер Р. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 419–438.
14. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М.: Радуга, 1983. С. 74–122.
15. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

References

1. Alefirenko N. F., Yaroshchuk I. A. An artistic frame as a means of interpreting metaphor (based on the material of fiction prose by writers of the Chernozem region) *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2013;13 (18):24-30.
2. Arutyunova N. D. Metaphor in Linguistic encyclopedic dictionary. Ed by V.N. Yartsev. Moscow: Sov. Encyclopedia; 1990. P. 296-297.
3. Baranov A. N. Editor's preface to Lakoff J., Johnson M. *Metaphors we live by*: Trans. from English. Ed. And with a preface by A.N. Baranov. Moscow: LKI Publishing House; 2008. P. 7-21.
4. Galperin I. R. Text as an object of linguistic research. Moscow: KomKniga; 2007. 144 p.
5. Grice G.P. Logics and conversation in New in foreign linguistics: Linguistic pragmatics. Issue XVI. Moscow: Progress; 1985. P. 217-237.
6. Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. Predicate-frame description of linear semantics of artistic narrative. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. 2020;3:18-30.
7. Dijk T. A. van. Context and cognition. Frames of knowledge and understanding of speech acts in Language. Cognition. Communication: Collection of works. Moscow: Progress; 1989. P. 12-40.
8. Dijk T. A. van, V. Kinch. Strategies for understanding a coherent text in New in foreign linguistics: Cognitive aspects of language. Issue XXIII. Moscow: Progress; 1988. P. 153-211.
9. Ilf I., Petrov E. Twelve chairs. The Golden Calf: Novels. Notebooks. Moscow: Eksmo; 2007. 640 p.
10. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors we live by*: Trans. from English. Ed. And with a preface by A.N. Baranov. Moscow: LKI Publishing House; 2008. 256 p.
11. Melchuk I. A. Russian language in the “meaning ↔ text” model. Moscow – Vienna: School “Languages of Russian Culture”, Vienna Slavistic Almanac; 1995. 682 p.
12. Minsky M. A framework for representing knowledge. Moscow: Energy; 1979. 152 p.
13. Stalnaker R. Pragmatics in New in foreign linguistics: Linguistic pragmatics. Issue XVI. Moscow: Progress; 1985. P. 419-438.
14. Fillmore Ch. The main problems of lexical semantics in New in foreign linguistics. Issue XII. Moscow: Raduga; 1983. P. 74-122.
15. Fillmore Ch. Frames and semantics of understanding in New in foreign linguistics: Cognitive aspects of language. Issue XXIII. Moscow: Progress; 1988. P. 52-92.

Научная статья

УДК 811.512.3

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.22>

БАОАНЬСКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И МЕСТО В КЛАССИФИКАЦИИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Заяна Игоревна Чушкаева

Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, Элиста, 358000, Российская Федерация)

Младший научный сотрудник

ms.zayanaa@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0061-5278>

Аннотация. Введение. Баоаньский язык (кит. 保安语 Bao'an, Baonan) – язык народности баоань, относящийся к монгольской группе алтайской языковой семьи. В течение многих столетий носители баоаньского языка были изолированы от других монгольских народностей, а язык впитал большое количество китайских заимствований и испытал влияние китайского языка в речи и грамматике. **Материалы и методы.** Материалами являются научные труды отечественных и зарубежных ученых, исследовавших монгольские языки и диалекты. В работе использован описательный и сравнительно-сопоставительный методы. **Анализ.** Исследование существующих классификаций, на основе которых учеными были выделены принципы для отнесения баоаньского языка к южно-монгольской группе. Была проанализирована история вопроса, а также основные методы классификации монгольских языков и диалектов. **Результаты.** Вплоть до 1950-х гг. в монголоведной науке отсутствовали полные данные о баоаньском языке, а баоаньский язык чаще рассматривался как диалект, либо не включался в классификацию вообще. В отечественных исследованиях отсутствуют полные и систематические исследования по баоаньскому языку. Несмотря на множество существующих классификаций, до сих пор нет общепринятой классификации монгольских языков. Изолированное положение баоаньского языка повлияло на структуру классификации монгольских языков, что затрудняло его принадлежность к определенной группе. Проблема состоит в том, что язык до сих пор считается

малоизученным, поэтому существующие классификации нуждаются в уточнении. Целью является описание баоаньского языка в общей классификации монгольских языков, а также основных этапов его изучения. В статье дается краткий обзор исследований по баоаньскому языку как отечественных, так и зарубежных ученых. В статье представлены некоторые данные об истории изучения баоаньского языка, а также сведения об отечественных и зарубежных исследователях, включающих баоаньский язык в классификацию монгольских языков.

Ключевые слова: народ баоань, баоаньский язык, баоаньский словарь, языковая классификация, монгольские языки

Для цитирования: Чушкаева З. И. Баоаньский язык: история изучения и место в классификации монгольских языков // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 713–721. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.22>

Благодарность: исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 13.09.2023.

Статья принята к публикации: 30.09.2023.

Research article

THE BAOAN LANGUAGE: THE HISTORY OF STUDY AND THE PLACE IN THE CLASSIFICATION OF MONGOLIAN LANGUAGES

Zayana I. Chushkaeva

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista, 358000, Russian Federation)

Junior Researcher

ms.zayanaa@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0061-5278>

Abstract. Introduction. The Baoan language (Chinese 保安语 Bao'an, Baonan) is the language of the Baoan people, belonging to the Mongolian group of the Altaic language family. For many centuries, speakers of Bao'an have been isolated from other Mongolian nationalities, and the language has absorbed a large number of Chinese loanwords and has been influenced by Chinese in speech and grammar. **Materials and methods.** The materials are scientific works of domestic and foreign scientists who have studied Mongolian languages and dialects. Descriptive and comparative methods were used in the work. **Analysis.** The study of existing classifications, on the basis of which scholars have highlighted the principles for attributing Baoan language to the Southern Mongolian group. The history of the issue was analyzed, as well as the main methods of classification of Mongolian languages and dialects. **Results.** Up until the 1950s, Mongolian studies lacked complete data on the Baoan language, and Baoan was more often treated as a dialect or not included in the classification at all. There are no complete and systematic studies on Baoan language in domestic studies. Despite the many existing classifications, there is still no universally accepted classification of Mongolian languages. The isolated position of Baoan language has influenced the classification structure of Mongolian languages, making it

difficult to belong to a particular group. The problem is that the language is still considered understudied, so existing classifications need to be clarified. The aim is to describe Baoan language in the general classification of Mongolian languages, as well as the main stages of its study. The article gives a brief overview of studies on the Baoan language by both national and foreign scholars. The article presents some data on the history of the study of the Baoan language, as well as information about national and foreign researchers who include the Baoan language in the classification of Mongolian languages.

Keywords: Baoan people, Baoan language, Baoan dictionary, language classification, Mongolian languages

For citation: Chushkaeva Z. I. The Baoan language: the history of study and the place in the classification of Mongolian languages. *Humanities and law research*. 2023;10(4):713-721. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.22>

Acknowledgments: the reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.08.2023.

The article was approved after reviewing: 13.09.2023.

The article was accepted for publication: 30.09.2023.

Введение. Баоаньский язык (кит. 保安语 Ba'o'an, Baonan)—один из языков, принадлежащих к монгольской группе, местом расселения баоаньского населения является Китайская Народная Республика (далее—КНР). Основное место расселения — Цзишишань-Баоань-Дунсян-Саларский автономный уезд Линься-Хуэйского автономного округа провинции Ганьсу и уезд Тунжэнь Хуаннань-Тибетского автономного округа провинции Цинхай. Согласно переписи населения 2021 г., численность этнической группы баоань составляет 24 434 человека⁴.

Баоаньский язык — бесписьменный язык, в котором сохранились архаические черты. Принято считать, что баоаньский язык подразделяется на диалекты: дахэцзянский (Dahejia), тунжэньский (Tongren), чжишишаньский (Jishishan) [15, с. 4]. Чжишишаньский диалект подразделяется на ганьхэтаньский и дадуньский поддиалекты, тунжэньский на гачжури, гомари, нижний баоаньский и няньдуньский поддиалекты. Дахэцзянский диалект распространен в основном в провинции Ганьсу, а тунжэньский в провинции Цинхай. Из-за длительных контактов с этническими группами хань и хуэй в языке имеется много заимствований из китайского языка, который они используют как инструмент межнационального взаимодействия [15, с. 4].

Вплоть до 1950-х гг. баоаньский язык был недостаточно исследован, скорее всего, по этой причине не включался в перечень языков монгольской ветви и только после образования Китайской Народной Республики народность баоань была признана отдельной самостоятельной этнической группой [40, с. 2].

Материалы и методы. Материалом для исследования истории изучения и места в классификации монгольских языков послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых-монголоведов, в основном опубликованные в XX в. Кроме того, привлекались к анализу и результаты экспедиций по Китайской Народной Республике, в которой принимали участие российские ученые, которые собрали богатый материал, позволивший проводить сравнительно-сопоставительные исследования по монгольским языкам. В основу анализа научных работ положены принцип историзма, требующий рассматривать данные работы в контексте развития лингвистических знаний; принцип системности и целостности, позволяющий рассмотреть результаты лингвистических исследований как систему взаимосвязанных знаний о баоаньском языке и причинах, детерминирующих их появление. В работе использован описательный метод, с помощью которого представлены краткие сведения об истории изучения баоаньского языка. Сравнительно-сопоставительный метод в исследовании истории вопроса применялся для проведения сравнений подходов в

классификации, выявлении их общих и специфических черт.

Анализ. Несмотря на множество существующих классификаций монгольских языков, статус баоаньского языка рассматривался по-разному. А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов, Г. Д. Санжеев, Д. Синор, Н. Н. Поппе, Ш. Лувсанвандан, Г. Дерфер в своих исследованиях не относили баоаньский язык ни к одной ветви.

Первая попытка классификации монгольских языков была предпринята А. Д. Рудневым. Его классификация была представлена как предварительная, монгольские языки делились на следующие группы: восточные, северные и западные. В отдельную группу были выделены неопределенные языки, однако баоаньский язык не был отнесен ни к одной из указанных групп [9, с. iv–vi]. Позже, в 1911 г., А. Д. Руднев в своем исследовании устанавливает особые различия восточного говора от большинства других наречий монгольского языка [10, с. 230]. На основании этих полученных результатов он предложил разделение монгольских языков на три главные группы: северную, центральную и южную. Неопределенные языки, упомянутые в классификации 1908 г., были отнесены к южной подгруппе, однако баоаньский язык опять не был учтен ни в одной из групп. Его труд считается одним из первых опытов распределения говоров монгольского языка по группам. В своих исследованиях он изучал речевые образцы только дурбут-бэйсэ, горлос и хорчин. Остальные говоры были вне поля его исследования из-за недостаточности языкового материала.

В 1929 г. Б. Я. Владимирцов разделил монгольские языки на две группы, условно назвав западной и восточной. Южно-монгольские языки он отнес к восточной ветви, куда входили восточная, харачинская, чахарская и ордосская группы говоров. Баоаньский язык также не упомянут в классификации Б. Я. Владимирцова, однако он отмечал, что для других языков имеется лишь необработанный материал, видимо, объем которого не позволил их идентифицировать. В силу этого, по мнению Б. Я. Владимирцова, классификация говоров южно-монгольского наречия, возможно, подвергнется дальнейшим изменениям и дополнениям [4, с. 9].

В 1952 г. Г. Д. Санжеев, классифицируя монгольские языки и диалекты, не выделял отдельно баоаньский язык, в своей работе он описывал северные, восточные, западные и изолированные языки [11, с. 40]. При составлении «Сравнительной грамматики монгольских языков» [13] также не был учтен баоаньский язык. При этом сам Г. Д. Санжеев считал, что в исследовании монгольских языков имеется множество проблем, например отсутствие тщательного изучения всех языков и диалектов, поэтому оговаривал, что его распределение носит предварительный характер [12, с. 3].

⁴ См.: https://baike.baidu.com/item/保安族/151740?fr=ge_al (дата обращения: 15.07.2023).

Похожего мнения придерживался Д. Синор, он разделил монгольские языки на северную, восточную и западную группы, а периферийные монгольские языки объединил (дагурский, могольский и комплекс языков местностей Ганьсу-Цинхай) в отдельную «архаичную» группу [37, с. 366].

В 1954 г. вопросом классификации монгольских языков занимался и Н. Н. Поппе, согласно которой он разделил их на восточную и западную, а также островную группу (дагурский, могольский и монгорский) [31, с. 6–7]. В 1955 г. классификация была пересмотрена ученым, изменился состав не только восточных языков, из классификации были исключены островные языки, а дагурский и монгорский языки он отнес к восточной группе, а могольский – к западной [32, с. 14–23].

В 1959 г. Ш. Лувсанвандан рассматривал лишь основные монгольские языки и предложил делить их на северные, центральные, восточные, западные. Ш. Лувсанвандан в своей работе указывал, что существуют переходные диалекты между центральными и восточными языками, центральными и западными, центральными и северными. На периферийных языках он не останавливался отдельно [34, с. 366].

Наиболее полная классификация, основанная на географических принципах, была составлена Г. Дерфером в 1964 г. и включала многие диалекты монгольских языков. Помимо основных групп (западная, восточная, центральная, северная), он выделял изолированные языки. В эту группу входили могольский и дагурский языки, а также монгорская группа диалектов (монгорский, дунсянский, шира-югурский и т. п.) [27, с. 41–43].

Все вышеупомянутые классификации были основаны на таксономических методах, отражающие генетические или ареальные инновации. Многие исследования проводились на основе материалов того времени, а бесписьменные языки оставались за пределами их исследований. В перечень языков, которые не включались в классификацию монгольских языков, входил и баоаньский язык. Лишь во второй половине XX в., когда появились новые материалы по ранее недостаточно изученным языкам, изменился статус баоаньского языка. Так, на основе полевых исследований Б. Х. Тодаевой в науке появились новые данные о баоаньском и дунсянском языках. В 1964 г. вышла работа «Баоаньский язык» [15], в которой доказано, что эти языки не являются диалектами монгорского языка, как было принято считать ранее, а являются разными языками. Автор, опираясь на типологические принципы языка, описала существенные черты языковой системы баоаньского языка и установила, что он является отдельным языком, выделив некоторые сходства и различия с другими языками монгольской языковой семьи. Благодаря Б. Х. Тодаевой в монголоведной науке появились новые материалы для классификации монгольских языков, а предыдущие попытки классифицировать монгольские языки были пересмотрены некоторыми учеными.

Эти сведения дали толчок для появления новых трудов. Благодаря открытию монгольских языков и диалектов КНР вышел в свет второй том Г. Д. Санжеева «Сравнительной грамматики монгольских языков» [14], где автор описывает различия в монгольских языках, откорректированные в результате введенных в научный оборот материалов по дунсянскому и баоаньскому языкам. Н. Н. Поппе, например, в 1965 г. также внес изменения в свою предыдущую классификацию, признав дунсянский (санта) отдельным монгольским языком наравне с дагурским, бурятским, ордосским, ойратским, могольским и монгорским, но при этом он все же отнес баоаньский язык к диалекту монгорского языка [33, с. 9].

В 1968 г. Т. А. Бертагаев выстроил свою классификацию языков на основе фонетических изысканий. Он предложил разделить языки на сингармонические (северные) и несингармонические (юго-восточные), а также промежуточные языки. Баоаньский язык был отнесен ко второй, юго-восточной группе. Он указывал, что «северные» (сингармонические) языки характеризуются следующими фонетико-морфологическими чертами в отличие от юго-восточных языков: сингармонизм представлен здесь в своей классической форме и почти не знает исключений (в юго-восточных языках нет строгого соблюдения гармонии гласных, а в иных, как в дунсянском, последняя вовсе отсутствует); нет в анлауте согласных ф, х и h (появляющихся в начале слова перед h гласной в юго-восточных языках) [2, с. 10]. Анлаутно-спирантные юго-восточные языки Т. А. Бертагаев делил на западные и восточные, баоаньский язык он относил к западной группе, в этой же подгруппе были монгорский и дунсянский языки, что обуславливал исчезновением ряда звуков [2, с. 11].

Одной из подробных классификаций является схема М.-Л. Беффа и Р. Хамаян. Их классификация предложена с учётом территориального расположения и состоит из четырех групп, как и у Ш. Лувсанвандана. К этим четырем группам была предложена пятая группа периферийных языков, куда был отнесен баоаньский язык (см. в: [5, с. 208]).

В 1987 г. вышла работа Р. Бинника «On the Classification of the Mongolian Languages», в которой ставит под сомнение схемы древа монгольских языков, предложенные Т. А. Бертагаевым и Г. Д. Санжеевым. Он считал, что в их классификациях существуют широкие расхождения, а классификация Н. Н. Поппе и Г. Дерфера наиболее близка к правдоподобной, но не подкреплена аргументацией [25, с. 181]. Относительно генетического древа монгольских языков он пишет о невозможности построения из-за отсутствия четких границ между диалектами и языками, а также выделения архаичных и инновационных явлений ввиду нехватки данных о лингвистической истории монгольских языков [25, с. 181].

Н. С. Яхонтова опираясь на такие принципы, как сохранение или исчезновение начального спиранта *ф (> x, h), характер сингармонизма, перелом гласного *i, делит языки на три группы, продолжая

традицию Бертагаева-Санжеева [24, с. 10]. Баоаньский язык был отнесен ко второй группе наряду с дунсянским, монгорским, шира-югурским.

Классификация, представленная ученым Сэцэнцогтом из Китая, была основана на фонетических, лексических и грамматических признаках. Он разделил монгольские языки на западную и восточную ветви. Баоаньский язык был отнесен к дунсянской подгруппе западной ветви [36, с. 276–277].

Й.-О. Свантессон представил свою классификацию, в которой монгольские языки делились на западные, восточные и ойратские. Его классификация была основана на сдвигах гласных, а баоаньский язык отнес к восточной ветви монгольских языков [38, с. 193].

Позже учеными использовались новые методы разделения языков. Одним из первых, кто разделил монгольские языки с помощью фонологических и морфологических признаков, был Ф. Рыбацки. Несмотря на то, что ранее были попытки анализа базовой лексики монгольских языков, баоаньский язык не был включен в предыдущее исследование С. Хаттори из-за отсутствия четких границ между многими монгольскими языками. В свою очередь в 1959 г. Ф. Рыбацки проанализировал базовую лексику калмыцкого, бурятского, халха, чахарского, монгорского и дагурского языков [6, с. 333]. В 1993 г. Е. А. Кузьменков использовал метод глоттохронологии, с помощью которой попытался выявить время распада монгольских языков. На основе анализа базовой лексики «Сокровенного сказания монголов» он получил датировку отделения халха-монгольского, калмыцкого, монгорского и дагурского языков, и в этой работе материалы баоаньского языка не были включены в исследование [6].

Ф. Рыбацки в своих исследованиях по монгольским языкам использовал два метода. Первый метод заключался в суммировании взаимных соответствий наиболее важных грамматических изоглосс между 12 современными языками. Его классификация состояла из шести групп, деление которых напоминает классификацию А. Д. Руднева. Баоаньский язык был в ней отнесен к юго-восточной группе. Второй способ – анализ лексической выборки из 425 слов показал близость баоаньского языка с дунсянским и минхэ, при этом ученый отмечал близость хуцзу и баоаньского языка, что обусловлено влиянием тибетского языка [34, с. 388].

Еще одну попытку классифицировать монгольские языки предприняли М. Шварц и В. Блажек. Используя базовую лексику халхаского, калмыцкого, дунсянского, баоаньского, дагурского, шира-югурского, монгорского, бурятского языков, а также неполный стословный список для монгольского (93 лексемы), ордосского (88), ойратского (81), хамниганского (78), выделили две группы языков. Помимо основных и южных, в отдельную группу были выделены дагурский и монгорский языки. Баоаньский язык был отнесен к южной группе [35, с. 183–184].

Попытку построить древо родства монгольских языков предприняли И. А. Грунтов, О. М. Мазо. С помощью метода лексикостатистики, предложенного М. Сводешем и модернизированного С. А. Старостиным, проанализировали базовую лексику, состоящую из 110-лексем. В отличие от предыдущих исследований в работе была также использована базовая лексика из среднемонгольских памятников (Сокровенное сказание монголов, Хуа и и юй, Мукаддимат ал-адаб, а также материалы тех языков и диалектов, которые были обследованы в ходе экспедиций в Монголию и Китай) [5, с. 210]. Баоаньский язык был отнесен исследователями к баоаньской подгруппе архаичных языков и, при этом ученые указывают на близость баоаньской подгруппы к языками памятников [5, с. 214].

Проблема определения статуса баоаньского языка, прежде всего, связана с тем, что в существующих классификациях был учтен только один принцип. Исследователями, в основном, учитывались фонетические или географические принципы, что затрудняло установить точное положение языка. В виду того, что дагуры, монгоры, дунсяне, баоани и афганские моголы с давних времен проживали и проживают в полной изоляции от других монгольских народов, а также подверглись влиянию других языков, поэтому исследования их явлений является предметом особого рассмотрения.

Баоаньский язык относится к числу наименее изученных монгольских языков. Длительное время носители баоаньского языка жили обособленно от основной массы монголов, находились в изолированном положении. В силу этого баоаньский язык сохранил до настоящего времени ряд характерных черт, которые были свойственны монгольскому языку среднемонгольской эпохи [14, с. 12].

Первые научные заметки о месте расселения народности баоань описывается в труде Г. Н. Потанина «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия». Он пишет о местности Баоань, в которой проживали широнголы: «В Боу-нани считается до 100 домов; жители китайцы, тангуты и монголы, т. е. широнголы. Это самые крайние широнголы на юго-востоке. Язык у них тот же, что и в Сан-чуани» [7, с. 224].

Первое систематическое изучение монгольских языков началось в 1950-х гг. В 1955–1956 гг. Китайская академия общественных наук провела исследование баоаньского языка в деревнях Дахэцзя, Дадун и Ганьхэтань в уезде Линся, автономной префектуре Линся-Хуэй, провинция Ганьсу, а также местный говор народности ту-дервни Сячжуан, Хуаннань-Тибетского округа в провинции Цинхай. Б. Х. Тодаева пишет, что «эти исследования должны были предшествовать созданию для многих из них новой письменности или реформе старой письменности и разработке литературных языков [16, с. 4]. Это связано с тем, что изменения в разговорном языке влияли на развитие старомонгольской письменности, которая не всегда отражает эти трансформации. Старые слова

заменялись новыми, видоизменялось письмо, появлялись новые знаки для транскрипции иностранных слов, что привело к трудностям использования письменности. Если правительством Монгольской Народной Республики было принято решение ввести алфавит на основе кириллицы для передачи фонетических особенностей современного монгольского языка в 1941 г., что положило конец вековому разрыву между письмом и живой речью [13, с. 11], то в КНР к решению этого вопроса приступили только в 1950-х гг.

В 1954–1957 гг. активное участие в лингвистических экспедициях по районам расселения монгольских народностей принимали советские ученые, в составе которых участвовала Б. Х. Тодаева. Благодаря собранным новым данным по монгольским языкам в 1960 г. ею была издана монография «Монгольские языки и диалекты Китая». В работе представлено общее описание дагурского, монгорского, дунсянского и баоаньского языков, а также их фонетики и морфологии. В монографии представлены тексты на языке оригинала с транскрипцией автора. Работа отличается тем, что в ней были обобщены сведения о территориальных языках и диалектах монгольских этносов, а также подходом к сравнению ранее описанных грамматик Г. Д. Санжеева и Н. Н. Поппе.

Помимо указанной выше монографии, в 1964 г. выходит научный труд Б. Х. Тодаевой, посвященный только баоаньскому языку, в которой она подробно описывает фонетику, морфологию и некоторые вопросы синтаксиса. Основываясь на лингвистических заметках в ходе полевой работы, был опубликован лексический материал, который представлен в этой работе. В своем исследовании она подробно описала словообразовательную систему баоаньского языка, что в дальнейшем позволило другим ученым проводить сопоставление с другими монгольскими языками.

Следующим этапом можно считать исследования, которые проводили ученые из Китая. Значительное количество статей, посвященных исследованию баоаньского языка, имеются у профессора Университета Внутренней Монголии Чен Най Сюна (далее – УВМ). К основным работам можно отнести «Баоаньский словарь» [19], «Эволюция баоаньского языка» [23], «Монгольские паронимы в баоаньском языке» [18], «Фонетика и лексика баоаньского языка» [22]. С июня по октябрь 1980 г. восемь ученых и одиннадцать аспирантов УВМ были разделены на семь групп, согласно единому плану исследования, было проведено первичное исследование дагурского, шира-югурского, дунсянского, монгорского, баоаньского языков, а также бурятского диалекта баргутов. Основной территорией обследования был уезд Няньдунху Тунрен Хуаннань-Тибетского автономного округа в провинции Цинхай, а также в деревне Сячжуан проводилась

полевая работа по сбору диалектов баоаньского языка.

После завершения исследования каждая группа подготовила три вида материалов: исследовательский отчет (включая описание фонетики, грамматики), лексические материалы, записи устной речи. На основе собранных словарных материалов диалекта Няньдунху был составлен словарь, состоящий из более 5 000 слов. В результате данных исследований Чен Най Сюн подготовил такие работы, как «Баоаньский словарь» [19], «Баоаньский язык и монгольский язык» [21].

Работа Чен Най Сюна «Баоаньский словарь» считается одним из полных словарей, в котором отражена основная часть лексики. Работа показала, что в количественном отношении китайские и тибетские заимствования составляют немалую часть лексики баоаньского языка.

«Краткая история баоаньского языка» (保安语简志, авторы: китайские ученые Бухэ и Лю Чжао Сюн) – одна из работ, включенная в серию «Краткая история языков китайских меньшинств», основанная на языковых материалах, которые собраны сотрудниками Института этнических исследований Китайской академии общественных наук. Работа включает материалы по фонетике, грамматике, лексике, сведения даются в разрезе диалектов баоаньского языка. Авторами также представлен небольшой глоссарий (680 слов) на языке оригинала и перевод на китайский язык [3].

В 1984 г. Чен Най Сюн провел сравнительное исследование лексики монгольского и баоаньского языка, результаты исследования были опубликованы в журнале «Монгольский язык и литература» (蒙古语言文学). В своем исследовании он описал паронимы монгольского языка, сохранившиеся в баоаньском языке. Достоинством этой работы, на наш взгляд, является подача материала: автор разбил работу на десять подпунктов, в которых описаны среднемонгольские слова, которые больше не используются в современном монгольском языке, но все еще сохраняются в языке баоань, описание словообразовательной системы, выпадение и чередование звуков и т. д. [18].

В 1987 г. вышла работа Чен Най Сюна «Материалы для дискурса на баоаньском языке» (保安语话语资料). В работе содержатся материалы устной речи, мифы, легенды и обычаи народа баоань, на котором говорит народность ту (монгоры)⁵ в уезде Тунжэнь, тибетская автономная префектура Хуаннань провинции Цинхай. Они записаны с помощью международного фонетического алфавита и приведены соответствия монгольских слов с китайскими переводами.

⁵ В уезде Тунжэнь на баоаньском языке разговаривает небольшая группа монголов, живущих по соседству с баоанями.

В еще одной статье «Фонология и лексика баоаньского языка» Чен Най Сюн проводит анализ диалекта Ганьхэтань. Он пишет, что в диалекте Няньдуху значительное количество заимствованных слов из тибетского языка, а в диалекте Ганьхэтань – из китайского языка. В работе содержатся

таблицы, в одной из них показана доля слов различного происхождения в лексике дагурского, шира-югурского, монгорского и дунсянского языков (см. табл. 1), во второй таблице представлены слова различного происхождения в диалектах Сячжуан, Няньдуху, Дадунь, Ганьхэтань (см. табл. 2) [22].

Таблица 1

Доля слов различного происхождения в дагурском, шира-югурском, монгорском, дунсянском языках

Язык-реципиент \ Язык-донор	Дагурский		Шира-югурский		Монгорский		Дунсянский	
	1955	1980	1956	1980	1955	1980	1955	1980
	2566	5439	2093	2553	1845	4281	1593	3171
монгольский	69.20	42.20	54.00	58.79	48.00	60.15	41.20	32.89
китайский	5.40	8.88	23.90	9.60	19.00	18.69	49.20	49.76
тибетский	11.40		2.10	2.59	9.00	5.86		0.03
тюркские языки			5.00	4.62		0.33		1.29
другие	14.00	35.87	15.00	24.40	24.00	14.67	9.60	16.03

Таблица 2

Доля слов различного происхождения в четырех диалектах баоаньского языка

Язык-реципиент \ Язык-донор	Баоаньский язык			
	Сячжуан	Няньдуху	Дадунь	Ганьхэтань
	1956	1980	1956	1982
	3032	3596	3020	3624
монгольский	22.40	28.70	22.70	28.12
китайский	14.00	9.04	40.40	58.11
тибетский	42.60	53.62	17.30	3.04
тюркские языки	0.36	0.36	1.20	1.43
другие	20.64	8.28	18.40	9.30

В работе ученый рассматривает исконные слова в диалекте Ганьхэтань, при этом отмечает совпадение по звучанию и значению диалектных слов с древнемонгольским языком [22, с. 33]. В диалекте Ганьхэтань также сохранились некоторые слова, ранее использовавшиеся в средние века, но больше не используемые в настоящее время. Некоторые слова в языке баоань до сих пор сохраняют древний монгольский способ чтения, так, в языке имеются краткие конечные гласные и носовые звуки, которые практически исчезли в современных устных языках (как в других языках монгольской языковой семьи, за исключением даурского) и лишь изредка появляются вновь, когда слова претерпевают морфологические изменения, что похоже на ситуацию [22, с. 35].

В 1990 г. вышла в свет статья Чен Най Сюна «Эволюция баоаньского языка» (保安语的演变轨迹). Он описывает фонетические и грамматические изменения в языке, обусловленные влиянием тибетского и тюркских языков [22]. Автор подробно сравнивает баоаньский язык и тибетский язык, которые очень похожи по типу и структуре, и подтверждает свои предположения отдельными примерами. Но, тем не менее, автор пишет, что эти примеры не показательны, ведь процент китайских заимствований в диалекте Ганьхэтань составляет 58,11 %, что свидетельствует о том, что исследование нуждается в продолжении [22, с. 18]. Из современных работ следует упомянуть исследователя из Университета

Внутренней Монголии. Начиная с 2000 г. Hаш-енгериле (哈申格日勒) проводит сравнение материалов, полученных в ходе полевых исследований, грамматических форм глаголов монгольского, даурского, калмыцкого, бурятского, могольского, шира-югурского и монгорского языков. В работе систематически изучаются лексемы дунсянского и баоаньского языков в сопоставлении с монгольским языком, а также установлены формы из старомонгольского языка.

Одним из фундаментальных трудов, посвященных монгольским языкам в целом, является работа «Монгольские языки» («The Mongolic languages»). В работе большое внимание уделено вопросам диахронического развития и проблемам языковых контактов. Работа включает следующие описание следующих языков: прамонгольский, письменно-монгольский, средне-монгольский, хамниганский, бурятский, дагурский, халха, монгольские диалекты, ордосский, ойратский, калмыцкий, могольский, шира-югурский, монгорский, баоаньский и дунсянский языки. В ней также имеются разделы: «Внутримонгольская таксономия», «Прамонгольские языки», «Тюрко-монгольские отношения» [30].

Очерк по баоаньскому языку, представленный в энциклопедической работе, подготовлен В. Хужилту, который рассмотрел материалы и источники по баоаньскому языку, его диалектам, описаны фонемный состав, структура слова, словообразование,

некоторые грамматические вопросы и т. д. [39, с. 325–345]. Данная работа ценна тем, что автор обобщил материалы по баоаньскому языку, собранные его предшественниками.

В 2011 г. Х. Нуттерен в своей работе «Монгольская фонология и цинхай-ганьсуйские языки» («Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages») проанализировал язык баоань из деревень Дахэцзя, Ганьхэтань и Няньдучу. В работе дается обзор фонологического развития языков Цинхай-Ганьсу, которые сравниваются с реконструированным протомонгольским языком. Работа содержит глоссарий, содержащий около 1 350 реконструированных общемонгольских слов, сопровождаемых современными формами из монгольских языков и, при необходимости, аргументами в пользу той или иной выбранной реконструкции [29].

Лингвистическому изучению баоаньского языка были также посвящены работы Цзинь Лин из Института монгольского языка и культуры Северо-Западного университета национальностей, в этом числе статья «Сравнительное исследование фонетической системы баоаньского языка» (保安语语音体系比较研究) [17]. Данные работы в основном написаны на китайском языке.

Результаты. Вопросы классификации монгольских языков и распределения по группам рассматривались учеными с начала XX в. Первые этапы изучения языка, в первую очередь, были связаны с определением границ языков и диалектов, выявлять говоры, выработка транскрипции для записи и сбора материала. Результаты деятельности ученых позволили определить место монгольских языков и диалектов в кругу родственных языков, установить их генетические связи. Несмотря на первые попытки классификации, принадлежащие таким ученым как А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов, Г. Д. Санжеев, Д. Синор, Н. Поппе, Ш. Лувсанвандан, в их классификациях баоаньский язык чаще всего не рассматривался в виду нехватки полного материала по монгольским языкам.

В дальнейшем, благодаря научным экспедициям по изучению языков и наречий монголоязыч-

ных народностей появились новые данные о языках, представленных на территории Китая. Новый лексический и текстовый материал позволил открыть новые возможности для сравнительно-исторического и сопоставительного анализа с другими монгольскими языками. В связи с этим некоторыми учеными были внесены правки в существующие классификации. Н. Н. Поппе, ранее представивший классификацию, в которой отсутствовал баоаньский язык, выделил его в отдельную ветвь, но отнес его к монгорскому языку.

Новые данные о языках позволили использовать новый метод для классификации монгольских языков. Так, например, используя метод базового деления лексики ученые С. Хаттори, Е. А. Кузьменков, Ф. Рыбацки, М. Шварц и В. Блажек, И. А. Грунтов, О. М. Мазо представили исследования, результаты которых были разными.

В данной статье были рассмотрены различные точки зрения отечественных и зарубежных ученых относительно баоаньского языка. Мы не ставили цель выделить баоаньский язык в определенную группу, однако считаем, что классификация И. А. Грунтова и О. М. Мазо близка к более точной. В виду того, что после экспедиций 1954–1957 гг. больше не проводились исследования баоаньского языка, поэтому обозначенная проблема требует особого внимания и дальнейшего исследования монгольского языка и его диалектов на материале описываемых языков.

Особенностью вышеперечисленных исследований является использование различных методов, однако общая проблема распадается на такие вопросы как отсутствие четких границ между языками и диалектами, изолированное положение, заимствование из китайского и тибетского языков.

Несмотря на существующую классификацию и собранные в результате экспедиций материалы и сведения, заложившие основу научного изучения баоаньского языка, в отечественной литературе с того периода отсутствуют исследования по языку. Это подтверждает тот факт, что для полной картины следует проводить систематические исследования, в которых баоаньский язык был предметом отдельного исследования.

Литература

1. Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ: Академия наук СССР, 1961. 160 с.
2. Бертагаев Т. А. Монгольские языки: введение // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-манчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1968. С. 7–12.
3. Бухэ, Лю Чжаосюн. Краткий очерк баоаньского языка. Пекин: Минзу Чубанше, 1982. 94 с.
4. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика. Л.: Изд-во Ленинградского Вост. Ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929. 436 с.
5. Грунтов И. А., Мазо О. М. Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Journal of Language Relationship. 2016. № 13(3–4). С. 205–256.
6. Кузьменков Е. А. Монгольская базисная лексика в «Сокровенном сказании» // Mongolica: к 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. С. 328–341.
7. Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г. Н. Потанина: 1884–1886. Т. 1–2. СПб.: Император. Рус. Геогр. Общ-во, 1893. 358 с.
8. Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. М.-Л.: Издательство Академии наук, 1938. 452 с.
9. Руднев А. Д. Опыт классификации монголов по наречиям // Г. И. Рамстедт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-уринского говора. СПб.: Императорская академия наук, 1908. С. VI – VII.
10. Руднев А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб.: факультет Восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета, 1911. 157 с.
11. Санжеев Г. Д. Монгольские языки и диалекты. Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. IV. 1952, С. 30–125.

12. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. 240 с.
13. Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. 2-е изд., испр. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 104 с.
14. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 266 с.
15. Тодаева Б. Х. Баоанский язык. М.: Наука, 1964. 158 с.
16. Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М.: Наука, 1985. 134 с.
17. 金玲. 保安语语音体系比较研究//西北民族大学学报, 2017, № 3, 126–151页 [Цзинь Лин. Сравнительное исследование фонетической системы баоанского языка // Журнал Северо-Западного университета по национальностям. 2017. № 3. С. 126–151].
18. 陈乃雄. 保安语里与蒙古语同源词 //蒙古语言文学. 1984. №3. [Чен Най Сюн. Монгольские паронимы в баоанском языке // Монгольский язык и литература. 1984. № 3].
19. 陈乃雄. 保安语词汇. 内蒙古人民出版社, 1986. 239 页 [Чен Най Сюн. Баоанский словарь. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1986. 239 с.].
20. 陈乃雄. 保安语话语材料. 内蒙古人民出版社, 1986. 163页 [Чен Най Сюн. Материалы для дискурса на баоанском языке. Хух-Хото. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1986. 163 с.].
21. 陈乃雄. 保安语和蒙古语. 内蒙古人民出版社, 1987. [Чен Най Сюн. Баоанский язык и монгольский язык. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1987].
22. 陈乃雄. 保安语的语音和词汇//西北民族研究, 1990, № 1, 33–49页 [Чен Най Сюн. Фонология и лексика баоанского языка // Этнические исследования Северо-запада. 1990. № 1. С. 33–49].
23. 陈乃雄. 保安语的演变轨迹//民族语文, 1990, № 1, 16–25页 [Чен Най Сюн. Эволюция баоанского языка // Национальный язык. 1990. № 1. С. 16–25].
24. Яхонтова Н. С. Монгольские языки // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 10–18.
25. Beffa M. L., Hamayan R. Les langues mongoles // Etudes mongoles... et sibériennes 14. 1983. P. 121–169.
26. Binnick R. On the classification of the Mongolian languages // *Central Asiatic Journal*. 1987. Vol. 31: 3-4. P. 178–195.
27. Doerfer G. Klassifikation und Verbreitung der mongolischen Sprachen in Handbuch der Orientalistik. 5. Bd. Altaistik, 2. Abschnitt: Mongolistik. Leiden / Köln: Brill, 1964. P. 35–50.
28. Luwsanwandan Sh. Mongol xel ayalguunī ucir *Studia Mongolica* 1. 1959. P. 1–16.
29. Nugteren H. Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Doctoral dissertation. Leiden University, 2011. 563 p.
30. Janhunen J. The Mongolic languages. Ed. by Juha Janhunen. London. New York: Routledge, 2003. 433 p.
31. Poppe N. Grammar of Written Mongolian. *Porta linguarum orientalum*, Neue Serie. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1954. 195 p.
32. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalaisugrilainen seura. *Memoires de la Société Finno-Ougrienne* 110. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
33. Poppe N. Introduction to Altaic linguistics. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 212 p.
34. Rybatzki V. Intra-Mongolic taxonomy // *The Mongolic Languages*. London / New York: Routledge, 2003. P. 364–390.
35. Schwarz M., Blažek V. On Classification of Mongolian // *Folia orientalia*. 2013. Vol. 50. P. 177–214.
36. Siqinchaoqetu. A Study of the Kangjia language. Shanghai: Yuandong Chubanshe, 1999. 330 p.
37. Sinor D. *Langues mongoles // Les Langues du monde*, ed. by Antoine Meillet & Marcel Cohen. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1952. P. 369–384.
38. Svantesson J.-O. Mongolic vowel shifts and the classification of the Mongolic languages // *Altai Hakpo*. 2000. 10. P. 193–207.
39. W. Hugiiltu. Bonan. In: *The Mongolic languages*. Ed. by Juha Janhunen. London / New York: Routledge, 2003. P. 325–345.
40. Yin Tao. A study on the vocabulary evolution of Tuzu language and Baonan language. Doctor's thesis, Hohhot, 2022, 114 p.

References

1. Bertagaev T. A. Exploring Mongolic Vocabularies: A Comparative Statistical Study of Buryat Dialectal Lexemes. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences; 1961. 160 p. (In Russ.)
2. Bertagaev T. A. Mongolic languages: An introduction. In: Skorik P. Ya. (ed.) *Languages of the USSR*. In 5 vols. Vol. 5: Mongolic, Tungus-Manchu, and Paleoasian Languages. Leningrad: Nauka; 1968. Pp. 7-12. (In Russ.)
3. Buhe, Liu Zhao Xun. A brief outline of the Bao 'an language. Beijing: Minzu Chubanshe; 1982. 94 p.
4. Vladimirtsov B. Ya. A Comparative Grammar of Classical and Khalkha Mongolian: Introduction and Phonetics. Leningrad: Yenukidze Leningrad Oriental Institute; 1929. 436 p. (In Russ.)
5. Gruntov I. A., Mazo O. M. Lexical-statistical classification of the Mongolic languages. *Journal of Language Relationship*. 2016;13(3–4):205–256. (In Russ.)
6. Kuzmenkov E. A. Mongolian basic vocabulary in The Secret History [of the Mongols]. In: Solntsev V. M. et al. (eds.) *MONGOLICA: Celebrating the 750th Anniversary of The Secret History [of the Mongols]*. Moscow: Nauka; 1993. P. 328-341. (In Russ.)
7. Potanin G. N. Tangut-Tibetan Frontier of China and Central Mongolia: G. N. Potanin's Trip, 1884-1886. Vol. 1–2. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society; 1893. 358 p. (In Russ.)
8. Poppe N. N. *Muqaddimat al-Adab Dictionary of Mongolian*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1938. 452 p. (In Mong. and Russ.)
9. Rudnev A. D. Attempting a classification of Mongolic languages. In: Ramstedt G. J. *Classical and Khalkha (Urga) Mongolian: A Comparative Phonetics*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1908. 66 p. (In Russ.)
10. Rudnev A. D. Materials on Dialects of Eastern Mongolia. St. Petersburg: Imperial St. Petersburg University; 1911. 157 p. (In Russ.)
11. Sanzheev G. D. Mongolian languages and dialects. *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR*; 1952. IV: 30-125. (In Russ.)
12. Sanzheev G. D. A Comparative Grammar of Mongolic Languages. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1953. 240 p. (In Russ.)
13. Sanzheev G. D. The Modern Mongolian Language. Moscow: Vostochnaya Literatura; 1960. 104 p. (In Russ.)
14. Sanzheev G. D. A Comparative Grammar of Mongolic Languages. Verb. Moscow: Vostochnaya Literatura; 1963. 266 p. (In Russ.)
15. Todaeva B. H. The Baoan language. Moscow: Nauka, 1964. 158 p. (In Russ.)
16. Todaeva B. H. The language of the Mongols of Inner Mongolia. An essay on dialects. Moscow: Nauka; 1985. 134 p. (In Russ.)
17. Jin Lin. Comparative study on the Phonetic System of Baoan Language. *Journal of Northwest University for Nationalities*, 2017;(3):126–151. (In Chin.)
18. Chen Naixiong. Mongolian paronyms in the Bao 'an language. *Mongolian language and literature*, 1984;(3). (In Chin.)
19. Chen Naixiong. Bao'an Dictionary. Hohhot: Nei Meng Gu Ren Min Chubanshe; 1986. 239 p. (In Chin.)
20. Chen Naixiong. Materials for discourse in the Bao'an language. Hohhot: Nei Meng Gu Ren Min Chubanshe; 1986. 163 p. (In Chin.)
21. Chen Naixiong. The Baoan language and Mongolian language. Hohhot: Nei Meng Gu Ren Min Chubanshe, 1987. (In Chin.)
22. Chen Naixiong. Phonology and vocabulary of the Bao'an language. *Xi Bei Min Zu Yan Jiu*. 1990; 1:33-49. (In Chin.)
23. Chen Naixiong. Evolution of the Bao 'an language. *Minzu Yuwen*. 1990: (1):16-25. (In Chin.)
24. Yakhontova N. S. Mongolic languages. In: Alpatov V. M. et al. (eds.) *Languages of the World: Mongolian Languages. Tungus Languages. The Japanese Language. The Korean Language*. Moscow: Indrik; 1997. P. 10-18. (In Russ.)
25. Beffa M. L., Hamayan R. Les langues mongoles. *Etudes mongoles... et sibériennes* 14. 1983. P. 121-169.

26. Binnick R. On the classification of the Mongolian languages. *Central Asiatic Journal*. 1987. 31(3-4):178-195.
27. Doerfer G. Klassifikation und Verbreitung der mongolischen Sprachen. *Handbuch der Orientalistik*. 5. Bd. Altaistik, 2. Abschnitt: Mongolistik. Leiden - Köln: Brill; 1964. P. 35-50.
28. Luwsanwandan Sh. Mongol xel ayalguunī ucir. *Studia Mongolica* 1. 1959. P. 1-16.
29. Nugteren H. Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Doctoral dissertation. Leiden University; 2011. 563 p.
30. Janhunen J. The Mongolic languages. Ed. by Juha Janhunen. London. New York: Routledge; 2003, 433 p.
31. Poppe N. Grammar of Written Mongolian. *Porta linguarum orientalium, Neue Serie*. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1954. 195 p.
32. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalaisugrilainen seura. *Memoires de la Société Finno-Ougrienne* 110. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; 1955. 300 p.
33. Poppe N. Introduction to Altaic linguistics. Wiesbaden: O. Harrassowitz; 1965. 212 p.
34. Rybatzki V. Intra-Mongolic taxonomy in *The Mongolic Languages*. London / New York: Routledge; 2003. P. 364-390.
35. Schwarz M., Blažek V. On Classification of Mongolian. *Folia orientalia*. 2013: (50):177-214.
36. Siqinchaoketu. A Study of the Kangjia language. Shanghai: Yuandong Chubanshe; 1999. 330 p.
37. Sinor D. Langues mongoles. *Les Langues du monde*, ed. by Antoine Meillet & Marcel Cohen. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1952. P. 369-384.
38. Svantesson J.-O. Mongolic vowel shifts and the classification of the Mongolic languages. *Altai Hakpo*. 2000: (10):193-207.
39. W. Hugiiltu. Bonan. *The Mongolic languages*. Ed. by Juha Janhunen. London / New York: Routledge; 2003, P. 325-345.
40. Yin Tao. A study on the vocabulary evolution of Tuzu language and Baonan language. Doctor's thesis, Hohhot, 2022, 114 p.

Научная статья

УДК 811.111-26:811.581.11

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.23>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ КИТАЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Хуан Биньбинь

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

bingbing.huang@yandex.com; <https://orcid.org/0000-0003-0156-2999>

Аннотация. Введение. Статья посвящена изучению терминосистемы родства современного английского и китайского языков в лингвокультурологическом преломлении. Хотя размер и структура семьи в разных странах различны, семья является основополагающей частью любого общества, что детерминирует важность семантического поля терминов родства в различном социальном контексте. В предпринятом исследовании затрагиваются вопросы различия между стандартным употреблением терминов родства в рамках семьи и широким их употреблением в расширенном социальном контексте. Исследуются культурные различия, лежащие в основе различий в терминосистемах родства в китайском и английском языках. Цель исследования заключается в лингвистическом описании характеристик и культурных коннотаций современных китайских и английских терминов родства. **Материалы и методы.** Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач используются описательный метод, метод сравнительного анализа, метод контекстуального анализа характеристик английских и китайских терминов родства, систематизированных на основе обобщения ряда современных классификаций и лексикографических данных. **Анализ.** На основе проведенного сравнительного анализа лингвистических фактов в статье выявлены и обобщены сходства и принципиальные различия в употреблении английских и китайских терминов родства с точки зрения лингвокультурологии. Продемонстрировано, что факторы, влияющие на выбор терминов родства, такие как возраст, пол и контекст использования, играют разную роль в употреблении терминов родства в рассматриваемых лингвокультурах.

Результаты. В результате предпринятого исследования сделаны выводы о специфике широкого употребления терминов родства в китайском и английском языках в их обусловленности культурными и социальными факторами; о роли многозначности и двусмысленности языковых символов китайского языка в функционировании терминов родства в китайском языке; об обусловленности лингвистической специфики терминов родства в китайском и английском языках особенностями общественного развития в Китае и в США. Научная новизна полученных результатов заключается в выявлении новых тенденций в коммуникации, а именно, модернизации и трансформации традиционных терминов родства и модификации их значений в соответствии с языковыми потребностями в современном обществе.

Ключевые слова: терминосистема родства, английский язык, китайский язык, широкое употребление терминов родства, лингвокультура, национальная культура, сопоставительный метод

Для цитирования: Биньбинь Х. Лингвокультурный аспект китайских и английских терминов родства // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 722–730. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.23>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 22.08.2023.

Статья принята к публикации: 30.09.2023.

Research article

LINGUOCULTURAL ASPECT OF CHINESE AND ENGLISH KINSHIP TERMS

Huang Bingbing

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Post-Graduate Student

bingbing.huang@yandex.com; <https://orcid.org/0000-0003-0156-2999>

Abstract. Introduction. The article deals with the kinship term systems of the modern English and Chinese languages in linguocultural perspective. Although the size and the structure of a family in different countries varies, a family is a fundamental unit of any society, which determines the topicality of the study of the semantic field of kinship terms in a diverse social context. This study touches upon the matters of the difference between the standard use of kinship terms towards family members and their extensive use in a wider social context towards non-relatives. The cultural differences determining the differences in the use of kinship terms in English and Chinese are studied. The aim of the study is to provide a linguocultural description of the characteristics and cultural connotations of the modern English and Chinese kinship terms. **Materials and Methods.** We use the descriptive method, the comparative analysis method, and the contextual analysis method to study English and Chinese terms collected from a variety of scientific and lexicographic sources. **Analysis.** Based on the obtained empirical data we make conclusions regarding the similarities and the differences in the use of English and Chinese kinship terms from the point of view of linguoculturology. Through the analysis of the data we demonstrate the fact that the factors which determine the use of kinship terms, such as age, gender and the overall context of the use, play a different role in the use of kinship terms in the studied linguocultures. **Results.** Conclusions are made regarding the specificity

of the extensive use of kinship terms in Chinese and English languages, determined by a variety of cultural and social factors; regarding the role of polysemy and ambiguity of language symbols in Chinese language in the functioning of kinship terms; regarding the linguistic specificity of kinship terms in Chinese and English languages determined by the specificity of social development in China and the USA. The scientific novelty of the obtained results is seen in discovering the modern tendencies of communication related to the transformation and modification of traditional kinship terms and their meaning according to the requirements of the contemporary society and language.

Keywords: kinship term system, English language, Chinese language, extensive use of kinship terms, linguoculture, national culture, comparative method

For citation: Bingbing H. Linguocultural Aspect of Chinese and English Kinship Terms. *Humanities and law research*. 2023;10(4): 722-730. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.23>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.07.2023.

The article was approved after reviewing: 22.08.2023.

The article was accepted for publication: 30.09.2023.

Введение. В связи с существенными различиями в культурных особенностях, образе мышления и ценностях между Китаем и США китайские и английские термины родства также имеют различные характеристики и принципы использования. В Китае для достижения коммуникативных целей в различных ситуациях социального взаимодействия термины родства широко используются среди людей, не состоящих в родственных связях. Такое употребление терминов родства мы будем называть широким (см., например, [14]). Широкое использование терминов родства в Китае является продуктом сочетания традиционной китайской культуры, патриархальных представлений и социального этикета. Такое использование терминов родства относительно мало распространено в английском языке. В целом можно сказать, что термины родства не используются для обращения к людям, которые не являются родственниками. Поэтому четкое понимание различных случаев использования терминов родства в китайском и английском языках, а также особенностей и коммуникативных ситуаций их использования важно для межкультурной коммуникации.

Целью данной статьи является описание лингвистических и культурных характеристик современных китайских и английских терминов родства. Использование терминов родства в Китае и Соединенных Штатах Америки менялось по мере развития общества, в силу чего данное исследование представляет собой систематическое, многоуровневое сравнительное исследование китайской и американской систем терминов родства, направленное на демонстрацию различий между китайской и американской национальными культурами и различий в национальных ценностях, имеющих отношение к современному использованию терминов родства. В работе делается акцент на взаимосвязи языка и общества и исследуется глубинная культура, отраженная в специфике употребления терминов родства.

С 1980-х гг. по настоящее время, по мере внедрения в Китае различных зарубежных лингвистических теорий, китайские ученые пользовались данными, полученными исследователями смежных дисциплин и заимствовали некоторые методы и результаты исследований, что привело к диверсификации их исследований с точки зрения методологии.

(1) Характеристики терминов родства изучаются с социолингвистической точки зрения, делается попытка объяснить особенности их употребления социальными причинами. Ван Цинь [22] на основе анализа результатов проведенных опросов пришел к выводу, что существует тенденция к упрощению и слиянию традиционных китайских терминов родства, и проанализировал причины данного явления. Ян Тин [26] рассматривает обобщенное использование китайских фразеологизмов родства, их особенности и происхождение.

(2) Культурные коннотации китайских терминов родства исследуются с точки зрения культуры.

Луо Чангпей [4] описывает связь между использованием терминов родства и культурой китайского народа. Чэнь Юэмин [28] исследует эволюцию китайской системы терминов родства и закрепленные за этими терминами культурные коннотации в их взаимосвязи с формами организации и деятельностью социума, рода и семьи в китайском обществе. Ван Ци [23] использует лингвокультурологический подход для классификации и изучения древнекитайских терминов родства и терминов социальных отношений, рассматривая их как основу для словообразования или изменения слов.

(3) Современная семантика используется для анализа значений китайских терминов родства и выявления семантической оппозиции между ними. Цзя Яньдэ [30] анализирует семантические аспекты современных китайских терминов родства с помощью сравнительного подхода. Пан Вэнь [27] представляет основные морфемы письменных терминов родства в табличной форме и формально обозначает их семантический состав, что помогает понять китайские термины родства с помощью простых правил и символов.

(4) Изучение терминов родства в области традиционной лексикографии. Ху Шиюнь [24] четко описывает китайскую систему терминов родства и выясняет истоки ее развития; Ву Маопин [18] приводит описание фонологических, семантических, лексических и прагматических аспектов терминов родства династии Тан; Сян Сяомин и Цао Линлин [29] изучают различия в использовании терминов родства в двух языках через сравнение классификации китайских и английских терминов родства; Чжан Лихуа и Луо И [31] исследуют социальные и исторические причины различий между английским и китайским языками в использовании терминов родства, а также рассматривают более глубокие культурные коннотации различий. Хуан Билонг [3] рассматривает сходства и различия между английскими и китайскими терминами родства, изучает причины различий, лежащие в поле культуры, и предлагает некоторые идеи перевода данных терминов; Шао Лили [15] исследует несоответствия между китайскими и английскими терминами родства с семантической и прагматической точек зрения; Ян Сивэй [25] сравнивает китайские и английские обозначения родства и социальные обозначения и указывает на то, что разница культур и истории Китая и Великобритании являются основными причинами этих различий. Фу Хунчжан [8] анализирует перевод терминов родства на основе художественного произведения «Сон в красном тереме».

Большинство исследований терминов родства в западных странах сосредоточено в области антропологии, наиболее представительными фигурами которой являются американские антропологи Дж. П. Мердок и Л. Г. Морган. Дж. П. Мердок, разработавший концепцию нуклеарной семьи, был пионером в изучении систем родства, используя их для изучения и создания типологии и исторического развития семейных систем - подхода, который он же и основал [16].

Л. Г. Морган был одним из американских антропологов XIX в. В своей книге «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family» (1871) он говорит о родстве как одном из самых эволюционных объектов всех антропологических исследований. Л. Г. Морган был основоположником научного изучения данной области, он представил новые идеи о классификации систем родства, которые стали основой для дальнейших исследований. В книге обсуждаются обозначения родства, феномен брака и эволюция семейных форм. Позже Дж. П. Мердок развил исследования, начатые Л. Г. Морганом, и представил более полный обзор шести основных систем обозначения родства в мире. Л. Г. Морган разделил все системы родства на описательную систему и систему классификации, и разработанные им идеи до сих пор используются современными учеными. Л. Г. Морган также был одним из первых западных ученых, изучавших китайские термины родства. В упомянутой выше научной работе он отметил глубокую взаимосвязь между сложностью китайских терминов родства и системой родственных отношений, брачной системой и этнической культурой ханьского общества [17]. Американский антрополог А. Л. Крёбер, как и многие другие западные ученые, отмечал сложное разнообразие китайских терминов, обозначающих родственные отношения. Исходя из этого, Дж. П. Мердок разделил весь спектр систем родства, отраженных в многочисленных человеческих языках, на шесть типов: эскимосский, гавайский, ирокезский, омаха, кроу и суданский [13].

В 1960 году Р. Браун и А. Гилман опубликовали статью «The pronouns of power and solidarity» [1], посвященную изучению второго лица в европейских языках. В статье утверждается, что использование лица зависит от двух факторов, а именно, «власти» и «равенства». Р. Браун и М. Форд (1964) в своей книге «Address in American English» подробно рассматривают модели использования американских английских местоименных терминов и утверждают, что существует три типа таковых [2]. Первый – это фамилия, второй – официальный титул, а третий – род занятий. Их исследование терминов родства в американском английском языке является новаторским. Согласно их работам, важным фактором при выборе терминов родства является рассмотрение отношений одного человека с другим. Социолингвист С. Эрвин-Трип изучала английские термины родства. Ее коммуникативный анализ языка обобщает социолингвистические правила, которые объясняют, как использование языка варьируется в зависимости от социальных различий, утверждая, что «люди в каждом обществе должны учитывать свои отношения друг с другом, когда им нужно использовать соответствующие термины» [7].

Изучение специфики употребления терминов родства женщинами также является не только областью исследований западных лингвистов, но и актуальной темой для многих китайских ученых. Сравнение современного использования

терминов родства женщинами в Китае и на Западе проводится для того, чтобы показать контраст между статусом женщин в китайской и западной культурах [21].

Современный этап лингвистической науки характеризуется сохраняющимся интересом к исследованию англоязычных терминов родства. Так, Б. Ханна и К. Свенья отмечают контекстуальную зависимость семантики терминов родства и приходят к выводу о важности их изучения в разговорной речи [10]. Еще одним примером контекстуального исследования терминов родства, функционирующих в качестве обращений, служит работа А. Халиль, проведенная в сопоставительном аспекте на материале американского английского и сирийского арабского языков [14]. Сопоставление китайских и английских терминосистем родства также остается в фокусе внимания исследователей, при этом сохраняется акцент на существенных лингвокультурных и лингвопрагматических различиях в данных терминосистемах, приводящих к затруднениям в переводе терминов родства [6; 19].

Результаты аналитического литературного обзора показывают, что, хотя китайская и английская системы терминов родства изучены достаточно широко, системное междисциплинарное сопоставительное исследование английских и китайских терминов родства с точки зрения их лингвокультурных характеристик, которое также учитывало бы особенности широкого использования терминов родства в этих языках, еще не полностью реализовано.

Материалы и методы. В данной работе английские и китайские термины родства, систематизированные на основе обобщения ряда современных классификаций и лексикографических данных, исследуются с применением методов сравнительного анализа и описательного метода. На основе сравнительного анализа сходных и отличительных черт терминов родства в английском и китайском языках исследуются их лингвокультурные различия. Посредством описания и сравнительного анализа лингвистических фактов мы устанавливаем общие черты английских и китайских терминов родства, выявляем их соответствующие характеристики и различия, исследуем глубинные причины их сходства и различия с точки зрения сравнительной лингвистики, лингвокультурологии и социолингвистики.

Анализ. Согласно исследованию Пан Пана [20], в современном разговорном китайском языке существует 16 основных обобщенных и стереотипных терминов родства, которые преимущественно используются для обозначения людей одного поколения, родителей и детей, в то время как термины родства для обозначения прабабушек, прадедушек и внуков обычно не используются. В зависимости от контекста общения встречаются различные варианты этих обобщенных терминов родства.

Представим в обобщенном виде терминосистему родства в китайском языке в таблице 1.

Таблица 1

Терминосистема родства в китайском языке

Термин родства	Широкое использование термина родства	Обращение	Сочетания «термин родства + имя»
祖父Дедушка	(~) 爷Дедушка	敬称祖父辈且年纪与祖父相当的男性Обращение к мужчине, который является ровесником деда	1.大爷/老大爷/老爷爷(Дедушка/Старый дедушка/Дедушка); 2.姓+爷爷/大爷 (李大爷) Фамилия + дедушка/прадедушка (дедушка Ли)
祖母Бабушка	(~) 奶奶Бабушка	敬称祖母辈且年纪与祖母相当的女性Обращение к женщине того же возраста, что и его бабушка	1.奶奶/老奶奶/老娘娘(Бабушка/прабабушка/старушка); 2.夫姓+奶奶 (Имя мужа + бабушка); 3.本姓+奶奶 (李奶奶) фамилия + бабушка (бабушка Ли)
1.伯父/伯伯/大伯/大爷 (дядя/старший дядя); 2.排行+伯/大爷 старшинство (среди братьев и сестер) + дядя)	(~) 伯Дядя	敬称父亲辈且年纪比父亲大的男性Обращение к мужчинам по отцовской линии, которые старше его отца	1.伯父/爹爹/老爹 (李伯伯, 李大伯) (Дядя) (дядя Ли)); 2.本姓+老爹 (李老爹) (Фамилия + дядя (дядя Ли))
1.叔叔/小叔/老叔 (дядя/ младший дядя); 2.排行+叔 (старшинство (среди братьев и сестер) + дядя)	(~) 叔Дядя	敬称父亲辈且年纪比父亲小的男性Обращение к мужчинам по отцовской линии, которые моложе его отца	1.叔叔/叔(Дядя); 2.姓+叔叔/叔/大叔 (李大叔) (Фамилия + дядя (дядя Ли)); 3.职业类名+叔叔 (医生叔叔) (Название профессии + дядя (дядя доктор))
伯母 Тетя	伯妈Тётя	敬称母亲辈且年纪与母亲相当的已婚女性Обращение к замужней женщине из поколения матери и возраста матери	1.伯母(Тетя); 2.姓+伯母 (李伯母) (Фамилия + тётя (тётя Ли))
母亲/妈妈Мать / Мама	(~) 妈Мама	敬称母亲辈且年纪与母亲相当的已婚女性Обращение к матери или замужней женщине из поколения ее матери и возраста его матери	1.大妈 (Тетушка); 2.本姓+大妈/妈/妈妈 (李大妈) (Фамилия + тётя/мама (тётя Ли))
娘/大娘Мать/тётя	(~) 娘Мать	敬称母亲辈且年纪与母亲相当的已婚女性Обращение к замужней женщине из поколения ее матери и возраста ее матери	1.大娘(тётя); 2.本姓+大娘 (李大娘) (Фамилия + тётя (тётя Ли))
婶婶/婶母/婶儿 тётя / тетушка	(~) 婶Тётя	比父亲年轻的男性朋友或同事的妻子Обращение к жене друга или коллеге мужского пола, который моложе, чем отец	1.婶婶/婶儿/大婶儿(тётя); 2.夫姓+婶儿/大婶儿(李婶) (Имя мужа + тётя (тётя Ли))
1.姨姨/大姨/小姨/老姨(тётя); 2.排行+姨(старшинство среди сестер) + тётя)	(~) 姨Тётя	敬称母亲辈且年纪与母亲相当的女性Обращение к женщине поколения матери и возраста матери	1.阿姨/姨姨/大姨/小姨(тётя); 2.本姓+姨/阿姨/大姨 (Фамилия + имя / фамилия +/тётя); 3.职业类名+阿姨 (医生阿姨) (Профессия + тётя (тётя-врач))
1.哥哥(брат); 2.排行+哥(старшинство (среди братьев) + брат)	(~) 哥/兄Брат	敬称同辈且年纪比自己大/相当的男性Обращение к мужчине того же поколения, который старше/равноценен по возрасту	1.兄弟/大哥/老哥/哥(Старший брат); 2.本姓+兄弟/大哥 (李大哥) (Фамилия + брат/старший брат (брат Ли))
1.嫂子(золовка); 2.排行+嫂(старшинство (среди сестер)) + золовка)	(~) 嫂Золовка	敬称同辈且年纪比自己大/相当的已婚女性Обращение к замужней женщине того же поколения, которая старше по возрасту	1.嫂子/大嫂/嫂嫂 (золовка); 2.夫姓+嫂, 本姓+嫂(Фамилия мужа + золовка, фамилия + золовка)

1.姐姐(сестра); 2.排行+姐(старшинство сестер) + сестра)	(~) 姐 Сестра	敬称同辈且年纪比自己大/相当的女性Обращение к женщине того же поколения, которая старше по возрасту	1.姐姐/大姐/大姐姐/老姐(Сестра/старшая сестра); 2.本姓+大姐/姐; (李姐) (фамилия + старшая сестра/сестра; (Сестра Ли))
1.哥哥/弟弟(Старший брат/Младший брат); 2.排行+哥/弟 (старшинство среди братьев + старший брат/младший брат)	(~) 兄/弟Старший брат/Младший брат	称呼同辈且年纪比自己小的男性Обращение к мужчинам одного поколения, которые моложе или того же возраста	1.兄弟/小兄弟(Брат); 2.本姓+兄弟/姓+家+兄弟 (李家兄弟) (Фамилия + брат / фамилия + брат (Брат Ли))
1.弟弟(брат); 2.排行+弟(старшинство (среди братьев)+ брат)	(~) 弟Брат	称呼同辈且年龄比自己小的男性Обращение к мужчинам одного поколения, которые моложе	1.贤弟/老弟/小老弟/小兄弟(Брат); 2.本姓+老弟 (李老弟) (Фамилия + Брат (Брат Ли))
1.妹妹(Сестра); 2.排行+妹(старшинство (среди сестер) + сестра)	(~) 妹Сестра	称呼同辈且年纪比自己小的女性Обращение к женщине того же поколения, которая моложе вас	1.小妹/妹子/大妹子(Сестра); 2.本姓+家+大妹子; 本姓+小妹(фамилия + сестра)
-	(~) 姑娘Молодая девушка	称呼晚一辈/二辈青少年女性 Обращение к девушкам-подросткам первого/второго поколения	1.姑娘(Молодая девушка); 2.小姑娘(Молодая девушка); 3.姓+姑娘 (李姑娘) (Фамилия+ Молодая девушка) (Ли Молодая девушка)

Как видно из таблицы 1, распространенными обобщенными названиями в китайских терминах родства являются следующие: *дедушка, бабушка, дядя, тётя, мать, мама, брат, невестка, сестра, девушка*. При обобщении часто используются патрилинейные термины, в то время как матрилинейные термины используются редко, за исключением слова «тётя». Это объясняется тем, что, выбирая термины родства для обращения к человеку вне семейного круга, люди часто выбирают термин, который наиболее подходит по тем или иным характеристикам в системе родства. В китайской лингвокультуре патрилинейность считается более близкой, чем матрилинейность, родственники по линии жены считаются более близкими, чем родственники по линии мужа, кровное родство считается более близким, чем родство по линии брака, клановое родство (брат или сестра отца или матери) считается ближе, чем двоюродное родство (двоюродный брат или сестра), кровное родство и родство по линии брака считаются ближе, чем родство по боковой линии, поэтому для широкого употребления терминов родства более характерно использование терминов родства по патрилинейности.

Такие термины родства, как «бабушка», «дедушка» и «внуки», используются не очень широко. Из приведенной таблицы видно, что широкое использование терминов родства характерно в отношении старших поколений и внутри одного поколения, в то время как в отношении младших поколений они используются редко, поскольку обобщение основано на принципе уважения к старшему в китайской культуре.

Рассмотрим примеры широкого употребления терминов родства, типичные для китайской лингвокультуры.

(1) 小王 (Сяо Ван): 王大爷, 您最近身体怎么样? (*Дядя Ван, как Ваше здоровье?*)

王大爷 (дядя Ван): 我身体挺好。 (*Я вполне здоров*) (Из разг. речи).

В данном диалоге участники коммуникации не состоят в родственных отношениях. Вместе с тем, более молодой 小王 (Сяо Ван) обращается к более старшему по возрасту собеседнику как 王大爷 («дядя» + фамилия = Дядя Ван), что является формой вежливости и выражения уважения. Данное широкое употребление терминов родства характерно для межличностной коммуникации в китайской лингвокультуре [19].

(2) 小王 (Сяо Ван): 刘姐, 为了庆祝我们成为同事, 晚上我请你吃饭。 (*Сестра Лю, я приглашаю Вас сегодня на обед, чтобы отметить то, что мы стали коллегами*).

刘丽丽 (Лю Лили): 谢谢。下班后我们一起去。 (*Спасибо, мы ходим вместе на обед после работы*) (Из разг. речи).

В данном диалоге коллега Сяо Вана по имени Лю Лили дольше является сотрудником компании, чем Сяо Ван. Сяо Ван, не являясь родственником по отношению к Лю Лили, использует уважительную форму обращения 刘姐 (сестра Лю = «сестра» + фамилия), использование которой объясняется необходимостью уважительного обращения по отношению к коллеге с большим стажем работы в китайской лингвокультуре. Отметим также, что по отношению к женщинам старшего возраста также применяется

обращение «фамилия + 姐» (старшая сестра), по отношению к женщинам младшего возраста – «фамилия + 妹» (младшая сестра) [6].

Термины родства, называющие большинство родственников по браку по женской линии, такие как «тётя», «дядя», «золовка», могут использоваться как обращение к человеку, не имеющему родственных связей с говорящим. Например, лексема «золовка» может обозначать обобщенно жен коллег-мужчин старше по возрасту, а «тётя» - жен всех друзей, близких по отцу [9].

Ниже приводятся несколько примеров, демонстрирующих широкое использование терминов родства, которые демонстрируют специфику китайской лингвокультуры:

(1) префикс «老/大/小 (старший/старшая/младшая)» + термины родства: 老爷爷 (дедушка), 老大爷 (дедушка), 老奶奶 (бабушка), 大伯 (старший дядя), 大妈 (тётя), 大叔 (дядя), 大兄 (старший брат), 大姐 (старшая сестра), 大婶 (старшая тётя), 小妹 (младшая сестра), 小弟 (младший брат);

(2) префикс «Фамилия/Имя» + родственные связи: Дедушка Ван, бабушка Ли, тётя Лю, дядя Лэй Фэн, сестра Чи Линг, сестра Фэн;

(3) префикс «Фамилия + 大 первый / 二 второй / 三 третий ...» + термин родства: «杜+十娘 Ду+ десятая тётя, 刘+三姐 Лю+ третья сестра, 王大伯 Ван+ первый дядя; префикс «признаковое слово» + термин родства: 眼镜叔叔 Дядя + Очки, 大个子伯伯 Дядя + Большой парень, 拇指哥哥 Брат + большой палец; приставка «профессия» + термин родства: 解放军叔叔 Дядя + Освободительная армия, 农民伯伯 Дядя +

фермер, 售票员阿姨 Тетушка + Билетный агент, 护士姐姐 Сестра + медсестра.

Кроме того, существует антропоморфное обобщение, характерное для китайских терминов родства и основанное на концепции «天人合一 (единство Неба и человека)», являющейся основной темой традиционной китайской культуры. Согласно идее «天人合一 (единство Неба и человека)», человек и природа представляют собой неразрывное целое, связанное друг с другом и плотью, и кровью [5]. Поэтому, говоря о вещах и явлениях в мире природы, ханьцы также часто используют термин «родство» для обозначения природы и человека как единого целого. Например, «天公天母 (Небесный Бог и Мать Неба)», «土地爷 (Хозяин земли)», «老天爷 (Небесный Хозяин)», «雷公 (Бог Грома)», «电母 (Мать Молния)», «太阳爷爷 (Дедушка Солнце)», «月亮奶奶 (Бабушка Луна)», «春姑娘 (Дева Весна)», «风姨 (Тетушка Ветер)», «冬爷爷 (Дедушка Зима)». Еще одним важным культурным понятием в Китае является «八拜之交» «восемь уз дружбы», которое относится к людям, не имеющим родственных связей, но именуемым «братьями и сестрами» в силу чрезвычайно близких отношений [11].

Явление широкого употребления терминов родства встречается и в английском языке, но оно гораздо менее распространено, чем в китайском языке. В английском языке существует только шесть распространенных обобщенных терминов родства, а именно: *отец, мать, брат, сестра, дядя и тётя*, которые обобщены ниже в таблице 2.

Таблица 2

Терминосистема родства в английском языке

Термин родства	Широкое использование термина родства	Обращение	Сочетания «термин родства + имя»
Father отец	Father отец	Godfather (Крёстный отец), Father (Священник)	1.Father; 2.Father+Surname (Father Smith) 1.Отец; 2.Отец+фамилия (Отец Смит)
Mother мать	Mother мать	A female director or moderator of a women's religious order (Женщина-директор или лидер женской религиозной группы)	1.Mother; 2. Mother+Surname (Mother Jones) 1.Мать ; 2. Мать+фамилия (Мать Джонс)
Uncle дядя	Uncle дядя	A male friend who is close to his parents (Друг-мужчина, который близок к родителям)	Uncle + First Name (Uncle John) Дядя + имя (дядя Джон)
Aunt тётя	Aunt тётя	Addressing female friends who are close to their parents (Обращение к женщинам-друзьям, которые близки к родителям)	Aunt + First Name (Aunt Sarah) тётя + первое имя (тётя Сара)
Brother брат	Brother брат	A religious man, monk or monastic (Мужчина религиозный, монах или монашеский)	Brother + Christian name (Brother Locus) брат + христианское имя (Брат Локус)
Sister сестра	Sister сестра	A religious woman, nun (Женщина религиозная, монахиня)	Sister + Christian name (Sister Cindy) сестра + христианское имя (Сестра Синди)

Как видно из таблицы 2, английские термины родства в их широком употреблении также включают имя человека, упоминаемого после предло-

женного термина родства, при этом семантика термина значительно меняется. Например, при широком употреблении терминов родства «отец, мать, брат, сестра» их семантика отличается от

семантики исходных терминов и не указывает на родство. В западных странах, кроме основных членов семьи, термины «брат» и «сестра» используются только христианами, поскольку они верят, что все мы дети Бога и что отношения «души» часто более священны, чем отношения «крови». На западе люди также используют термины родства «тётя» и «дядя» для обозначения друзей родителей, например, «тётя Синди» и «дядя Сэм». Пожилые люди могут использовать термины родства «сын» или «сын» для обращения к более молодым мужчинам в знак привязанности, но такое обобщение в целом не распространено.

В качестве примера широкого употребления термина родства в английском языке рассмотрим следующую реплику, в которой молодая девушка обращается к подруге своей матери:

(3) *Aunt Cindy, happy to see you! How are you today? (Тётя Синди, я рада тебя видеть! Как у тебя дела?)* (Из разг. речи).

Данный пример демонстрирует распространенное в традиционных английских семьях обращение к хорошим друзьям своих родителей как «uncle» (дядя) и «aunt» (тётя) для выражения привязанности. Вместе с тем, отметим, что в целом использование терминов родства по отношению к людям, не состоящим в родственных связях с говорящим, не характерно для англоязычных лингвокультур. Также отметим, что использование термина родства (например, «aunt») по отношению к незнакомому человеку не носителем английского языка является не только семантической, но и культурной ошибкой [14].

Результаты. И китайская, и английская системы терминов родства пропитаны привычками и культурными традициями соответствующих народов и богаты культурными коннотациями. В результате предпринятого исследования мы можем сделать вывод, что существует три лингвокультурологические причины широкого использования китайских и английских терминов родства:

(1) Широкое употребление китайских терминов родства является результатом сочетания традиционной китайской культуры и социальной структуры. В традиционном китайском обществе семья является не только производственной и деловой единицей, но и основой всей социальной структуры. Несмотря на изменения в социальной структуре и социальной жизни людей, традиционная социальная структура и традиционная культура по-прежнему влияют на социальное поведение людей, что проявляется также и в широком употреблении терминов родства по отношению к людям, не являющимся родственниками. Напротив, США исповедуют ценности индивидуализма, превалирующие над семейной этикой, в отличие от традиционной китайской культуры, которая ориентирована на семью. В американской системе обращения к членам общества, не являющимся родственниками, обычно применяются не термины родства, а формы «мистер» или «миссис» или обращение по имени. В США семейная атмосфера

непринужденная, к детям и родителям обращаются по имени; в школах к учителям и ученикам также обращаются по имени. В китайской системе обращения это недопустимо, вместо этого используется обращение в соответствии со статусом собеседника по отношению к говорящему.

(2) В традиционной китайской культуре термины родства основаны на порядке старшинства родственников в семье, при этом в силу действующей системы наследования старшего сына порядок детей в семье очень важен и хорошо упорядочен.

В Китае братьев отца называют «叔叔 (младший брат отца или младший брат мужа)» и «伯伯 (старший брат отца или старший мужчина, который старше отца, или почетное обращение к отцу друга)». Широкое использование китайских терминов родства также следует принципу родства, а также учитывает поколение и возраст человека, к которому обращаются: старший мужчина того же поколения называется «哥哥» (брат), а старший мужчина поколения отца – «伯伯» (дядя). В американской культуре англоязычные термины родства более расплывчаты, а ранжирование по возрастам не является строгим, поэтому «дядя» относится к старшему мужчине того же поколения и старшему мужчине поколения родителей. Кроме того, американский менталитет ориентирован на равенство, и использование терминов родства в общении сравнительно редко, так как данные термины не ориентированы на учет старшинства и очередности.

(3) Феномен широкого употребления терминов родства основан на полисемии и двусмысленности языковых символов. Китайское широкое употребление терминов родства для обозначения природы и человека как единого целого является отражением полисемии языковых символов. В общении коммуниканты используют термины родства для обозначения людей, не состоящих в родственных отношениях, размывая границы между родственными и неродственными связями. В результате произвольности, полисемии и двусмысленности языковых символов было создано большое количество модернизированных терминов родства, таких как 太阳爷爷 (Дед Солнце), 月亮奶奶 (Бабушка Луна), 春姑娘 (Дева Весна), которые обогатили систему терминов родства в современном китайском языке. Появление новых терминов родства в современном обществе также отражает новые явления, идеи и тенденции в обществе. Для того, чтобы удовлетворить языковые потребности людей, традиционные термины родства трансформировались, их традиционное значение подверглось модификации. В то же время, лингвистическое пространство новых терминов родства расширилось, заполнив недостающий контур социальных терминов в современной коммуникации. Вместе с тем, в широком использовании английских терминов родства этой тенденции не наблюдается, и, как следствие, в широком использовании терминов родства в китайском и английском

языках в этом аспекте наблюдается существенная разница.

Литература

1. Brown R, Gilman A. The pronouns of power and solidarity. *Style in Language*. MIT Press, 1960. P. 103–127. URL: <https://www.ht.lu.se/media/utbildning/dokument/kurser/LINB30/20082/Brown&Gilman.pdf> (accessed: 18.03.2023).
2. Brown R, Ford M. Address in American English // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961. № 62(2). P. 375–385. URL: <https://doi.org/10.1037/h0042862> (accessed 18.03.2023).
3. Bi Rong H. English-Chinese kinship terms in a cultural perspective URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-HHZX200501018.htm> (accessed: 18.03.2023).
4. Changpei L. Language and Culture URL: <https://books.google.ru/books?id=msBjPwAACAAJ> (accessed 18.03.2023).
5. Chen C. A Comparative Study on English and Chinese Kinship Terms and Their Translation Strategies // *Theory and Practice in Language Studies*. 2019. Vol. 9. No. 9. P. 1237–1242. URL: <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0909.22> (accessed: 18.03.2023).
6. Dora R. Exploring (un)translatability in pragmatics: Chinese and English forms of address in subtitles. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/ip-2023-3005/html30> (accessed: 18.03.2023).
7. Ervin-Tripp S. Sociolinguistic rules: Alteration and co-occurrence. In: Gumperz, J, Hymes D. *Directions in Sociolinguistics*. New York: Holt, 1972. P. 213–250. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019656.pdf> (accessed: 18.03.2023).
8. Hongzhang F. A comparative study of the translation of the peer-relative appellations in *Dream of the Red Chamber*. 2008. URL: <https://cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-10216-2010018006.htm> (accessed: 18.03.2023).
9. Haiting W., Jun G. On the Generalization Mechanism of Chinese Kinship Term “jiejie” // *English Language and Literature Studies Archives*. 2022. Vol. 12. No. 2. DOI: 10.5539/ells.v12n2p74. URL: <https://ccsenet.org/journal/index.php/ells/article/download/0/0/47123/50442> (accessed: 18.03.2023).
10. Hanna B., Svenja K. Terms of Address: A Contrastive Investigation of Ongoing Changes in British, American and Indian English and in German. URL: https://brill.com/view/journals/jocp/3/1/article-p112_6.xml?language=en24 (accessed: 18.03.2023).
11. Jiyong C., Chuanmao T. Making Anthroponyms from Chinese into English from the perspective of relevance theory // *Art Human Open Acc J*. 2018. № 2(2). P. 115–126. DOI: 10.15406/ahoaj.2018.02.00042.
12. Kroeber A. L. *Anthropology: Culture Patterns & Processes*. New York, Harcourt, Brace & World. 1963. URL: https://books.google.ru/books?redir_esc=y&hl=zh-CN&id=oS-OAAAAMAAJ&focus=searchwithinvolume&q= (accessed: 18.03.2023).
13. Karimov S. D. Making Anthroponyms from Nouns by Conversion Method. *International // Journal of Social Science Research and Review*. 2022. № 5(5). P. 73–78. DOI: 10.47814/ijssr.v5i5.293.
14. Khalil A.A. American English and Syrian Arabic forms of address: a contrastive analysis // *Philology, Theory & Practice*. 2021. №14(12). P. 4032–4035. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20210622> (accessed: 18.03.2023).
15. Lili S. Inequality of Kinship Pronouns in Chinese English URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-XYNG200503040.htm> (accessed 18.03.2023).
16. Murdock G. P. *Social Structure*. New York: Macmillan. 1949. URL: <https://psycnet.apa.org/record/1949-04761-000> (accessed: 18.03.2023).
17. Morgan L. H. *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*. Anthropological Publications, 1970. URL: https://books.google.ru/books/about/Systems_of_Consanguinity_and_Affinity_of.html?id=WEdLAAAAIAAJ&redir_esc=y (accessed: 18.03.2023).
18. Maoping W. A Study of Tang Dynasty Pronouns. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/10610-2002121291.html> (accessed: 18.03.2023).
19. Nicole B., Roel V. It's different with you: Contrastive perspectives on address research. URL: https://books.google.ru/books?hl=zh-CN&lr=&id=6PnSEAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA113&dq=Chinese+and+english+kinship+terms&ots=Mm9Qo5qSVP&sig=mPy4dw5frkw9K7M527Ycn7z90yc&redir_esc=y#v=onepage&q=Chinese%20and%20english%20kinship%20terms&f=false (accessed: 18.03.2023).
20. Pan P. On the Generalization of Kinship Possessives. URL: <http://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=1002373070> (accessed: 18.03.2023).
21. Parezhati M. A Preliminary Study on the Classification of Kinship Appellations in Uyghur. *Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019)*. DOI: 10.2991/iccessh-19.2019.230 URL: <https://www.atlantispress.com/article/125911989.pdf> (accessed: 18.03.2023).
22. Qin W. Current status of the use of Chinese kinship terms. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-CDDB200502026.htm> (accessed: 18.03.2023).
23. Qi W. A Study of the Upper Classical Chinese Possessions. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/10335-2005119200.nh.html> (accessed: 18.03.2023).
24. Shiyun H. A study of Chinese kinship terms. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/10559-2001001889.nh.html> (accessed: 18.03.2023).
25. Siwei Y. A Comparison of English and Chinese Pronouns. 2005(06). URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-XXSF200506040.htm> (accessed 18.03.2023).
26. Ting Y. A study on the generalization of Chinese kinship appellatives. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/10126-2005152970.html> (accessed: 18.03.2023).
27. Wen P. A Preliminary Study on the Formalization of Kinship Phrases in Mandarin. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFD2001-NJSS200106016.htm> (accessed: 18.03.2023).
28. Wei W. An exploration of the changes of Chinese social appellations and their cultural connotations // *Modern Languages (Academic Synthesis)*. 2016. No 1. P. 143–145. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/ChlQZXJpb2RpY2FsQ0hJTmV3UzlwMjMwMzIxZWVhZ4Zl3LWN6YjIwMTYwMTA1NB0iYXp6ZWd5ejk%3D> (accessed: 18.03.2023).
29. Xiaoming X., Linlin C. A comparison of the classification of Chinese and English address words. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDOTAL-SJDI200101008.htm> (accessed: 18.03.2023).
30. Yande J. Semantic Features of Commonly Used Relative Words in Modern Chinese URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-SJHY199401001.htm> (accessed: 18.03.2023).
31. Zhang L., Luo Y. A comparison of the deep cultural connotations of English and Chinese kinship terms. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-ENSE200205035.htm> (accessed: 18.03.2023).

References

1. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity. *Style in Language*. MIT Press; 1960. P. 103–127. URL: <https://www.ht.lu.se/media/utbildning/dokument/kurser/LINB30/20082/Brown&Gilman.pdf> (accessed: 18.03.2023).
2. Brown R., Ford M. Address in American English. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961;62(2);375–385. URL: <https://doi.org/10.1037/h0042862> (accessed 18.03.2023).
3. Bi Rong H. English-Chinese kinship terms in a cultural perspective URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-HHZX200501018.htm> (accessed: 18.03.2023).
4. Changpei L. Language and Culture URL: <https://books.google.ru/books?id=msBjPwAACAAJ> (accessed 18.03.2023).

5. Chen C. A Comparative Study on English and Chinese Kinship Terms and Their Translation Strategies. *Theory and Practice in Language Studies*. 2019;9(9):1237-1242. URL: <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0909.22> (accessed: 18.03.2023).
6. Dora R. Exploring (un)translatability in pragmatics: Chinese and English forms of address in subtitles. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/ip-2023-3005/html30> (accessed: 18.03.2023).
7. Ervin-Tripp S. Sociolinguistic rules: Alteration and co-occurrence in Gumperz, J, Hymes D. *Directions in Sociolinguistics*. New York: Holt, 1972. P. 213-250. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019656.pdf> (accessed: 18.03.2023).
8. Hongzhang F. A comparative study of the translation of the peer-relative appellations in *Dream of the Red Chamber*. 2008. URL: <https://cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-10216-2010018006.htm> (accessed: 18.03.2023).
9. Haiting W., Jun G. On the Generalization Mechanism of Chinese Kinship Term "jiejie". *English Language and Literature Studies Archives*. 2022;12(2). DOI: 10.5539/ells.v12n2p74. URL: <https://ccsenet.org/journal/index.php/ells/article/download/0/0/47123/50442> (accessed: 18.03.2023).
10. Hanna B., Svenja K. Terms of Address: A Contrastive Investigation of Ongoing Changes in British, American and Indian English and in German. URL: https://brill.com/view/journals/jocp/3/1/article-p112_6.xml?language=en24 (accessed: 18.03.2023).
11. Jiying C., Chuanmao T. Translation of kinship terms from Chinese into English from the perspective of relevance theory. *Art Human Open Acc J*. 2018;2(2):115-126. DOI:10.15406/ahoaj.2018.02.00042.
12. Kroeber A. L. *Anthropology: Culture Patterns & Processes*. New York, Harcourt, Brace & World; 1963. URL: https://books.google.ru/books?redir_esc=y&hl=zh-CN&id=oS-OAAAAAAAJ&focus=searchwithinvolume&q= (accessed: 18.03.2023).
13. Karimov S. D. Making Anthroponyms from Nouns by Conversion Method. *International Journal of Social Science Research and Review*. 2022;5(5):73-78. DOI: 10.47814/ijssrr.v5i5.293.
14. Khalil A. A. American English and Syrian Arabic forms of address: a contrastive analysis. *Philology, Theory & Practice*. 2021;14(12):4032 – 4035. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20210622> (accessed: 18.03.2023).
15. Lili S. Inequality of Kinship Pronouns in Chinese English URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-XYNG200503040.htm> (accessed 18.03.2023).
16. Murdock G. P. *Social Structure*. New York: Macmillan; 1949. URL: <https://psycnet.apa.org/record/1949-04761-000> (accessed: 18.03.2023).
17. Morgan L.H. *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*. Anthropological Publications; 1970. URL: https://books.google.ru/books/about/Systems_of_Consanguinity_and_Affinity_of.html?id=WEEdLAAAAYAAJ&redir_esc=y (accessed: 18.03.2023).
18. Maoping W. A Study of Tang Dynasty Pronouns. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/10610-2002121291.html> (accessed: 18.03.2023).
19. Nicole B., Roel V. It's different with you: Contrastive perspectives on address research. URL: https://books.google.ru/books?hl=zh-CN&lr=&id=6PnSEAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA113&dq=Chinese+and+english+kinship+terms&ots=Mm9QoSqSVP&sig=mPy4dw5frkw9K7M527yCn7z90yc&redir_esc=y#v=onepage&q=Chinese%20and%20english%20kinship%20terms&f=false (accessed: 18.03.2023).
20. Pan P. On the Generalization of Kinship Possessives. URL: <http://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=1002373070> (accessed: 18.03.2023).
21. Parezhati M. A Preliminary Study on the Classification of Kinship Appellations in Uyghur. *Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019)*. DOI: 10.2991/iccessh-19.2019.230 URL: <https://www.atlantispress.com/article/125911989.pdf> (accessed: 18.03.2023).
22. Qin W. Current status of the use of Chinese kinship terms. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-CDDB200502026.htm> (accessed: 18.03.2023).
23. Qi W.A Study of the Upper Classical Chinese Possessions. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/10335-2005119200.nh.html> (accessed: 18.03.2023).
24. Shiyun H. A study of Chinese kinship terms. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/10559-2001001889.nh.html> (accessed: 18.03.2023).
25. Siwei Y. A Comparison of English and Chinese Pronouns. 2005(06). URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-XXSF200506040.htm> (accessed 18.03.2023).
26. Ting Y. A study on the generalization of Chinese kinship appellatives. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/10126-2005152970.html> (accessed: 18.03.2023).
27. Wen P. A Preliminary Study on the Formalization of Kinship Phrases in Mandarin. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFD2001-NJSS200106016.htm> (accessed: 18.03.2023).
28. Wei W. An exploration of the changes of Chinese social appellations and their cultural connotations. *Modern Languages (Academic Synthesis)*. 2016;1:143-145. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/ChlQZXJpb2RyY2FsQ0hJTMV3UzlwMjMwMzIxehF4ZHl3LWN6YjIwMTYwMTA1NB0lYXp6ZWd5ejk%3D> (accessed: 18.03.2023).
29. Xiaoming X., Linlin C. A comparison of the classification of Chinese and English address words. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-SJDI200101008.htm> (accessed: 18.03.2023).
30. Yande J. Semantic Features of Commonly Used Relative Words in Modern Chinese URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-SJHY199401001.htm> (accessed: 18.03.2023).
31. Zhang L., Luo Y. A comparison of the deep cultural connotations of English and Chinese kinship terms. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-ENSE200205035.htm> (accessed: 18.03.2023).

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Рецензия

УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.24>

МНОГОЛИКИЙ ДОКТОР ДЖОНСОН

(Рецензия на монографию Т. А. Косых «Сэмюэл Джонсон и его эпоха: Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 292 с.)

Владимир Станиславович Еремин

Институт всеобщей истории Российской академии наук (32а, Ленинский пр., Москва, 119334, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
ereminvst@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9232-7355>

Для цитирования: Еремин В. С. Многоликий доктор Джонсон (Рецензия на монографию Т. А. Косых «Сэмюэл Джонсон и его эпоха: Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 292 с.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 731-736. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.24>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Рецензия поступила в редакцию: 13.07.2023.

Рецензия одобрена после рецензирования: 16.08.2023.

Рецензия принята к публикации: 30.09.2023.

Review

THE MANY FACES OF DOCTOR JOHNSON

(Review of the monograph by Samuel Johnson and his Era: Britain and the World through the eyes of an 18th-century English intellectual. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022. 292 p.)

Vladimir S. Eremin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Researcher
ereminvst@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9232-7355>

For citation: Eremin V. S. The Many Faces of Doctor Johnson (Review of the monograph by Samuel Johnson and his Era: Britain and the World through the eyes of an 18th-century English intellectual. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022. 292 p.). *Humanities and law research*. 2023;10(4):731-736. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.24>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The review was submitted: 13.07.2023.

The review was approved after reviewing: 16.08.2023.

The review was accepted for publication: 30.09.2023.

Изучение жизненного пути и творческого наследия отдельных исторических персонажей имеет давнюю традицию и во многом является классическим жанром историописания. Вне зависимости от изучаемых страны и периода, историки неизменно посвящают свои работы выдающимся политикам, полководцам, промышленникам, торговцам или авантюристам. Регулярно в этот список входят деятели искусства, ученые, писатели, словом, те, кого нередко называют собирательным понятием – «интеллектуал»⁶. Обращение к различным деятелям прошлого позволяет раскрыть социально-экономические, политические, культурные процессы прошедших эпох, вывить не только жиз-

ненные перипетии отдельно взятого человека, но выйти на более широкие обобщения⁷.

В отношении некоторых личностей давно сложилась своя историография. Однако, масштаб и значение ИХ исторического наследия заставляет специалистов вновь и вновь посвящать им свои труды. К таковым относится британский публицист, литератор и лексикограф Сэмюэл Джонсон (1709 – 1784), чей творческий путь анализируется в монографии отечественного специалиста по истории Великобритании из Екатеринбурга Татьяны Анатольевны Косых [3].

Следует отметить, что фигура С. Джонсона является одной из центральных для культурной и

⁶ Определение понятие «интеллектуал» не раз вызывало дискуссии среди специалистов. О некоторых из них см.: [7].

⁷ В данной связи можно упомянуть многотомную биографию И. Сталина, написанную американским исследователем

С. Коткином. В ней автору удалось не только обратиться к фигуре вождя, но обрисовать широкий социально-политический контекст, в котором происходило становление и деятельность политика [4;5].

интеллектуальной истории Соединённого Королевства. Ему неизменно посвящают свои труды как историки, так и литературоведы, сформировав тем самым отдельное направление исследований – «Джонсоноведение» или Johnsonian's Studies. Существуют целые общества, изучающие его интеллектуальное наследие⁸.

Однако, интерес к нему шире исключительно научных изысканий. Он стал неотъемлемой частью культурно-исторической памяти британцев, как человек, сыгравший ключевую роль в оформлении английского литературного языка. В данной связи, можно вспомнить появление доктора Джонсона в третьем сезоне британского комедийного исторического телесериала BBC «Черная гадюка» («Blackadder»), где его роль исполнил известный шотландский актер Робби Колтрейн [8]. Учитывая непростой характер отношений знаменитого остроумца с каледонцами, о чем будет упомянуто ниже, происхождение артиста добавляет комедии дополнительный иронический оттенок.

Исследование Т. А. Косых, выполненное в русле интеллектуальной истории, не просто анализирует жизненный и творческий путь английского лексикографа XVIII в., но вписывает их в идейный и социально-политический контексты георгианской Британии. XVIII столетие стало для Соединенного Королевства особым временем: Уния 1707 г. окончательно объединившая Англию и Шотландию в единое государство, воцарение новой Ганноверской династии, последовавшая за этим череда Якобитских восстаний (1715 – 1716, 1745 г.), война за независимость США (1775 – 1783), начало промышленного переворота, противостояние с Францией в Европе и за ее пределами, вылившееся во «Вторую Столетнюю войну» и т.д. Многие из этих событий выпали на жизнь главного героя книги, а некоторые, как, например, борьба с колонистами в Северной Америке, нашли непосредственное отражение в его публицистической деятельности. В этом смысле, обращение к судьбе и наследию такой титанической фигуры, как С. Джонсон, позволяет рассмотреть эпоху с различных ракурсов, а некоторые, даже, казалось бы, самые малозначительные эпизоды из его жизни, позволяют выйти на более широкие проблемы.

Исследовательница обращается к самым разным сюжетам: биографии, творческой карьере С. Джонсона как литератора и публициста, подготовке и изданию его opus magnum – «Словаря английского языка», восприятию кельтских «окраин» Соединённого Королевства и воззрениям на судьбу Британской империи, политическим процессам, взаимоотношениям с европейскими сосе-

дями и бывшими североамериканскими колониями, образам Востока в трудах «литературного диктатора» и пр. Опора на широкую источниковую базу, включающей помимо текстов главного героя, работы его современников и первых биографов, позволяет основательно проанализировать столь широкий круг вопросов.

Любопытным источником оказался и перечень книг из личной библиотеки доктора Джонсона, выставленных на продажу после его смерти [3, с. 45–54.]. Как отмечает Т. А. Косых, несмотря на небрежность формирования каталожного списка [3, с. 46.], из имеющихся в нем наименований можно сделать вывод о весьма широком кругозоре владельца. В его личной коллекции нашлось место не только художественной и религиозной литературе, но и сочинениям античных классиков, а также трудам по истории, математике, философии и пр. [3, с. 54].

Жизненный путь С. Джонсона, едва ли можно назвать тривиальным. «Литературный диктатор», как позже прозвали выдающегося лексикографа современники [3, с. 44], родился 7 (18) сентября 1709 г. в семье книготорговца и шерифа города Личфилда Майкла Джонсона и его жены Сары [3, с. 25.]. Беспорядочное чтение в книжной лавке отца, вкупе с обучением в грамматической школе родного города и незаконченным образованием в Пемброк-колледже Оксфорда составили интеллектуальную базу литератора. Отсутствие средств, чтобы завершить университетское образование, вынудило С. Джонсона сначала попробовать себя на педагогическом поприще, а затем уже взяться за перо.

Начало литературной карьеры С. Джонсона было связано с переездом на непродолжительное время в Бирмингем в 1733 г., после смерти отца. Здесь вышел в свет его первый литературный труд – перевод «Путешествия в Абиссинию» португальского иезуита-миссионера XVII в. Иеронима Лобо [3, с. 27, 231–232.]. Во многом это стало возможно благодаря его старому школьному другу Эдмунду Гектору и местному книготорговцу Томасу Уоррену. Примечательно, что с середины столетия один из главных центров промышленной революции станет столицей так называемого Мидлендского Просвещения⁹, частью которого будет и Личфилд. Позже, в 1776 г., С. Джонсон скажет своему биографу Джеймсу Босуэллу: «Сэр, мы город (Личфилд – прим. В.Е.) философов. Мы работаем головой, и заставляем бирмингемских олухов работать на нас своими руками» [19, р.67]. Правда, к этому моменту, в городе «олугов» уже развивали свою деятельность не только заводчики, но и интеллектуалы самого разного толка, а в научном

⁸ Подобные общества есть как в родном городе С. Джонсона – Личфилде [16], так и в столице Соединенного Королевства [17].

⁹ Среди современных специалистов, уже давно стало общим местом делить эпоху Просвещения на национальные течения и локальные варианты. Об этом см.: [15]. В литературе также можно

встретить исследования и дискуссии о более мелких региональных просветительских течениях. Например, см.: [18; 9]. О феномене Мидлендского, или Бирмингемского Просвещения и его связи с индустриальной революцией см.: [10]. О роли научной мысли и интеллектуальной атмосферы в Британии эпохи Просвещения в начале промышленного переворота см.: [6].

Лунном обществе Бирмингема (1765–1813), состояли Джеймс Уатт, Джозайя Уэджвуд, Джон Уайтхёрст, Эразм Дарвин и другие видные изобретатели, учёные и мыслители эпохи [13]. Короткий «бирмингемский период», который случился за несколько десятилетий до культурного, научного и экономического расцвета города – любопытный факт в биографии лексикографа, который дает возможность порассуждать об особенностях культурной и интеллектуальной истории Британии эпохи Просвещения и шире – всего XVIII в.

Однако, по-настоящему талант литературного «диктатора» раскрылся в Лондоне, где по приезду в 1737 г. никому неизвестный провинциал нашел себя среди «чердачных поэтов» – литературных поденщиков, вынужденных перебиваться случайными заработками в надежде обрести славу и признание [3, с. 28–29].

Но, С. Джонсону повезло. Здесь он начал писать для новаторского журнала «The Gentleman's Magazine», отличавшийся широким тематическим разнообразием. Чтобы свести концы с концами литератор берется за переводы иностранных авторов, сочиняет стихи и поэмы, пишет эссе на политические темы и биографии, сотрудничает с разными издателями [3, с. 29–30, 32.]. Начиная публицист участвует и в довольно необычных проектах. В 1740-х гг. ему довелось поработать вместе с антикваром Уильямом Одисом над составлением каталога библиотеки Роберта и Эдварда Харли, графов Оксфордских, которую приобрел после смерти хозяев книготорговец и издатель Томас Осборн [3, с. 31–32.].

Уже в 1750-е гг. он закончит работу над пьесой «Ирэн» [3, с. 31–32.] и начнет цикл эссе под общим названием «Rambler», а в 1758 г. им будет запущена еще одна публицистическая серия под новым названием «The Idler». Помимо этого, в 1756–1758 гг. он занимал место редактора журнала «The Literary Magazine» [3, с. 37]. Все эти начинания свидетельствуют не только о невероятной работоспособности и амбициях самого автора, но и о бурной интел-лектуальной жизни британской столицы эпохи Просвещения.

В 1746 г. был заключен контракт с тремя крупными издателями на подготовку главного труда всей жизни С. Джонсона – «Словаря английского языка». Вышедшее в свет в 1755 г. первое издание принесло славу и почет автору, став выдающимся достижением своего времени. Именно с ним, во многом, ассоциируется имя «литературного диктатора» Англии. Как наглядно демонстрирует автор монографии, подобный источник можно рассматривать с различных точек зрения. В нем фиксируются особенности развития языка, значения слов, которые вкладывают в них современники, лингвистические, политические и шире мировоззренческие представления конкретного автора. С этой точки зрения главный труд английского лексикографа дает возможность взглянуть на специфику формирования и социально-политического разви-

тия Британской империи, процессы нациестроительства в Соединенном Королевстве, а также зафиксировать в трактовке терминов влияние международных отношений XVIII в.

Создавая свой «Словарь», С. Джонсон пытался «стандартизировать» английский язык, стараясь избегать упоминания диалектов в различных частях королевства [3, с. 114], а толкования тех или иных понятий снабжалось цитатами из английских «классиков» – У. Шекспира, Дж. Мильтона, Ф. Бэкона и др. [3, с. 108, 116]. Это было особенно важно для «приобщения к цивилизации» некоторых окраин, в частности шотландцев, с которыми у «диктатора» были сложные отношения [3, с. 112]. Как справедливо отмечает Т. А. Косых, лексикограф осознавал необходимость большего внутреннего единства страны, для чего необходимо было создать единый стандартизированный язык, имеющий наднациональное распространения, что в свою очередь также отражало британские имперские амбиции [3, с. 117]. Более того, литератор намерено избегал упоминания французского влияния, при необходимости сводя происхождения отдельных слов к латинскому [3, с. 114, 117], что укладывалось в логику длительного противостояния Лондона и Парижа на протяжении XVIII в. Все это отличало труд Джонсона от подобных работ его предшественников и современников.

Не только целые словари, но и отдельные слова также могли иметь политическую подоплеку и становится поводом для ожесточенных споров. С. Джонсон известен афоризмом: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Эту крылатую фразу толкуют по-разному, зачастую искажая изначальный смысл. Для лексикографа патриотизм – прежде всего любовь к своей родине [3, с. 99]. Казалось бы, тут все просто. Однако, здесь важны смысловые нюансы. В 1760–1770 гг. вокруг понимания того, кто же такой патриот разогрелись нешуточные дебаты, которые были связаны с внутри- и внешнеполитической обстановкой, а результатом стала целая памфлетная война [3, с. 91].

Прослеживая эволюцию значений, которую вкладывали различные британские публицисты в понятие патриотизм, Т. А. Косых указывает, что основная линия противоречий пролегла между трактовкой данного термина у С. Джонсона и одного из первых представителей радикальной политической мысли Джона Уилкса. Последний полагал, что истинный патриотизм основан на защите «древней конституции» Англии и сохранении «естественных» прав ее населения, а если король и правительство попирают их, то, следовательно, нужно занимать по отношению к ним оппозиционную сторону. По его мнению, Георг III (из «иностранный» Ганноверской династии) и кабинет шотландца Джона Стюарта, 3-го графа Бьюта, заключили по итогам Семилетней войны 1756 – 1763 гг. непатриотичный Парижский договор, зафиксировавший ряд уступок со стороны Британии. Это

воспринималось как ущемление прав избранного английского народа [3, с. 92–93]. Для С. Джонсона подобные Дж. Уилксу «патриоты» являются «мнимыми». Они используют понятие в своих личных корыстных политических целях и в действительности их не заботит благо своей страны [3, с. 97–98]. Примечательно, что вскоре слово патриот снова получит дополнительные коннотации в связи с началом Войны за независимость Североамериканских колоний [3, с. 99].

Восстание американских колонистов против Британской Короны спровоцировало бурную дискуссию среди политиков и публицистов Соединенного Королевства. Споры были настолько остры, что развели бывших до того момента друзьями Э. Берка и С. Джонсона по разные стороны баррикад. Будущий идеолог консерватизма видел в составших отдельный народ и выступал за мягкие меры по отношению к ним [3, с. 203]. Позиция его оппонента была значительно жестче. Примечательно, что для Самюэля Джонсона его заокеанские соотечественники были не просто мятежниками, а угнетателями туземного населения, жестокими рабовладельцами, большинство из которых – потомки бродяг и преступников, скрывшихся от правосудия за океаном [3, с. 205]. Их потенциальные депутаты в Британский парламент ничего кроме смуты и крамолы принести не смогут [3, с. 204].

Впрочем, отношение к «Другим» было у С. Джонсона непростым. В его публицистических текстах, европейские соседи – испанцы и французы – нередко наделялись негативными чертами, чему способствовали многочисленные конфликты с ними, а также поддержка мятежников в Северной Америке. Жители Пиренеев в его представлении оказывались жестокими и порочными колонизаторами [3, с. 218], с которыми, вдобавок, пришлось воевать за отдаленные Фолклендские острова [3, с. 216–217].

Отношение к французам было сложнее. Как отмечает, исследовательница до середины 1740-х гг. знаменитый остров был подвержен французскому влиянию, как и многие другие его соотечественники [3, с. 219]. Но, обострение англо-французских противоречий на международной арене, вкупе с достижениями британских интеллектуалов способствовали смене настроений. Эти перемены находят отражение не только в «Словаре» С. Джонсона [3, с. 221]. Путевых заметки о посещении литератором Франции в 1775 г. в компании семейства миссис Трейл фиксируют довольно сдержанные эмоции от увиденного на континенте [3, с. 225–228].

Следует отметить, что продолжительная карьера публициста позволяет зафиксировать трансформацию не только его собственных воззрений на различные проблемы и процессы, но и британского общественного мнения вообще. Это касается образов Востока, к которым нередко обращались литераторы эпохи Просвещения. Описания стран Азии и Африки на страницах романов,

периодики и в пьесах позволяли не только развлечь читающую публику, но и порассуждать о самой европейской цивилизации, ее характерных чертах и пределах. В этом отношении С. Джонсон не исключение. Как отметит автор монографии, его описание Абиссинии в повести «Истории Расселаса» сформировала образ отдаленной таинственной христианской страны в Африке [3, с. 236], с которым контрастируют изображения деспотического мусульманского Востока [3, с. 242, 245], вторящих расхожим представлениям своего времени. Интерес к Индии, ее языкам, особенностям повседневной жизни, сочетался с неприятием жестоких мер Ост-Индской компании по отношению к туземному населению [3, с. 254–255]. Идеализация Китая и его уклада в начале литературной карьеры лексикографа, шедшая в общем русле с увлечения англичан китайской культурой [3, с. 259–260], в конечном счете на склоне лет сменилась восприятием Поднебесной как страны в целом варварской [3, с. 261].

Однако, оппозиция «свой»/«чужой» может иметь место и в рамках одной страны. И на внутреннем «Другого» у С. Джонсона были разные взгляды. В данном случае речь идет прежде всего о кельтских «окраинах» – Ирландии, Уэльсе и Шотландии. На территориях двух последних публицисту удалось побывать лично. Движимый интересом к местной культуре, истории и литературе, он пытался зафиксировать отличия локальных обществ от английского. Где-то, как, к примеру, в Уэльсе, сильную разницу разглядеть не удалось [3, с. 185]. Очевидно, этому поспособствовали долгое проживание бок о бок в едином королевстве, а также успешная ассимиляция валлийской аристократии [3, с. 194].

Иная картина обнаруживается во взглядах на Ирландию, чья культура и история вызывает у литератора нескрываемое восхищение [3, с. 194]. Более того, со многим политиками и интеллектуалами с «Изумрудного острова» он водил дружбу [3, с. 192] и в отличие от большинства своих современников был возмущен дискриминацией ирландских католиков [3, с. 192]. При этом, автор подчеркивает, что сам лексикограф считал подлинно кельтскими «окраинами» Ирландию и Уэльс [3, с. 194].

Гораздо сложнее отношения были с шотландцами. На собственные впечатления доктора Джонсона от поездки на север Соединенного Королевства, накладывались дискуссии с представителями шотландского Просвещения, споры вокруг подлинности поэм Оссиана, а также факт череды якобитских восстаний. Т. А. Косых подчеркивает, что в путевых заметках «Путешествие по западным островам Шотландии», опубликованных в 1775 г. [11], публицист при всем своем интересе к укладу жизни хайлендеров, оценивает их в целом как людей лишь только вставших на путь цивилизации, под которой подразумевается «англизация» [3, с. 182.]. При этом вояж выпал на время не только умиротворения края, но и период серьезных

трансформаций клановой системы в Хайленде [3, с. 176], вызванных модернизационными процессами и усилившейся англо-шотландской интеграции [1, с. 347–348]. XVIII в. оказался для Шотландии временем перемен, когда уходили в прошлое старые реалии и для выходцев из Каледонии открывались новые возможности в экономической, политической и военной сферах [1, с. 329–352, 408–409]. Исследовательница подчеркивает, что нежелание англичан видеть в северных соседях себе равных проявлялось у литературного диктатора и в отношении к поэмам Оссиана как к мистификации Дж. Макферсона [3, с. 170–171], и в неприятии радикализма пресвитерианской церкви [3, с. 162], и в отрицании воззрений на религию и исторический процесс выдающегося философа Д. Юма [3, с. 129, 161]. При всем при этом главным биографом и создателем «джонсоновского» мифа стал никто иной как шотландец Дж. Босуэлл [2].

Анализируя взгляды на историю Англии самого С. Джонсона, Т. А. Косых указывает его близость к консервативному политическому лагерю, подчёркивая влияние на него антикварной традиции [3, с. 145]. В трудах лескигографа нашли отражение главные исторические мифы XVIII в. – о золотом веке Елизаветы I Тюдор, непреходящем гении У. Шекспира и пр. [3, с. 136].

Подобный взгляд, а также споры с шотландскими просветителями невольно вызывают вопросы о месте самого доктора Джонсона в эпохе Просвещения, как и вклад самой Англии в этот интеллектуальный процесс. Английских мыслителей порой бывает трудно разглядеть за ярким блеском титанов из Каледонии – А. Смита, Д. Юма, У. Робертсона, Г. Хоума и др. Им не были присущи опасное вольнодумство, отчаянная борьба с клери-

кальным обскурантизмом и вопиющими пережитками Старого порядка, ставшими визитной карточкой французских интеллектуалов XVIII в. Как отмечает британский историк Питер Джонс среди англичан «не хватало интеллектуальных крестоносцев, публично участвующих в борьбе против церковного истеблишмента и государства Старого порядка» [10, р. 5–6]. Однако, отсутствие прирожденных борцов за светлое и рациональное будущее для всего человечества не умаляет насыщенной и плодотворной интеллектуальной жизни. Более того, в Англии обнаруживают себя своеобразные внутренние просветительские течения, вроде упомянутого выше Мидлендского Просвещения. Активная творческая деятельность, дискуссии со современниками по самым разным вопросам позволяют вписать доктора Джонсона в число выдающихся интеллектуалов своего времени. Да и критическая позиция литератора по отношению ко многим общественным вопросам не делает его закоренелым ретроградом, враждебно настроенным к окружающим. Он был вовсе не чужд филантропии. Так, в 1752 г., после смерти жены Элизабет «Тэтти» Джонсон, в доме безутешного вдовца появился чернокожий мальчик-слуга Френсис Барбер, который при содействии своего хозяина смог научиться читать и писать. Также в его лондонском доме нашли кров слепая валлийская поэтесса Анна Уильям и старый знакомый литератора – доктор Роберт Левет¹⁰ [3, с. 36–37].

Как убедительно показала в своей монографии Т.А. Косых, жизненный путь мыслителя дает возможность исследователю через его интеллектуальное наследие взглянуть на ключевые проблемы и вопросы, составляющие нерв эпохи, не забыв при этом рассказать историю о человеке и его идеях.

Литература

1. Апрыщенко В. Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. 720 с.
2. Босуэлл Дж. Жизнь Сэмюэля Джонсона. М.: Текст, 2003. 192 с.
3. Косых Т. А. Сэмюэл Джонсон и его эпоха: Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та., 2022. 292 с.
4. Коткин С. Сталин. В 3-х т. Т. 1: Парадоксы власти. 1878–1928. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 720 с.
5. Коткин С. Сталин. В 3-х т. Т. 1: Парадоксы власти. 1878–1928. В 2-х кн. Кн. 2. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 696 с.
6. Мокир Дж. Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 792 с.
7. Фадеева Л. А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 108–138.
8. Blackadder the Third. TV Series // IMDB URL: https://www.imdb.com/title/tt0526724/?ref=tt_cl_eps_sm_1 (дата обращения: 31.10.2023);
9. Bruton R. N. The Shropshire Enlightenment: a regional study of intellectual activity in the late eighteenth and early nineteenth centuries: thesis. Birmingham, 2015. 356 p.
10. Jones P. M. Industrial Enlightenment: Science, Technology, and Culture in Birmingham and the West Midlands, 1760–1820. Manchester: Manchester University Press, 2008. 260 p.
11. Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland. Dublin: printed for J. Williams, 1775. 268 p.
12. Johnston F. Samuel Johnson and Robert Levett // The Modern Language Review. Vol. 97. 2002. No. 1. P. 26–35.
13. Schofield R. E. The Lunar Society of Birmingham: A Social History of Provincial Science and Industry in Eighteenth-Century England. Oxford: Clarendon Press, 1963. 491 p.
14. Seccombe Th. Levett, Robert (1702?–1782) // Dictionary of National Biography / Ed. by S. Lee. Vol. 33. Leighton – Lluelyn. L.: Smith, Elder, & Co, 1893. P. 154–155.
15. The Enlightenment in National Context / Ed. by R.S. Porter, M. Teich. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 275 p.
16. The Johnson Society (Lichfield). URL: <https://johnsonnew.wordpress.com/about-us/> (дата обращения: 31.10.2023).

¹⁰ После кончины друга С. Джонсон даже напишет стихотворение в 1783 г. «На смерть доктора Роберта Левета». О докторе Р. Левете и этом произведении см. [14; 12].

17. The Johnson Society of London. URL: <https://www.johnsonsofondon.org> (дата обращения: 31.10.2023).
18. Trinder B. Was there a Shropshire Enlightenment? // History West Midlands. Vol. 1. 2013. №1. P. 26–29.
19. Uglow J. The Lunar Men: The Inventors of the Modern World 1730-1810. London: Faber and Faber, 2010. 1137 p.

References

1. Apryshchenko V. Y. Scotland in Modern Era: in Search of Identities. St. Petersburg: Aleteya; 2016. 720 p. (In Russ.).
2. Boswell J. The Life of Samuel Johnson. Moscow: Text; 2003. 192 p. (In Russ.).
3. Kosykh T. A. Samuel Johnson and his Era: Britain and the World through the eyes of an 18th-century English intellectual. Ekaterinburg: Ural University Publishing House; 2022. 292 p. (In Russ.).
4. Kotkin S. Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928. Vol. 1. Book 1. Moscow: Gaidar Institute Press; 2022. 720 p. (In Russ.).
5. Kotkin S. Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928. Vol. 1. Book 2. Moscow: Gaidar Institute Press; 2022. 696 p. (In Russ.).
6. Mokyr J. The Enlightened Economy: Britain and the Industrial Revolution 1700-1850. Moscow: Gaidar Institute Press; 2017. 792 p. (In Russ.).
7. Fadeeva L. A. Discussions on intellectuals in the context of the Western political history. *Dialogue with Time*. 2012;41:108-138. (In Russ.).
8. Blackadder the Third. TV Series. IMDB URL: https://www.imdb.com/title/tt0526724/?ref_=tt_cl_eps_sm_1 (accessed: 31.10.2023).
9. Bruton R. N. The Shropshire Enlightenment: a regional study of intellectual activity in the late eighteenth and early nineteenth centuries: thesis. Birmingham; 2015. 356 p.
10. Jones P. M. Industrial Enlightenment: Science, Technology, and Culture in Birmingham and the West Midlands, 1760–1820. Manchester: Manchester University Press; 2008. 260 p.
11. Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland. Dublin: printed for J. Williams; 1775. 268 p.
12. Johnston F. Samuel Johnson and Robert Levet. *The Modern Language Review*. 2002;97(1):26-35.
13. Schofield R. E. The Lunar Society of Birmingham: A Social History of Provincial Science and Industry in Eighteenth-Century England. Oxford: Clarendon Press; 1963. 491 p.
14. Seccombe Th. Levett, Robert (1702?–1782). *Dictionary of National Biography*. Ed. by S. Lee. Vol. 33. Leighton – Lluelyn. L.: Smith, Elder, & Co; 1893. P. 154-155.
15. The Enlightenment in National Context. Ed. by R. S. Porter, M. Teich. Cambridge: Cambridge University Press; 1981. 275 p.
16. The Johnson Society (Lichfield). URL: <https://johnsonnew.wordpress.com/about-us/> (accessed: 31.10.2023).
17. The Johnson Society of London. URL: <https://www.johnsonsofondon.org> (accessed: 31.10.2023).
18. Trinder B. Was there a Shropshire Enlightenment? // History West Midlands. Vol. 1. 2013. No 1. P. 26–29.
19. Uglow J. The Lunar Men: The Inventors of the Modern World 1730-1810. London: Faber and Faber; 2010. 1137 p.

ЮБИЛЕИ / ANNIVERSARY

**АРХЕОЛОГ, ПЕДАГОГ, НАСТАВНИК:
К 80-ЛЕТИЮ АНАТОЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА НАЙДЕНКО**
Виталий Александрович Бабенко¹, Марина Евгеньевна Колесникова²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Старший преподаватель
viababenko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3046-9582>

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующая кафедрой
mkolesnikova@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2896-7753>

**ARCHAEOLOGIST, TEACHER, MENTOR:
TO THE 80TH ANNIVERSARY OF ANATOLY VASILIEVICH NAIDENKO**
Vitalii A. Babenko¹, Marina E. Kolesnikova²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Senior Lecturer
viababenko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3046-9582>

² North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Director of Humanities Institute, Head of Department
mkolesnikova@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2896-7753>

В развитии археологических исследований на Ставрополье и становлении ставропольской археологической школы важную роль сыграл Анатолий Васильевич Найденко, который в 2023 г. отметил свой 80-летний юбилей. В течение сорока лет А. В. Найденко преподавал в Ставропольском государственном педагогическом институте (СГПИ, с 1996 г. – Ставропольский государственный университет) (ныне – Северо-Кавказский федеральный университет), подготовил несколько поколений историков и археологов.

Найденко Анатолий Васильевич родился 18 июня 1943 г. в городе Ставрополе, в семье служащих, коренных ставропольчан. С детства любил

русскую классическую литературу, увлекался историей. Учился в средней школе № 3 г. Ставрополя, затем окончил Ставропольский строительный техникум, несколько лет работал в строительных организациях в Ставрополе и Дербенте Дагестанской АССР. Природные наклонности к гуманитарным наукам, семейная атмосфера и интерес к истории и археологии привели его в 1966 г. на отделение истории историко-филологического факультета СГПИ, который он с отличием закончил в 1970 г.

На формирование личности будущего ученого оказали влияние известные специалисты по отечественной истории и археологии, которые в то время

работали в Ставропольском пединституте – профессор В. А. Романовский, доценты Т. М. Минаева, Т. И. Беликов и многие другие. Склонность к исследовательской деятельности проявлялось у Анатолия Васильевича во многом под влиянием Т. М. Минаевой, археолога с мировым именем. В студенческие годы он интересовался русской средневековой историей и археологией Кавказа. В летнее время постоянно участвовал в археологических экспедициях под руководством Татьяны Максимовны.

После окончания института, А. В. Найденко был рекомендован в аспирантуру, специализировался по археологии. В течении ряда лет работал научным сотрудником Ставропольского краевого музея (ныне – Ставропольский государственный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве). В 1970 – 1971 гг. участвовал в ряде археологических экспедиций, проводил охранные археологические раскопки в районе станицы Исправной Зеленчукского района Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. В 1972 г. по результатам исследований в «Археологических открытиях 1971 г.» была опубликована его статья «Раскопки в окрестностях станицы Исправной», а в 1973 г. в материалах «Годичной сессии Института Археологии АН СССР в 1972 г.» вышли его тезисы «Средневековые производственные сооружения на территории могильника скифского времени у станицы Исправной». В 1972 г. он проводил раскопки восьми курганов у с. Китаевское Новоселицкого района. В ходе раскопок были исследованы интересные погребения эпохи бронзы, раннего железного века и позднего средневековья. Результаты исследований были опубликованы в совместной статье с В. А. Коренько «Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке» в журнале «Советская археология».

В 1972 г. А.В. Найденко был приглашен внештатным сотрудником на кафедру истории СССР СГПИ, для проведения занятий по археологии и руководства археологической практикой студентов. С 1974 г. он стал штатным сотрудником кафедры, сначала ассистентом, старшим преподавателем, с 1991 г. – доцентом. Читал на историческом факультете лекционные курсы и вел семинарские занятия по истории России с древнейших времен до начала ХVП в., истории России в контексте мировых цивилизаций с древнейших времен до ХIХ в. (с 1993 г. в магистратуре), археологии СССР (России), вспомогательным историческим дисциплинам, источниковедению Отечественной истории (средневекового периода). Анатолий Васильевич всегда много внимания уделял индивидуальной работе со студентами, руководил кружками по истории России, Археологическим кружком. Являлся научным руководителем курсовых и дипломных работ. Под руководством А.В. Найденко студенты готовили научные работы, которые направляли на смотры и конкурсы научных студенческих работ, неизменно занимая призовые места и получая награды ведущих университетов страны и министерства. Многие из его учеников свои первые шаги в науку совершили

под его руководством, выступая на научных студенческих конференциях.

Он активно совмещал педагогическую деятельность с полевыми исследованиями на территории Ставропольского края. В 1973 – 1981 гг. экспедиция Ставропольского краевого музея совместно с Кавказской экспедицией Ленинградского государственного университета под руководством А. В. Найденко и А. В. Гадло проводила раскопки Грушевского городища на окраине г. Ставрополя. В ходе раскопок была исследована цитадель городища, выявлен грунтовый могильник, найдены фрагменты родосских амфор с клеймами-штампами эпонимов и эргастериархов (28 штук), хронологически датируемыми концом IV – началом III вв. до н. э. Этими исследованиями Грушевское городище представлено как уникальный историко-археологический памятник, датирующийся VП – III вв. до н. э. Работы на данном памятнике впервые позволили предметно определить проблему о постепенном смещении на территории Предкавказья степных этносов скифского круга в эпоху раннего железного века с племенами позднекобанской культуры Северного Кавказа. Помимо этого, Грушевское городище чрезвычайно ценно как свидетельство двух с половинной тысячи лет предистории г. Ставрополя. В 1995 г. оно было включено в Перечень памятников археологии федерального значения. С 2019 г. и по сей день А. В. Найденко участвует в возобновившихся раскопках Грушевского городища.

В 1973 г. экспедиция также провела археологические разведки в долинах рек Кума и Ташла, в ходе которых было выявлено около 30 памятников раннего железного века и раннего средневековья.

В 1973 – 1974 гг. А. В. Найденко участвовал в организации экспедиции на трассе Большого Ставропольского канала, был заместителем начальника Краснознаменной экспедиции Института археологии АН СССР. В трудных условиях экспедиция проводила охранные раскопки скифского царского кургана близ села Александровского. Данные об этих раскопках, ставшие достоянием отечественной и мировой науки, опубликованы в коллективных работах и монографии руководителя экспедиции, московского археолога В. Г. Петренко в Москве, во Франции и других странах.

А. В. Найденко вел многолетние работы по изучению археологических памятников в предгорьях Северо-Западного Кавказа по Кубани и Большому Зеленчуку, а также в степях Ставрополя и всего Предкавказья. Здесь им исследовались грунтовые могильники, курганы и городища разных эпох, начиная от бронзового века и заканчивая средневековьем. Основные результаты археологических исследований были опубликованы им в сборниках по региональной истории и в центральных научных журналах «Советская археология», «Археологические открытия». Они принесли ему широкую известность как специалисту в области археологии, древней и средневековой истории Северного Кавказа.

А. В. Найдено является автором около 100 научных публикаций, в том числе – соавтором 5 монографий, обобщающих трудов по истории края: «Очерки Ставропольского края» (2 т., 1984 – 1986), «Край наш Ставрополье» (1999), «История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года: Учебное пособие» (1996), «История сел и городов Ставропольского края» (2002), а также учебного пособия «История» для гуманитарных факультетов вузов, «Энциклопедический словарь Ставропольского края» (2006) и др.

А. В. Найдено имеет звание «Почетный член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» (ВООПИиК), активно работает в Обществе более 50 лет, является членом Президиума и экспертной комиссии Ставропольского краевого отделения ВООПИиК. В сборниках серии Ставропольского краевого Совета ВООПИиК «Библиотека школьного краеведения» издавались его брошюры «Об истоках русского патриотизма», «Счастлив тот, у кого за Родину бьется сердце», «Присоединение Грузии и Осетии к России в контексте внешней политики Российского государства». Он – соавтор альманаха-двухтомника «Памятники Отечества» в серии «Вся Россия».

А. В. Найдено – участник многих международных, всероссийских, региональных конференций.

Он – один из первых участников научной конференции по археологии и древней истории Кавказа «Крупновские чтения», проводящейся с 1971 г., инициатор проведения научной конференции по археологии, этнографии, истории Кавказа «Минаевские чтения», в честь памяти выдающегося археолога, историка и педагога Т. М. Минаевой.

Отличительной чертой научной, учебно-воспитательной, просветительской деятельности А. В. Найдено всегда являлась неустанная работа по формированию у молодежи патриотических взглядов и убеждений, любви к родному краю, его истории и культуре.

За педагогическую и научную деятельность А. В. Найдено награжден Почетными грамотами Государственной Думы Ставропольского края, Губернатора Ставропольского края, Министерства образования Ставропольского края, Министерства культуры Ставропольского края, знаком Центрального Совета ВООПИиК «За активное участие в работе Общества», почетными медалями, благодарностями.

Многочисленные ученики Анатолия Васильевича помнят своего наставника, присоединяются к поздравлениям с юбилеем и желают крепкого здоровья, творческого долголетия и новых открытий.

ИНСТИТУТУ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ 80 ЛЕТ (1943 – 2023)

Ашот Агасиевич Мелконян¹, Карен Гамлетович Хачатрян²

¹ Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24/4, проспект Маршала Баграмяна, Ереван, 0019, Республика Армения)

Доктор исторических наук, профессор, Директор Института истории
melqonyanashot16@aspu.am; <https://orcid.org/0000-0002-2579-0286>

² Институт истории Национальной академии наук Армении (д. 24/4, проспект Маршала Баграмяна, Ереван, 0019, Республика Армения)

Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
karkhach@yahoo.com; <https://orcid.org/0009-0001-2895-4143>

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES, REPUBLIC OF ARMENIA (1943 – 2023)

Ashot A. Melkonyan¹, Karen G. Khachatryan²

¹ Institute of History of National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (24/4, Marshall Baghramian Avenue, Yerevan, 0019, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor, Director of Institute of History
melqonyanashot16@aspu.am; <https://orcid.org/0000-0002-2579-0286>

² Institute of History of National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (24/4, Marshall Baghramian Avenue, Yerevan, 0019, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department
karkhach@yahoo.com; <https://orcid.org/0009-0001-2895-4143>

После восстановления независимости Армении в мае 1918 г. имеющая многовековые традиции и выдающиеся достижения армянская историческая наука была поставлена на государственные рельсы, получила широкие возможности для бурного развития, которое продолжилось и в советские годы. Уже в феврале 1921 г. был создан Культурно-исторический научный институт, в 1925 г. – Институт науки и искусства Армении. Наконец, в 1933 г. был организован Институт истории и культуры Армении, преобразованный в 1935 г. в Институт истории и литературы. В 1935 г. в составе новообразованного Армянского филиала Академии Наук СССР был создан Институт истории, археологии и этнографии, к которому в 1938 г. присоединился параллельно функционировавший Институт истории и литературы. Новое научное учреждение – Институт истории и археологии, в конце 1940 г. было переименовано в Институт истории и материальной культуры.

В самый разгар Великой Отечественной войны, в ноябре 1943 г. решением правительства Армянской ССР была создана Академия наук Армянской ССР, а уже в конце ноября в ее составе – Институт истории АН Армянской ССР. Создание Академии наук и института придало новый и мощный толчок развитию отечественной науки, в том числе исторической. Основание Академии наук и института в первые годы их деятельности неразрывно связаны с именем первого президента АН Армянской ССР, выдающегося советского ученого, академика Иосифа Абгаровича Орбели, который стал и первым директором Института истории. Его заместителем по науке в 1944 – 1947 гг. являлся

М. Г. Нерсисян, с 1947 по 1953 гг. институт возглавлял А. Р. Иоаннисян, в 1953–1959 гг. – С. Т. Еремян, в 1959–1963 гг. директором института являлся А.Б. Арутюнян, в 1963–1979 гг. – Г. А. Галоян, в 1979–2002 гг. – Г. А. Аветисян. Заместителями директора по науке являлись Г.Х. Саркисян (1962–1966), В. Б. Бархударян (1966–1991), Р. Л. Азизбекян (1991–1994), А. А. Мелконян (1994–2002), Г. С. Григорян (2002–2008). С 2002 г. институт возглавляет академик НАН РА, доктор исторических наук, профессор Ашот Агасиевич Мелконян, с 2008 г. заместителем директора по науке является д.и.н., профессор Карен Гамлетович Хачатрян.

С первых же лет деятельности институт собрал коллектив выдающихся представителей армянской исторической науки и стал основным и передовым центром исторической мысли Советской Армении. Фактически началось систематизированное изучение истории армянского народа с древнейших времен по новейшее время, институт специализировался в области изучения целостной истории армянского народа.

С момента своего создания институт имел отделы древней и средневековой, новой и новейшей истории, археологии и философии, на основе последних впоследствии были созданы самостоятельные научные институты в составе Академии наук. В 1947 г. самостоятельными учреждениями стали отделы философии и истории искусств. В 1957 г. от института отделилась группа Ближнего Востока и был создан отдел востоковедения, который позже был преобразован в академический институт. В 1959 г. из института выделился отдел археологии

и этнографии, на основе которого был создан Институт археологии и этнографии. Таким образом институт стал настоящей кузницей по подготовке специалистов разных областей исторической науки.

Первым по времени был создан отдел археологии и этнографии. В авторстве заведующего отделом знаменитого советского ученого Бориса Пиотровского вышла работа «История и культура Урарту», которая была удостоена государственной премии СССР. Значительные успехи были достигнуты в области исследования истории древней и средневековой Армении. Внимание арменоведов было уделено одной из сложных и, в тоже время, важных проблем возникновения и формирования армянского народа, истории племен и племенных союзов Армянского нагорья. Специалистами было обосновано, что армяне - коренные жители Армянского нагорья, которое является их колыбелью. В центре внимания армянских историков были также исследования вопросов исторической географии и картографии древней и средневековой Армении, исследование и издание древних и средневековых первоисточников.

Институт особенное внимание уделял вопросам изучения истории армяно-русских отношений, участия армян и армянских боевых дружин на стороне Российской империи в русско-турецких и русско-персидских войнах XIX в., в годы Первой мировой войны и т.д. Институт достиг весомых успехов в деле изучения и освещения вопросов участия армянского народа в Великой Отечественной войне. В многочисленных работах сотрудников института представлены подвиги сынов армянского народа на фронтах ВОВ, боевой путь национальных армянский воинских соединений, участие армян в партизанской войне и в рядах Сопротивления, героический труд трудящихся в тылу и др.

Со второй половины 1950-х годов возрос интерес к истории Киликийского армянского государства, армянских общин и поселений. Были изданы работы, посвященные истории армянских общин России, Польши, Молдавии, Украины, других стран Европы, Ближнего Востока, Индии и т.д., участию армян в экономической и общественной жизни приютивших их стран, развитию армянской национальной культуры, социально-экономической и общественной жизни армянской диаспоры, истории организации и осуществления репатриации армян в Советскую Армению.

Исследования армянских историков советского периода были обобщены в изданном Институтом истории восьмитомнике «История армянского народа» (Ереван, 1967–1984), который был удостоен государственной премии.

Тем не менее, при советской тоталитарной системе не было широких возможностей для полного развития национальных историографий. Многие проблемы истории либо просто обходили стороной, либо исследовались односторонне и искаженно, зачастую приукрашивались, необъективно представляя исторические явления и события.

Определенную свободу получила историография в годы Перестройки. Армянские историки получили некоторую свободу в исследовании закрытых в советское время тем. Были изданы сборники документов и материалов «Геноцид армян в Османской империи», «Нагорный Карабах: Историческая справка» и др. Работы имели важное значение для правдивого представления истории Геноцида, Нагорного Карабаха (Арцах), для разоблачения искажений и открытой фальсификации истории армянского народа.

После провозглашения независимости Республики Армения в 1991 г. армянская историография пережила заметный подъем. Свой вклад в исследование основополагающих вопросов истории Армении внесли как представители старшего поколения ученых Института истории, так и молодые исследователи, вступившие на научную стезю в годы независимой государственности.

Исследования в институте велось и ведутся по следующим основным направлениям: История армянской государственности, Первой Республики Армения (1918 – 1920), Второй Республики – Советской Армении (1920 – 1991), Нагорно-Карабахской автономной области, Третьей Республики Армения (начиная с 1991 г.), Нагорно-Карабахской Республики (начиная с 1991 г.), история Армянской Апостольской церкви, армянских национально-освободительных движений, общественно-политической мысли и периодической печати, проблемы Армянского вопроса, Геноцида армян в Османской Турции, армянской диаспоры и др. Особое внимание уделяется изучению и научному изданию первоисточников

По-новому стали исследоваться и освещаться проблемы древней и средневековой истории Армении. Появились исследования о древнейших армянских государственных образованиях, об Урарту (Ванское царство), о государственности в Армении в древние и средние века, по истории Киликийского армянского царства, истории меликств и меликских домов Арцаха в XVII – XIX вв., истории армянского освободительного движения XVII – начала XX в., истории армянских традиционных политических партий и т.д. Вышли в свет исследования по истории и перипетиях Армянского вопроса, о погромах и резне, геноциду армян в Османской империи, о преступлениях турецкой политики геноцида, о геноциде ассирийцев и др. Опубликованы русские, немецкие, французские, английские и др. документы о геноциде армян.

Продолжая лучшие традиции прежнего периода, опубликованы новые исследования, касающиеся истории армянских общин и диаспоры – Москвы и Петербурга, США, скандинавских стран, Китая, Японии, республик бывшего СССР и др. Результатом исследований стало и издание трехтомников «История армянских общин», «История армянской периодической печати». Институт планомерно занимается изучением важнейшей проблемы демографических процессов в исторических областях Западной и Восточной Армении в XIX – XX вв.

Большое внимание уделено изучению истории Первой Республики Армения (1918 – 1920 гг.). Издано значительное количество ценных работ, сборников документов и материалов, в том числе – «Республика Армения. 1918–1920 гг. (политическая история)», «Нагорный Карабах в 1918–1923 гг.» и др.

По-новому, без идеологических штампов и ограничений рассмотрены многие аспекты советского периода истории Второй республики – Советской Армении и Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО). Отдельные исследования посвящены таким темам, как советизация Армении в сфере большевистско-кемалистских отношений, Армянский вопрос на Московской и Карсской советско-турецких конференциях 1921 г., территориальные потери Советской Армении и НКАО в 1920 – 1930-х гг., о репрессиях 1930-х гг. в Советской Армении, об участии армянского народа во Второй мировой и Отечественной войнах, о месте и роли Советской Армении в системе советского военно-промышленного комплекса СССР и т.д.

Изданы также работы по истории Третьей Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики (Республика Арцах). Изучены процессы в период обретения независимости Армении, вопросы общеармянского арцахского освободительного движения, фальсификации истории Армении в зарубежной историографии и др. Исследованы и исследуются многие другие основополагающие вопросы истории армянского народа, в том числе в контексте всемирной истории. Институт активно участвует также в создании школьных и вузовских учебников и пособий.

Достижения армянской исторической науки после обретения независимости обобщены в изданном Институтом истории НАН РА новом четырехтомнике (каждый том из двух книг) «История армянского народа» (2010 – 2024). В настоящее время коллектив Института ведет плодотворную работу по изданию томов на русском и английском языках.

В институте действуют следующие отделы – истории Древних и Средних веков, Новой и Новейшей истории, Периодической печати и общественно-политический мысли, Истории армянских поселений и диаспоры, Армянского вопроса и геноцида, Всеобщей истории. В институте действует Совет молодых ученых, институт издает научный журнал «Вопросы истории Армении». При Институте истории действует специализированный диссертационный совет по специальности «История Армении» (пред. А. А. Мелконян) и кафедра магистратуры Международного научно-образовательного цен-

тра НАН РА по Истории и международным отношениям и политологии (заведующий кафедрой К. Г. Хачатрян).

Многогранны международные связи и научное сотрудничество института со многими зарубежными научными центрами и организациями. Институт истории НАН РА является членом основанной в декабре 2005 г. в Москве Международной Ассоциации Институтов истории стран СНГ. Президентом Ассоциации является научный руководитель Института Всеобщей истории Российской Академии Наук, академик РАН, иностранный член НАН РА Александр Оганович Чубарьян. Институт истории на договорной основе сотрудничает с Институтом Всеобщей истории Российской АН, Институтом истории, археологии и этнографии им. Ахмада До-ниша АН Республики Таджикистан, Институтом истории государства КН МОН Республики Казахстан, Институтом истории и археологии НАН Республики Беларусь, Институтом истории, государства и права АН Республики Молдова и др.

Институт истории на научно-образовательной договорной основе тесно сотрудничает с Северо-Кавказским федеральным университетом ФГАОУ ВО Российской Федерации (СКФУ) в Ставрополе. Участвует в созданной совместными силами в 2021 г. Международной научно-исследовательской лаборатории «Центр Закавказских исследований». В ноябре–декабре 2022 г. в Ереване были подписаны соглашения о научно-образовательном сотрудничестве между Институтом истории НАН РА и Астраханским государственным университетом им. В. Н. Татищева ФГБОУ ВО Российской Федерации, Институтом истории НАН РА и Южным федеральным университетом ФГАОУ ВО Российской Федерации. В июле 2023 г. в столице Башкортостана Уфе подписано трехстороннее соглашение о сотрудничестве между Институтом истории НАН РА, Институтом этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН и представителем ФГБУ «Российская академия наук» на территории Башкортостана. Институт истории НАН РА тесно сотрудничает также с Российским историческим обществом, Музеем-заповедником «Сталинградская битва» в Волгограде Российской Федерации и др.

Институт истории НАН РА за 80 лет существования, являясь центром исторической науки Армении, своей плодотворной деятельностью выполняет особую и важную роль в изучении основополагающих проблем истории армянского народа, в развитии армянской историографии в целом.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Том 10, № 4 (2023)

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. 2023. Т. 10. № 4. 191 с.

— Свободная цена —

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка М. И. Толмачев

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 04.12.2023		
Дата выхода в свет 22.12.2023		
Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 22,55	Уч.-изд. л. 21,39
Бумага офсетная	Заказ 66	Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2